

Новомученики и исповедники Российские пред лицом богохорческой власти

*Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Свою
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора

ВЯТСКИЙ ИСПОВЕДНИК: СВЯТИТЕЛЬ ВИКТОР (ОСТРОВИДОВ)

Жизнеописание и труды

*Составитель
Л. Сикорская*

Издание второе, исправленное и дополненное

Москва
БРАТОНЕЖ
2016

УДК 27-36
ББК 86.374
B99

Редактор
И. И. Осипова

B99 **Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). Жизнеописание и труды / Сост. Л. Е. Сикорская.** — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Братонеж, 2016. — 456 с. + [32] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богооборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-1077-1

Эта книга — второе, исправленное и дополненное издание книги о епископе Викторе (Островидове), выдающемся архиереем Российской Православной Церкви XX столетия, одном из самых ярких исповедников и ревнителей Церковной свободы. Подробное жизнеописание святителя Виктора (1878–1934) значительно дополнено новыми материалами из архивных источников. Вторая часть книги также доработана: сокращено число ранних трудов будущего святителя и более полно представлены его архиерейские послания и письма. Кроме того, в приложении приведены имеющие важное значение для жизнеописания святителя недавно обнаруженные подлинники писем единомышленных ему архиереев-исповедников. При составлении книги использовались архивные материалы, в том числе документы из архивно-следственных дел 1922–1936 годов, а также воспоминания современников.

УДК 27-36
ББК 86.374

© Л. Е. Сикорская, сост., 2016

**ВЯТСКИЙ ИСПОВЕДНИК:
СВЯТИТЕЛЬ ВИКТОР (ОСТРОВИДОВ)**

Жизнеописание и труды

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*
Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *Г. В. Ревцова*

ООО «Издательство «Братонеж»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 07.06.2016. Формат 60×90¹/16.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 250 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Предисловие

Книга о святителе Викторе (Островидове) продолжает серию «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти». Напомним, что первые книги серии были посвящены мученикам и исповедникам Петроградской епархии: митрополиту Иосифу (Петровых), архиепископу Димитрию (Любимову), епископам — Сергию (Дружинину), Василию (Докторову), Илариону (Бельскому) и целому ряду петроградских клириков, монашествующих и благочестивых мирян, пострадавших от богоборцев за свою верность Христу и Его Святой Церкви. Вдохновленные примером своего архипастыря, митрополита Вениамина (Казанского), претерпевшего мученическую кончину в 1922 году, они смело встали на защиту духовной свободы Церкви, не устрашившись гонений. Заветом и руководством для них, так же как и для всей Русской Церкви, стали бессмертные слова митрополита Вениамина, занявшие подобающее место в церковном предании, наряду с посланиями древних мучеников.

«Написанные в тюрьме незадолго до расстрела поистине не чернилами, а кровью, эти слова вдохновляли всех ревнителей церковной свободы, последовавших по стопам мужественного святителя:

“Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покойен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, паstryям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, тесТЬ их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и тому подобные> спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя”¹.

Возглавляемые преемником священномученика Вениамина на Петроградской кафедре, митрополитом Иосифом (Петровых), петроградские исповедники противостояли именно той церковной политике, о гибельности которой предупреждал владыка Вениамин в своем предсмертном письме. К иосифлянам² присоединялись единомысленные им ревнители православия в других епархиях, и вскоре иосифлянское движение вышло далеко за рамки Петроградской епархии и широко распространилось по стране.

Одними из первых установили связи с петроградскими иосифлянами исповедники Вятской епархии³. Недаром в материалах следственных дел они неизменно назывались в числе первых лиц, состоящих «в контрреволюционной организации “иосифлян”, “истинно-православных”». Главную заслугу в формировании этих «контрреволюционных кадров» чекисты приписывали викарию Вятской епархии, епископу Глазовскому Виктору (Островидову).

Владыка Виктор, так же как и петроградские архиереи, в конце 1927 года выступил против гибельной церковной политики, посягающей на церковную свободу:

«Св. Церковь, которую стяжал себе Господь, Кровию Свою от мира сего (Деян. XX, 28), и которая есть Тело Его (Колос. I, 24), а для всех нас — Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, — ныне эта Святая Божия Христова Церковь приспособляется на служение интересам, не только чуждым ей, но и даже со-

¹ Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / Сост. М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская. СПб.: КИФА, 2006. С. 7–9.

² Как их стали называть по имени митрополита Иосифа.

³ «Вятская» в данном случае, как и далее в книге, употребляется в ее дореволюционных границах, когда она, как и губерния, включала в себя территорию нынешней Кировской области, большую часть Удмуртии, Марий Эл и часть Нижегородской области.

вершенно не совместимым с ее Божественностью и духовной свободою»;

«Церковь Христова по самому существу своему никогда не может быть какою-либо политическою организацией, а иначе она перестает быть Церковью Христовой, Церковью Божией, Церковью вечного <благодатного> спасения. И, если ныне через “воззвание” Церкви объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной здесь совершен и величайший грех отречения от Истины Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви»;

«Что пользы, если мы сами, содеявшиеся и называющиеся Храмом Божиим (2 Кор. IV, 16), стали непотребны и омерзительны в очах Божиих, а внешнее управление себе получили? Пусть же мы не будем иметь никакого управления, а будем скитаться, даже не имея, где главу приклонить, по образу тех, о которых некогда сказано: “скитались в овечьих и козьих кожах, терпели лишения и озлобления. Те, коих не достоин был мир, блуждали по горам и пустыням, в пещерах и ущелиях земли” (Евр. XI, 37–28). Но пусть путем таких страданий сохранятся души православных в благодати спасения, которой лишаются все, уловленные диаволом подобными внешними предлогами»⁴.

К епископу Виктору присоединились в Вятской епархии десятки приходов с их клиром и многотысячной паствой. По своему размаху это движение «викторовцев», «викториан»⁵ не уступало иосифлянскому в Петроградской епархии, и одновременно с иосифлянским оно подверглось жестоким гонениям со стороны богооборческой власти. Почти все последователи епископа Виктора, так же как и сам владыка, были репрессированы, а уцелевшие на свободе священнослужители перешли к тайному служению и на протяжении десятилетий окормляли свою верную паству⁶. Память о владыке Викторе, как святом исповеднике, сохранилась в вятских «катакомбах» до наших дней. О епископе Викторе и его знаменитых посланиях знали и в Русской Православной Церкви за границей, в 1981 году святы-

⁴ Из «Письма к ближним» епископа Виктора (Островидова) (*Польский М., протопресв. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957: М., 1992. С. 75–76.*)

⁵ Как именовались сторонники епископа Виктора в материалах следственных дел.

⁶ Об их судьбах и в целом о «викторовцах» предполагается опубликовать материалы в следующих книгах этой же серии.

тель Виктор был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских Архиерейским Собором РПЦЗ⁷.

Представляемая книга целиком посвящена святителю Виктору. Первую ее часть составляет жизнеописание святителя, составленное на основании архивных документов, воспоминаний очевидцев и трудов самого святителя. Во второй части представлены архиерейские документы, письма епископа Виктора, а также его печатные труды.

В тексте книги документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из воспоминаний и архивных документов отделяются от основного текста отступом. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно Игорю Васильевичу Ильичеву. Большая благодарность за предоставленные фотографии — игумену Дамаскину (Орловскому), Татьяне Всеволодовне Алексеевой, директору Государственного архива социально-политической истории Кировской области Елене Николаевне Чудиновских, глазовскому историку и краеведу Глебу Александровичу Кочину.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

⁷ О проблемах, связанных с прославлением епископа Виктора на юбилейном архиерейском Соборе РПЦ 2000 года, — подробно в Послесловии.

ЧАСТЬ I

Жизнеописание святителя Виктора

Начало

Будущий святитель Виктор родился 21 мая 1878 года⁸ в селе Золотое Камышинского уезда Саратовской губернии в семье простого сельского псаломщика Александра Алексеевича Островидова. Село Золотое, основанное еще в середине XVI века, было одним из старейших и самых больших сел Саратовской губернии⁹. Его каменный трехпрестольный Свято-Троицкий храм, выстроенный тщанием прихожан в 1834 году, по красоте, росписи и утвари превосходил многие

⁸ Примечательно, что до недавнего времени считалось, что епископ Виктор родился в 1875 году. Это объясняется тем, что именно этот год указан в следственных делах владыки Виктора 1920–1930-х годов — в анкетах арестованного, заполненных с его слов. Однако клировые ведомости Троицкого храма села Золотое и документы фонда Казанской духовной академии, в частности аттестат воспитанника духовной семинарии и диплом об окончании духовной академии, свидетельствуют, что владыка Виктор был все-таки на три года младше (Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 10435. Л. 264, 262).

⁹ В 1860 году там имелось: 430 дворов, 3389 жителей, училище, 2 ярмарки, пристань. Жители занимались хлебопашеством, рыбной ловлей, торговали хлебом. К 1895 году в селе было два храма, две церковно-приходские школы, две земские школы, библиотека, читальня, больница, ветеринарный пункт и почтовое отделение.

соборы губернского Саратова и имел общероссийскую историко-архитектурную ценность¹⁰. В этом замечательном храме и служил отец святителя Виктора.

Причт храма жалованья не получал и должен был содержаться за счет прихожан, каковыми числились почти все жители Золотого (второй храм в селе, Покровский, был приписан к Троицкому приходу). Возможно, в начале XIX века этого было более чем достаточно, если прихожане не только содержали храм, но и возвели на свои средства столь монументальное каменное здание. Однако с годами средства на содержание причта и храма стали заметно уменьшаться¹¹. Так, в клировых ведомостях о Троицкой церкви села Золотое за 1896 год указывалось: «На содержание причта жалованья ниоткуда не положено, а содержит он даянием прихожан за требоисправление. Содержание причта неудовлетворительное»¹².

В таких условиях всем церковнослужителям приходилось, помимо своих богослужебных обязанностей, заниматься земледельческим трудом для того, чтобы прокормить свои многодетные семьи. Так и псаломщик Александр Алексеевич Островидов с супругой Анной Ивановной должны были трудиться в поте лица. И детей своих они с малолетства приучали к крестьянскому труду. В будущем этот навык весьма пригодился святителю Виктору, особенно при настоятельстве в Свято-Троицком Зеленецком монастыре в 1909–1918 годах, где хорошо наложенная им хозяйственная

¹⁰ Храм сохранился, в 1989 году был передан Московской патриархии, ныне там хранится частица нетленных мощей священноисповедника Виктора (Островидова).

¹¹ И очевидно, не из-за уменьшения и обеднения прихожан, так как село процветало, а население столь стремительно увеличивалось, что в начале XX века в Саратове ставили вопрос о присвоении Золотому статуса города.

¹² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 4652. Л. 1.

жизнь продолжала сохраняться даже в первые годы после революции.

Владыка Виктор никогда не стеснялся своего незнатного, крестьянского происхождения, напротив, даже как бы подчеркивал его. «Лично я вырос среди простого народа, сын дьячка, и всю свою жизнь провел среди простого народа», — писал он в 1928 году. Однако эта слитность с народом была важна для владыки не сама по себе, не из-за труда и быта, а из-за крепкой веры, являющейся неотъемлемой и самой существенной чертой русского народа. Несмотря на то, что к началу XX столетия эта вера была уже серьезно подорвана десятилетиями разрушительной пропаганды лжеучений, в массе народной все же оставалось еще немало ее живых носителей, этих незримых для мира духовных светочей и смиренных молитвенников.

По-видимому, таковыми были и родители будущего святителя, которые воспитали своих детей в вере и благочестии. С ранних лет они прививали им любовь к молитве и церковным службам. Дети росли при храме и в храме с его богослужебным ритмом, по которому строилась вся жизнь семьи. Здесь закладывались первые начатки мировоззрения, здесь постигались и первые азы грамоты: как многие поколения русских людей, дети учились читать по богослужебным книгам. Подрастая, ходили со старшими на поклонение святыням. Владыка Виктор вспоминал, как с родителями бывал в Соловецком монастыре. Вероятно, они совершали паломничества и по другим местам, но при столь большой семье вряд ли могли делать это часто.

У Островидовых было семеро детей: две дочери и пять сыновей¹³. Будущий святитель Виктор был вто-

¹³ Согласно клировым ведомостям Троицкой церкви за 1896 год: старший — Сергей, родился в 1874, Константин — в 1878, Мария — в 1882, Александр — в 1884, Лидия — в 1886, Вене-

рым ребенком в семье, в крещении он получил имя Константин, очевидно, в честь св. равноапостольного царя, в день памяти которого родился. Крестили его, конечно же, в Свято-Троицком храме, где служил отец. Александр Алексеевич Островидов умер довольно рано, но дожил до знаменательного события в жизни сына — принятия им монашества и священного сана после окончания духовной академии. Незадолго до кончины он успел навестить иеромонаха Виктора во вновь учреждаемой обители и помочь на службах. Мать святителя Виктора после кончины мужа оставалась с младшими детьми в Золотом, потом, по-видимому, жила в семье старшей дочери Марии¹⁴. Известно, что в конце 1932 года она еще была жива¹⁵.

До десятилетнего возраста Константин пребывал под родительским кровом, а затем прошел обычный в то время для детей церковного клира курс: четырехлетнее обучение — в уездном Камышинском духовном училище, куда поступил после окончания приготовительного класса в 1889 году, а затем шестилетнее — в Саратовской духовной семинарии с 1893 по 1899 год.

Надо отметить, что в то время вся система духовного образования, и особенно среднего, переживала кризис. Охвативший всю Россию необратимый процесс оскудения благочестия и падения нравов не мог не отразиться и на семинариях. Материалистическим и прочим разрушительным идеям, распространявшимся в обществе, не была противопоставлена серьез-

дикт — в 1889, Николай — в 1892 (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4652. Л. 5 об.).

¹⁴ Мария Александровна была замужем за диаконом Саратовской епархии, Александром Вавиловым, к 1922 году его не было в живых, а она со своими детьми проживала в Камышине.

¹⁵ В 1932 году в анкете владыка Виктор упоминал мать, восьми-десяти лет, проживавшую в Камышине.

ная научно-богословская апологетика. Увлеченные модными учениями молодые умы не находили удовлетворения в шаблонных ответах преподавателей, которые порой и сами были подвержены модным веяниям. Либеральные и революционные идеи все больше проникали в семинарскую среду, из которой вышло немало самых рьяных революционеров.

В этом отношении Саратовская семинария не только не была исключением, но, напротив, отличалась своим либерализмом или скорее нигилизмом и свободой нравов. Как и повсюду, среди ее воспитанников отмечалось так называемое «неблагоповедение», которое выражалось не просто в нарушении дисциплины, но в повальном пьянстве и моральном падении. Примечательно, что в год окончания Константина Саратовской семинарии здесь была проведена очередная ревизия, давшая такие неутешительные результаты, что последовал указ из Синода, в котором было предписано «принять строгие меры против нетрезвости воспитанников, и упорных в сем покое учеников увольнять из семинарии»¹⁶.

Трудно представить, как в такой обстановке могла идти речь о серьезной учебе и тем более о подготовке юношей к будущему церковно-пастырскому служению (что являлось главной задачей семинарий, как это было обозначено в их Уставе). Удивительно, как при этом из семинарий все же выходили не только атеисты и революционеры, но и ревностные христиане, настоящие подвижники Русской Церкви. Очевидно, что глубокая вера и крепкие моральные устои, заложенные в детстве простыми сельскими служителями, подобно родителям Константина Островидова, помогали юношам не только устоять во враждебном для Церкви мире, но и, преодолев соблазны молодости, в

¹⁶ Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Научная книга, 2006. С. 159.

далнейшем стать достойными служителями Божьего престола и добрыми пастырями словесной паствы.

Константин поначалу не отличался особыми успехами и на протяжении пяти лет обучения в семинарии числился во втором разрядном списке. Но потом, приняв серьезное решение продолжить духовное образование, усердно взялся за учебу и шестой выпускной класс закончил уже по первому разряду, удостоившись звания «студента семинарии». Аттестат воспитанника семинарии Константина Островидова свидетельствовал об отличном поведении и успехах в науках: в отношении большей части предметов — это «очень хорошо (4)»; по обличительному Богословию, гомилетике, психологии, медицине — «отлично (5)»; по русской словесности, всеобщей гражданской истории, русской гражданской истории, церковному пению, греческому и французскому языкам — «хорошо (3)».

Получив звание «студента семинарии» и свидетельство об окончании по первому разряду, Константин имел право поступать в духовную академию. И в августе 1899 года он отправился поступать в Казанскую духовную академию.

В Казанской духовной академии. 1899–1903

Казанская духовная академия была самой младшей из четырех духовных академий Российской империи, от других академий ее отличала миссионерская направленность, обусловленная особенностью положения¹⁷. Наряду с богословским и церковно-историческим отделением, как в других академиях, в ней существовало еще два миссионерских — татарское и монгольское — для подготовки миссионеров среди азиатских народов¹⁸.

¹⁷ «Миссионерским станом» на востоке называли Казанскую академию. Сама Казань, располагавшаяся на условной границе Западной и Восточной России, была центром магометанского края. Своеобразные татарские районы с минаретами мечетей придавали восточный колорит этому в остальном типично российскому городу. Здесь, как отмечали путешественники, словно встречались Восток и Запад: «Значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы встретите их на каждом перекрестке; здесь они от беспрерывного действия друг на друга сжились, сдружились, начали и составлять нечто самобытное по характеру» (Милашевский Г. А. Старая Казань. Казань: Заман, 2005. С. 100).

¹⁸ В дополнение к основным предметам на татарском отделении изучали: 1) историю и критику ислама; 2) этнографию татар,

Константин поступал волонтером, то есть не по направлению начальства семинарии, а по собственному желанию, и ему предстояло выдержать серьезные вступительные экзамены. Поступающие должны были подать на имя ректора просьбу о приеме с приложением ряда необходимых документов. После обязательного медицинского освидетельствования они допускались к экзаменам: «проверочному устному испытанию» по догматическому богословию, общей церковной истории, русской церковной истории, одному классическому и одному из новых языков; и, кроме того, должны были дать письменные ответы на богословские и философские темы. Причем на письменные работы обращалось особое внимание, как «на одно из действительнейших средств к оценке зрелости суждений и знаний отечественного языка». По результатам экзаменов выводился средний бал, который и определял поступление в академию, а также содержание студента в ней: «Успешно выдержавшие проверочное испытание принимаются в студенты академии: лучшие на казенное содержание, а остальные — на свое»¹⁹.

киргизов, башкир, чувашей, черемисов, вотяков и мордвы; 3) историю распространения христианства среди этих народов; 4) арабский и татарский языки с общим филологическим обзором языков и наречий названных народов. В программу монгольского отделения входили: 1) история и критика ламаизма; 2) этнографии монголов, бурят, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков и других; 3) история распространения христианства среди названных народов; 4) монгольский язык с диалектами и общий филологический обзор языков и диалектов.

¹⁹ «Своекоштные студенты допускаются в академию только в качестве пансионеров и живут в здании академии, подчиняясь всем правилам, установленным для казенномкоштных студентов. Число их определяется вместимостью академических зданий... Пансионерная плата, в размере оклада, отпускаемого на казенномкоштного студента (200 р.), с прибавлением назначенней Правлением академии суммы на первоначальное обзаведение (25 р.), вносится в два срока, именно в сентябре и в январе». (Православный собеседник. Казань, 1901. Ч. 1. С. III).

13 августа 1899 года Константин Островидов подал прошение на имя ректора Казанской академии, преосвященного Антония, епископа Чистопольского:

«Желая получить образование во вверенной Вам Казанской Духовной Академии, имею честь покорнейше просить Вас, Ваше Преосвященство, допустить меня к приемному испытанию. При сем прилагаю следующие документы: 1) аттестат об окончании курса Саратовской Духовной семинарии, 2) метрическое свидетельство о моем рождении и крещении и 3) свидетельство о приписке к призывному участку.

К сему прошению студент Саратовской Духовной семинарии Константин Александрович Островидов подписался²⁰.

Приемные испытания Константин прошел успешно и получил средний балл — 4,086²¹. Будучи двадцатым в списке, он был зачислен на первый курс академии в число казеннокоштных студентов. На первый курс в 1899 году было принято 78 студентов, а всего на четырех курсах в Казанской духовной академии обучалось 280 человек, так что по числу студентов она занимала тогда первое место среди академий Российской империи, причем в основном за счет поступавших, как и Константин Островидов, волонтеров. Эта популярность Казанской духовной академии объяснялась необыкновенным педагогическим и пастырским талантом возглавлявшего ее в те годы ректора, архимандрита и затем епископа Антония (Храповицкого).

Внешне жизнь в Казанской академии протекала так же, как и в других академиях, о чем неизменно

²⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10043. Л. 262.

²¹ Средний балл выводился путем замысловатых расчетов: средний балл семинарских предметов слагался с удвоенным средним баллом по приемным испытаниям, и сумма делилась на 5.

лаконично и сухо сообщалось в ежегодных отчетах: «Согласно с требованием Устава духовных академий, занятия студентов состояли в слушании лекций, в составлении сочинений и проповедей, в чтении книг и в сдаче переводных и окончательных экзаменов. Слушание лекций — основное занятие студентов. Ежедневно кроме праздничных и вакационных дней с 9 до 2 часов дня. Составление семестровых и курсовых сочинений». За время обучения Константин должен был писать на следующие темы: на первом курсе по основному богословию, по Св. Писанию Ветхого Завета, по теории словесности с историей иностранной литературы и по гражданской истории общей и миссионерским предметам. На втором курсе в 1900–1901 годах — по Св. Писанию Нового Завета, патрологии и по истории философии. На третьем курсе — по доктринальному богословию, по церковному праву, по истории и разбору западных исповеданий и миссионерским предметам. На четвертом курсе обычно давались темы богословского содержания для работ на ученые степени²². Константин писал на тему «Брак и безбрачие».

Распорядок дня студентов довольно строго регламентировался. В 7:30 утра совершалось общее утреннее правило; с 9 часов — лекции; в 14:00 — обед; с 15:00 до 18:00 — свободное время; с 18:00 — чтение или написание письменных работ; в 21:00 — ужин, после чего вечернее молитвенное правило; до 24:00 укладывались спать, и свет должен был быть потушен.

Студенты должны были держать себя «дружелюбно и предупредительно в отношениях к своим товарищам; посему не дозволяют себе действий, которые могут быть стеснительны для товарищей, каковы, на-

²² Казанская Духовная академия. Годичный акт. Отчеты о состоянии Казанской Духовной академии. Казань. 1898–1903.

пример: шум, пение, крики, музыка во время занятых часов; благообразное и благочинное пение, музыка, а также и гимнастические упражнения в академическом саду дозволялись в свободное от занятий время»²³. Отлучки студентов из общежития допускались только в праздничные дни и не позднее чем до 11 часов вечера. Отъезжать студенты могли в вакационное время: летом с 15 июня по 15 августа²⁴, в рождественские каникулы с 22 декабря по 7 января и на Пасхальной неделе. В конце года выставлялся балл по поведению.

«В воскресные и праздничные дни, равно как по средам и пятницам Великого поста, студенты посещали богослужение, участвовали в церковном пении и чтении, а лица священного сана сверх того и в богослужении. В первую неделю Великого поста и Страст-

²³ Студентами устраивались литературно-музыкальные вечера, например, 21 февраля 1902 года в академическом журнале сообщалось о вечере памяти Гоголя в пятидесятилетие его кончины. В актовом зале академии собралось 500 человек. «После речи профессора Царевского “Гоголь как поэт и мыслитель христианин” студенты прочитали несколько отрывков из его сочинений и исполнили несколько вокальных пьес. К. Островидов прочел “Отрывок из театрального разъезда”» (Православный собеседник. Казань. 1902. Ч. I. С. 461).

²⁴ Приведем описание летнего путешествия 25 студентов академии с 29 мая по 17 июля 1902 года, в котором, вполне вероятно, мог принимать участие и окончивший третий курс Константин Островидов: «Среди студентов были и уроженцы Сибири, и южных берегов Крыма и т. п., но всего более уроженцы приволжского района. Многие не видели ни столиц, ни южных окраин Европейской России. После некоторых прений избрали маршрут: Нижний Новгород, Троице-Сергиева Лавра, Москва, Санкт-Петербург, Варшава, Киев, Севастополь, Южный берег Крыма до Феодосии, Ново-Афонский монастырь, Батум, Тифлис, военно-грузинская дорога от Тифлиса до Владикавказа, Царицын, и от Царицына по Волге в Казань». По окончании полуторамесячного путешествия студенты опубликовали восторженное описание этого паломничества (Православный собеседник. 1902. Ч. 2).

ную седмицу все студенты исповедовались и приобщались Св. Таин. К этому надобно прибавить, что в академической церкви с благословения Его Высокопреосвященства ежедневно в течение всего учебного времени совершались утреннее и вечернее богослужения, в которых многие студенты участвовали по своему усердию»²⁵.

Почти монастырский быт студентов в Казанской академии отличался от других академий разве что еще большим аскетизмом. В этом плане очень примечательно посещение академии 16 января 1901 года Казанским архиепископом Арсением. Владыка и ранее при посещении академии не раз высказывался, что «академия обносилась». Теперь же он решил произвести подробный осмотр всех помещений, результаты которого были опубликованы в статье на страницах академического журнала: «В фундаментальной библиотеке владыка обратил внимание на тесноту помещений и на необходимость выбелить почерневшие потолки». В главном корпусе студенческие «спальни оказались весьма низкими и без самой необходимой мебели... Жилые комнаты студентов или так называемые номера тоже поразили Владыку своей бедностью: столы, стулья, конторки здесь существуют с самого основания Академии и за 50 лет на них накопилось немало заплат... Особенно убога обстановка в той комнате, где помещается студенческая библиотека. Столовую комнату уподобил Владыка тому отделению ж/д вокзала, где складывается отправляемый пассажирами багаж. Все десять ее окон сплошь завалены иловыми корзинами, в которых студенты хранят чайную посуду... Полы во всех помещениях, по мнению Владыки, требуют капитального ремонта; в некоторых комнатах их необходимо заново перестлать, а

²⁵ Отчет о состоянии Казанской Духовной академии, 1903 год.
С. 58.

всего лучше постепенно устроить крепкие паркетные полы».

Около двух часов осматривал архиепископ Арсений академию и в заключение сказал: «Конечно, жить можно, живут и хуже, но откровенно скажу, что вся внешняя обстановка далеко не соответствует тому рангу, который занимает Академия как высшее учебное заведение. У вас не ремонт нужен, а необходимо полное обновление»²⁶.

Ректор Антоний (Храповицкий)

Несмотря на таковую бедность и убогость внешней обстановки, интеллектуальная и духовная жизнь в Казанской академии была ключом. С неизменным восторгом вспоминали очевидцы о богослужениях в академической церкви, которые при ректоре архимандрите Антонии (Храповицком) приобрели особую торжественность.

«Преосвященный ректор главное свое внимание направил на красоту и благолепие церковных богослужений и в этом отношении встретил самое горячее сочувствие большинства студентов. Составился большой прекрасный хор, который пел на правом клиросе; увеличена была знаменитая капелла христолюбцев на левом; появился собственный протодиакон студент Капитон Клириков. “Капа”, как звали его все, с большим голосом — басом и солидной фигурой; нашлись любители пономари, книгохранилища, жезлоносцы, иподиаконы. Ни одна академия в этом не могла сравниться с Казанской, так как к владыке Антонию стекалось в академию священство со всех краев Руси, а также и те из юношей, которые твердо решили посвятить себя на служение Церкви в священническом или монашеском чине...

²⁶ Православный собеседник. 1901. Ч. 1. С. 253–254.

Все церковные службы совершались с большой торжественностью. Для встречи владыки “капелла” сходила вниз на площадку лестницы, где на стене висели большие круглые часы, от чего и самая встреча на языке студентов называлась “исхождением под часы”. Сюда на усиление капеллы собирались массы любителей, и лишь только отворялись двери парадного входа и показывался горячо любимый нами владыка, раздавалось воодушевленное и громкое “исполла эти деспота”... Каждая служба завершалась благословением: подходили по очереди все — и профессора, и студенты. И, конечно, ни одна служба не обходилась без проповеди. Благословляя студентов, владыка одновременно производил контроль, кого из студентов не было в церкви; обычно, благословляя приятеля отсутствующего студента, владыка тихо говорил: “передай поклон” или “кланяйся от меня такому-то”. Впрочем, владыка и без того сразу видел, кого нет в церкви, и обычно говорил: “мне достаточно сказать ‘мир всем’, и я вижу, кто отсутствует”.

Особенностью академических служений владыки было необыкновенное чувство воодушевления. Воодушевлялись все — и владыка, и духовенство, и певцы, и молящиеся... Особенным воодушевлением заканчивалось богослужение на Пасху. Студенты украшали церкви гирляндами из пихты, и не только церковь, но и коридор, и лестницы, и свои номера; во время крестного хода жгли ракеты, бенгальский огонь. В академическую церковь приходило много публики — профессора академии, университета, ветеринарного института с семействами, чуть ли не собиралась вся слободка. Евангелие за литургией читалось на 16 языках, а именно на всех языках, преподававшихся в Казанской академии; чтение Евангелия продолжалось больше часа, и никто не тяготился, — все с воодушевлением слушали. А когда после литургии владыка с профессорами и гостями торжественно входил “со славою” в студенческую столовую в сопровождении хора, певшего “Воскресения день”, восторг делался всеобщим и необычайным.

“Только на небе и в Казанской академии, — говорил владыка, — так празднуется Пасха; я думаю, что ни один

патриарх не имеет такого торжественного собора, как я”²⁷.

Велико было влияние владыки Антония на студентов. Этот удивительный пастырь воспитал целое поколение священнослужителей Русской Церкви. Мы не случайно подробно останавливаемся на его академическом служении, поскольку и в судьбе молодого богослова и будущего пастыря Константина Островицова владыка Антоний сыграл значительную роль. Как в Московской духовной академии, которую он возглавлял с 1890 по 1895 год, так и в Казанской академии владыка создал удивительную атмосферу христианского братства, воодушевленного великими идеями служения Церкви и Господу. Об этом позднее с воодушевлением вспоминали его питомцы:

«Владыка Антоний был сердцем нашего академического мира. И не только мы, светские, но и те, кто окончил духовную семинарию, люди более нас, может быть, серьезные и глубокие, тянулись к о~~тцу~~ Антонию. Двери его покоев во всякое время были открыты для студентов. Сам он часто приходил на нашу вечернюю молитву в академическую церковь и после молитвы о чем-нибудь беседовал. Он умел подойти к каждому из нас, и из наших отношений с ним совсем был устранен дух формализма и официальности. Мы жили, согретые его любовью и лаской. И вместе с тем эти отношения были чужды всякой фамильярности. Мы чувствовали его неизмеримое превосходство. Он вдохновлял, подымал нас духовно и облагораживал. Он раскрывал нам высокие и святые задачи пастырского служения... Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства, как любовного и самоотверженного приятия в свою душу своей паствы, переживания вместе с нею всех горестей и радостей, всех испытаний, искушений и падений своих чад и возрождения и восстания силою сострадательной любви и молитвы. В самом

²⁷ Православный собеседник. Казань, 1901. Ч. 1. С. 188–189.

себе он показал нам живой и искренний образ такого пастырского служения», — вспоминал протоиерей Сергий Четвериков.

«Он старался воспитать своих питомцев так, чтобы они смотрели на академию, “не просто как на учебное заведение, снабжающее своих питомцев правами преподавать семинарские учебники или петь всенощные и панихиды, — но как на священное духовно просветительское братство, дающее тебе разумение вещей божественных и человеческих, вводящее тебя в таинственное служение высшей истине, ее познанию, ее раскрытию, ее проповеданию, ее молитвенному призванию” — из слова на молебствии пред началом учения 4 сентября 1895 года в Казанской Духовной академии».

«Особенностью служения о~~тца~~ Антония в Казанской академии было то, что здесь он стал к студентам еще ближе, чем в Московской... Полный сил и энергии о~~тец~~ ректор всецело отдал себя на великое дело служения св. Церкви, приготовляя как будущих священнослужителей, из которых впоследствии образовался целый сонм архипастырей, просвещенных богословов, преподавателей духовно-учебных заведений... Для того, чтобы это его намерение выполнить без всякого отвлечения и чтобы ему быть в постоянном общении со студентами, о~~тец~~ ректор устроил себе квартиру в главном академическом здании, где жили студенты и где были аудитории... Почти каждый день после ужина у владыки в зале собирались студенты. Здесь за большим длинным столом с таким же большим трехведерным самоваром и вазами с вареньем студенты проводили час-другой в непринужденной беседе со своим ректором, делились впечатлениями от своих научных и проповеднических работ, а иногда и просто разговаривали на всевозможные темы, поучаясь из богатой сокровищницы знаний любвеобильного хозяина. В те дни, когда владыка был занят у себя по вечерам и не мог принять у себя студентов, на столбе у лестницы помещалась его визитная карточка, на которой после слов: “Епископ Антоний” добавлялась приписка карандашом: “сегодня весьма занят”, или, если был нездоров — и “и чуть жив”. Помимо непринужденных разговоров со студентами у себя

на квартире, владыка часто по вечерам держал лекции для студентов в первой аудитории на всевозможные темы — богословского, философского и литературного характера. В этой же аудитории владыка держал лекции и как профессор Пастырского Богословия, причем свои лекции всегда говорил живым языком, часто даже не сидя за кафедрой, а прохаживаясь по аудитории...

Отношения владыки к студентам никогда не носили официального характера: это были отношения отца к детям или, скорее, отношения старшего товарища к младшим. Тем не менее в разговорах с владыкой ни один студент не позволял себе забыться и перейти известные границы. Студенты в большинстве своем очень любили владыку и платили ему полным доверием, у них от владыки не было секретов, и они несли к нему все свои юношеские радости и печали, думы и надежды»²⁸.

Очевидно, что и первокурсник Константин Острovidов оказался в большинстве почитателей необыкновенного ректора и в будущем еще долгое время оставался его учеником и духовным сыном. И это несмотря на то, что всего один год проучился под его руководством. Летом 1900 года епископ Антоний указом Синода был переведен из Казанской духовной академии и назначен на Уфимскую кафедру. Уезжал он из Казани 28 июля, во время летних каникул, когда почти никого из студентов в академии не было²⁹. И

²⁸ Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1. Нью-Йорк, 1971. С. 188–189, 123–124, 129–130, 174, 176–177, 190–191.

²⁹ В день отъезда после напутственного молебна владыки от лица студентов произнес речь о грустном и тягостном моменте разлуки Я. Д. Коблов: «В тебе мы лишаемся любвеобильного пастыря и отца. Любовь твоя привлекала нас к тебе. Не строгостью сухого формализма, а тою же любовию ты исправлял наши погрешности и недостатки. И велико же было обаяние твоей личности. Твой сострадательный укор бил по струнам нашего сердца гораздо сильнее всяких гневливых выговоров и суровых наказаний» (Православный собеседник. 1900. Ч. 2. С. 318).

каково же было их огорчение, когда, вернувшись к осени, они не застали любимого ректора и даже не имели возможности с ним проститься. Во время рождественских праздников студенческая депутация отправилась к владыке Антонию в Уфу с прощальным приветствием, над составлением которого трудилась специально избранная студенческая комиссия, и драгоценной панагией³⁰. Тепло приняв депутатацию, владыка Антоний прислал через некоторое время ответное послание. Это замечательное послание — своего рода педагогическая исповедь владыки перед учениками — явилось одновременно и его заветом, и напутствием, которым многие из них руководствовались на своей пастырской стезе.

«Когда меня спрашивали посторонние люди о моих педагогических приемах, — писал владыка Антоний, — или когда начинали удивляться моему влиянию на студентов и их любви ко мне — я всегда испытывал беспокойные чувства и старался заговорить о чем-нибудь другом, но теперь пришел час открыть хотя отчасти завесу над этим Святым моей жизни.

Мое учебное делание не было системой по строго определенным принципам. Это была самая внутренняя жизнь моя, это было самое дыхание моей духовной жизни; это не было человеческим добрым отношением, каковы взаимные отношения ближайших родственников, нет, это было мое хождение перед Богом, низведение и созерцание Его всесильной благодати, которая и была действующей силой в том нравственном возрождении и одушевлении юношества, о котором вы упоминаете в своем прощальном слове. —

³⁰ «Панагия (стоимостью в 300 руб.) была приобретена на средства как наличных студентов академии, так и многих из бывших студентов, окончивших курс в пятилетнее ректорство преосв. Антония и состоящих ныне на службе. На панагии вырезана след. надпись: “Любвеобильному и незабвенному Епископу Антонию от благодарных питомцев, студентов Казанской дух. академии”» (Православный собеседник. 1901. Ч. 1. С. 368).

Вот почему я, хотя и не свободный от греховного самолюбия и не научившийся полагать хранение устам моим деятель, всегда смущался, когда при мне восхваляли якобы педагогические таланты. — Не знаю никаких своих талантов. Я только молился, только старался устраниТЬ от дела свою личную гордость, препятствующую Божественной благодати нисходить среди людей и в сердца людей. — Люди везде жаждут братской любви, но любовь бежит от них, когда они тщатся ее создать на человеческих отношениях, и вот взамен любви и доверия возникают или бешеная злоба неудовлетворенных и соревнующих самолюбий, или лживая угодливость и взаимная потачка страстям, лесть и общение в пороках. Но там, где наши отношения основываются на вере в благодать Божию и на устраниении своей славы, там любовь Божия богатно изливается в сердца наши Духом Святым, а где любовь, там и взаимное доверие, там и свободное послушание, там и общая готовность к подвигу...»³¹

Добрые отеческие отношения со своими учениками владыка Антоний сохранял и в дальнейшем. Выпускники по обычай присыпали альбомы со своими фотографиями. Так и выпускной курс Казанской академии 1903 года, на котором учился Константин Островидов, также отправил епископу Антонию прощальное письмо и альбом. Владыка был глубоко тронут и обрадован любвеобильным письмом и альбомом, на который он, по его словам, не считал за собой нравственного права рассчитывать, потому что студенты этого курса жили и учились в последний год его ректорства и академической службы, когда он должен был заменять в Казани архиепископа, отбывшего в Св. Синод, и потому сравнительно мало времени и сил мог уделять студенческой жизни:

«Но видно не напрасно говорится: “сердце сердцу весть подает”, — писал далее владыка. — Вы чуяли и оце-

³¹ Православный собеседник. Казань, 1900. Ч. 1. С. 371–372.

нили мою настроенность по отношению к вам, мою заботу о том, чтобы вы не уклонялись с пути истинного, а напротив, обогащались всякою добродетелью, как сказал блаженный Иаков: “до ревности любит дух, живущий в нас” (IV, 5).

И вот когда душа моя расширяется полнотою всего пережитого с вами и прежними моими учениками духовного общения, то ей открываются новые великие созерцания, которыми и заключу мое последнее спасибо за вашу память и любовь. Созерцания эти состояли в том, что на земле должно быть высшее сокровище нашего сердца, ибо здесь даже самое великое и священное чувство духовной любви взаимного сотрудничества на святом деле христианского просвещения не дает полного удовлетворения душам нашим. Ибо здесь горечь разлуки и сопряженного с нею внутреннего изменения многих друзей научает нас ожидать иной жизни, где уже не будет ни разлуки, ни изменений, где священнейшие мгновения и часы познания нами истин Божиих и святых решений бывают уже не мгновениями и часами, а нескончаемой вечностью.

Мы отмечаем содержание нашей протекшей жизни не по распределению ее внешних условий, а по тем светлым точкам ее высших настроений, когда мы через искреннюю духовную беседу или через молитву или участие в делах бескорыстной любви как бы соприкасались с вечностью, с обнаженною истиной бытия; с жизнью Божией, которую осязали руками своими святые апостолы (1 Ин. 1). И вот, вспоминая такие минуты и часы, людей им причастных и даже самую обстановку, мы ни за что не соглашаемся приравнять их ко всем прочим обстоятельствам нашей жизни, канувшим в вечность, но всем сердцем привязываемся и к тем людям, и к той обстановке, как бы запечатлев, закристаллизировав в них свои высшие, взаимно пережитые настроения и сохраняя неясную, но твердую уверенность в том, что пережитое не должно, не может исчезнуть, а должно где-то снова повториться и притом не на минуту, а навсегда, потому что в том была истина, а истина престать не может».

«Хочу уверить вас в том, что, веруя во Христа, любя людей и пребывая в Церкви, мы обладаем тайной вечно-

сти, мы обладаем тайной глубокого взаимообщения душ, чего не знают люди неверующие, которые томятся своим нравственным одиночеством, тщетно протягивают друг другу руки общения, но никогда не могут установить его между собою...

Эта истина и вам знакома, судя по вашему письму. Храните же ее, как высший залог разумной деятельности, и в этом примите мое прощальное увещание»³².

Философские занятия в академии

Во время учебы в академии Константин постоянно принимал участие в деятельности Философского общества, организованного в год его поступления по инициативе самих студентов, поддержанной преосвященным ректором и преподавателями философии³³. Как сообщалось в академическом журнале: «В декабре 1899 года с разрешения Архиепископа Арсения и академического начальства среди студентов академии организовалось Философское Общество, поставившее своей задачею изучение философских вопросов и распространение интереса к философским знаниям в студенческой среде. Устав Общества выработан применительно к Уставу такого же кружка в Московской духовной академии. Общество состоит под наблюдением преосвященного ректора, членов-руководителей и действительных членов». Членами-руководителями изъя-

³² Никон (Рклицкий), архиепископ. Указ. соч. С. 209–212.

³³ В свое время епископ Антоний написал диссертацию на философскую тему и по окончании духовной академии был оставлен в ней на философской кафедре. В дальнейшем, хотя у владыки не было ни времени, ни возможности продолжать исследовательскую деятельность или преподавать философию, глубокий интерес к философским проблемам у него сохранялся всегда. В Казанской духовной академии в лице профессора В. И. Несмолова он нашел замечательного мыслителя и интереснейшего собеседника, дав о его докторской диссертации высокий отзыв.

вили желание стать профессор метафизики В. И. Несмелов, профессор истории философии А. К. Волков, профессор христианской апологетики А. Ф. Гусев, профессор логики и психологии А. Н. Потехин, профессор нравственного богословия В. А. Никольский. Действительными членами могли стать все студенты, изъявившие желание войти в состав общества. В их обязанности входило составление и чтение рефератов, обсуждение философских вопросов и ведение протоколов заседаний. Предполагалось проводить заседания приблизительно два раза в месяц с особого разрешения ректора. Референт должен был заблаговременно подготовить тезисы своего реферата и сообщить их за неделю до заседания одному из членов-руководителей для рассмотрения и преосвященному ректору для утверждения. После этого тезисы объявлялись всем студентам³⁴.

Первое заседание общества состоялось 17 декабря 1899 года. Кроме студентов присутствовали ректор, епископ Антоний и профессора члены-руководители. После молитвы «Царю небесный» студент четвертого курса А. Чемоданов произнес речь о целях и задачах общества и «пригласил студентов сплотиться в тесную, дружную семью, соединенную не условными и непрочными узами искания удовольствий и праздног времяпрепровождения, а узами нерушимыми и идейными — принципом возгревания в себе духа истины». Затем студент четвертого курса Феофилактов прочитал реферат «Разбор учения графа Л. Н. Толстого о познании», вызвавший оживленное обсуждение, в котором принял участие и ректор епископ Антоний. Интереснейшая беседа затянулась до позднего вечера. В заключение владыка Антоний произнес речь с добрыми пожеланиями обществу и высказал, какие вопросы желательно было бы разработать в бу-

³⁴ Православный собеседник. 1900. Ч. 1. С. 111.

дущем. Заседание закончилось пением молитвы «Достойно есть».

В дальнейшем на заседаниях общества неоднократно обсуждались вопросы, связанные с произведениями Льва Толстого и других писателей, оказывавших значительное влияние на общественную мысль того времени. Так, и студент Константин Островидов серьезно проработал произведения Максима Горького и на заседании общества 19 октября 1901 года прочел реферат: «Психология “недовольных людей” в произведениях Горького». Об этом сообщалось в академическом журнале: «Профессор В. И. Несмелов по прочтении реферата предложил для обсуждения 2 вопроса: 1) правильно ли Горький рисует недовольных людей? 2) действительно ли интеллигенция, в том числе и духовенство, не отвечает на запросы недовольных людей. Эти вопросы главным образом и были предметом очень живого и плодотворного обмена мыслей»³⁵.

По-видимому, доклад Константина вызвал интерес у студентов к привлекавшему в то время внимание читающей публики Максиму Горькому. Так, на следующем заседании Философского общества в ноябре 1901 года студент третьего курса А. К. Лебедев прочитал реферат «Горький и Паскаль», в котором попытался изобразить черты сходства обоих мыслителей, которые занимаются решением вопроса о смысле жизни, а бессмыслицу жизни выводят из слабости присущих человеку духовных способностей: познавательной, чувственной и волевой. Выступивший оппонент докладчика оспаривал основные положения реферата и утверждал, что нет никакого сходства, так как Паскаль как философ научным путем решает вопрос о смысле жизни и приходит к христианству, а Горький является лишь беллетристом, который не дает никакого положительного решения означенного

³⁵ Православный собеседник. 1901. Ч. 2. С. 749.

вопроса. Референт возражал, что Паскаль является не философом, а всего лишь писателем. В полемику включился профессор В. И. Несмелов и компетентно показал достоинство Паскаля как философа и указал его место в истории философии.

Деятельность Философского общества продолжалась и в дальнейшем, о его заседаниях сообщалось в годичных отчетах академии. Так, например, в отчете за 1901/02 год указывалось, что Философское общество значительно расширило круг своей деятельности, введя рефераты на богословские и литературные темы. Число действительных членов составляло сорок пять студентов. Студент III курса Константин Островидов стал товарищем председателя. Всего за учебный год проведено восемь заседаний.

Интересно сообщение о заседании Философского общества от 28 октября 1902 года, на котором «студент 4-го курса К. Островидов прочел реферат “Духовный элемент мировой действительности”». Как отмечалось в публикации, референт указал, что мировая действительность представляет нам два порядка явлений — материальные и духовные; при сравнении порядков выяснилось, что душевные и материальные явления по природе существенно отличны друг от друга, так что свести одни явления на другие или вывести одни из других — дело совершенно невозможное. При обсуждении реферата было обращено внимание на спорный вопрос о фактическом обосновании метафизических доктрин монизма и дуализма. В этом отношении было установлено положение, что самобытный характер душевных и физических явлений совершенно устраниет возможность положительного оправдания монизма и что все монистические соображения поэтому в научном смысле могут иметь только сомнительное значение недоказанных гипотез. Но вместе с тем признано, что «научно невозможно утверждать доктрину дуализма только на основании

самобытного характера несводимых друг на друга явлений. Психические и физические явления несомненно составляют явления существенно различных порядков, но это различие само собою еще не может доказать действительной двойственности метафизических начал мирового бытия: а требуется более солидное основание, нежели один факт существенного различия опытно данных явлений бытия»³⁶.

Примечательно, что Константин Островидов взялся за решение столь важных вопросов, пусть и не умело, и в итоге недостаточно научно обоснованно. Но сам по себе факт апологии веры, попытки найти научные доказательства не был праздным. На самом деле это был актуальнейший для российского общества вопрос, о чем неоднократно говорил его учитель, владыка Антоний и о чем позднее писал в докладе Синоду:

«Наше общество нуждается в теоретических основаниях для религии. Оно все шире знакомится с ее отрицанием на почве философской, естественно-научной, социологической, экономической, исторической и даже экзегетической (Ренан или Толстой), а ответа со стороны академической науки оно не слышит отчасти потому, что она этих ответов и не имеет...

Наша наука борется с тенями умерших. Она как бы не слыхала, что уже не материалист Фогт господствует над умами, а Л. Толстой, Маркс, Вл. Соловьев, Ницше, декаденты и проч.³⁶ Ведь это не имена отдельных писателей: это целые учения, целые системы, разработанные большими школами ученых, проникшие и в эмпирическую науку, и в литературу, и в университетскую и газетную веру, т^o е^{сть} обратились уже в живое предание, принимаемое прямо целиком молодыми головами как объединительный общественный катехизис, как то настроение широкой среды, в которую вступает каждый студент, каждый интеллигент...

³⁶ Православный собеседник. Казань, 1903. Ч. 1. С. 404–407.

Что же академии? Они торжественно молчат. Несколько беглых заметок в духовных журналах. Две-три моноографии, вроде Гусевских, написанные по старым, отжившим шаблонам: что они значат против целого моря чернильной воды, вылитой в университетах, в редакциях, в типографиях для проповеди современных лжеучений?»³⁷

Владыка Антоний предлагал целую программу преобразования академий для «производительной богословской работы» как профессуры, так и студентов. Он призывал и конкретно перечислял практические мероприятия, необходимые для пробуждения студенческой деятельности: «Нужно вызвать молодую мысль к самодеятельности, а не склонять ее к вечному компилированию, как это принято теперь». В этом плане и организация Философского общества в Казанской духовной академии, и разработка студентами актуальных тем, и сочинение Константина Островидова по нравственному богословию «Брак и безбрачие», написанное им на четвертом курсе, представляют собой яркий пример именно такой творческой деятельности.

Курсовое сочинение Константина, законченное им 28 апреля 1903 года, тем и замечательно, что явилось совершенно самостоятельной работой, а никак не компилированием (последнего скорее не хватало: на всю работу из 102 листов машинописного текста у автора две-три цитаты, да и то не относящиеся непосредственно к самой теме). Вероятно, некоторые его выводы небезупречны, спорны и могут вызвать справедливую критику, вплоть до обвинения автора в не православных взглядах. Не в нашей компетенции касаться философской стороны самого предмета и судить о научных достоинствах сочинения Константина. (Тем более что Советом Казанской духовной академии он был признан заслуживающим степени кандидата богословия.) Важен сам факт написания этого сочине-

³⁷ Никон (Рклицкий), архиепископ. Указ. соч. С. 214–215.

ния, интересного именно живой мыслью и искренностью его автора, который взялся за сложную тему, практически не разработанную в православном богословии. Конечно же, в трудах Святых Отцов отдельных высказываний о браке найти можно много, но не систематически изложенное учение. Так что при всей незрелости и юношеской категоричности молодого богослова-философа, дерзновенно замахнувшегося на постановку и решение столь серьезной проблемы, заслуживает уважения сам его «опыт принципиального решения вопроса».

Окончание академии

По окончании академии Константин Островидов был удостоен степени кандидата с правом преподавания в семинарии, о чем и было сказано в дипломе, выданном ему в июле 1903 года. Занятия в академии закончились гораздо раньше, и 1 мая 1903 года уже состоялось традиционное прощание со студентами. Произнесенная в этот день речь ректора, епископа Алексия, многих тронула до слез.

«Итак, друзья мои, — обратился Владыка к выпускникам, — школьная жизнь ваша сегодня закончилась. Длинный и нелегкий путь научной подготовки к жизни и соответственной деятельности вами завершен. Теперь остается сделать выбор жизненной дороги... Как это ни горько, но мы должны отметить грустный факт дезертирства духовных питомцев из церковной ограды в ряды таких общественных деятелей, которые ничего общего с богословской наукой не имеют да и не могут иметь»;

«Когда враги Церкви замышляют зло и ждут ее погибели, мы, родившиеся в ее недрах, спешим на страну далече, и в ту пору, когда своим научно обоснованным словом могли бы сослужить ей великую службу, отразить не одну направленную в нее стрелу вражескую, отрезвить и

снова вернуть в оградку Церкви не одну пошатнувшуюся умом и житием душу человеческую?!...

Конечно, Церковь Христова не раз испытывала нападения темных сил и пребывает неодолимой. И не мы ее хранители и спасители, Сила Божия хранит. Но все же Церковь состоит из людей и через людей же Господь выполняет назначение ее. И чем больше в ней умных, верных и преданных ей членов, тем успешнее достигается задача ее.

Вот почему я готов, друзья мои, земно перед вами поклониться и дружески просить вас: не уходите никуда на чуждую и не сродную вам службу, останьтесь верными Церкви, отдайте все ваши силы на служение ее интересам, особенно не бегайте священного сана, ибо если когда, то именно в наше мятежное время нужны добрые пастыри Церкви, могущие право правити слово истины»³⁸.

Константин Островидов был в числе тех, кто отклинулся на призыв архипастыря. Он и ранее готовился к церковному служению. Ведь и его духовник, бывший ректор академии епископ Антоний (Храповицкий) побуждал своих учеников к одушевленному служению богословской науке и пастырству, направлял и поддерживал стремления к иноческой жизни³⁹. 28 июня 1903 года владыка Антоний постриг в мона-

³⁸ Православный собеседник. Казань, 1903. Ч. 2. С. 837.

³⁹ Владыка Антоний считал главным делом учебных духовных заведений, в особенности академий, подготовку их питомцев к истинному пастырскому служению. Потому он восстановил основные принципы пастырского богословия, которое сам преподавал и в Московской, и в Казанской духовных академиях. «Пастырю дается благодатная, сострадательная любовь к пастве, обуславливающая собой способность переживать в себе скорбь борьбы и радость о нравственном совершенствовании своих пасомых, способность чревоболеть о них, как апп. Павел или Иоанн», — говорил владыка Антоний студентам о священном служении (*Никон (Рклицкий), архиепископ*. Указ. соч. С. 122–123).

шество Константина Островидова с именем Виктор, а в последующие дни рукоположил в диаконский и священнический сан¹⁰. В то время владыка Антоний занимал Волынскую кафедру, возможно, Константин из Казани ездил к нему в Житомир или же они где-то еще встретились. В архиве Казанской академии нет упоминаний о постриге Константина, так что, очевидно, это происходило не в академической церкви, но поскольку Константин академию окончил, то он имел право на пострижение в другом месте и мог, как желал, принять монашество именно от владыки Антония.

¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 10-1909. Д. 606. Л. 2 об. — 3; Ф. 815. Оп. 11-1909. Д. 34. Л. 42–43.

В Саратовской епархии. 1903—1904

В августе 1903 года иеромонах Виктор начинает свое служение в родной Саратовской епархии, куда он был направлен по окончании академии с рекомендацией на должность преподавателя русского языка в духовном училище⁴¹. Однако епископ Саратовский и Царицынский Гермоген⁴² предполагал использовать выпускника «миссионерской» академии по специальности — сразу же назначил его противораскольничес-

⁴¹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10435. Л. 100 об. — 101.

⁴² В миру Георгий Ефремович Долганёв (или Долганов, в литературе встречается различное написание его фамилии), родился в 1858 в Херсонской губ. в семье единоверческого священника. Учился в Одесской духовной семинарии, затем — в светских учебных заведениях. После долгих метаний и душевного кризиса вернулся на духовную стезю, окончил духовную академию в Санкт-Петербурге. Пострижен в мантию с именем Гермоген, рукоположен во иеромонаха. С 1893 — инспектор Тифлисской семинарии, с 1898 — ректор с возведением в сан архимандрита. 14 января 1901 — рукоположен в епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В марте 1903 — назначен епископом Саратовским и Царицынским. В январе 1912 — уволен на покой с пребыванием в Жировицком монастыре, в марте 1917 — назначен на Тобольскую кафедру. 29 июня 1918 — утоплен большевиками в реке Тура.

ским миссионером и направил в город Хвалынск, где организовывался миссионерский монастырь.

Хвалынск — небольшой уездный город на севере Саратовской губернии⁴³. Основан он был, как и многие другие поселения Нижнего Поволжья, старообрядцами, которые, скрываясь от преследований властей, в последние два десятилетия XVII века начали переселяться из центральных областей Московского царства на тогда еще почти пустынную юго-восточную окраину⁴⁴. В XVIII веке, после указов Екатерины II, все больше старообрядцев стало возвращаться из-за границы и поселяться в Белоруссии, Поволжье и Сибири. За Волгой по рекам Большой и Малый Иргиз им были отведены десятки тысяч десятин земли. В то время строилось много церквей и молелен, основывались скиты и монастыри. Иргиз с его тремя мужскими и двумя женскими монастырями стал своеобразным духовным центром старообрядчества. Во времена гонений на старообрядцев при царствовании Николая I иргизские монастыри были закрыты, их насельники переселились в Хвалынский уезд и позднее там, на Черемшане, устроили новые монастыри. Несмотря на гонения, приверженцев старого обряда становилось все больше, причем в том же Хвалынске были представители разных согласий.

В связи с усилением старообрядчества Св. Синод в 1828 году учредил самостоятельную епископскую ка-

⁴³ Изначально именовался Сосновый Остров, переименован в Хвалынск в 1780 году, когда было образовано Саратовское наместничество с 10 уездами.

⁴⁴ «В конце 1670-х и начале 1680-х годов они заселили Барынников и Мечев буераки у Саратова, начали устраивать там свои скиты и даже построили церковь. Эти новые поселения энергичных и твердых старообрядцев, постоянно пополнявшихся беглецами из центра страны, стали первыми не городскими русскими поселениями края» (Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринт. М.: Церковь, 1995. С. 422).

федру в Саратове. В 1829 году в Саратове было создано миссионерское общество для обращения старообрядцев, позднее в епархии была введена и специальная должность разъездного миссионера⁴⁵. В 1866 году было организовано церковное Братство Святого Креста, которое в миссионерских целях успешно вело издательскую, просветительскую и благотворительную деятельность⁴⁶. Эта миссионерская деятельность давала определенные результаты, в некоторых местах удавалось обращать старообрядцев и противодействовать распространению их учения. Между тем влияние старообрядчества не уменьшалось. Согласно данным статистического комитета Министерства внутренних дел в 1863 году, 10 % всего населения России, или одна шестая часть православного населения, были старообрядцы⁴⁷. Соответственно в Саратовской губернии соотношение было иным, особенно в Хвалынском уезде, где в некоторых селах старообрядцы порой составляли большую часть населения⁴⁸.

По этой причине задуманный викарием Саратовской епархии епископом Гермогеном монастырь в Хвалынске должен был носить миссионерский характер. Открывался он как подворье Саратовского Свято-

⁴⁵ Миссионерское обозрение. 1898. № 2. С. 341.

⁴⁶ Отчет Саратовского Братства Святого Креста за 1867–1868 гг. // Саратовские епархиальные ведомости. 1869. № 1. С. 6–15.

⁴⁷ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 147.

⁴⁸ В 1880 — в Хвалынске насчитывалось 2117, а в уезде — 12 928 старообрядцев разных согласий. В 1911 — в уезде было 43 648 старообрядцев и 59 моленных. В самом Хвалынске из 15 000 жителей более половины придерживалось старой веры (Доклад С. П. Полозова прочитан на 13-й международной конференции молодых ученых «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы», состоявшейся 26–30 декабря 2002 г. в Санкт-Петербурге, и опубликован в сборнике материалов конференции. URL: <http://www.starover.religare.ru/article7633/html>).

Преображенского монастыря. И хотя указ об учреждении этого подворья был получен из Св. Синода в декабре 1903 года, но начало подворью было положено еще в январе 1903 года⁴⁹, а хлопоты о его устройстве начались гораздо раньше. Очевидно, в 1897 году, когда остававшаяся без причта и прихода бывшая тюремная церковь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный источник» была приписана к Казанскому собору. (Церковь была построена в 1880 году при Хвалынской тюрьме, в 1893 году тюрьму перевели в другое место, и церковь вместе с другими тюремными зданиями перешла в ведение города.)

Возможно, инициатива устройства монастыря принадлежала священнику Казанского собора Владимиру Дубровину и некоему Алексею Брусникину, как явствует из письма последнего епископу Гермогену⁵⁰. В 1901 году их инициатива нашла поддержку у владыки. Осенью того же года он побывал в Хвалынске, предложил построить миссионерскую церковь-школу в соседней деревне Подлесное Алексеевской волости и, вероятно, после этого организовал при Спасо-Преображенском монастыре в Саратове Комитет по устройству Свято-Троицкого подворья. Возглавил комитет отец Владимир Дубровин.

Первоначально для подворья Комитет предполагал приобрести дом некоего господина Дамогерова с усадьбой за 8 тысяч рублей и соседнее барское поместье Радищевых за 19 тысяч рублей. По настоянию епископа Гермогена от покупки первого дома отказались, а на покупку усадьбы отцу Владимиру было выделено 15 тысяч рублей. В прошении на имя епи-

⁴⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 184. Д. 2307. Л. 10, 15.

⁵⁰ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брусникина к священномученику Гермогену (Долганеву) // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Издательство ПСТБИ, 2002. С. 280.

скопа члены Комитета писали о необходимости изыскать беспроцентную ссуду в размере 7 тысяч рублей для покупки староострожного и четырех обывательских зданий в Хвалынске⁵¹. Еще до решения проблемы с размещением монастыря в Хвалынск прибыли монахи, что вызвало, по свидетельству отца Владимира, «неприятное удивление недоброжелателей подворья».

Иеромонах Виктор (Островидов) начал служение в Хвалынске не позднее сентября 1903 года. Так, в своем письме от 15 сентября он уже пишет епископу Гермогену, что «хвалынское подворье живет во славу Бога». Отец Виктор надеется на скорое получение разрешения из Св. Синода на открытие монастыря, который предполагается основать в лесу на отведенных под него семи с половиной десятинах. В городе же он предлагает оставить подворье, для которого вполне достаточно места, а «казенные постройки не помешают существовать именно подворью». Эти «казенные постройки (сараи)» город собирался отдать, по словам отца Виктора, как только будет положено основание монастыря за городом. Существование же монастыря, по его мнению, было в городе неудобно и для монастыря, и для некоторых горожан, раскольников и других лиц. Отец Виктор просит владыку приехать в Хвалынск к заседанию Думы 24 сентября с тем, чтобы, очевидно, поспособствовать ее решениям в пользу монастыря и также посмотреть на состояние подворья, которого преосвященный еще и не видел.

Примечательна следующая фраза из письма иеромонаха Виктора: «О состоянии монастыря может свидетельствовать характерное для Хвалынска явление, что церковь нашу посещают даже старообрядцы, ко-

⁵¹ Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Научная книга, 2006. С. 108.

торые относятся к нам миролюбиво»⁵². В этом же письме отец Виктор сообщал о братии монастыря: иеромонахе Анатолии, рясофорном монахе Иосифе и послушнике Петре; упоминал о молодом послушнике, по-видимому, недавно пришедшем в монастырь, к которому еще присматривался, не решив пока, можно ли его оставить; писал об одном мещанине, который «в настоящее время всего себя отдал монастырю и с открытием обители примет монашество». Сообщал также о том, что при подворье жили на послушании с согласия родителей еще три мальчика — «звонарь, пономарь и канонарщик».

Иеромонах Виктор просил епископа перевести к ним одного из двух послушников из Свято-Преображенского монастыря, так как не хватало людей для отправления монастырской службы. В письме было подчеркнуто слово «монастырской», так как отец Виктор, вероятно, старался исполнять службу строго по уставу, что ему, по-видимому, удавалось, если его церковь посещали даже старообрядцы. Второго послушника, который желал у них остаться, он просил не оставлять, так как тот совершенно не мог участвовать в богослужении, а по хозяйству они и сами справлялись.

От постоянной службы в душной маленькой церкви иеромонах Виктор, по его словам, «начинал уже хрипеть», потому просил прислать им иеродиакона. Это весьма облегчило бы его служение, поскольку ему приходилось и молиться в алтаре, и произносить возгласы, и петь на клиросе, и смотреть за послушниками. «Всего этого соединить не могу и досадую», — писал он в письме. Сетовал также, что часто расстраивается от недовольства собою и другими; не может поспеть всюду и смотреть за всем лично. Пони-

⁵² Подчеркнуто автором письма (Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брускинина к священномученику Гермогену (Долганеву). С. 282–283).

мая всю трудность пастырского служения, «когда приходится болеть душою за каждый шаг своего послушника-овцы», указывал на главную причину своего плохого душевного состояния:

«Собою же лично недоволен тем, что при постоянном ежедневном служении и заботах о внешнем устройстве невозможно соединить того благоговения к Таинству Евхаристии, какого требует оно от пастыря. Слишком много и часто приходится грешить — оскорблять Бога. Иначе не может быть при нашей немощи, как не может не обжигаться вертящаяся около огня бабочка. Блажени стоящие вдали от этого Святейшего Таинства и приступающие к нему тогда, когда чувствуют себя хотя немного к нему подготовленными, а не по принудительной обязанности.

Помолитесь, Святый Владыко, да управит мною Господь, я же молюсь о Вас непрестанно, да укрепит Он Вас в трудах Ваших.

Ваш послушник иеромонах Виктор»⁵³.

Завершалось послание припиской, что это письмо он посыпает со своим отцом, который немного пожил у него и помогал отправлять церковные службы. Очевидно, это был один из последних приездов отца. По-видимому, в начале 1904 года он скончался. В феврале того же года в «Саратовских епархиальных ведомостях» в разделе официальной хроники было опубликовано сообщение, что «псаломщик села Золотое Камышинского уезда, Александр Островидов, исключен из списков за смертью»⁵⁴. Мать и многие из родни иеромонаха Виктора оставались жить в Золотом. Так, в своем письме 1907 года отец Виктор просит епископа

⁵³ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова)... С. 282–283.

⁵⁴ Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 116. Именно на основании этого сообщения мы предполагаем, что выше-приведенное письмо иеромонаха Виктора было написано в 1903-м, а не в 1904 году, как указано в публикации.

Гермогена перевести его зятя, диакона Александра Вавилова, на освободившееся место в село Золотое и добавляет: «С селом Золотым связана вся жизнь нашей семьи, а потому там и остается жить до сих пор мамаша после смерти папы. В утешение мамаши и сердечно лично самому мне очень хотелось бы, чтобы эта родственная связь с Золотым не прерывалась бы и после»⁵⁵.

В октябре 1903 года иеромонах Виктор просил епископа Гермогена отпустить отца Анатolia в отпуск на родину, чтобы по пути тот пожил бы в Киеве в Троицком монастыре или еще в какой-либо пустыни и привез бы оттуда старца, по словам отца Виктора, «хорошего иеромонаха». Владыка предложил иеромонаху Виктору самому поехать по монастырям и пустыням, но тот полагал, что для него и для созидающейся обители полезнее пребывать в ее стенах безвыездно. «Относительно монастыря пока еще нет ничего определенного», — писал отец Виктор. Вероятно, в Хвалынске ничего не решалось, так как ждали указа Синода. Однако указа об учреждении монастыря так и не последовало. В декабре 1903 года Синод разрешил учредить в Хвалынске лишь подворье Спасо-Преображенского монастыря. Тогда в городе, как и предполагал иеромонах Виктор, оставили подворье, а в лесу на отведенных под монастырь землях устроили скит.

К 1904 году там уже были кельи, весной началось строительство еще одной и была запланирована по-

⁵⁵ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова)... С. 284–285. Диакон Александр перемещен в Золотое не был и с 1910 года служил священником в селе Грязнуха Камышинского уезда. Вероятно, в Золотом все-таки никого из Островидовых не осталось. В 1922 году мать отца Виктора, Анна Ивановна Островидова, а также сестра Мария и брат Александр жили в Камышине. В 1926 году в Камышине находился и самый младший брат, Николай, принявший священный сан. Что было к тому времени с двумя другими братьями, Сергеем и Венедиктом, а также с сестрой Лидией, неизвестно.

стройка церкви Преп. Сергия Радонежского. В письме епископу Гермогену в послепасхальное время 1904 года иеромонах Виктор как раз писал об этом: «Как-то Бог благословит нам начать новую церковь. Все готово, а средств пока еще ни копейки. Отец Владимир подал мысль, что хорошо бы с нашим религиозно-просветительным залом соединить зало-церковь подлесинскую, и это потому, что оно там навсегда должно пустовать, ибо народу поблизости нет. В Подлесном же вполне достаточно и школы-церкви. Тогда у нас свободно можно приступить к постройке, и мы окончим ее в один год, а так на крупные пожертвования рассчитывать пока трудно. Если благословите, то отец Владимир сделает Вам об этом доклад. Мне кажется, что так хорошо бы сделать»⁵⁶. Вероятно, это предложение было принято, и средства на строительство зала в Подлесном были переведены на скитскую церковь. Результаты дали и сборы — прошение о сборной книжке иеромонах Виктор также посыпал епископу Гермогену. В том же году в скиту была выстроена каменная церковь в честь Преп. Сергия Радонежского вместе с деревянной колокольней⁵⁷.

Как ни странно, официальное сообщение об открытии подворья монастыря в Хвалынске, носящего, как отмечено в сообщении, «миссионерский характер и учрежденного с целью противодействия развитию расколо», было опубликовано в «Саратовских епархиальных ведомостях» лишь в июле 1904 года. В публикации также указывалось, что настоятелем подворья «считается иеромонах Виктор»⁵⁸. Вероятно, эта задержка связана с тем, что в начале 1904 года у епископа Гер-

⁵⁶ Письма святителя исповедника Виктора (Островилова)... С. 281.

⁵⁷ После революции в 1920-х годах храм и все скитские постройки были разрушены. Был разорен и Свято-Троицкий монастырь в Хвалынске (в 1908 году подворье получило статус монастыря), в здании церкви разместился клуб.

⁵⁸ Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 786.

могена были иные планы в отношении иеромонаха Виктора и из Хвалынска тот должен был уехать. Вот что пишет об отъезде отца Виктора Алексей Брусикин в письме епископу Гермогену:

«Извещаю Вас, что проводы Иеромонаха О~~тца~~ Виктора из Хвалынского Свято-Троицкого Подворья на весь град произвели большое впечатление; слезы лились рекою, ждали у церкви до пяти часов утра; народ взволнован неутешимо, все скорбят, жалеют такого незаменимого пастыря стада Христова, как просветителя тьмы. Я сердечно сожалею Его великих трудов у нас в устройстве подворья и скита. Не дали Ему дело это докончить, и нас на половине пути бросить. Сердечно скорблю; да и нельзя не скорбеть, потому что я уже шесть и год, как прилагал все мое усердие, чтобы созиждеть святую обитель в этом темном месте, и вот до сего времени шло дело так успешно, что весь город торжествовал, а теперь что — одни слезы. А я так расстроен — до болезни, страшно боюсь, как бы не восторгствовал враг. Монахи все расстроены, плачут; что делать, не знают. Прошу Вашего благословения и молитв, чтобы Господь укрепил нас и помог нам докончить устройство святой обители. Остаюсь болящим. Жду утешении Вашего. Недостойный Алексей Брусикин»⁵⁹.

Письмо датировано 16 марта 1904 года, и, хотя в комментарии при публикации указано, что оно написано в связи с временным отъездом иеромонаха Виктора в Саратов, очевидно, что временный отъезд не мог вызвать такую всеобщую скорбь. Скорее всего, епископ Гермоген перевел отца Виктора в Саратов, назначив на должность епархиального разъездного инородческого миссионера, в марте 1904 года. Эта штатная должность была введена на заседании епар-

⁵⁹ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брусикина к священномученику Гермогену (Долганову). С. 280.

хиального комитета Православного миссионерского общества⁶⁰ 18 марта, когда обсуждалась одна из основных задач комитета — всестороннее содействие миссии между чувашами.

В Саратовской губернии чувашских поселений было немало. В Петровском, Хвалынском и Кузнецком уездах их окружало татарское население, отличавшееся особым фанатизмом. Как отмечалось в епархиальных ведомостях: «Магометанские села в настоящее время представляют по своему характеру “темные углы” не только с религиозной стороны, но и во многих других отношениях, благодаря царящему там фанатизму. В иные места для миссионера даже и заглядывать небезопасно»⁶¹.

Магометанская пропаганда воздействовала и на чувашей. Для противодействия ей вводились богослужения на чувашском языке, а с 1890 года стали создаваться чувашские школы. К 1904 году в епархии было уже четырнадцать таких школ. Содержались они на средства комитета Православного миссионерского общества при участии местных сельских обществ, которые обеспечивали отопление, ремонт зданий, содержание сторожей. Преподаватели этих школ, окончившие курс Симбирской учительской школы, были незаменимыми помощниками священникам. При школах создавали многоголубные хоры, и так как чуваши любили пение, то на спевки собирались и взрослые, и дети. Миссионеры-священники совершали в чувашских школах молебное пение на чувашском языке, проводили беседы. С введением служб на чувашском языке чуваши стали ходить в храмы. По отзывам местных священников, они усердно говеют, причащаются, участвуют в паломничествах по святым местам, так что

⁶⁰ Саратовский комитет миссионерского общества насчитывал более 600 членов, всего общество насчитывало до 18,5 тысячи человек.

⁶¹ Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 562.

«случаев совращения в магометанство больше не наблюдалось, языческие моления отходили в область преданий».

Однако продолжать миссионерское дело было необходимо, и об этом шла речь на заседании комитета. Из-за разбросанности чувашских селений епископ Гермоген предложил ввести должность инородческого разъездного миссионера, на которую и был назначен иеромонах Виктор. Одной из основных его обязанностей было посещение чувашских школ и проведение бесед. Как указывалось в епархиальных ведомостях, иеромонах Виктор фактически ее уже исполнял⁶². Тогда же он получил еще одно назначение — корректора издательской комиссии, организованной епископом Гермогеном при Братстве Святого Креста. У владыки были обширные издательские планы: предполагалось наладить постоянное «издание книжек, листков, картин и изображений духовного и религиозно-нравственного содержания»; а в конце года на очередном заседании комиссии было принято также решение издавать собственную газету-листок⁶³.

По-видимому, иеромонаху Виктору было бы трудно совмещать эти новые назначения с его прежней настоятельской должностью в Хвалынске, ведь предполагались еженедельные собрания издательской комиссии. Потому, думается, епископ Гермоген и перевел отца Виктора в Саратов, дабы он мог полноценно работать в издательстве и разъезжать по миссионерским делам.

⁶² Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 506.

⁶³ «Епископ Гермоген, последовательный сторонник монархической государственности, мира и порядка в стране, оценил потенциал периодической печати, причем как созидательный, так и разрушительный. Газеты формировали общественное мнение начала XX в., влияя на умы, в особенности — на умы молодежи. Время бросало вызов пастырям, заставляя их не ограничиваться проповедью Слова Божьего в церковной ограде» (Мармиров А. И. Указ. соч. С. 211).

Кроме того, иеромонах Виктор был привлечен к еще одной инициативе владыки в области духовного просвещения. С 1903 года, сразу же после назначения на самостоятельную Саратовскую кафедру, епископ Гермоген организовал в Саратове религиозно-нравственные чтения. Темы избирались самые животрепещущие из общественной или литературной жизни; докладчиками выступали и сам преосвященный, и епархиальное духовенство, и проповедники с высшим духовным образованием из других епархий. Чтения эти проводились в зале Саратовского музыкального училища и собирали много слушателей. В феврале 1904 года иеромонах Виктор выступил там с тремя лекциями по произведениям Максима Горького. Этой темой он занимался еще во время учебы в Казанской академии и выступал с рефератом на заседании Философского общества.

Первая лекция отца Виктора в Саратове состоялась 15 февраля, и как сообщалось в епархиальном журнале: «Лекция иеромонаха Виктора привлекла в зал музыкального училища массу публики, так что многим не хватило билетов. Все проходы между стульями, хоры, фойе были заняты слушателями. На лекции присутствовали: Преосвященный Гермоген, г_{<осподин>} начальник губернии (Столыпин П. А.) с супругой и дочерью, вице-губернатор, католический епископ барон Рооп, директора обеих гимназий, ректор духовной семинарии, генерал Лесевич, гр_{<аф>} А. Д. Олсуфьев, много духовенства и другие». Темой первой лекции иеромонаха Виктора стала психология недовольных людей по произведениям М. Горького. Отец Виктор раскрыл внутренний мир недовольных людей и указал на естественность проявления их душевного настроения именно в тех формах, как это изображает М. Горький. Главной отличительной чертой недовольных людей является тоска, которая всегда соединяется у них с сердечной задумчивостью,

критическим анализом явлений наличной жизни и злобным болезненным протестом против всего и против всех.

«Герои М. Горького страдают от того, что не имеют идеала, не находя никакого смысла в жизни. Жизнь для них является сплошным страданием. В результате получается усталость, пустота. Недовольные люди находят, по-видимому, некоторую отраду, некоторое утешение в бояцкой скитальческой жизни, в быстрой смене впечатлений, ощущений. Но это лишь временно, обычное их настроение — тоска. Все они мечтают, упорно ищут, что кто-то мощный и сильный придет к ним и выведет их из той грязи, из того ада, куда они попали.

Но никто не приходит к ним на помощь. Равнодушие людей к их беспомощному положению приводит недовольных людей к озлоблению. Но это озлобление идет у них не из натуры, которая сохраняет чуткость к добру; его можно уподобить скорее капризу обиженного ребенка. В сущности, это больные люди».

«После небольшого перерыва оппонентом о_{<тца>} Виктора выступил присяжный поверенный В. Н. Поляк, который прежде всего выразил удовольствие по поводу того, что русской светской литературой стали в последнее время интересоваться даже люди духовного звания. Это знаменательное явление, тем более что предметом внимания является писатель не только не всеми еще признанный, но в некотором роде даже гонимый.

Далее, соглашаясь в общем с лектором, Г. Поляк тем не менее выразил удивление, почему о_{<тец>} Виктор поставил тему для своей лекции “психология недовольных людей у М. Горького”? В русской литературе все писатели положили в основу своих произведений тип недовольных людей, к которым принадлежали все лучшие русские люди. В 20-е г_{<оды>} ими были декабристы, в 40-е — те, кто мечтали об освобождении крестьян, в 50-е эти лучшие люди шли в народ для его просвещения.

Лектор, возражая Поляку, заметил, что оппонент смешивает два понятия: недовольство условиями жизни и недовольство самой жизнью.

Другим оппонентом лектора выступил священник Митрофаньевской церкви о~~тец~~ Кречетович, который прежде всего выразил г~~осподину~~ Поляку, как бы удивившемуся, что духовенство начинает интересоваться светской литературой: духовенство имеет дело с обществом, литература отражает жизнь, естественно, духовенство интересуется светской литературой. Затем о~~тец~~ Кречетович подверг критике основное положение лекции, по его мнению, лучше назвать типы Горького больными людьми и рассматривать их с точки зрения физиологической, но никак не с психологической. При этом следовало бы сперва выяснить причину появления этих больных людей и затем говорить уже о следствии, а не наоборот, как это сделал отец лектор.

Далее о боячестве о~~тец~~ Кречетович сказал, что эта рана на нашем общественном теле, в которой все винны. Неправ лектор, утверждая, что Горький рисует одних только недовольных людей, одни отрицательные типы. А Нил в мещанах, который любил жизнь? А Наташа в "На дне", а Лука?

Возражения о~~тца~~ Кречетовича лектор нашел не выдерживающими критики. С мнением о~~тца~~ лектора был также согласен и преосвященный Гермоген, который находил, что тема, взятая для выяснения недовольных людей М. Горького, правильно освещена и что типы во всех его произведениях нужно и должно рассматривать с точки зрения чисто психологической, а не с общественной, бытовой или, как выразился о~~тец~~ Кречетович, физиологической»⁶⁴.

Вторая лекция иеромонаха Виктора состоялась через неделю, 22 февраля; публики собралось так же много, как и на первой. Содержанием лекции было выяснение причины происхождения «недовольных людей». Докладчик показал, что «не в условиях жизни причина, а в том, что нет у них “внутреннего пути”, нет искорки, той штуки, которую так упорно

⁶⁴ Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 451–455.

ищет Коновалов». Таким образом, их недовольство чисто духовного свойства, оно проистекает из неудовлетворенности в решении вопроса о цели своего личного существования на земле. В третьей лекции (29 февраля 1904 года) отец Виктор пытался показать возможность обновления недовольных людей и путь к нему.

«В чем же смысл жизни? Прогрессивное учение о благе мира все содержание жизни приводит к одному положению — это делать добро ближнему, жертвовать собой в пользу других. В результате это будто бы приводит к общей гармонии, а пока... Мы должны изображать из себя живой навоз в истории, удобрение почвы для этой гармонии. По словам лектора, в этой устаревшей и ненужной проповеди отразилось языческое мировоззрение. Но в существе дела проповедь об “уважении жизни” не более как пустая фантазия, так как личность при этом уничтожается, самостоятельное значение ее приводится к нулю. Вот этим-то проповедь благородного, самоотверженного рабства и приводит-де к недовольству людей и отрицанию жизни, так как содержание этой проповеди в самостоятельной основе не хорошо, не нравственно, по мнению о~~тца~~ Виктора, и потому не может служить опорой человеку в его усилиях к достижению личного своего блага.

Далее — принцип служения ближнему не выдерживает критики с этической точки зрения, как не имеющий под собой нравственной основы: ближний при этом является не свободной личностью, а объектом моих забот о нем. Это своего рода эксплуатация, не такая грубая, как было в прошлом, когда на близких возили тяжести, обращая людей во вьючных животных или рабов, — но в основе — то же своекорыстное стремление и даже еще более низменное. “Ты меня в жизни обидел, да еще хочешь и в будущем спастись через меня”, — говорит Катюша князю Неклюдову, растлившему ее, когда тот начинает усиленно создавать ее “благо” в тюрьме (“Воскресение” Л. Толстого). В этом случае, говорит лектор, положение ближнего не только обидное, но и прямо глупое, так как значение личности стирается, ее собственная воля куда-то исчезает.

Но придет время, когда ближний воскликнет: “Нет человека хуже подающего милостыню, как нет человека несчастнее принимающего ее”. Личность возропщет и попросит освободить ее от посторонней опеки. Проповедь об “уважении” и “благе ближнего” часто до тошноты была противна человеку, и вот один из немецких философов, Ницше, в противовес этой теории, советует оставить всякие заботы о ближнем, жить для созидания собственного благополучия, поставить свое я “по ту сторону добра и зла” и тем низвести человека на степень животного. И многие из учителей жизни ставят человека в ряду других животных организмов, только чуть повыше. Но если бы это так было, то вопрос о смысле жизни не имел бы места, так как все чувства и желания удовлетворялись бы из физической природы. Так именно и живут другие, низшие организмы: пьют, едят, предаются отдыхновению, — наслаждаются существованием.

Но нет, для человека установлены иные законы; и для него естественно стремиться в жизни к благополучию, но всю ее сводить к этому противоестественно; никакое физическое, материальное счастье не может удовлетворить его. Мир действительности узок и сер, — и человек создает себе иной мир, мир высший, живет мыслью о достижении этого идеала. Если бы человеку удалось когда-либо дойти до степени животного, тогда, конечно, нужно следовать за Ницше, отршиввшись от всякой морали, так как получить от жизни что-нибудь все же лучше, чем быть только “кирпичом” в мировой постройке; но человеку легче удавить себя, чем задавить в себе совесть, отказаться от нравственных идеалов. Вполне удовлетворить человека может только такое содержание жизни, которое вместе с личным благом имеет непреходящее, вечное значение, а этого не дает ни ницшеанское, ни иное учение философии моралистов.

Что же, однако, мешает жить “недовольным людям”? Все они жалуются на жизнь, которая представляется им каким-то “буреломом”: кругом грабеж, мошенничество, разбой; чревоугодники и развратники, для которых в этом весь смысл существования, засорили атмосферу, все загадили, из жизни сделали тюрьму, — от этого тяжко, душно на свете. “Недовольные” только и делают, что обличают и

порицают тех, кто, по их мнению, строит жизнь, и, по-видимому, рассуждения их всегда оказываются правильными. Но почему же, спрашивает лектор, сами они не устричатся от зла, имея полную тому возможность, и своими действиями, дурной жизнью увеличивают смрад жизни? Да просто не хотят очиститься, — а в этой чистоте, в удалении от грязи и пошлости и заключается весь смысл жизни. Только в этот принцип и входит двоякое содержание бытия: ценность личности и вечность созидаемого. При этом я работаю над собой и для себя, чтобы мне быть чистым; эксплуатации ближнего здесь не может быть, так как человек в себе самом находит чистое и грязное, высокое и низкое, святое и порочное. Полнейшее же осуществление такого идеала заключается в том, чтобы не только не делать, но и не мыслить зла. Это, конечно, труднее разных философских утопий, и потому, говорит о⁶⁵ Виктор, многие не захотят следовать ему; но тогда пусть так и скажут себе: "я не хочу истинной жизни, не хочу быть человеком, а избираю жизнь низших существ", — в этом, по крайней мере, не будет обмана. Но как только вступим мы на указанный путь удаления от злого, то сейчас же встречаемся с личностью Христа, и не с Христом-моралистом, а с Христом-Искупителем, Спасителем мира. В истории человечества всевозможных моралистов было много, но Искупитель один — Христос.

"Убогое богословское мышление Льва Николаевича Толстого, — продолжал о⁶⁵ Виктор, — не признает в Христе Искупителя, и общество следует за ним, отходит от Христа, признавая в нем только моральный образ и присоединяясь к тем, которые распяли Христа, распяли не за моральное учение, а за то, что он называл себя Сыном Божиим, Искупителем. Но один только моральный образ — не образ Христа, а образ противника его антихриста". Об этом, если позволят обстоятельства, о⁶⁵ Виктор намерен прочитать особую лекцию»⁶⁵.

Была ли прочитана эта лекция в дальнейшем, неизвестно. Кроме трех лекций о недовольных людях

⁶⁵ Саратовские Епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 556–559.

предполагался еще ряд лекций богословско-философского характера, в том числе и об антихристе. Однако в епархиальных ведомостях никакой информации о них не публиковалось. И, скорее всего, прочитаны они не были. Очевидно, епископ Гермоген, уступая мольбам хвалынской паствы, счел более необходимым возвратить иеромонаха Виктора к настоятельству в подворье и скиту. И на Пасху 1904 года отец Виктор — опять в Хвалынске. Так, он, отправив владыке письмо, поздравил его с праздником, сообщил о постройке церкви в скиту и открытии при подворье монастырской общежительной школы по образцу древнерусских, жаловался на нездоровье физическое и духовное, просил прощения и благословения, обещая в скором времени написать письмо «лучшее (духовое)».

Вообще, судя по письмам отца Виктора, у него было самое сердечное расположение и полное доверие к епископу Гермогену. Очевидно, и владыка был расположен к молодому ревностному иеромонаху. Будучи сам аскетом, молитвенником, любителем уставных торжественных богослужений, ярким проповедником и в то же время умелым организатором практической деятельности монастырей и духовенства, епископ Гермоген ценил и привлекал к своей разносторонней деятельности всех искренних пастырей и мирян, радиющих о Церкви⁶⁶. С отцом Виктором у них и в

⁶⁶ Не вся деятельность епископа Гермогена была безупречной, по человеческой немощи в силу своего резкого характера владыка допускал порой серьезные ошибки и вызывал на себя справедливые нарекания даже в среде близких по духу людей. О противниках не стоит и упоминать, для левых революционных кругов он был одним из самых главных врагов, и либеральная пресса клеймила его как ярого реакционера, мракобеса и антисемита, что лишний раз свидетельствовало о строго православной позиции ревнителя Церкви. В октябрьские дни 1905 года, когда Саратов едва не оказался во власти революционной стихии, когда власти бездействовали, епископ Гермоген почти

дальнейшем сохранились теплые отношения, и через два года после перевода иеромонаха из Саратовской епархии владыка помнил своего, по словам отца Виктора, «многажды раскаявшегося преслушника» и написал ему утешительное письмо. В свою очередь отец Виктор просил владыку принять его «как блудного сына под свой кров» и надеялся на «милость и все-прощение». В чем было дело, что за преслушание проявил иеромонах Виктор, непонятно. С начала 1905 года он был переведен из Саратовской епархии и продолжил свое миссионерское служение уже на другом поприще, далеко от родины. Но к владыке Гермогену продолжал питать чувство глубокого почтения и свое служение под его началом вспоминал с большой благодарностью.

круглосуточно молился, служил, организовывал крестные ходы и проповедовал, призывая народ к миру и удерживая от погромов. Как настоящий православный архиерей, человек глубокой веры и высокой нравственности, он все силы отдавал на служение Церкви и оставался верен архиерейскому долгу до конца своей жизни, запечатленной мученическим венцом.

На Святой Земле

25 января 1905 года указом Синода иеромонах Виктор был назначен в Иерусалимскую Миссию. Прибыл он в Иерусалим в конце марта и с 1 апреля приступил к исполнению своих обязанностей старшего иеромонаха Миссии⁶⁷. Очевидно, отец Виктор проделал до Святой Земли обычный в то время путь: на поезде до Одессы и из Одессы на корабле до Яффы⁶⁸. К

⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5781. Л. 48 об. — 49; 145 об. — 146; 178 об. — 179.

⁶⁸ Примечательно описание обычного в то время прибытия в Яффу, которое оставил И. А. Бунин, посетивший Палестину весной 1907 года: «Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейде перед Яффой. На палубе гам, давка. Босые лодочники в полосатых фуфайках и шароварах юбкой, с буро-сизыми, облитыми потом лицами, с выкаченными кровавыми белками, в фесках на затылках орут и мечут в барки все, что попадает под руку. Градом летят туда чемоданы, срываются с трапов люди. Срываюсь и я. Барка полным-полна кричащими арабами, евреями и русскими. Пароход, чернея среди зеркального взморья, отделяется, кажется маленьким. Мала и Яффа. До нее еще далеко, но воздух так чист, а восточные контуры ее кубических домиков, среди которых то там, то тут метелкой торчит пальма, так четки и просты. Уступами громоздится этот каменный, цвета банана городок на обрывистом побережье. От рейда его отделяет длинная гряда рифов. За ними, у береговых отмелей, шелком сияют обвисшие паруса на высоких тонких мачтах лодок. Их

сожалению, не осталось никаких записей его впечатлений. Какие думы и мысли владели им на пути? Что он чувствовал, увидев Св. Землю и св. град, столь дорогой для сердца каждого христианина?

«Разноплеменной и многоязычный Иерусалим захватывает всякого пришельца шумом и красочностью своего пестрого содержания. Бедуины и феллахи в нарядных бурнусах, евреи в лисьих шапках, лапсердаках и с пейсами, армяне в своих острых монашеских кукулях, копты с татуированными руками и синими кистями на фесках, темнолицые эфиопы, чистые сердцем дети далекой Абиссинии с доверчивым и грустным взглядом светлых глаз, пестрое латинское воинство белых доминиканцев, коричневых фраторов из "Кустодии", темных бенедиктинцев, черных иезуитов, англиканские priest'ы в тропических шлемах, спокойно-величественные, полные невозмутимого достоинства в своих крылатых рясах греки — полновластные и исконные хозяева святых мест, вынесшие изумительную, беспримерную в истории борьбу за них против страшных полчищ Магомета и против фанатичных и хищных легионов латинских поработителей, борьбу без оружия, без армии, почти без средств, без дипломатической защиты, с единой надеждой на поспешающую десницу Божия Промысла. Все эти племена и языки, рясы, сутаны, кумбазы, фески и камилавки наполняют храмы, базары и кривые закоулки Иерусалима. Но картина не была бы полна, если не вспомнить тех, кто искренней и глубже их всех, со всей силой порыва возлюбил Христа и Его Матерь, Его землю и Его пути и тропинки в ней, — а именно русского паломника, тысячами ежегодно шедшего в Палестину, в лаптях или босого, посконного, заплатан-

больше всего возле северной отмели, где когда-то был Водоем Луны, финикийская гавань. С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. С юга — желто-серые филистимские пески. На востоке — знайно-голубой мираж Иудеи. Там, за горами — Иерусалим...» (Бунин И. А. Иудея // Путешествия в Святую Землю. М.: Лепта, 1995, С. 219–221).

ного, с клюкой и котомкой, с горением веры в наивном сердце и бездонной печалью в глазах»⁶⁹.

Больше всего паломников направлялось в Иерусалим Великим постом. Так, вероятно, и иеромонах Виктор плыл из Одессы на одном из кораблей вместе с паломниками, простыми русскими мужиками и бабами. Ежегодно по нескольку тысяч собирались их к празднику Св. Пасхи: в массе своей — крестьяне, простой малограмотный, но чрезвычайно благочестивый народ. На своем пути они претерпевали невероятные лишения и невзгоды, перенося их кротко и смиренно, благодаря Бога за все и почитая себя самыми счастливыми людьми, удостоившимися ступить на Св. Землю⁷⁰. Местные жители, не только православные арабы, но даже и мусульмане, невольно преклонялись перед подвигом паломников и проникались уважением к русским.

Иеромонах Виктор об этом позднее скажет в своем докладе на Миссионерском съезде, подчеркнув, что

⁶⁹ Архимандрит Киприан (Керн). Отец Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. М.: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2005. С. 218–219.

⁷⁰ «Много нападали на наших поклонников по святым местам, а между тем только благодаря этим сотням и тысячам серых мужиков и простых баб, из года в год движущимся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русское имеет в Палестине; влиянию настолько сильному, что вы с русским языком пройдете по этой дороге, и вас не поймет разве только какой-нибудь пришлый издалека бедуин. Отнимите вы этого мужичка — и исчезнет “Москов” (“хаджи Москов”, как называли русских паломников палестинские арабы), единственный поддерживающий в Палестине русское влияние. Отнимите его — и православие заглохнет среди систематической католической и еще более сильной в последнее время протестантской пропаганды». (Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. СПб., 1879. С. 15).

причина ослабления мусульманского фанатизма, особенно в отношении к русским, «лежит исключительно в паломниках — в их невозможных духовных трудах поста, непрестанной молитвы, в их кротости, незлобивости, всепрощении и сострадательности к бедным и убогим, каковыми добродетелями они стяжали для русского народа даже среди мусульман великое имя — святого народа. Русский народ — святой народ, — это ходячее мнение среди арабского и вообще восточного населения. И по истине, — наши паломники — это странники Божии, подобные самим Святым Апостолам; они, так же как и Святые Апостолы, сеют семена веры Христовой среди язычников и утверждают православную веру свою среди еретиков».

Будучи сам выходцем из простого народа, иеромонах Виктор не мог не сочувствовать паломникам (в полном смысле этого слова). «По человечеству бывает скорбно за них, — говорил отец Виктор, — видя неспособильные труды их, но потом думаешь: пусть несут эти труды, пусть понесут больше сих труды, во сто крат больше, ибо в этих трудах их славится имя Божие, укрепляется их собственная вера и невидимо сеется эта вера среди язычников. В этом своем паломничестве наш русский народ инстинктивно исполняет свое вечное Божие определение о себе: быть светом миру, светом мира и братского единения всех во Христе»⁷¹.

О подвиге русских паломников ярко повествует в своей книге англичанин Стефан Грехем⁷², совершив-

⁷¹ Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. Харьков, 1909. С. 28.

⁷² Stephen Graham. With the Russian pilgrims to Jerusalem. London, 1913–1914. «Вся книга Грехема — это сплошной гимн русскому паломнику. Русский простолюдин открыл образованному англичанину новый мир, о существовании которого он и не подозревал, — мир религиозного подвига, непоколебимой веры и высоких мистических переживаний», — отмечалось в

ший почти в то же время паломничество с простыми русскими крестьянами⁷³. И хотя его предупреждали, что в последнее время паломники уже не те, что с увеличением их количества понизилось «качество», но собственные наблюдения привели его к убеждению, что «семь тысяч русских паломников в Иерусалиме представляют те семь тысяч, которые делают народ достойным Бога».

Англичанин подробно описал многих паломников, их простоту и глубокую веру, трогательные моления, сурое воздержание. Все держали строгий пост, не допускавший ни мясного, ни молочного, а многие всю дорогу довольствовались лишь сухарями, размоченными в воде, если к ним добавлялась капля постного масла или несколько маслин, то это была уже праздничная трапеза. В Иерусалиме на подворьях борщ и каша, да квас с хлебом составляли все незамысловатое меню. Однако не эта скромная диета, к которой мужики могли привыкнуть и в обычной своей крестьянской жизни, была главным в посте паломников, а воздержание от табака и водки⁷⁴.

публикации Императорского Православного Палестинского Общества (Церковный вестник. 1914. № 19. С. 561).

⁷³ Автор все время пути до Яффы пребывал вместе с простыми паломниками на корабле. Около четырехсот русских крестьян ехали в трюме, в темноте, тесноте и духоте. Во время сильного шторма «трюм, где они перекатывались, как трупы, или хватались друг за друга, как сумасшедшие, был хуже, чем самая последняя яма, а зловоние хуже огня (пожара)». При этом никто не жаловался, а по окончании плавания со слезами благодарили Бога и первым делом, вступив на Св. Землю, отслужили благодарственный молебен. В Иерусалиме, где к Пасхе собирались тысячи паломников, они размещались без особых удобств в огромных комнатах, где были поставлены в шесть рядов деревянные стеллажи. «Это было похоже на огромную камеру хранения на вокзале, где вместо дорожных сундуков и чемоданов в ячейках лежали люди» (Stephen Graham. Указ. соч. С. 8–10, 94).

⁷⁴ «А многие паломники, по их собственному признанию, были пьяницами. Я не думаю, что у них сильная воля, но вера у них

Размышляя о причинах, заставляющих русского крестьянина идти в Иерусалим, английский наблюдатель замечает, что для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к самым глубоким тайнам человеческой души, народной психологии, и тем не менее все равно останется нечто невысказанное, неосознаваемое.

«Русские — вулканы, потухшие или затихшие (находящиеся накануне извержения), или извергающиеся. Под поверхностью, спокойной и оцепеневшей (глупой), скрывается ядро расовой энергии, внутренний огонь и тайна духа человеческого. Когда дух руководит человеком в его таинственной глубине, тогда его внешние поступки могут казаться странными. Самый отчаянный деревенский пьяница в один прекрасный день вытаскивает себя из грязи, отказывается от выпивки и отправляется в Иерусалим. Скупой старый мужик, копивший деньги в течение полувека, просыпается в одно прекрасное утро, отдает кому-нибудь свои сбережения, а сам идет поклониться далеким святыням и кормится по дороге ради Христа. Скрытный молчаливый крестьянин, скрывавший всю жизнь свои мысли и чувства от самых близких любящих людей, встречает странника, со слезами рассказывает ему историю своей жизни и открывает тайну своего сердца, и сам отправляется в паломничество. В России, как нигде в мире, случается неожиданное и таинственное»⁷⁵.

Так что же это за паломник, который не раз посещает Иерусалим? Для объяснения английский паломник приводит слова основателя и секретаря Импе-

очень сильная, если она давала крестьянам возможность сказать “нет” турецкому джину или коньяку, предлагаемому им по цене вдвое дешевле, чем они платят в России. В каждом порту появлялось искушение, турки и арабы не только предлагали бутылки, но докучали паломникам с ними. Паломники говорили: “Уйди, это грех, мы не станем пить” (*Stephen Graham. Указ. соч. С. 55*).

⁷⁵ *Stephen Graham. Указ. соч. С. 55, 89.*

раторского Православного Палестинского Общества В. Н. Хитрово о том, что паломник ищет и находит на святых местах сердечную молитву и что именно сладчайшие моменты духовного восторга, которые он переживает на святых местах, заставляют его вновь возвращаться к ним.

Эта высокая духовная настроенность русских паломников хорошо была знакома иеромонаху Виктору еще на родине в России. И, конечно же, она не могла умалиться и здесь в Иерусалиме, в самом сердце христианского мира, на земле, орошенной слезами и кровью Спасителя, куда со всех концов России ежегодно стекались тысячи паломников «в самом возвышенном религиозном настроении человека — сознании им своей греховности и всецелого отдания себя на служение Богу».

«Это паломничество в России вовсе не случайное явление, совершающее по чувству простого любопытства, но оно являет собою в жизни Русского народа особенный подвиг народного служения Богу. И не потому наше паломничество подвиг спасения, что оно часто бывает обставлено массою невозможных трудностей и всяких неудобств, что особенно и было в первые времена. — Нет, паломничество русского народа есть подвиг само по себе, — как путешествие благочестивой души поклониться Господу, явившемуся или являющему Себя на известном месте и в известном лице, а особенно там, где совершено Богом самое домостроительство нашего спасения. Будут ли условия паломничества тяжелы или совсем облегчаться, оно все равно останется подвигом поклонения Господу и всецелого служения Ему и духом, и телом хотя бы на короткое время самого путешествия по святым местам»⁷⁶.

Традиция паломничества на Святую Землю русских людей уходит в глубь веков. С первых же лет после принятия христианства начинают они совер-

⁷⁶ Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. С. 18.

шать путешествия в Палестину. Путевые записки такого путешествия начала XII века «Хождение игумена Данила» являются замечательным произведением православного благочестия, не потерявшим своего научного и нравственного значения до сих пор. Любовь и тяга к Святой Земле не ослабляются на протяжении веков. При такой великой духовной связи русского народа со Святой Землей естественно было ожидать, что и российская государственная власть, и церковная иерархия должны были бы проявлять интерес и оказывать помощь как своим паломникам, так и Иерусалимской патриархии и тем самым содействовать в целом укреплению православия на Востоке. Однако этого не происходило, и долгое время паломники оставались предоставлены сами себе (речь идет не о далеких и тяжелых для Руси временах монгольского ига и последующих веках выживания и созиания Русской земли, а о времени расцвета и политического могущества великой державы, достигшей не только Тихого океана, но и перешагнувшей через него и утвердившейся на берегах Американского континента).

В Иерусалиме не было никакого официального российского представительства, и связи с Восточными патриархатами у Русской Церкви не только не укреплялись, но и совсем ослабли в Синодальный период. Лишь в середине XIX века ситуация начала меняться. В Иерусалиме создаются представительства: и церковное (Русская Духовная Миссия), и дипломатическое (консульство). Налаживаются регулярные рейсы пароходов из Одессы, приобретается недвижимость в Палестине и начинается строительство русских храмов и подворий. Казалось, наконец-то великое дело будет сделано общими усилиями; тем более что попечением о паломниках стали заниматься и Русское общество пароходства и торговли, и Палестинский комитет под председательством брата государя, великого князя Константина Николаевича. Но не тут-то было. Дело-то

делалось, но отнюдь не общими усилиями, и чуть было совсем не погибло под мертвящим давлением бюрократической системы. Спасла его лишь личная инициатива незаурядных церковных и общественных деятелей, сумевших этой системе противостоять.

Вся полувековая деятельность Русской Духовной Миссии была наполнена борьбой с консульством и другими учреждениями, которые в лице своих чиновников всячески препятствовали Миссии и стремились вообще ее упразднить. История этих взаимоотношений, как и в целом история русского присутствия на Св. Земле, — отдельная тема, и мы лишь кратко отметим основные ее моменты, чтобы понять то состояние, в котором застал ее иеромонах Виктор в 1905 году. В 1847 году Св. Синод учреждает Русскую Духовную Миссию во главе с архимандритом Порфирием (Успенским). Миссия должна была представлять интересы Русской Церкви перед иерархами Востока и турецким правительством. Однако архимандрит и трое его помощников⁷⁷ отправлялись в Иерусалим лишь в качестве паломников (поклонников), и им даны были инструкции «не придавать себе никакого иного характера, кроме поклоннического, не вмешиваться в житейские дела русских паломников и всячески стараться о том, чтобы не возбуждать подозрений в иностранных агентах и не давать повода к толкам о каких-либо скрытых намерениях России»⁷⁸. Но в то же время в инструкции было пожелание, чтобы Миссия старалась «малопомалу преобразовать самое греческое духовенство, управляющее православными христианами на Востоке, возвысив его как в собственных глазах, так и в глазах православной паствы его». И это была не случайно брошенная мысль, а вполне устоявшееся ми-

⁷⁷ Среди них и будущий знаменитый епископ Феофан (Говоров) Затворник.

⁷⁸ Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 136.

ровоззрение, причем не только светских, но и церковных кругов.

После Крымской войны, в связи с которой деятельность архимандрита Порфирия и его Миссии была прекращена, в 1857 году была создана новая Миссия, уже как официальное церковное представительство во главе с архиереем. Для этого специально был рукоположен архимандрит Кирилл (Наумов), инспектор и профессор Петербургской духовной академии. Отправляемый его в Иерусалим, Св. Синод не только не спросил, но даже не уведомил Иерусалимского Патриарха. Эта вспоминаяшая нетактичность, не говоря уже о нарушении основных канонических правил, воспрещающих епископам вмешиваться в дела чужой епархии, вместо укрепления грозила вообще испортить отношения с восточными иерархами. И только личные качества епископа Кирилла, его ум, чуткость, обаятельность и искренняя расположленность к Греческой Церкви позволили ему установить доверительные, а потом и самые сердечные отношения с Иерусалимским Патриархом⁷⁹. И за время недолгого служения владыки Кирилла никаких осложнений во взаимоотношениях с греками у Миссии не было.

Зато проблемы (и какие!) сразу же возникли во взаимоотношениях со своими же соотечественниками. Государственные чиновники, консулы и агенты Общества пароходства, а также вышестоящие инстанции в Петербурге всячески мешали Миссии осуществлять свою деятельность и не просто вмешивались в ее дела, но постепенно ее совсем от всех дел отстранили. Сло-

⁷⁹ «Даже больше того, в те трудные для него дни борьбы со своими же, оклеветания и доносов на него, и, наконец, вынужденного отзыва из Палестины, владыка нашел в Патриархе и друга, и заступника, неоднократно ходатайствовавшего перед Константинопольским посольством об участии несчастного и невиновного начальника Миссии» (Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 147).

жившаяся в Российской империи за два века «система», подчиняющая Церковь государству, не могла позволить самостоятельной деятельности Церкви, и епископ Кирилл, незаурядный и энергичный церковный деятель, а потому и неугодный, стал жертвой этой системы. По бесчестному доносу консула в 1863 году владыка Кирилл был уволен на покой и отозван из Иерусалима, несмотря на его протест, просьбу канонического суда над собой, заступничество Патриарха и его Синода, ходатайства почетных граждан Иерусалима и т. д.

Консульству оказался неугоден и преемник владыки на посту начальника Миссии — архимандрит Леонид (Кавелин). Не прошло и двух лет, как его постигла участь владыки Кирилла. Назначенный на его место в 1865 году архимандрит Антонин (Капустин) в Иерусалиме удержался надолго и на должности начальника Миссии оставался без малого три десятилетия до самой своей кончины в 1894 году. Архимандрит Антонин — замечательный человек, отзывчивый и сердечный пастырь, талантливейший ученый, научные его труды по археологии и востоковедению публиковались в различных изданиях и были признаны во всем мире; он получил множество наград и избирался в почетные члены академий и десятки научных обществ как в России, так и за рубежом.

Но как начальник Духовной Миссии он был по-прежнему неугоден консульству и Палестинскому комитету и подвергался не меньшим нападкам, чем и его предшественники. «Сама Миссия стоит на пути и мешает тем, кто в Церкви привык распоряжаться как в своей вотчине, и против Миссии и ее ученого, талантливого и трудолюбивого начальника ведутся подкопы и систематическая борьба, в которой не гнушились никакими средствами⁸⁰. И если противники не

⁸⁰ Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 164.

смогли сместить его самого, но навредить и ему, и Миссии им удалось изрядно. Консул со своими сторонниками в Петербурге едва не добились упразднения Миссии, и лишь заступничество государыни Марии Александровны, наставившей на отмене уже принятого решения о низведении Миссии на степень консульской церкви, спасло Миссию в 1880 году.

Архимандрит Антонин поначалу недоумевал, в чем же причина такого отношения и какова его вина. Позднее он получил откровенный ответ от одного из деловых людей, который сказал ему в поучение, что ни он, ни кто другой не виноват в таком положении дел и что тут действует не та или другая личность, а «система». Поняв, что бесполезно бороться с «системой», архимандрит Антонин отступил, но — не сдался. Он мог бы уйти в свои научные занятия, ведь для них в Палестине было широкое поприще, и он успешно продолжал их до самой своей кончины. Однако не наука, а прежде всего православие заботило отца Антонина, и для его укрепления он нашел себе деятельность, единственно возможную в тех условиях. В письме секретарю Палестинского комитета и Палестинской комиссии Б. П. Мансурову, своему основному оппоненту и гонителю, отец Антонин писал:

«Чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом, ни на церковном, ни даже на миссионерском поприще, я ограничился одним, чисто паломническим значением своей Миссии и нашел способ путем территориальных приобретений и устройств в разных местах русских приютов поставить ее и крепче, и весче, и, пожалуй, даже более блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине. Могла простить мне это система? Я не дитя, чтобы поверить этому. Но обращаюсь к Вам, превосходительнейший Борис Павлович, человеку честному и искреннему, в чем погрешил я перед отечеством, царем, Богом, что стал приобретать в собственность России то, что еще осталось Божиим Пророчеством в Св. Земле ценного, не захваченного

католиками, протестантами, армянами, жидами? Ведь во всякой другой стране христианской подобного ревнителя, по крайней мере, осыпали бы похвалами»⁸¹.

Действительно поразительно, что удалось сделать отцу Антонину: им было куплено — и Миссия этим вполне законно владела — тринацать участков общей площадью около 425 000 кв. метров и стоимостью в то время до миллиона рублей золотом. Среди этих приобретений драгоценнейшие для христианства участки: в Хевроне со знаменитым Мамврийским дубом, на Елеонской горе, в Иерихоне, в Горней в 9 км от Иерусалима, в Яффе у гробницы праведной Тавифы, в Тивериаде на берегу Галилейского озера, где были построены подворья, возведены храмы, устроены монастыри, школы и учительские семинарии.

«Побывавшие в Святой Земле невольно поражаются всему тому, что сделано в течение столь краткого времени волей, умом и энергией одного человека. Действительно, дивные и величественные русские храмы, в которых совершается славянское богослужение, обширные и хорошо оборудованные приюты и подворья, в которых паломник находит отдых и гостеприимство после утомительного пути, зноя и непогоды, участки земли с богатой растительностью и необходимыми постройками и, наконец, самое, может быть, существенное и внушительное — это памятники древней библейской истории и археологии, исключительной ценности и первоклассного значения, и все это, рассеянное по всей Палестине от Тивериадского озера до Хеврона, от Яффы и до Иордана...

Интересно, как относилось наше правительство к такой деятельности о. Антонина? Можно с уверенностью сказать, что на Западе была бы память такого человека давно ужеувековечена, или уж во всяком случае ему бы помогали, его дело защищали, его бы в работе поощряли. У нас же человеку, спасшему для православия и России такие со-

⁸¹ Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 186.

кровища, как Елеон, Дуб, Горнюю, гробницу Тавифы и т. д., в его деятельности мешали, его самого взяли под подозрение, а через 25 лет после его смерти крепко забыли его имя»⁸².

Когда архимандрит Антонин начал приобретать участки земли в Палестине, католики и протестанты уже владели огромными угодьями, на которых устраивали монастыри, школы, вели пропаганду среди местного арабского населения и постоянно расширяли свою деятельность. Весь католический мир слал пожертвования своим миссионерам в Палестину, и финансовых трудностей они никогда не испытывали. В то время как начальник Русской Миссии не только не имел никаких средств, поскольку отпускаемых Миссии денег едва хватало для ее содержания, но не мог объявить и тарелочный сбор по церквям в России, так как это было воспрещено консульством. Поэтому приходилось рассчитывать только на частные пожертвования. Но мало того, что у отца Антонина не было официальной поддержки в столиц, казалось бы, для России важном деле, даже в политическом плане, не говоря о духовном, ему еще и всячески препятствовали! Консулам и чиновникам Палестинского комитета не нравилось приобретение Миссией земельных имуществ, в конце концов они даже добились запрещения дальнейшего приобретения земельных участков ради якобы сохранения *status quo* в Палестине, в то время как католики, нисколько не волнуясь о сохранении «статуса», продолжали расширять свою деятельность и приобретать имущество.

Ситуация улучшилась с созданием в 1880-х годах Российского Императорского Православного Палестинского Общества, которому были переданы функции прежней Палестинской комиссии вместе со всеми капиталами и имуществом на Св. Земле. Теперь не

⁸² Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 186–187, 209.

равнодушные бюрократы, а искренние радетели о православии занялись русскими делами в Палестине, заручившись непосредственной государственной помощью и августейшим покровительством, так как председателем общества стал брат государя, великий князь Сергей Александрович. РИППО строило храмы, новые подворья, производило важнейшие научные изыскания, археологические работы, открывало школы для арабских детей и учительские семинарии. Просветительская деятельность общества была особенно успешной и очень актуальной.

Инославная пропаганда отторгала от православной местной паствы ее овец, а Иерусалимский патриархат не мог ей серьезно противодействовать. К 1880-м годам у него было всего лишь две православные школы, при том что католики и протестанты имели на Святой Земле уже 82. В 1882 году Императорским Палестинским Обществом была открыта первая школа для арабских детей, а к 1904 году по всей Палестине и Сирии их было уже 87 при 417 преподавателях и 10 225 учащихся. И с каждым годом открывались новые, причем финансировались школы из Российского государственного казначейства по реескрипту императора. Учителями и учительницами в Палестину ехало немало молодых людей из русской интеллигенции. Бет-Джалильская и Назаретская семинарии готовили преподавателей, которых требовалось все больше для вновь открывающихся школ. Духовное окормление русских учителей осуществляла Духовная Миссия; по инициативе секретаря Палестинского Общества ежегодно Великим постом Миссия направляла в Назарет, Дамаск и Триполи иеромонаха, у которого исповедовались учителя. С 1902 года такие поездки совершал обычно старший иеромонах Миссии.

Так, и в 1905–1908 годах старший иеромонах Миссии Виктор (Островидов) объезжал школы в На-

зарете и Сирии. Кроме того, он совершал богослужения в храмах Миссии, прежде всего в Троицком соборе, где службы были ежедневными, в церкви св. царицы Александры — домовом храме Миссии, в церкви Марии Магдалины в Гефсимании, в храмах Горней и Елеонской женских общин, а также в храмах и молитвенных домах на других участках Миссии. Фактически это было единственным делом Миссии наряду с обычным обслуживанием паломников: совершением треб, сопровождением паломнических караванов по святым местам и проведением ежедневных чтений или бесед. Во время паломнического сезона, когда прибывали тысячи паломников, и это обычное обслуживание было нелегким делом. Ведь в составе Миссии было менее сорока человек, из них всего 4–6 иеромонахов и 2–4 иеродиакона, остальные — монахи, послушники и мирские лица: певчие, переводчик (драгоман), служащие, кавас, чернорабочие (как правило, местные мусульмане).

Кроме того, Миссия вела огромную хозяйственную деятельность, особенно при возглавившем Миссию в 1903 году архимандрите Леониде (Сенцове), который старался продолжить дело архимандрита Антонина. Он приобретал участки земли по всей Палестине, на них и на прежде купленных строил храмы, дома, гостиницы для паломников (некоторые из них вмещали до 1000 человек), постоянно производил благоустройство прежде построенных зданий, благоукрашал храмы⁸³.

⁸³ Отцу Леониду удалось купить более десяти крупных участков в Иудее и Галилее, в том числе несколько красивейших близ Тивериады на берегу Галилейского озера. В Хевроне им был значительно расширен участок вокруг дуба Мамврийского и начато там строительство огромного собора Пресв. Троицы. На горе Кармил близ Хайфы был построен храм пророка Ильи. В Иерусалиме открыты: приют для детей-сирот и богадельня для русских безродных старушек-паломниц.

И все же эта деятельность для Духовной Миссии являлась по меньшей мере недостаточной. По словам иеромонаха Виктора, у Миссии не было «внутренней жизнедеятельности и действительной работы». Она по-прежнему была от дел оттеснена, а с созданием жизнеспособного Палестинского Общества даже более чем прежде. Конечно, прежнего антагонизма с официальными структурами не было, и ничего уже не угрожало ее существованию, и само русское дело в Палестине было спасено. Все теперь понимали и важность присутствия на Св. Земле, и необходимость приобретения имущества и строительства храмов и в целом расширения миссионерской деятельности. Но получалось, что именно Духовная Миссия никакой миссионерской деятельности и не вела. Да и не могла ее вести в том положении, в которое она была поставлена с самого начала своего возникновения, связанная по рукам и ногам, словно пленник бюрократической системы. После трехлетнего пребывания на Святой Земле иеромонах Виктор свидетельствовал:

«Единственное занятие, какое всегда находили себе члены Миссии, — это служение молебнов, панихид, исполнение незначительных треб церковных и собирание пожертвований. Такое положение Миссии — как требоисправительницы — более чем печально. Да и это поделие в течение $\frac{1}{2}$ года за отсутствием паломников пропадает и легко может совсем пропасть, для чего достаточно одного слуха о надвигающейся, например, заразной болезни, что неизбежно затормозит самое паломничество русского народа, и вся Миссия останется уже совершенно вне всякой работы»⁸⁴.

Миссия не могла осуществлять даже духовно-пастырское руководство русскими паломниками. Исполнение же треб, чтения, входившие в обязанность

⁸⁴ Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. С. 4.

членов Миссии, которые совершались формально и людьми малограмотными, таковой деятельностью являться никак не могли. Еще в 1885 году архимандрит Антонин писал: «Миссии никто не поставил ни в право, ни в обязанность руководить паломников, посещающих Св. места. Заикнись теперь Духовная Миссия о своей пригодности к пасению словесного стада нашего на лугах Св. Земли, ее и свои, и чужие привлекают несомненно к волку»⁸⁵.

Спустя четверть века иеромонах Виктор, упоминая слова отца Антонина, а также его замечание о том, что «без благотворного просветительного влияния на народ Миссия, как духовное учреждение, существовать не может», с горечью констатировал, что Миссия «в таком печальном положении находится до сих дней наших...». Не это ли ненормальное положение Миссии в Иерусалиме, миссии-«требоисправительницы», было причиной тяжкого состояния духа иеромонаха Виктора, о чем он писал в письме Саратовскому епископу Гермогену в январе 1907 года:

«Сам я лично после ухода из Хвалынска живу постоянно в великой скорби. Не раз просил благословения у Преосвященного Антония, чтобы вернуться назад в Хвалынск, но он не отвечает на сие. Правда, внешнее мое положение куда лучше, но, оказывается, все ничто, если нет внутреннего мира, радости сердечной. И вот сейчас, когда пишу это письмо, я не знаю, что мне делать, или лучше, не знаю, что будет завтра. Владыка Антоний пишет, чтобы я крепился и занимался для будущего языками, а я написал ему решительное просительное письмо, чтобы куда-нибудь перевел меня из Иерусалима. Утешение и забвение нахожу в изучении наитруднейшего арабского языка»⁸⁶.

⁸⁵ Церковный вестник. 1885. № 4. С. 239.

⁸⁶ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брусикина к священномученику Гермогену (Долганеву). С. 279–287.

Письмо подписано: «Ваш уже многажды раскаявшийся преслушник и молитвенник пред Живоносным Гробом Господним Иеромонах Виктор». Можно предположить, что иеромонах Виктор сам желал отправиться на служение в Иерусалим и не послушал епископа Гермогена, отговаривавшего его от этого. А советовать ему поехать мог не кто иной, как «Преосвященный Антоний», которого иеромонах Виктор теперь в письме просит перевести из Иерусалима, — архиепископ Антоний (Храповицкий), его духовник и наставник. Вполне вероятно, что по предложению владыки Антония иеромонах Виктор в Иерусалимскую Миссию и был назначен. В дальнейшем владыка старался поддерживать своего ученика и, состоя с ним в постоянной переписке, пребывал в курсе всех дел и проблем Иерусалимской Миссии. Летом 1908 года он предложил иеромонаху Виктору, приехавшему в Россию в отпуск, выступить на IV Миссионерском съезде в Киеве.

Этот съезд, подготовленный и проводимый под руководством архиепископа Антония, стал заметным событием религиозно-общественной жизни страны и из собрания узких специалистов приобрел значение общещерковное. «На съезд явились 233 действительных члена, то есть командированных епархиями и пользующихся правом голоса на всех заседаниях, 199 волонтеров из священников и начетчиков, из них многие прибыли издалека — эти члены допущены к участию также и в комиссиях, и в общих собраниях. Кроме того, к присутствию допущено 208 лиц из ревнителей православия»⁸⁷. На открытии съезда 12 июля 1908 года в зале Религиозно-Просветительского общества присутствовали три митрополита: Санкт-Петербургский Антоний, Московский Владимир, Киевский Флавиан, 30 архиепископов и епископов, обер-

⁸⁷ Церковный вестник. 1908. № 30. С. 936.

прокурор Св. Синода и его товарищ, киевский генерал-губернатор В. А. Сухомлинов и участники съезда в количестве 640 человек.

«“Этот давно-давно небывалый, невиданный в жизни церковной на св. Руси собор многих архипастырей Церкви во главе с первоиерархами представляет собою глубоко назидательный акт для миссии”, — сказал в своем выступлении один из участников и подчеркнул, что обращается к Св. Синоду не только с благодарностью, но и с усердной просьбой: “Богомудрым попечением Вашим благопоспешите исполнением тех предначертаний наших, которые вы услышите... Попспешность исполнения этих предначертаний обусловливается настоятельностью времени”»⁸⁸.

В докладах участников съезда поднимались вопросы не только о проповеди христианства языческим народам или обращении уклонившихся в расколы и ереси, что обыкновенно для миссионерского дела, но также о необходимости миссии среди самого православного народа России, поколебавшегося в вере и подвергавшегося страшному воздействию пропаганды нигилизма и безверия, о необходимости радикальных и решительных мер для благоустройства церковной жизни. В этом плане доклад иеромонаха Виктора о проблемах Иерусалимской Духовной Миссии, на первый взгляд столь далекой от насущных проблем России, оказался весьма актуальным и вызвал живейший интерес и сочувствие. «Случайно я здесь присутствую, случайно и буду говорить пред сим священным собра нием, — начал свой доклад иеромонах Виктор на общем заседании съезда 18 июля 1908 года, — а потому и речь моя не будет представлять собою какого-либо ученого исторического трактата о нашей духовной

⁸⁸ Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 3. С. 220.

Миссии в Иерусалиме, а есть просто только живое слово о живых же нуждах ее»⁸⁹. Подводя итог полу-вековой деятельности Миссии, отец Виктор откровенно сказал:

«Как это ни странно по отношению к нашей духовной Миссии в Иерусалиме, где сосредоточены религиозные интересы почти всего земного мира (христиан, магометан, евреев), где, по выражению св. отцов, место матери всех церквей и куда Россия ежегодно посыпает тысячи своих православных чад с их пастырями и даже высшими иерархами, — и однако, несмотря на такое наиважнейшее местоположение тамошней нашей Миссии, о ней, — о ее задачах, целях и вообще жизнедеятельности совершенно невозможно сказать какое-либо определенное, ясное слово, и это уже после 50-летнего существования Миссии».

«Полная безжизненность и наличная бесцельность Миссии все-таки остается во всей силе и до сих пор, что нечаянно и засвидетельствовал один из посетивших Палестину наших иерархов. На обеде в здании Миссии в честь этого редкого в Палестине гостя после обычных тостов за Государя и местных деятелей владыка пожелал сказать слово и за нашу Миссию. “Теперь прилично, начал святитель, предложить слово за... но, впрочем, что здесь такое? Монастырь? — не монастырь; приют, богадельня? — не похоже; постоянный двор? Тоже не то; Миссия? Но в чем ее миссия?.. Ну-да, говорит, просто пожелаем здоровья здесь живущим”. Такой неожиданный инцидент рассмешил всех присутствовавших, но только на этот смех прилично было ответить словами нашего великого писателя: что смеется? — над собой смеется. Таким образом, вопрос, быть или не быть нашей иерусалимской Миссии, остался во всей силе и до наших дней; но не потому он существует, чтобы наша Миссия и в самом деле не могла иметь внутренней жизнедеятельности, какой-либо действительной работы, которая давала бы ей смысл и значение. Такое печальное

⁸⁹ Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. С. 3. (Далее в этой главе, кроме отмеченных отдельно, цитаты из этого доклада.)

ее положение, в котором она находится, есть явление чисто случайное для нее, созданное историческими условиями самого ее возникновения».

Далее иеромонах Виктор, кратко повествуя об истории Иерусалимской Миссии и первых ее начальниках, также откровенно подчеркнул, «что у нас еще и не было в Иерусалиме духовной Миссии, как посланничества высшою духовною властью Русской Церкви духовных лиц с определенными чисто-церковными и религиозными целями... Вместо сего было только посольство светскою властью духовных лиц со спекулятивными целями, а результаты такого посольства, как для нашего миссионерского дела на Востоке в видах поддержания православия, так и вообще для наших отношений с Восточной Церковью, вышли весьма плачевны».

Недоразумения между Миссией и восточными иерархами не могли не возникнуть, во-первых, из-за самого неканонического посольства Духовной Миссии светской властью без согласования с восточными святытелями, во-вторых, из-за тех инструкционных данных, которыми должны были руководствоваться русские церковные деятели на Востоке. И хотя в основании этих инструкций, по-видимому, лежала верная и великая мысль поддержания православия на Востоке, но в действительности они при практическом своем осуществлении привели не к поддержанию православия, а, как то ни странно, к ослаблению его вообще и наших братских отношений с Восточною Церковью в частности. По словам иеромонаха Виктора, объяснялось это тем, «что полученные нашими духовными деятелями инструкции вырабатывались светскими государственными лицами, руководящими началами для которых, конечно, были прежде всего интересы Русского государства, а не интересы православия, — при помощи последних всегда надеялись получить первые, то есть влияние Русского государства на Вос-

токе». Отсюда начальники Миссии вместо ревности о православии не должны были выходить из границ чисто дипломатических отношений ко всем, с кем они вынуждены были столкнуться в Иерусалиме.

«Эта русская церковная дипломатия в связи с отставанием каких-то своих личных русских интересов вместо общих интересов православия, а в отношении к греческой Церкви крайним небрежением, не обращением на нее внимания вместо братских отношений любви и взаимопомощи, — все это и поставило нашу иерусалимскую духовную Миссию на тот ложный путь, который привел ее к полному омертвению».

Духовным деятелям на Востоке внушалось с самого начала — преобразовать все греческое духовенство в лице архипастырей и самих первосвятителей Востока.

«Эти инструкционные внушения — преобразовать, перевоспитать восточную иерархию, выдержавшую страшную вековую борьбу за православие и сохранившую его во всей его чистоте, — эта тенденция слишком смела, если совсем не наивна, и могла она вырасти только в умах, далеких от понимания религиозных истин жизни. Помимо сего, самый тон подобных отношений — влияние свысока от сознания своего какого-то превосходства — это не тон взаимоотношений двух церквей в общих интересах их веры и деятельности. В основание такого отношения кладется не братская любовь смиренного служения, а горделивое чувство превозношения, а в данном случае превозношения пред гораздо старшими нас, нас породившими духовно и воспитавшими, и это не могло, конечно, не оскорбить восточных святителей».

Но главное зло от этого горделивого начала иеромонах Виктор видел в том, что оно проникло незаметно в сознание всего русского народа, особенно пастырей.

«“Нам нечего учиться у греков, мы сами их должны учить, у них нет ничего, прошли те времена” и пр<очие> и пр<очие> рассуждения в этом духе мы слышим на каждом шагу и особенно у людей, побывавших на Востоке и увидевших внешнюю бедноту греческих церквей, и вообще угнетенное положение восточного духовенства под турецким игом. Не буду опровергать этого неправого по существу мнения, но скажу только, что в деле религиозной жизни и просвещения первое место от времени самих апостолов никогда не занимала образованность, ученость с внешним блеском, а вера и любовь, чего ни от кого, ни при каких условиях отнять невозможно, а следовательно, и от восточных христиан, несущих на себе тяжелый крест рабства».

Отец Виктор подчеркнул то великое духовное преимущество Восточных Церквей, которые на протяжении многих веков живут без государственной поддержки:

«Мы еще только вступаем на путь самостоятельной, вне государственной помощи жизнедеятельности, а восточные церкви живут этой самостоятельной жизнью под чужим, часто злодеющим для них, турецким правительством уже многие сотни лет и в страшном огне борьбы со свободно гуляющим на Востоке папизмом и протестантизмом, и всяким другим сектантством. Не поразиться ли нам этим духовным могуществом Восточной Церкви в борьбе за православие, за святыни Востока вместо горделивого и часто молчаливо-презрительного отношения к восточному духовенству, которое проникло <во> все слои нашего общества, разве кроме простого народа, и которое в самой Восточной Церкви вызвало по отношению к нам недоверчивость, подозрительность и породило тот холодный антагонизм, которым проникнуты наши последние церковные взаимоотношения. Причиною такого печального положения служило именно то неправое начало — не братской помощи, а некоторое притязания на Восточную Церковь, которое положено было в основу всей нашей живой деятельности на Востоке».

Еще большее зло иеромонах Виктор видит в инструкциях, определяющих покровительство и отстаивание национальных интересов местного арабского населения, но не перед католиками, протестантами или местными турецкими властями, а перед собственными архиепископиями. Этот и без того болезненный вопрос взаимоотношения иерархов Восточных патриархатов, греков по национальности, и их местной паствы, большей частью арабов⁹⁰, был обострен до предела, так что многие немощные даже отпадали от православия. Отец Виктор считал главной причиной этого несчастья именно русское влияние — «не Церкви русской, нет, — Бог ее сохранил от этого соблазна, а вообще русских и, в частности, русской светской власти». При таких условиях иеромонах Виктор заключил:

«Иерусалимская Миссия никоим образом не могла и до сих пор не может осуществить того великого своего назначения, под флагом которого она была послана правительством: поддержания православия в центре религиозных интересов всех христиан — во Святой Земле... А между тем, какая действительно великая нужда там на Востоке в нашей помощи в деле поддержания православной веры и в деле охранения православных святынь».

Иеромонах Виктор рассказал, какую активную деятельность ведут на Святой Земле представители самых разнообразных вероисповеданий со всех концов мира; даже атеистическое социалистическое общество открывает там свои школы с тем, чтобы вытравить у местных жителей всякое религиозное чувство и надругаться над главными христианскими святынями. И бороться со всеми этими волками в овечьей шкуре, по убеждению отца Виктора, можно лишь общими уси-

⁹⁰ Хотя греки доказывали, что никакие это не арабы, а просто утерявшие свой язык потомки эллинов, переселенных туда еще во времена Юстиниана в VI веке.

лиями, оставивши горделивое себялюбие и вставши на путь искренних братских отношений любви всех православных поместных церквей и отдельных чад их между собою.

«Единство вселенской Православной Церкви вне всяких национальных интересов безусловно должно быть поставлено во главу возможной общей нашей деятельности на Востоке. Только этот догмат единства, как бы вновь исповеданный нами, может дать Церкви Православной как внутреннюю крепость, так и силу борьбы со всяким иноверием, наводнившим и Палестину, и нашу собственную страну. Мы необходимо должны исповедать этот догмат умом, сердцем и всею возможною открывающеюся пред нами деятельностью церковною».

«Святая Церковь Православная — столп и утверждение истины — уже не раз и не два обуревалась всяkim суетудрием в виде разного рода ересей, она жила в этом огне от самых первых дней своих, и часто, казалось, она стояла уже на краю погибели, но, однако, ничто не сломило ее. Такая твердая крепость Православной Церкви была не в чем ином, как в ее внутреннем живом всеобщем единении. Антиохийская, Иерусалимская, Константинопольская и прочие Церкви Поместные не потому выходили победительницами в борьбе с врагами, что были сильны только внутри себя своим собственным единением, а потому, что все они вместе жили в неразрывном единении между собою и составляли одно живое целое. Кто искал истины, кто смущался ложью, кто требовал удостоверения — тому говорили: ступай в Иерусалим, в Александрию, в Ефес. Там св. апостолами посеяна истина, — как везде учат, так и веруй. И это все, везде, всегда стало термином, характеризующим истину христианскую, и оно сообщало ей твердость нерушимую. Есть ли хотя подобие этого живого общения церквей теперь у нас в настоящее время? К великой скорби нашей мы должны сознаться, что его давно нет. Духовно мы, тесь вообще все Православные Церкви совершенно поглощены собою, своим горделивым национальным чувством и всегубящим внутренним обособлением друг от друга; внешнее же наше церковное едине-

ние давно уже выражается только в формальных донесениях, указных сообщениях. Где те древние апокрифии — эти полномочные представители Поместных Церквей и живые органы живого обмена мыслей по всем волнующим каждую Православную Церковь вопросам? — Их не только здесь нет, а нет и вообще при Церквях».

Преодоление обособленности Православных Церквей важно и для самой Русской Церкви, и на этом делает особый акцент иеромонах Виктор:

«При открытии сего славного съезда мы неоднократно приглашались здесь и чрез первосвятителя Русской Церкви, и чрез других лиц к миру и единению между собою, ибо в этих добродетелях вся собственная сила наша и вся крепость церкви Русской. Но да простят мне мое слово, если скажу, что главная крепость Церкви нашей не в единении нас только внутри себя. Этого единения весьма и весьма недостаточно ни для непоколебимости Русской Православной Церкви, ни для силы и авторитетности каких-либо наших постановлений и решений. Наша родная Церковь сделается твердою и непоколебимою от наплыва всякого лжеучения и страшною для врагов Церкви только тогда, когда будет находиться в живом и духовном, и внешнем единении со всею вселенскою Православною Церковью».

Эти заветные мысли иеромонаха Виктораозвучены мыслям о Вселенской Церкви его учителя архиепископа Антония (Храповицкого), перекликаются и с мыслями архимандрита Антонина (Капустина), неоднократно высказываемыми в разных письмах, но наиболее ярко в письме митрополиту Филарету 1861 года⁹¹. Стремление к единению Православных Церквей

⁹¹ Архимандрит Антонин писал: «Не отриньте смиренного желания моего, Милостивый Архипастырь и Отец, видеть Вас и впредь (как мы часто привыкли уже видеть) покровителем возвратного движения России к древнеотеческому православию седми Вселенских соборов, с исподвольным отрицанием новизн

предполагало возврат к древнеотеческому православию, то есть устранение тех порядков и обычаяев, нарушающих каноны, которые вошли в практику и Греческой, и Русской Церкви за последние века. Это возвратное движение к каноническому положению Церкви порой называли обновлением. Со временем этот термин будет скомпрометирован и опорочен теми недостойными клириками, которые при поддержке богоборческих властей в 1920-х годах затеют свое «обновление» или «оживление» Церкви. С таким «обновлением» и его деятелями «обновленцами» (или «обнагленцами», как стали их звать в народе) отцу Виктору еще придется вести самую непримиримую борьбу и за это самому подвергнуться гонениям.

Конечно же, его понимание обновления ничего общего не имело с «обновленческим». Последние в большинстве своем, руководствуясь земными корыстными мотивами, о Церкви мало заботились и под ло-

Греческой Церкви, которые мы, русские, застали уже готовыми и усвоили себе как неотъемлемый критерий Православия, и с небоязненным отвержением новизн наших — русских. Время, в которое мы живем, требует настоятельного пересмотра прошедшего. Церковь находится в ложном положении перед обществом. Всеобщее несоблюдение постов, отрицание иночества, недоверие к церковному преданию, забвение номоканона, обесценивание духовнической власти, стеснительное вмешательство чуждых церковному управлению властей... не может быть терпимо. Церковь со времени последнего вселенского собрания своего сделала много уступок миру перед напором тех или других обстоятельств. Предстоит или отменить эти уступки, или признать их законными, одно из двух, чтобы умирить уже из простого сострадания совесть священников, поставленную между врачующими силами долга и нужды. Позвольте молить Вас употребить все Ваше благотворное влияние на Святейший Синод к тому, чтобы ввести Русскую Церковь в действительную живую связь со всеми отдельными частями Православия. Только единство истинное, а не номинальное может дать силу Восточной Церкви и дать ей в руки знамя победы над неправославием» (Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 127–128).

зунгом обновления не только не восстанавливали, но, напротив, совершенно разрушали канонический строй Церкви. В то время как ревнители православия стремились этот строй восстановить и не столько ввести что-то новое, сколько вернуть забытое старое. Как писал по поводу своих смелых, на первый взгляд дерзновенных предложений тот же архимандрит Антонин:

«Не отражается ли в свидетельствах моих перед отечественною Церковью дух эпохи, меряющей всякое совершенство неопределенную и неустановленную мерою прогресса? Не желаю ли я, отрицаясь прошедшего и забегая в будущее, одних только бесцельных и бессмысленных нововведений, под именем восстановления древнего чина Церкви?.. Совершенно противное сему! Я желаю и считаю обязанностью желать, чтобы нововведения нашей Церкви были отставлены. Если бы можно было достигнуть сего, это был бы действительный прогресс. Нововведения наши принадлежат различным временам. Наиболее вопиют те из них, которые летоисчисляются началом минувшего столетия...»⁹²

Разумеется, реформы XVIII века, упразднение патриаршества и введение синодального управления являлись наиболее вопиющими нарушениями канонов. Возвращение Церкви к каноническому положению предполагало прежде всего устранение этих нововведений. Только после этого можно было думать об успехах всех других преобразований и о подлинном возвращении к древнеотеческому православию как в Русской Церкви, так и в масштабах всей Вселенской Церкви⁹³. Это, очевидно, понимал и иеромонах Вик-

⁹² Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 125–126.

⁹³ Также и в отношении Иерусалимской Миссии, как заметил архимандрит Антонин: «Надобно, чтобы Миссия зависела от Святейшего Синода, а Синод от своего канонического положения в общей целости христианского мира» (Из ответа отца Антонина

тор, будучи сторонником истинного обновления Церкви. Но в своем докладе он не касался других аспектов и подчеркнул лишь важность обновления единства Православных Церквей, благодаря чему, как он надеялся, возможно было бы с большим успехом и восстановить канонический строй в Русской Церкви, и возродить ее внутреннюю жизнь.

Самая мысль об этом объединении православных — не на словах, а в жизни — для большинства являлась чем-то новым и неожиданным. И это при том, как замечал отец Виктор, что ежедневно миллионами уст православные произносят — «Верую во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Однако понятие единой, как это ни странно, ограничивалось пределами своего государства, отсюда проис текала и слабость православных в борьбе с врагами Церкви. Именно в обновленном единении со всему Вселенской Церковью иеромонах Виктор видит выход из такого положения:

«Вместе с этим обновлением общения церковного вся та нравственная сила, которая в огромном запасе лежит в сердцах всего православного народа без различия национальностей, — эта сила забьет ключом, и не устоять будет пред ней ни изолгавшемуся католицизму, ни обмертвевшему протестантизму. Если и теперь эта православная мощь, прорываясь в отдельных церковных случаях, в отдельных лицах, как, например, в апостоле Японии преосвященном Николае, являет собою чудеса непонятные и страшные для врагов Православной Церкви, то тогда при общем единении всех чад Православной Церкви Вселенской эта нравственная сила веры, любви к Богу и ближнему поставит нашу и внешнюю и внутреннюю Миссию на недосягаемую для еретиков высоту.

Только обновивши таким образом свои отношения с Восточною Церковью на началах единого Православия,

на «Записку Жемчужникова» // Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 156).

наша Русская Церковь будет в силах исполнить чрез Иерусалимскую Миссию свою главную задачу — поддержание веры на Востоке, а вместе с этим она будет иметь возможность осуществить чрез эту же Миссию не менее важную обязанность и по отношению к своему Русскому народу и, в частности, по отношению к раскольникам».

О той миссии, которую может и должна осуществить Иерусалимская Миссия по отношению к русскому народу, иеромонах Виктор подробно говорил во второй части своего доклада. Он подчеркивал, что, несмотря на внешнее положение Миссии (вне пределов Российского государства), у нее есть огромная возможность не только служить внутреннему русскому миссионерскому делу, но даже стать одним из главных центров религиозно-нравственного просвещения русского народа.

«Возможность этого заключается в огромнейшем десятитысячном ежегодном скоплении русского народа со всех концов России, и притом в самом возвышенном религиозном настроении человека — сознании им своей греховности и всецелого отдания себя на служение Богу чрез подвиг паломничества».

«Еще издревле паломничество по св. местам внутри России имело одну из самых значительных сил в деле религиозного научения нашего народа, а в последнее время такие места паломничества обратились, по выражению одного из архиастырей, в народные богословские университеты. Как же Русской Церкви не использовать с этой стороны паломничества народа во Св. Землю и особенно, если мы хотя немного обратим свое внимание на то, как русский народ относится в глубине своей души ко св. граду Иерусалиму и всему, что выходит из него или вообще имеет какую-либо с ним связь. Уже одно имя Иерусалим вызывает невольный радостный трепет, благоговение, и это даже у людей, индифферентных к религии и холодных к делу своего спасения».

Иеромонах Виктор живописал, с каким благоговением русские люди относятся ко всему, что исходит из Иерусалима: самые простые картинки, листочки, брошюрки бережно сохраняются паломниками и привозятся домой на родину. «Сколько раз какой-либо пустой по своему содержанию листочек перечитывается паломниками на месте, сколько сотней рук он обойдет по домам, прежде чем совсем уже замаслянным вернется к своему счастливому хозяину».

«Иерусалим — ведь это в сознании русского человека та самая праведная земля, в которую так верит он и мыслию о которой он только и живет и может жить. В сознании русского человека всегда носится идеал этой праведной Земли, которая где-то находится там далеко, и в которой одна правда живет (только не юридическая, а нравственная), и решения сомнений, постановления в делах которой уже никакой апелляции не могут подлежать. И эта праведная земля есть Иерусалим и Земной, и Небесный. Разве не приходилось всем нам слышать такое выражение: да ведь это из Иерусалима или так в Иерусалиме бывает, то есть из такого места, противоречить которому совершенно недопустимо в сознании русского человека».

На основании своих наблюдений иеромонах Виктор заключает, что именно искание нравственной правды побуждает большинство паломников идти в Иерусалим, и потому так важно, что они здесь обретут. Враги Церкви уже тоже обратили свое внимание на русского паломника и на его отношение ко святому граду и решили воспользоваться этим святым местом для своей пропаганды. «Какой страшный смертоносный яд может разлиться чрез эту дьявольскую работу врагов Православной Церкви по всей нашей Руси, — восклицает иеромонах Виктор, — если мы сами не примем никаких мер для напоения наших паломников целительным бальзамом церковного учения». На Русской Духовной Миссии и лежит долг благодатного

воздействия на паломников и русский народ. Средства к тому, по мнению отца Виктора, могут быть те же, что и в России, то есть прежде всего систематические чтения, беседы об истинах православной веры, которые могут совершаться в церквях Миссии и вообще на святых местах, где имеется достаточно помещений Миссии, а на пропитание паломников довольно будет и пожертвований.

«При настоящем положении дела, когда у Миссии нет ни права, ни обязанности руководить паломниками, и при полном отсутствии хотя сколько-либо способных лиц вести религиозно-нравственное просвещение народа — это дело совершенно невозможно. По существующей инструкции состав Миссии Иерусалимской заполняется людьми простыми, необразованными, которые присылаются из монастырей и часто затрудняются по своей малограмотности даже исполнением своих прямых обязанностей — служением панихид и малебнов. Да и притом эти труженики присылаются всего только на два года и смотрят на свое пребывание в Иерусалиме как на отбывание какой-то повинности».

Иеромонах Виктор подчеркивал, что Миссии нужны люди, способные вести миссионерское дело, которые могли бы говорить с народом, и в простоте слов своих вести его на пути религиозно-нравственного просвещения, и руководить им в путешествии по святым местам. «Содержание возможных на этой почве бесед глубоко врежется в сознание паломников, а чрез них пройдет буквально всю нашу Россию, ибо ото всех концов есть свои посланцы ко Гробу Господню. В последнем случае весьма большую услугу окажет второе средство религиозно-нравственного просвещения — это издание листочеков, брошюрок и книжечек, как это практикуется у нас в России в Лаврах и больших монастырях».

Относительно содержания этих листочеков и книжечек отец Виктор заметил, что в отличие от изданий

такого характера на родине они должны носить догматико-полемический характер, разъясняя основные положения Православного вероучения и его отличие от лжеучений, с представителями которого паломники часто сталкиваются на Святой Земле. «Это учение о Церкви Православной и соборищах еретических с коротким обличением их лжеучений окажет великую пользу для России, ибо каждый подобный листочек Иерусалима обойдет тысячи рук и предохранит многих от увлечений пропагандой католиков, протестантов, особенно если принять во внимание, что больший процент паломничества падает на Юго-Западные губернии». Изложение догматов веры на Святой Земле можно приурочить к тем или иным святым местам, где происходили священные события: о таинстве крещения лучше всего говорить на Богоявление, когда поклонники отправляются на реку Иордан; учение о Св. Духе хорошо изложить в день сошествия Св. Духа на апостолов, который проводится всеми на Сионе.

«Все такие священные события весьма живы в сознании паломников, и рассказ о них поможет избежать той сухости изложения догматического учения, которая неизбежно связывается с ним. Здесь в России нам приходится только отвлеченно беседовать о тех или других истинах православной веры, например, хотя бы о единстве нашем со всею Вселенскою Церковью, а там в Иерусалиме к этому еще прибавляют созерцание живой картины самого единства, выражаемого в единстве молитвословий с Греческой Церковью и взаимообщений, и сие созерцание безусловно окажется многое действеннее на душу, чем сухие выкладки ума. И это приложимо почти ко всякому догматическому учению о спасении, о жизни, о погибели, о кресте, о ересях, — каждое такое учение будет получать в глазах паломников плоть и кровь, а не пребывать в одних отвлеченных образах. Таким образом, для паломника в листочках, а через паломников и для всей России можно постепенно раскрыть все тайны Христианского ведения в полно-

жительной форме; вся область духовных предметов может сделаться доступною для народа. И все это не будет какой-либо мертвый богословский трактат, непонятный для ума простолюдина, нет — вся такая работа будет жизненна, ибо тесным образом соприкоснется с внутренним настроением паломника и будет необходимым ответом на требование взволнованной его души, а вследствие этого вызовет в паломнике деятельное религиозное чувство, которое он и унесет с собою на родину».

В этом великом влиянии, которое может оказывать при правильной организации деятельности Иерусалимская Миссия в целом на весь русский народ, иеромонах Виктор отмечал еще одну важную сторону. В последнее время началось паломничество раскольников — русских старообрядцев на Святую Землю. Это для многих из них принесет, по мнению иеромонаха Виктора, большую пользу: рассеет их ожесточенность, предвзятость против Русской Православной Церкви через невольное наглядное созерцание ее единства с Матерью Церквей — Церковью Иерусалимской, а в ней и со всей Вселенской. Одно дело просто знать об этом, иметь отвлеченные представления, и совсем иное — живое созерцание этого единства через общую церковную молитву.

«И как знать, что это наглядное созерцание общности исповедания Православной Церкви не тронет душу, отпадшую от единства, и не заронит в ней хотя бы искры сомнения в своей правоте? — А ведь это сомнение будет уже твердое начало для обращения раскольников от пути заблуждений. Болезнь, скорбь сердца — вот главное, что нужно для раскольников и чего теперь мы не в силахываем достигнуть при всех наших рассуждениях с ними. Ведь многие из них искренне мучаются своим тяжелым положением и стремятся в душе к единению с Церковью, — на этом-то и получило свое начало наше “единоверие”. Вне сомнения, — такие лица пред живоносным Гробом Господним из глубины своей истерзанной души вздохнут

ко Господу, чтобы он открыл им очи сердечные разуметь истину, а вместе с сим они невольно проникнутся тем благодатным настроением, которое озаряет всякого верующего, приходящего ко Гробу Господню. Чувство самоосуждения за недостойную жизнь с благоговением пред безграничным милосердием Божиим и теплое молитвенное обращение к Богу вместе со всеми стоящими перед Гробом Господним с надеждою на помилование — все это производит и произведет в раскольниках неизъяснимое умиротворение внутреннего духа человека. Такое настроение паломника-раскольника (не ожесточенного сердцем) введет его в самую истину нашей православной веры — общую жизнь всех в Боге, и они уразумеют эту истину самым делом, чувством, а не холодным разумом. Та оторванность от общей жизни, безжизненность, в которой раскольники пребывают теперь, падет сама собою, и благодать Божия оживит их мертвые сердца; заставит их как бы впервые зажить, задышать единою православною верою, и нигде уже никакими лжеумствованиями они никогда не отторгнутся от Церкви...»

И как важно в такие великие моменты жизни, если со стороны членов Иерусалимской Миссии старообрядцы ощутят искреннее участие, заботу и попечение. Кроме того, полагал отец Виктор, важно привлечь к этому русскому делу и Восточную Церковь в лице ее архиастырей. Тем более что в свое время они приняли участие в Московском соборе 1666–1667 годов, когда были наложены клятвы на старые обряды, окончательно отделившие старообрядцев и усугубившие раскол. Восточные святители не безучастны к делу о старообрядцах-раскольниках, и в этом убедился сам иеромонах Виктор во время беседы с Патриархом Дамианом:

«Узнавши, что я из поволжской губернии, Блаженнейший заметил, что, кажется, это одно из главных мест жизни ваших раскольников. Трудно поверить, чтобы Первосвятитель Церкви Восточной, отделенный от нас тысячами

верст и национальностью, знал наши раскольнические центры. И мало того, что знал, но и скорбел об них как о своих чадах: “Бедные, несчастные они люди, — продолжал он, — их надо жалеть, любить, по апостолу, немощи немощных носить”. Когда же я заметил ему, что они делают много зла для Церкви, то он недоверчиво махнул рукой: “И, полно, что они нам могут сделать?” И я больше чем уверен, что простое, немудрое, но любви и благодати исполненное слово такого Первосвятителя Востока, обращенное к нашим раскольникам, будет весьма действенно для их ожесточенных сердец. Но, чтобы это слово дошло до уха отпадших от единства Церкви, нам нужно самим уже вести их к Востоку, и в этом мы успеем главным образом через паломничество, так сильно развитое у нашего русского народа, пока не наступят более счастливые времена наших тесных, живых и постоянных взаимоотношений со всею Восточною Церковью».

«Вот и все, что вложил Господь сказать мне пред лицем вашим. Не говорю, — я думал сказать, ибо я ничего подобного и не думал, и не предполагал, а все сложилось само собою и даже для меня самого неожиданно», — сказал в заключение иеромонах Виктор. Если так неожиданно оказалось для него самого его участие и выступление на Миссионерском съезде, то насколько более неожиданным это явилось для начальника Иерусалимской Миссии, архимандрита Леонида. Он очень негодовал, узнав о докладе иеромонаха Виктора. «В своих письмах от 4 ноября и 28 августа 1908 года архимандриту Леониду архиепископ Новгородский Арсений писал, что выступление иеромонаха Виктора на съезде без ведома и помимо начальника Миссии явление отрицательное, что он вполне разделяет возмущение архимандрита Леонида»⁹⁴.

⁹⁴ Архив Русской Духовной Миссии. Дело № 1403. Архимандрит Никодим (Ротов). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Глава IV. URL: <http://rusdm.ru/history/php&item=13>

Доклад иеромонаха Виктора обсуждался на заседании Св. Синода, и от начальника Иерусалимской Миссии потребовали отчет о деятельности и методах решения обозначенных проблем⁹⁵. Неизвестно, как были решены все проблемы (и едва ли были решены), но главная проблема, которая для начальника Миссии на тот момент, несомненно, заключалась в старшем иеромонахе, была решена в самом скором времени. В январе 1909 года кончался срок второго двухлетия служения иеромонаха Виктора в Иерусалимской Миссии, и на третий срок он, конечно, оставлен не был. Определением Св. Синода от 10–13 января 1909 года отец Виктор был назначен смотрителем Архангельского духовного училища⁹⁶, и уже 30 января он вступил в исполнение своих обязанностей.

Так из Иерусалима — в Архангельск; после четырехлетнего пребывания в южных краях — на самый север России (хотя и не на крайний), из теплой палестинской зимы с проливными дождями — в русские снега и лютые морозы. Очевидно, нелегко было иеромонаху Виктору по возвращении на родину, тем более что в родные края он не попал, хотя надеялся. Еще из Иерусалима в письмах епископу Гермогену в случае возвращения на родину он просил принять его «как блудного сына под свой кров»⁹⁷ — хотел вернуться в полюбившийся ему Хвалынский монастырь и продолжить свое делание среди земляков-старообрядцев. Однако не суждено было отцу Виктору служить в родном Поволжье, и все последующие годы он проведет в северных губерниях.

⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Ч. 2. 1 ст. 6 отд. Д. 324. Л. 40–40 об.

⁹⁶ Церковные Ведомости. 1909. № 4. С. 20.

⁹⁷ Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брусикина к священномученику Гермогену (Долганеву). С. 285, 287.

В Санкт-Петербургской епархии

В Архангельске служение иеромонаха Виктора продолжалось недолго. Не было у него призыва к учебной деятельности, тяготился он своей должностю смотрителя духовного училища. По-видимому, не утешала и работа в комиссии по делам раскола, в которую он был назначен 4 марта 1909 года епископом Архангельским Михеем (Алексеевым). В сентябре того же года иеромонах Виктор обратился с прошением к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому) о принятии его в число братии Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге⁹⁸. Св. Синод постановил «определением от 15 октября 1909 года за № 8245 уволить смотрителя Архангельского духовного училища Виктора (Островидова), вследствие его прошения от духовно-учебной службы, для поступления в число братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры»⁹⁹.

В ноябре иеромонах Виктор прибыл в Петербург, а через год он был назначен настоятелем Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря с возведением в сан архимандрита¹⁰⁰. В феврале 1911 года отец Виктор пи-

⁹⁸ РГИА Ф. 802. Оп. 10-1909. Д. 606. Л. 1, 8.

⁹⁹ Церковные Ведомости. 1909. № 43. С. 393.

¹⁰⁰ Церковные Ведомости. 1910. № 48. С. 443.

сал епископу Гермогену: «Вопреки воле отца наместника Лавры наш Владыко (митрополит Санкт-Петербургский Антоний) определил меня сюда». И добавил: «Где я и успокоился духом впервые после Хвалынска, который мне больше Бог не судил, а я почему-то все ждал»¹⁰¹.

Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь, где наконец обрел желанный внутренний мир отец Виктор, представлял собой уединенную, затерянную среди лесов и болот тихую обитель¹⁰². Он располагался в Новоладожском уезде в 57 верстах к юго-востоку от города Новая Ладога «в дикой и угрюмой местности, посреди обширных топей, покрытых хвойными лесами, на плоском, несколько возвышенном месте, которое среди окружающих болот казалось как бы островом, с ярко зеленеющей на нем растительностью, почему эта местность издавна и называлась “Зеленым островом”»¹⁰³. Подробное описание этого места и обители помещено в еженедельнике Санкт-Петербургской епархии:

«Зеленый остров окружен весьма дальними, едва проходимыми и до самого почти Великого Новгорода простирающимися болотными мхами, дрябью и топями. Вид всех окрестностей его желтоватый, а иногда бывает и совсем темный от растущих и гниющих всюду разных водяных и болотистых трав. Тундровый, дряблый болотистый вокруг монастыря грунт; смешанный лес, который от вымочки корней и бури валится и гниет целыми деревами, покры-

¹⁰¹ Богословский сборник. С. 286–287.

¹⁰² К монастырю вели две дороги, «одна со стороны реки Сяси, на высоком берегу которой обитель имеет старую деревянную часовню, и другая — с противоположной стороны от реки Волхов, через село Усадище. С этой дороги, не доезжая одной версты до монастыря, уже открывается в промежутках леса группа церквей и монастырских зданий с высокими их стенами» (Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1913. № 19. С. 10).

¹⁰³ Православные Русские обители. Репринт 1910. СПб.: Воскресение, 1994. С. 188.

тыми зеленоватою пеленою плесени; серые и черные мхи взамен трав; сырость болотных испарений и от того страшное множество больших комаров; обширность пространств при недостатке способов к осушке и чистке их, — все это, придавая местности, окружающей монастырь, характер печальной угрюмости, составляет из нее пустыню, как бы нарочно созданную для подвигов добровольного и совершенного отшельничества, для смирения, для неразвлекаемого ничем труда внутреннего, для духовного погружения в самого себя....

Зеленая пустынь и Зеленый остров — это оазис среди угрюмых дрябей, топий и перегнивающих мхов плоской, серой местности, избранной в XVI веке преп. Мартирием по указанию Божьему, сперва для личных подвигов уединенного созерцания, а впоследствии для насаждения здесь иночества. Мои преп. Мартирия составляют самую драгоценную святыню монастыря»¹⁰⁴.

В старину монастырь назывался «Зеленою Мартириевою пустынью» по имени его основателя, преподобного Мартирия, искавшего полного уединения для молитвенных подвигов и поселившегося на этом месте в 1565–1570 годах¹⁰⁵. Уединение его длилось недолго, и в скором времени здесь собрались другие монашествую-

¹⁰⁴ Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1913. № 19. С. 10.

¹⁰⁵ Преп. Мартирий узнал от своего собрата в Тихвинском монастыре о том пустынном месте, отправился туда и в одном из окрестных сел «сведал у поселянина по имени Иосиф о месте, к которому направлялся, и просил его провести туда. Едва заметной тропой миновав обширные, опасные и топкие мхи, Мартирий с проводником достиг пустыни, возвышавшейся красивым зеленым островом среди лесистой толи и за этой труднопроницаемой оградой, как бы нарочно укрытой для иноческого безмолвия. Мартирий убедился, что воистину Сам Бог привел его сюда, и не напрасно со слезами благодарности повторял слова пророка: “Се удалихся бегая и водворихся в пустыне, чаях Бога, спасающего мя” (Пс. 54, 8–9)» (Жития русских святых. Т. 1. М.: Патриаршее подворье Заиконоспасского и Никольского монастырей в Китай-городе: Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2003. С. 18).

щие, желающие подражать подвигам преподобного. По просьбе своих учеников преподобный принял сан священства и был возведен в игумена Новгородским архиепископом. Согласно писцовым книгам Обонежской пятины, уже в 1582 году преподобный Мартирий именовался игуменом монастыря, в число братии которого входило двенадцать человек. Примечательно, что в 1910 году архимандрит Виктор принял под свое руководство монастырь с таким же числом насельников.

За свою историю Зеленецкий монастырь неоднократно переживал бедствия. Во время Смутного времени в начале XVII века он был разграблен и сожжен шведами. Отстроенный впоследствии благодаря покровительству царя Михаила Федоровича и новгородского митрополита Корнилия (постриженника этого монастыря), потом вновь претерпевал пожары и нападения раскольников, «которые однажды совершиенно захватили монастырь, заперлись в нем и устроили “гарь”, то есть самосожжение¹⁰⁶; но, несмотря на все эти препятствия, монастырь с помощью Божией продолжал дело своего внутреннего и внешнего благоустройства»¹⁰⁷. В обители было два каменных храма: Свято-Троицкий собор с нижним храмом во имя апостола Иоанна Богослова; и храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Главная святыня монастыря — мощи преподобного Мартирия — почивала под спудом в нижнем этаже собора.

В 1901–1902 годах в монастыре был проведен капитальный ремонт всех строений, в том числе «бывший в запущении настоятельский корпус, в котором в

¹⁰⁶ Это случилось 5 июня 1765 года. Старообрядцы выгнали из обители братию и затворились, а после прихода правительственные войска подвергли себя самосожжению. В огне погибла монастырская библиотека, разорена ризница, пострадали иконы в храме. Этот страшный пожар тушили крестьяне со всей округи.

¹⁰⁷ Православные Русские обители. С. 188–189.

течение 30 лет никто не жил; перекрыты новым железом крыши и главы на Соборном храме и Благовещенской церкви, а также крыши на корпусах, оштукатурены и окрашены церкви, корпуса, гостиница, ограда и устроен кирпичный завод»¹⁰⁸. В дальнейшем проводились работы по благоукрашению храмов: в соборе была сделана новая роспись стен, золочение иконостаса. Снаружи золотили кресты на храмах, св. вратах и колокольне. Эти работы завершились уже при архимандрите Викторе¹⁰⁹. При нем же было издано одно из лучших исторических описаний обители: «Троицкий Зеленецкий монастырь и его основатель прп. Мартирий», вполне возможно, что составлено оно было самим настоятелем¹¹⁰.

К сожалению, мало что еще известно о деятельности архимандрита Виктора в годы его настоятельства — архивных документов по Троице-Зеленецкому монастырю почти не сохранилось. Лишь небольшое сообщение о жизни обители — статья о псаломщических курсах в Троице-Зеленецком монастыре в упомянутом еженедельнике «Известия по Санкт-Петербургской епархии» (№ 19 за 1913 год):

«Воспитательное воздействие православного Богослужения на души богомольцев в значительной степени определяется постановкой чтения и пения в том или другом храме. Если псаломщик — хороший чтец и певец, то он сумеет не только донести до слуха, но и вложить в душу, в сердце богомольца священное сокровище церковных молитв и песнопений...

Каждый псаломщик должен смотреть на себя как на сеяния. Часослов, Апостол и все другие богослужебные книги — это для него та кошница, из которой зерна Божь-

¹⁰⁸ Токмаков И. Ф. Краткий историко-статистический очерк Троицкого-Зеленецкого мужского монастыря. М., 1904. С. 5.

¹⁰⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1879. Оп. 1. Д. 12.

¹¹⁰ Издание Зеленецкого монастыря. СПб., 1912.

его Слова он должен бросать в почву человеческого сердца. Смотрите, как бережно, любовно обращается сеятель с зерном, как он старается, чтобы посев его не пропал даром, чтобы каждое посеванное зерно принесло свой плод. Еще с большим вниманием и любовию должен относиться к своему делу каждый духовный деятель, каким несомненно является псаломщик по своим обязанностям.

К сожалению, наличный состав псаломщиков везде, не исключая и нашей Петербургской епархии, не всегда стоит на высоте своего положения. Многие псаломщики совершенно не проникнуты сознанием ответственности своего звания и не понимают, какое важное дело вручено им. Не хватает многим и вполне достаточной технической подготовки.

Поэтому нельзя от души не приветствовать остроумной мысли Преосвященного Никандра, епископа Нарвского, устройством летних псаломщических курсов, хотя бы отчасти восполнить недостаток у нас особой псаломщической школы. В прошлом году в летние месяцы были устроены такие курсы для нескольких благочиннических округов Лужского уезда в Иоанно-Богословском Череменском монастыре. Нынешним летом местом для псаломщических курсов был избран Троицкий Зеленецкий монастырь».

Курсы были организованы с 19 по 29 августа 1913 года, и на них обучались сорок псаломщиков из сельских церквей соседних уездов. Заведующим курсов был протоиерей Новоладожского собора, отец Петр Быстрыakov, а руководителем — диакон петербургского Казанского собора И. Аркадьев.

«По случаю открытия курсов настоятелем монастыря архимандритом Виктором совместно с протоиереем Быстрыковым и другим духовенством отслужен был молебен перед ракой преп. Мартирия, Зеленецкого чудотворца, а затем в Благовещенской монастырской церкви начались сами занятия. В воскресенье 25 августа в монастыре состоялось большое торжественное освящение нижней церкви, где почивает угодник Божий, преп. Мартирий.

Вся нижняя церковь заново отделана: поставлен новый иконостас, новый мраморный престол и мраморная гроб-

ница над останками митрополита Корнилия. Особенную красоту церкви придает новый пол из метлахских плиток, пожертвованных Петербургским купцом Г. Грудинкиным. К торжеству освящения храма в обители было большое стечние народа.

На освящение прибыл Преосвященный Никандр. Все пение и чтение при архиерейском служении было исполнено курсистами, а некоторые песнопения общенародным пением. К этому церковному торжеству курсисты нарочито подготовлялись руководителем курсов.

Нам пришлось посетить курсы как раз в это время и присутствовать за торжественным архиерейским богослужением 25 августа. Мы вынесли неизгладимое впечатление от общей стройности, благолепия и умильтельности этого богослужения.

Всенощное бдение тянулось 4 часа 15 минут и, по-видимому, ничуть не утомило богомольцев. Много этому способствовало приятное, отчетливое чтение. Кажется, ни одна строка читаемого не прошла мимо внимания богомольцев. Каждый чтец, по-видимому, старался не просто прочитать, а передать содержание и смысл читаемого богомольцам.

Выразительности чтения соответствовала и захватывающая красота пения. По богатству гармонии и по силе голосов и по художественности и общей выдержанности самого строя пения этот псаломнический хор мог бы сделать честь столичной Лавре.

Занятия на курсах шли бодро, с большим подъемом. Много повышению настроения внесено было Преосв. Никандром. Владыка не раз беседовал с курсистами запросто, выясняя им ответственность служения псаломщика и указывая, какую сумму добра внесут псаломщики в приходскую жизнь, если будут исполнять свои обязанности как должно. Сопровождавший Владыку протоиерей Миртов предложил за Литургией слово на тему Евангельского чтения, а вечером провел беседу с туманными картинками по вопросу о борьбе с алкоголизмом.

Обстановка курсов не оставляет желать лучшего. Курсисты пользовались удобствами относительно стола и помещения. И все это благодаря удивительной распоря-

дительности и гостеприимству неутомимого отца настоятеля Зеленецкой пустыни, архимандрита Виктора, который всю хозяйственную часть курсов вынес на своих плечах»¹¹¹.

Не приходится сомневаться, что отец Виктор постоянно пребывал в неустанных трудах по вверенной ему обители в течение всех восьми лет настоятельства. Но большего даже о внешней стороне его жизни за эти годы мы, увы, не знаем. Правда, есть один факт, свидетельствующий о каком-то серьезном духовном кризисе, который отец Виктор пережил в то время. Так, в 1912 году в старообрядческом журнале «Церковь» он опубликовал примечательную статью «Новые богословы». Хотя под этой статьей нет его подписи, то есть отца Виктора (Островидова), а напечатана она под псевдонимом «Странник», однако свое авторство архимандрит Виктор (в то время уже епископ) подтвердил через полтора десятилетия. Более того, по его словам, оппоненты знали, кто это напечатал, и их непримиримое расположение он долго на себе испытывал.

В этой статье архимандрит Виктор выступил против богословских взглядов своего бывшего учителя архиепископа Антония (Храповицкого) и его друга и ученика архиепископа Сергея (Страгородского). Он назвал их создателями «школы нового богословского направления в господствующей Русской Церкви», а их ученые труды «будто бы возрождением подлинного святоотеческого учения». Причиной возникновения нового богословского направления отец Виктор указал стремление «оживить в сознании верующих мертвую богословскую науку, освободив самое христианское вероучение от его малопонятности, формальности». Очевидно, сам отец Виктор совсем недавно был сторонником этого направления и разделял взгляды «новых богословов», считая их бого-

¹¹¹ Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1913. № 19. С. 11.

словские труды не «будто бы», а действительно возрождением святоотеческого учения. Эти труды он хорошо знал давно, так как написаны и опубликованы они были еще в годы его учебы в семинарии и академии. Что заставило его изменить свои взгляды к 1912 году, не ясно. Но теперь он не только не принимал нового богословского направления, но считал его серьезным заблуждением. Так, он подвергает беспощадной критике нравственные обоснования важнейших христианских догматов, которые в своих трудах представлял владыка Антоний:

«Согласно сему своему желанию богословы действительно пытаются показать, что доктрины христианского вероучения нужны для жизни человека не потому, что в совокупном содержании их дана миру великая истинаБожьего спасения мира, а потому, что каждый из них, будто бы, может служить в качестве начала, возбуждающего и укрепляющего в человеке его инстинктивное влечение к добру. Отсюда у преосвященных богословов являются потуги мысли отыскать какие-либо «нравственные идеи», заключающиеся в доктринах Церкви, и тем показать, так сказать, жизненную необходимость сих доктрина в деле нравственного развития человека»¹¹².

У владыки Антония действительно есть некий «нравственный уклон», стремление свое богословствование основывать на нравственном учении, и позднее его справедливо критиковали за этот «нравственный монизм», в который он стремился обратить все богословие. Но архимандрит Виктор доводит до абсурда идеи владыки Антония. Так, по мнению отца Виктора, главная мысль трудов преосвященного Антония заключается в том, что спасение тождественно нравственному совершенству, и поэтому он якобы отрицает сверхъестественное начало в деле спасения.

¹¹² Новые богословы // Церковь. № 16. С. 381.

«По их новым богословским соображениям ничто помимовольное, сверхъестественное не может иметь места в деле спасения человека, а в самом христианском вероучении все действительно истинное должно клониться лишь к одной цели: укреплению нравственной самодеятельности человека. Отсюда естественно для новых богословов вытекает ненужность, непригодность некоторых свв. Таинств Православной Церкви, как не соответствующих выше намеченной цели, например: брака, елеосвящения и др<у них>; отсюда, скромно говоря, странность для их сознания и той основной проповеди христианства, что только крестная смерть Христа, сама в себе, несет человеку очищение грехов его и что св. крещение в смерть Христову действительно дает крещаемому мгновенное истинное возрождение, делая его сонаследником Христу. Оказывается, по мнению новых богословов, ни страдания, ни самая смерть Богочеловека не имеют никакого самоценного значения для спасения человека, а есть лишь простое свидетельство любви Бога к человеку»¹¹³.

Подчеркнув, что это — главная мысль трудов архиепископа Антония, архимандрит Виктор осталенную, большую часть статьи посвящает разбору учения архиепископа Сергия о таинстве крещения, которое, по его мнению, также противоречит всему православному богословию и является заблуждением. В заключении он подводит итог и делает вывод об общем взгляде новых богословов на Божие дело спасения человека¹¹⁴, уподобляя их учение учению еретиков XVI века социниан¹¹⁵.

¹¹³ Новые богословы // Церковь. № 16. С. 381.

¹¹⁴ Какового спасения в собственном смысле не было и нет, а человеку явлена “одна лишь помочь, чтобы он сам совершал свое спасение”. Новые богословы не могут примириться с учением Православной Церкви о действительном значении крестной смерти Христа, как очистительной жертвы грехов, ибо такое понятие о спасении, по их мнению, игнорируя собственные средства человека, лишено здравого смысла, как отрицающее законы психической жизни человека, где все должно происхо-

«Социнианские богословы также приписали совершение спасения нравственным силам самого человека, хотя и при содействии Божией благодати, так что крестная смерть Иисуса Христа, по их богословским соображениям, была не искупительной жертвой за грехи людей, а только исключительным свидетельством Божией готовности прощать людям все согрешения их и оказывать им благодатную помощь для достижения вечной жизни и Царства Небесного. Таким представлением Христова дела они, очевидно, не только разрушили христианский догмат спасения, но и открыли широкий путь к решительному отрицанию всей христианской догматики; потому что, если в самом деле Божие участие в спасении людей ограничивается только простым показанием Божией готовности содействовать их действительному спасению, то для такого показания вовсе не требуется пришествия в мир Божия Сына... И социнианские богословы, действительно, пришли к полному разрушению христианства, хотя на самом деле они думали и желали не разрушать христианство, а, напротив, утвердить его, как абсолютно истинную вечную религию. Такой же неизбежный конец должен быть и для новых богословов господствующей церкви: и для них историческое дело Христа-Спасителя в той форме, в какой оно совершено, безусловно должно потерять и уже для многих несчастных потеряло свой смысл и значение»¹¹⁶.

После такой критики вполне объяснимо то нерасположение, которое архимандрит Виктор, по его словам, испытывал со стороны своего бывшего наставника и его ученика. В чем это выражалось, неизвестно,

дить естественным порядком. “Спасение не есть какое-нибудь внешнесудебное или магическое действие, а развитие, постепенно совершающееся в человеке действием благодати Божией, так что могут быть степени искупления”, — говорит архиепископ Сергий» (Новые богословы // Церковь. № 16. С. 383).

¹¹⁵ Радикальные представители протестантизма, антитринитарии, разделявшиеся на многочисленные секты, на соборах 1584 и 1588 годов объединившиеся в одну мощную церковь под влиянием усилий братьев Леллия и Фауста Социнов.

¹¹⁶ Новые богословы // Церковь. № 16. С. 383.

однако в дальнейшем, по-видимому, как-то их отношения все-таки наладились. По крайней мере, с архиепископом Сергием. Но в 1928 году в то время уже епископ Виктор повторит это свое мнение и напишет, что о главном заблуждении митрополита Сергия и митрополита Антония он писал еще в 1912 году и предупреждал, что «они этим своим ЗАБЛУЖДЕНИЕМ ПОТРЯСУТ Церковь Православную»¹¹⁷.

Если оставить в стороне чисто богословские вопросы, затронутые архимандритом Виктором в его полемически заостренной статье¹¹⁸, сам факт обращения к старообрядческому журналу, хотя и содержащему подчас справедливую критику недостатков «никонианской» Церкви, но по духу ничуть не отличавшемуся от самых упорных и фанатичных старообрядцев-раскольников, несколько озадачивает. Понятно, что нигде в официальной церковной прессе архимандрит Виктор не мог напечатать свою мало сказать резкую, а прямо-таки убийственную критику. Но обращаться к столь тенденциозному изданию? Ведь в отличие от ревнителей православия «новообрядческой» Церкви, искавших пути сближения со старообрядцами и ликвидации трагического раскола в Русской Церкви, особенно пред лицом наступающего общего врага, безбожия и откровенного нигилизма, старообрядческие ру-

¹¹⁷ «Ответы Преосвященного Виктора, епископа Ижевского и Вотского (он же Глазовский) на 15 вопросов ОГПУ по поводу “воззвания” митрополита Сергия от 29 июля 1927 года» в сборнике «Дело митрополита Сергия» (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об.).

¹¹⁸ Даже при поверхностном знакомстве с русским богословием рубежа XIX–XX веков представляются слишком категоричными и несправедливыми основные положения статьи. Возможно, архимандрит Виктор и верно подметил слабости нового богословия, чрезмерность морализма, моралистического психологизма и т. д. Но столь безапелляционных выводов и фактически обвинений в ереси не произносили даже самые предвзятые или взыскательные критики нового богословия.

ководители продолжали упорствовать в своем обособлении и злорадствовать по поводу бед и болезней Синодальной Церкви. Или у бывшего противораскольнического миссионера изменился взгляд на старообрядцев? Но это уже из области догадок, никаких других свидетельств нет, и можно лишь констатировать факт его публичного выступления с критической богословской статьей.

Внешняя сторона жизни архимандрита Виктора не менялась. И он оставался настоятелем Зеленецкого монастыря. Здесь его и застали революционные события 1917 года. Что происходило в монастыре, неизвестно. Но, вероятно, там по-прежнему продолжал сохраняться монастырский уклад, тем более что у архимандрита Виктора, как у трудолюбивого и распорядительного начальника, в его небольшой и скромной обители была четко организована как молитвенная, так и хозяйственная жизнь, что он рекомендовал срочно сделать и в других монастырях епархии. В своем рапорте как благочинный монастырей архимандрит Виктор писал:

«К великому прискорбию, во многих обителях существует одна большая ненормальность, а именно: не только старшая братия, но и простые монахи, иеродиаконы и иеромонахи часто не несут и не желают нести даже клиросное послушание и совершенно уклоняются от какого-либо физического труда на общую пользу обители. Для клиросного послушания монастыри вынуждены бывают держать всегда сомнительного поведения прохожих чтецов-певцов, а для хозяйственных работ и удовлетворения разных жизетских нужд — значительный штат рабочих. Содержание певчих без привлечения их к физическому труду, рабочих и служащих в настоящее время является непосильным бременем для монастырей, и многие из них вынуждены будут прийти в полное материальное запустение и разрушение, если только не изменят существующего порядка хозяйственной жизни, чтобы сократить лишние расходы и увеличить материальное благосостояние обителей, а также чтобы сохранить себя от частого глумления над собою,

обвинения в праздности, тунеядстве и проч^{<ее>}. Все ино-ки должны, по мере своих сил, нести всякого рода физи-ческий, а наипаче земледельческий труд, и сами, без по-сторонней помощи обслуживать все свои нужды, как то: приготовление пищи, печение хлеба, истопка печей, стирка белья, заготовка и колка дров, уборка помещений и двора, заготовка хозяйственных продуктов и проч^{<ее>}. Но так как это изменение жизни безусловно встретит со стороны более нерадивых, порочных и избалованных ропот и недо-вольство, то весьма необходимо ныне же напомнить указом по всем монастырям о безусловной необходимости для всех иноков несения ими: а) клиросного послушания вместо чтецов наемных; б) всякого рода физического тру-да на общую пользу обители с предписанием принятия строгих мер против уклоняющихся, а в случае со стороны некоторых разлагающих жизнь обители упорства, дерзкого ослушания — удаление таковых из монастыря в мир.

Для совершения служб церковных можно составить определенную очередь и только к ежедневному монаше-скому правилу и в дни праздников являться всем инокам в церковь»¹¹⁹.

На основании этого рапорта, заслушанного на засе-дании Петроградской духовной консистории, 10/23 мая 1918 года был издан утвержденный Петроградским митрополитом Вениамином указ, в котором говори-лось, что «отклонение монашествующих от земле-дельческого труда — явление незаконное, постыдное, ложное, навлекающее справедливые укоризны со сто-роны мирян, особенно в нынешнее время». Благочин-ным монастырей и подворий предписывалось «ввести рекомендуемый архимандритом Виктором порядок исполнения в монастырях клиросного послушания и ведения монастырского хозяйства во всех отношениях силами самих монашествующих»¹²⁰. Указ был разо-слан по всем монастырям.

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 16. Л. 1.

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 16. Л. 2.

Однако эти меры уже не могли их спасти. Даже те обители, которые старались организовать свою жизнь в новых условиях и либо заставляли нерадивых монахов работать, либо вовсе удаляли, доживали буквально последние дни. С первых же дней пришедшие к власти в октябре 1917 года коммунисты повели антирелигиозную политику. А декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный 23 января 1918 года, фактически лишал Церковь всех прав, недаром Поместный Собор расценил его как «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»¹²¹.

Правда, Декрет о земле и закон о социализации земли позволял монастырям еще на какое-то время сохраниться, то есть реорганизоваться в сельскохозяйственные артели, что и происходило повсеместно. И многие обители продолжали существовать, сохранив таким образом и свое хозяйство, и монастырский уклад. Здесь многое зависело от властей на местах — как долго они будут терпеть эти «рассадники религиозных предрассудков». Где-то монастыри закрыли быстро, и уже в 1918 году их насельники были выселены и имущество отобрано, а где-то они еще продолжали существовать.

О Зеленецком монастыре известно, что почти до конца 1920-х годов он существовал как сельхозартель. Примечательно свидетельство эксперта Наркомюста, бывшего священника М. В. Галкина, одного из авторов проекта декрета «Отделения церкви от государства». В конце 1918 года он побывал в Новоладожском уезде Петроградской губернии и сделал заключение, что «монастыри благоденствуют по-прежнему. Так, например, в Зеленецком монастыре 28 монахов владеют 42 коровами». Вывод Галкина был категорич-

¹²¹ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. С. 20–22.

ным: «Необходимо, не разрушая прекрасно поставленной молочной монастырской фермы, выселить из Зеленецкого монастыря монахов и устроить здесь санаторию или для детей петроградского пролетариата, или же для туберкулезных больных»¹²². По-видимому, это осуществлено не было. Известно, что в апреле 1922 года в Зеленецком монастыре было произведено изъятие церковных ценностей. В 1924 году здесь еще проживал последний его настоятель, архимандрит Иосиф (Харин), вместе с шестью иеромонахами и одним иеродиаконом. Позднее монастырь все же был закрыт, и его здания использовались в различных хозяйственных целях¹²³.

Но это уже было без архимандрита Виктора (Островидова). С сентября 1918 года по указанию Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) он исполнял обязанности наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в Петрограде. Настоятелем, священноархимандритом лавры являлся с 26 января 1918 года сам митрополит, будущий новомученик. Владыка Вениамин ходатайствовал о назначении архимандрита Виктора, и официальное назначение тот получил указом Патриарха Тихона от 5/18 ноября 1918 года¹²⁴.

Александро-Невская лавра — главный монастырь епархии и бывшей столицы Российской империи — до революции была одной из самых богатых обителей. Теперь же она и ее насельники, как и все, переживали трудное время: не хватало средств, продуктов питания. Власти отобрали Серафимо-Антониевский скит в Лужском уезде, дома, находившиеся в собственно-

¹²² Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Rat/10.php.

¹²³ С 1945 по 1969 год здесь находился Дом инвалидов, с 1969 по 1976 год — интернат. Почти двадцать лет до начала 1990-х годов монастырские строения стояли заброшенными.

¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 426. Л. 13.

сти лавры в Петербурге. В самой лавре они также попытались сразу прибрать к рукам все, однако получили неожиданный отпор. Так, в январе 1918 года, когда комиссар с отрядом красногвардейцев и матросов явился с мандатом и потребовал сдачи ему лавры со всеми движимыми и недвижимыми капиталами, монахи ударили в набат. Собрался народ, произошло столкновение, во время которого был убит протоиерей Петр Скипетров (прославленный Церковью в числе первых новомучеников Российских, пострадавших от богоуборцев).

Власти тогда отступили, тем более что на другой день митрополит Вениамин организовал крестный ход из церквей города к лавре, в котором участвовали десятки, если не сотни тысяч человек. Тогда лавру отстояли, хотя и ненадолго. В 1923 году почти все помещения были изъяты, а через десять лет закрыты уже и храмы, которые действовали как приходские. Но в 1918–1919 годах все храмы и домовые церкви еще были монастырскими, в помещениях лавры продолжали проживать братия монастыря и митрополит. 23 октября 1918 года в помещении у северо-западной башни начало работу Богословско-пастырское училище. В 1919 году в лавру переехал и Епархиальный Совет, изгнанный из здания консистории на Невском проспекте.

Примечательно, что в это время нашел приют в лавре и бывший настоятель Троице-Сергиевой пустыни, архимандрит Сергий (Дружинин), изгнанный своей бывшей братией¹²⁵. В феврале 1919 года он обратился к митрополиту Вениамина: «Вследствие насильственного отстранения моего от должности на-

¹²⁵ См. об этом подробнее в предыдущей книге нашей серии «Священномученики Сергий, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян» (Сост. Л. Е. Сикорская М.: Братонеж, 2009).

стоятеля Троице-Сергиевой пустыни с запрещением проживания в оной, я остался в самом тяжелом и затруднительном положении. Не имея, где голову преклонить, и надеясь на любвеобильное сердце Вашего Высокопреосвященства, со дерзновением прибегаю к стопам Ваших, Всеблагостный наш Владыко, и смиренно прошу зачислить меня для временного проживания в Александро-Невскую Лавру». Духовный Собор лавры рассмотрел прошение архимандрита Сергия, и архимандрит Виктор (Островидов) 19 февраля 1919 года на прошении написал следующую резолюцию: «Разрешить временно проживать в Лавре с обязательством служить по мере необходимости за помещение»¹²⁶.

¹²⁶ РГИА. Ф. 815. Оп. 11-1919. Д. 16. Л. 7.

В Вятской епархии и Сибирской ссылке. 1920—1926

В декабре 1919 года наместник Александро-Невской лавры архимандрит Виктор (Островидов) по указу патриарха Тихона был возведен в архиерейский сан и назначен на новоучрежденную Уржумскую кафедру (Вятское викариатство)¹²⁷. К месту своего служения епископ Виктор отправился в январе 1920 года, получив удостоверение за подписью митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и заверенное в Петроградском городском отделе юстиции со следующим текстом:

«Предъявитель сего — новохиротонисанный Преосвященный Виктор, епископ Уржумский, Викарий Вятской епархии, по церковно-служебным делам командируется в г~~ород~~ Уржум, Вятской губернии, куда и отправляется из Петрограда через Вятку 9-го числа наступившего января 1920 года, в сопровождении состоящего при нем для отправления священнических обязанностей иеромонаха Иосифа (Харина). О настоящей командировке сообщается подлежащим учреждениям и должностным лицам гражданского, судебного и духовного ведомства на предмет беспрепятственного

¹²⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 162. Л. 85—85 об.

проезда Преосвященного Виктора с названным иеромонахом Иосифом к месту следования чрез Вятку в г~~ород~~ Уржум и для получения для них потребных проездных железнодорожных билетов и проч~~ее~~ при этой командировке»¹²⁸.

По прибытии в Вятку епископ Виктор должен был зарегистрировать удостоверение в Отделе управления Вятского губисполкома — соответствующая печать и подпись заведующего отделом были приложены к удостоверению 16 января 1920 года. Наконец 23 января 1920 года епископ Виктор прибыл в Уржум. Его встреча «духовенством и верующими Уржумского уезда, по сведениям губ~~ернской~~ ЧК, „носила чрезвычайно торжественный характер: звонили колокола, в верующих массах сказывалось особенное оживление и праздничное настроение, чего никогда не замечалось при советских торжествах. С приездом епископа церковь переполняется народом”... На следующий день после приезда верующие в знак особого признания и почтения посыпали еп~~искону~~ Виктору пироги, продукты»¹²⁹. Далее в донесении отмечалась нежелательность нахождения епископа Виктора в городе, население которого было «пропитано религиозным чувством» и к советской власти относилось «в большинстве своей массы недоброжелательно».

Воспользовавшись тем, что епископ Виктор не явился в Отдел управления для регистрации своих документов, уржумские чекисты провели у него на квартире обыск¹³⁰, а в мае 1920 года арестовали. Поводом

¹²⁸ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 353.

¹²⁹ Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Виктор (Островидов) — Епископ Ижевский и Вотский. Киров, 2009. С. 20–21; ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 2. Л. 236.

¹³⁰ В апреле 1920 года у епископа Виктора конфисковали золотой наперсный крест. Когда в июне 1921 года владыка подал заяв-

для ареста стали проповеди владыки Виктора во время эпидемии тифа, в которых он призывал народ к покаянию и советовал окроплять дома святой водой. На суде Вятского ревтрибунала владыке было предъявлено обвинение в агитации против советской власти с церковного амвона, и он был приговорен к лишению свободы до окончания войны с Польшей. Позднее, на допросе в 1922 году, епископ Виктор на вопрос о прежней судимости ответил, что «*судился Вятским Трибуналом за агитацию против медицины*».

Из Вятской тюрьмы, так называемого «Рабоче-исправительного дома», епископ Виктор написал открытое письмо:

«Ввиду признания меня контрреволюционером, считаю нужным печатно заявить о своем отношении к Советской власти. По слову апостола Павла “существующие власти от Бога установлены, почему противящийся власти противится Божию установлению” (Рим. I, 13, 1–2). Между тем в настоящее время установившейся гражданской властью является рабоче-крестьянская власть... Поэтому, следуя словам св. апостола Павла, я должен признать, признавал и признаю Российской гражданской властью рабоче-крестьянское правительство, которому в делах мирских (гражданских) считаю нужным подчиняться и других призывать к тому же. Но вместе с тем считаю долгом заявить, что я по своему положению епископа Православной Церкви призван служить Церкви Божией, не вмешиваясь в жизнь государства и вообще в политику. В заключение добавлю, что мой взгляд на Советскую власть не является вынужденным: я не враг трудового народа и не тюремное заключение побудило меня писать о признании Советской власти»¹³¹.

ление о возращении ему креста, Вятский губернский ревтрибунал ответил отказом на том основании, что вес креста превышал установленный декретом Совнаркома от 25 июня 1920 года.

¹³¹ Письмо было опубликовано 2 июля 1920 года в газете «Вятская правда» (Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Указ. соч. С. 22).

В ноябре 1920 года в связи с амнистией епископ Виктор был освобожден. По-видимому, в Уржум его власти не допускали, и он оставался в Вятке, получив назначение на Слободскую викарную кафедру Вятской епархии. На Уржумскую кафедру был переведен Яранский епископ Евсевий (Рождественский), викарий, временно управлявший Вятской епархией. Правящий Вятский архиерей Никандр (Феноменов) в Вятку так и не смог возвратиться после Поместного Собора: осенью 1918 года он был арестован, в апреле 1919 года отправлен в Архангельский лагерь; в начале 1920 года возвращен в Москву, откуда после арестов и тюремного заключения был отправлен в ссылку.

9 января 1921 года временным управляющим Вятской епархией был назначен епископ Виктор (Острорвидов), а епископ Евсевий был освобожден от управления по собственной просьбе. Однако, продолжая оставаться в Вятке, он уговаривал верующих ходатайствовать о назначении его епархиальным архиереем. Многие в Вятке были этим недовольны, дошло до того, что прихожане Предтеченского храма даже с оскорблениемми изгнали епископа Евсевия из храма, запретив ему служить у них¹³². О напряженных отношениях между вятскими викариями сообщал в своем письме от 14 сентября 1921 года секретарь канцелярии Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне: «Между Е~~пископом~~ Виктором и Е~~пископом~~ Евсевием все время идут большие неприятности. Тот и другой в отсутствие Пр~~еосвященно~~го Никандра управляли епархией»¹³³.

¹³² ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 25–32.

¹³³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 114–121 об.; Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01 (14) сентября 1921 года // История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006. С. 874.

Все неурядицы окончились, когда 13 мая 1921 года правящим вятским архиереем был назначен епископ Павел (Борисовский). Епископ Виктор был назначен на Глазовскую кафедру¹³⁴ и продолжал оставаться викарным епископом, проживая в Вятском Трифоновом монастыре. «В Вятке владыка был постоянно окружен народом, который видел в никогда не унывающем и твердом архипастыре поддержку для себя среди неустройств и тягот жизни. После каждого богослужения люди окружали его и провожали до кельи в Трифоновом монастыре. Дорогой он неторопливо отвечал на все многочисленные вопросы, которые ему задавали, всегда и при любых обстоятельствах сохраняя дух благожелательности и любви»¹³⁵. Владыка всей душой полюбил свою вятскую паству, позднее, будучи в ссылке, своим близким он говорил: «Таких, как вятские, нет нигде. Нет у нас в России таких людей, как вятские!»

Однако совсем недолго довелось владыке Виктору побывать со своей вятской паствой. 1922 год стал для него, как и для всей Русской Церкви, началом новых испытаний в беспрерывной цепи гонений, которые целенаправленно повели против Церкви богооборческие власти. Воспользовавшись бедственным положением народа из-за страшного голода, охватившего Поволжье и другие районы (по официальным данным, голодало 22 млн человек), богооборческие власти провели крупномасштабную кампанию по изъятию церковных ценностей. Под предлогом сбора средств для голо-

¹³⁴ Слободское викариатство, образованное в 1918 году вместо Глазовского, было упразднено в 1921 году. Глазовское же было возобновлено в 1919 году.

¹³⁵ Священноисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 4. Тверь: Издательский дом «Булат», 2001. С. 123.

дающих власти и обогащались за счет ограбления Церкви, и одновременно получали повод для жестоких расправ с церковниками¹³⁶.

23 февраля 1922 года ВЦИКом был издан декрет об изъятии церковных ценностей — всех драгоценных предметов. В ответ на это Патриарх Тихон обратился 28 февраля с посланием ко всем верным чадам Русской Церкви. Патриарх писал, что еще в августе 1921 года, когда до него стали доходить слухи об ужаснейшем голоде, он отправил за границу послания к главам христианских Церквей с призывом о помочь голодающим. Тогда же им был основан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, и во всех храмах и общинах начался сбор средств. Советское правительство, недовольное участием Церкви, запретило деятельность этого комитета, но в декабре 1921 года все же предложило собирать пожертвования через органы церковного управления. Тогда Патриарх не только призвал верующих к сбору денежных средств и продуктов, но и позволил общинам и приходским советам жертвовать на нужды голодающих драгоценные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Завершал послание Патриарх следующим:

¹³⁶ Из письма В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в Шуе от 19 марта 1922 года: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и, не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» (Архивы Кремля. В 2 кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 141–143).

«Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственные газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад Насших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — мириане отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (73-е правило Апостольское, 10-е правило Двукратного Вселенского Сбора)»¹³⁷.

В марте 1922 года по всей стране специальные комиссии приступили к изъятию церковных ценностей. Действовали они нагло и бесцеремонно, порой намеренно провоцируя возмущение верующих. В некоторых местах верующие оказали противодействие, произошли столкновения, пролилась кровь. Вину за это власти возложили на Патриарха и «контрреволюционное тихоновское духовенство». Последовали аресты и судебные процессы.

¹³⁷ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 190.

В Вятской губернии кампания по изъятию ценностей в целом прошла спокойно, за исключением лишь единичных случаев. Как оказалось, вятское духовенство ничего не знало о послании Патриарха, поскольку председатель Епархиального совета и секретарь канцелярии протоиерей А. А. Попов сокрыл его от всех, в том числе и от архиереев. И когда 3 марта 1922 года в Вятке состоялось собрание духовенства под председательством епископа Павла (Борисовского), все его участники единогласно постановили поддержать государственную кампанию по изъятию церковных ценностей. Начавшиеся 7 марта в Вятке изъятия прошли без эксцессов, никакого активного противодействия не наблюдалось¹³⁸.

Однако в апреле 1922 года епископ Павел был арестован «за недожватку по описи церковных ценностей»¹³⁹. Тогда-то протоиерей А. А. Попов показал епископу Виктору «по секрету», как он сам выразился, послание Патриарха. При этом он объяснил свое сокрытие послания тем, что «оно-де опоздало и носит характер прежних посланий с их печальными последствиями для духовенства». Оказалось, что и прежние послания Патриарха он также скрывал по своей должности председателя Епархиального совета. 25 апреля 1922 года епископ Виктор написал об этом Патриарху Тихону:

«“Ознакомившись с содержанием послания, я, насколько мог, разъяснил ему глубокое религиозно-нравственное, чисто духовное значение, которое имеет послание как вообще для верующих, так и особенно для духовенства.

¹³⁸ «Вятским отделом ОГПУ отмечались единичные случаи в г<ороде> Вятке, когда “отдельные граждане” пытались склонить верующих к противодействию проведения в жизнь декрета ВЦИК, в связи с чем 6 марта был арестован один священник и трое верующих» (Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 — сер. 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 87).

¹³⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 339.

В провинциях в селах, по которым я в то время проезжал (там изъятие произошло в один день, 1 марта ст^{арого} ст^{иля}, в один час, 12 ч^{асов} дня, по всем селам), была полная растерянность, а все зависело от лиц, посланных на сие дело.

В гор^{оде} Вятке, как видно из дела, духовенство показало себя весьма и весьма с плохой стороны и в некоторых случаях вызвало в народе ропот за святыню. Ведь у нас отдано всё до пузырьков от св. мира и помазочков включительно. Ужели и такие пустяки нужны были Правительству?"

Лишь один священник г^{орода} Вятки о^{тец} Василий Перебаскин, по свидетельству епископа Виктора, показал себя исповедником, не принял участия в изъятии, основываясь именно на тех канонах, которые указал патриарх в своем послании. Отец Василий изложил свое мнение письменно на собрании Приходского Совета и устно доложил епископу Павлу. В своем письме епископ Виктор, предоставив о^{тца} Василия к награждениюprotoиерейством, просил патриарха этим и ограничить все награждения по Вятке: "...дабы дать задуматься прочим, что нельзя так легкомысленно поступать в делах веры и Церкви. Я усиленно прошу Ваше Святейшество об этом, ибо жизнь может поставить нам новые и более тяжелые испытания, и духовенство, не вразумленное от Вас, сочтет себя в своем данном поступке правым, в неведении и заблуждении совершил более тяжкие проступки против веры... Ввиду того, что многие из мирян и духовенства Вятской губернии до сего времени находятся в большой душевной скорби за случившееся, я исповедую пред Вашим Святейшеством грех неведения Вятычей. Земно кланяюсь Вам и слезно за них и за себя прошу прощения и Вашего Архиапастырского молитвенного разрешения от этого греха, простите"»¹⁴⁰.

В то время как епископ Виктор писал это покаянное послание Патриарху, ряд «прогрессивных» цер-

¹⁴⁰ Поляков А. Г. Указ. соч. С. 180; ГАКО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 — 2об.

ковных деятелей в Петрограде, ратующих за «обновление» или «оживление» Церкви, напротив, порицали Патриарха за его послание, обвиняли в равнодушии к голодающим и называли виновником пролития крови. 12 мая они потребовали от находившегося под домашним арестом Патриарха отказа от патриаршества. 13 мая выпустили свое послание (опубликованное на следующий день в газете «Известия ВЦИК»), в котором прямо обвиняли Церковь в контрреволюционных выступлениях, в том числе во время изъятия церковных ценностей. «Воззвание Патриарха Тихона стало тем знаменем, около которого сплотились контрреволюционеры, одетые в церковные одежды», — писали обновленческие деятели в своем послании. Далее они осудили действия архиереев и пастырей, которые якобы противодействовали оказанию помощи голодающим, потребовали немедленного созыва Поместного Собора для суда над виновными (и прежде всего над Патриархом Тихоном).

18 мая обновленческие клирики, с самого начала своей деятельности пользовавшиеся поддержкой властей, захватили патриаршую канцелярию и образовали в Москве свое Высшее Церковное Управление. 31 мая председатель этого самозваного ВЦУ, епископ Антонин (Грановский), направил письмо епископу Виктору как временно управляющему Вятской епархией. В нем Антонин приветствовал епископа Виктора как сторонника перемен в церковной жизни, свидетельствовал о главном руководящем принципе «нового церковного строительства: ликвидация не только явных, но и потайных контрреволюционных тенденций, мир и содружество с Советской властью, прекращение всяких оппозиций ей и ликвидация патриарха Тихона как ответственного Вдохновителя непрекращающихся внутрицерковных ворчаний». Антонин сообщал о готовящемся в августе Соборе, на который «возлагалась эта ликвидация», и предлагал

явиться на него делегатам с «ясным и отчетливым сознанием этой церковно-политической задачи»¹⁴¹.

Вместо ответа епископ Виктор составил послание, в котором со свойственной ему прямотой и категоричностью назвал обновленцев возмутителями, отщепенцами от Церкви Божией, самозвано, воровски захватившими управление Церковью, и уподобил их нечестие ветхозаветным богоотступникам Корею, Дафанду и Авирону, восставшим против Богом поставленных Моисея и Аарона, «за что поглотила их разверзшаяся под ними земля со всеми их сообщниками, так и сии нечестивые усиливаются возмутить верующих против Духом Святым поставленных пастырей и разделить Церковь Христову, присвояя себе им не принадлежащее». Владыка Виктор применил к ним слова Апостола Павла о лжепастырях: «знаю, что по отшествии моем войдут к вам волки лютые, не щадящие стада; и из вас самих (пастырей) восстанут люди, и станут говорить, превращая истину, чтобы увлечь за собою учеников» (Деян. 20, 29–31). «Это люди, отделившие себя от единства веры, люди животные, духа нет в них. Это безводные источники, облака и туманы, гонимые бурею, люди, обещающие другим свободу в то время, когда сами являются рабами тления (Иуд. 8, 20; 2 Петра 1, 7, 9)». Обращаясь к своей пастве, епископ Виктор писал:

«Други мои, умоляю Вас, убоимся, как бы и нам нечаянно не сделаться подобно сим возмутителям отщепенцами от Церкви Божией, в которой, как говорит Апостол, ВСЕ КО БЛАГОЧЕСТИЮ И СПАСЕНИЮ НАШЕМУ и вне послушания которой вечная погибель человеку...

А посему умоляю Вас, возлюбленные во Христе братия и сестры, а наипаче Вас, пастыри и соработники на ниве Господней, отнюдь не следовать сему самозваному раскольническому соборищу, именующему себя

¹⁴¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 137.

“церковью живой”, а в действительности “трупу смердящему”, и не иметь какого-либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами, от сих самозванцев поставленными. Будем являть себя мужественными исповедниками ЕДИНОЙ ВСЕЛЕНСКОЙ СОБОРНОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ, твердо держась всех ея священных правил и божественных догматов».

При этом епископ Виктор оставался верным тому же принципу аполитичности, о котором он писал в 1920 году и которому продолжал следовать и в дальнейшем. Подчеркнуть это было тем более важно, что одним из главных обвинений, которое бросали обновленцы тихоновскому духовенству, было обвинение в контрреволюции. Так, в заключение послания владыка Виктор писал:

«Посылая к Вам, братия и други, сие мое послание, говорю, знайте, что оно касается чисто внутренней жизни церковной, а не гражданской внешней жизни нашей. Ввиду же того, что сама гражданская власть не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, то и мы занимаемся чисто церковным делом, обязаны в то же время соблюдать должное отношение к гражданской власти, исполняя все ее требования, касающиеся внешней жизни нашей, к чему и призываю я Вас на основании слов самого Господа, божественных его апостолов, заповедовавших нам быть во всем покорным всякому начальству. Ибо наша брань, всех верующих христиан, должна быть не с плотию и кровию, то есть не с врагами плотскими, не из-за каких-либо земных интересов, а с начальствами и властями и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными. А для сей войны восприимите не оружие вещественное, а лишь один щит веры, в коем сможете угасить все стрелы лукавого разженные (Ефес. 6, 16)»¹⁴².

¹⁴² ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 111–112.

Несмотря на то, что послание, по словам епископа Виктора, он разослал в количестве всего нескольких экземпляров по уездам и городам «для частного осведомления духовенства, с запрещением оглашать в церкви», понятно, что и частного осведомления с подобным посланием было достаточно для категорического неприятия обновленчества и стойкого противодействия ему. Только трое вятских священников публично выразили свои симпатии обновленческому ВЦУ, а остальные его немногочисленные сторонники, по сведениям Вятского ГПУ, боялись это сделать. По губернии распространялись сведения, что епископ Виктор не признал ВЦУ и назвал его членов еретиками.

На собраниях духовенства распространялось послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела Ярославского от 5/18 июня 1922 года, в котором митрополит писал о передаче ему Патриархом Высшего Церковного управления до созыва Собора, о невозможности ему выехать в Москву и о неправомочности обновленческого ВЦУ. Впредь до восстановления Высшей Церковной власти митрополит Агафангел предлагал архиастырям управлять своими епархиями самостоятельно, «сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге»¹⁴³. На основании этого послания была объявлена автокефалия Вятской епархии. 25 августа 1922 года епископ Павел, освобожденный к тому времени из-под ареста, подписал указ, в котором вятские уездные епископии возводились на степень самостоятельных епархий с сохранением их канонического единства в составе Вятской Православной Автокефальной церкви. Уездные епископы могли сами решать все дела своих епархий, к автокефальному же Вятскому управлению должны были поступать из сих

¹⁴³ Акты Святейшего Тихона... С. 220.

епархий дела только в порядке жалоб, апелляций и так далее.

Епископ Виктор (Островидов) назначался епископом Орловским на правах самостоятельного епископа для управления делами Орловского уезда, с местом жительства в Вятке, в Трифоновом монастыре на правах настоятеля. Ему поручались также дела судные и брачные по Вятскому уезду и тем уездам, где нет пока епископских кафедр. До замещения свободной Глазовской кафедры епископ Виктор заведовал и делами Глазовской епархии. За собой епископ Павел оставлял управление церковными делами по городам Вятке, Слободскому, Котельничу и Нолинску с их уездами, пока в них не будут открыты епископские кафедры. Уржумская епархия должна была состоять в ведении епископа Яранского Сергия.

Переходу к автокефалии предшествовали следующие события. 21 августа в Вятку прибыл как уполномоченный ВЦУ священник Нолинского уезда Николай Утробин. Заручившись поддержкой местных властей (зарегистрировав свой мандат от ВЦУ и получив разрешение на проведение губернского собрания духовенства), он намеревался ознакомить вятское духовенство с новым положением дел и с резолюциями обновленческого съезда. Епископ Павел назначил собрание на вечер 24 августа. Но, посоветовавшись с владыкой Виктором и другими клириками, он отменил собрание и велел Утробину отправиться к месту своего служения.

«На следующий день, по сведениям Крутогорского, Утробин вновь явился к епископу Павлу и предложил ему письменно ответить на следующие вопросы:

— признает ли он ВЦУ и подчиняется ли его распоряжениям;

— признает ли правомочие уполномоченного ВЦУ.

Прочитав вопросы, Павел потерял всякое самообладание. Кинул в лицо Утробина предложенные им вопросы и

закричал: “Никакого ВЦУ не признаю и знать не хочу. С уполномоченным-еретиком не желаю иметь никаких сношений. Ты — священник подчиненной мне епархии. А раз так, немедленно убирайся из города и отправляйся в свое село. Не послушаешь — запрещу священнослужение, извергну из сана! Запрещаю тебе приходить сюда. Не смей переступать и порога моей канцелярии”»¹⁴⁴.

В тот же день епископы Павел и Виктор объявили об автокефалии Вятской епархии и обратились с посланием ко всем верным чадам. Вероятно, послание было составлено епископом Виктором, затем одобрено и подписано епископом Павлом и разослано по всем храмам епархии¹⁴⁵. В послании Вятская епархия объявлялась «автокефальной, тто есть самоуправляемой под ответственным главенством епископа Вятского и Слободского». В отношении «живой церкви» и ВЦУ было четко указано:

«Эта группа самозвано, без всяких на то канонических полномочий захватила в свои руки управление делами Православной Российской Церкви; все ее распоряжения по делам Церкви не имеют никакой канонической силы и подлежат аннулированию, которое, надеемся, и совершил в свое время канонически правильно составленный Поместный собор. Призываю Вас не входить ни в какие сношения с группой так называемой “Живой церковью” и ее управлением, и распоряжение ее отнюдь не принимать».

Заключалось послание епископов следующим:

«Всемерно заповедуем всем быть вполне корректными и лояльными в отношении к существующей власти, отнюдь не допускать так называемых контрреволюционных выступлений и всеми зависящими мерами содействовать существующей гражданской власти в

¹⁴⁴ Поляков А. Г. Указ. соч. С. 96.

¹⁴⁵ Священоисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. С. 128.

заботах и предприятиях ее, направленных к мирному и спокойному течению общественной жизни. Устроением Божиим Церковь отделена от государства, и да будет она только тем, что она есть по своей внутренней природе. То есть мистическим благодатным телом Христовым, вечным священным кораблем, приводящим чад своих к тихой пристани — животу Вечному.

Призываю вас устроить жизнь свою на великих заветах евангельской любви, взаимного снисхождения и всепрощения, на незыблемом основании веры апостольской, с соблюдением добрых церковных преданий, — да о всем славится Бог Господем нашим Иисусом Христом. Аминь»¹⁴⁶.

На следующий день, 26 августа, епископы Павел и Виктор были арестованы. Постановление об аресте было выписано в Вятском губернском отделе ГПУ 25 августа (вероятно, по этой причине в служебной записке и шифротелеграмме в Москву начальник Вятского отдела указал дату ареста именно 25 августа). Тогда же были арестованы священники: А. Попов (управляющий делами Вятской епархии), В. Перебаскин, Н. Тихвинский и Тихоницкий. При аресте, как указывалось, было «отобрано много компрометирующего материала: воззвание Тихона от 28/IV-22, воззвание Агафангела, воззвание братства ревнителей Православия, приказ ВЧК № 98 от 31 июля 1920 года, литература эсеров, следственные, бракоразводные дела и прочее».

28 августа арестованные были допрошены, после чего протоиереи Тихвинский и Тихоницкий — освобождены. 5 сентября освобожден протоиерей А. Попов, а епископам в этот же день было предъявлено обвинение в нарушении и неисполнении постановления Наркомюста от 24 августа 1918 года о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от

¹⁴⁶ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 315.

государства и школы от церкви», которое выражалось в том, что они «вмешивались в гражданские дела, присваивая себе судебные функции, перерешая брако-разводные дела, ведя по этим делам следствие, имея для этого специальный аппарат». Кроме того, епископы обвинялись в «связи с подпольными монархическими группировками» и «распространении подпольных воззрений патриарха Тихона, Ярославского Агафангела и “Братства ревнителей православия”».

После этого обвиняемые были отправлены в Москву. Вместе с ними был отправлен и арестованный Александр Вонифатьевич Ельчугин, секретарь Вятского губернского совета народных судей. Он познакомился с епископом Виктором еще в 1920 году, когда арестованный владыка был привезен в Вятку. Александр Вонифатьевич навещал владыку в тюрьме, в день освобождения перевез его на квартиру. Они вместе составляли прошение в ревтрибунал о выдаче реквизированного у владыки креста. Потом они постоянно общались, вели дружеские беседы. Александр Вонифатьевич как иподиакон прислуживал владыке во время богослужений. Теперь, как епископы Павел и Виктор и священник Василий Перебаскин, он также был отправлен в Москву и содержался в Бутырской тюрьме как соучастник в нелегальной деятельности архиереев, обвиняясь также «в снабжении их приказами ВЧК и информировании о всех распоряжениях Советской власти, в том числе и секретных»¹⁴⁷. Приговорили Александра Вонифатьевича к заключению в концлагерь и отправили на Соловки.

Епископы же Павел и Виктор по постановлению НКВД от 23 февраля 1923 года были высланы в Нарымский край на три года¹⁴⁸. О жизни епископа Вик-

¹⁴⁷ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. Л. 329.

¹⁴⁸ В то время к духовенству применялась новая мера наказания, введенная декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года: административная высылка без суда.

тора в Сибирской ссылке известно совсем немного, главным образом из нескольких его писем семьи Чудиновских, прихожан Всехсвятской церкви города Вятки. Село, в котором пребывал владыка, было совсем маленьким — четырнадцать дворов — в 60–70 верстах от районного центра Колпашево Нарымского края. В одном из посланий он писал: «Место наше глухое. Почта за 60 верст, и один не пойдешь — медведи в тайге, да и не пройдешь пешком, а надо на лодке. Но есть люди, которых угнали еще дальше: один священник ехал 32 дня на лодке до Колпашева, нашего главного села»¹⁴⁹. От ближайшей железнодорожной станции, очевидно Томска, до Колпашево также было добираться непросто, нужно было ехать по Оби на лодке, а зимой на лошадях четыреста верст. Духовное чадо владыки из Вятки, некая Евдокия, о которой он пишет сестрам Чудиновским, хотела раньше повидаться, но, по его словам, «не могла, уж очень далеко мы живем».

Еще раньше к епископу приехала или, возможно, сопровождала его в ссылку монахиня Мария (в письмах ее называют Машей)¹⁵⁰. Молились они с владыкой

¹⁴⁹ Письма цитируются по их первой публикации: «Из ссылки шлю вам благословение». Письма из Сибири епископа Виктора (Островидова), публ. В. Семибратова // Вятка. 1997. № 1. С. 34–38. Полностью текст писем приведен в Части II.

¹⁵⁰ Вероятно, Томилова Мария Николаевна, родилась в 1890 в дер. Томилово Вятского уезда. Воспитанница и постриженница Вятского Свято-Преображенского монастыря. С 1900 — проживала при монастыре. В 1918 — приняла постриг в мантию. В 1938 и 1947 — подвергалась арестам. Из обвинительного заключения по делу 1947 года: «В прошлом — послушница епископа Островидова. После ареста Островидова она продолжала встречаться с ним в местах заключения. Получала от него и передавала другим его письменные указания о проведении антисоветской деятельности...» Осуждена на 10 лет концлагеря. 16 ноября 1954 — освобождена, приехала в Киров. В 1957 — скончалась (Чудиновских Н., Жаравин В. Сестры: Очерки о судьбах наследниц Вятского Преображенского де-

дома, по его словам, «в церковь не ходим, так как священник перешел на сторону еретиков антицерковников (живоцерковников), а молитвенное общение с еретиками погибель души». Вдвоем совершали дома и Божественную литургию, поминая всех близких вятичей. Маша помогала владыке по хозяйству. Так, в одном из писем весной 1924 года владыка пишет: «Маша стяжит одеяла, и этим мы зарабатываем себе на хлеб, рыбу, дрова. Впрочем, рыбы я и сам много наловил и теперь с наступлением весны опять займусь рыболовством». Первое свое лето владыка Виктор провел на рыбной ловле на реке Кеть и на озерах, но зимой, в тех местах очень длинной (только в мае на реке начался ледоход), немного скучал. Занимался изучением английского языка, который, «может быть, когда-нибудь сгодится» (заметим, что в свое время в Иерусалиме он занимался по совету архиепископа Антония изучением наитруднейшего арабского языка, находя в этих занятиях утешение в скорби). Хотел владыка даже преподавать в школе, но, по-видимому, не получил на это разрешения от местных властей.

С местным населением у ссыльных были хорошие отношения, они помогали крестьянам лечить больных, делясь лекарствами, которые привезли или получали в посылках. «Крестьяне сердечно относятся к нам и помогают: приносят молочка, картошки, а мы с ними делимся лекарствами», — писал владыка Виктор. «Народ живет бедно... Ребятишки малые ходят почти голыми, нечего надеть, и все болеют от холода. Льна и конопли сеют мало, а покупать материю очень дорого. Мужчины с осени уезжают на промыслы далеко верст за двести, в глушь в тайгу за белкой или рыбу ловить неводами — вот этим и живут, а своего хлеба совсем мало. Кругом непроходимые болота».

В избе они отапливались железной печкой, «температура от которой была неравномерной, то очень жарко, а то прохладно», так что в ссылке у владыки обострился ревматизм, но он особо не жаловался¹⁵¹. «Вот немного и заболел», — пишет он в письме. Но тут же добавляет: «Слава Богу за все, Господь не оставляет нас Своими утешениями!» И в других письмах успокаивает своих духовных чад: «Мы живем милостью Божией и любовию всех вас хорошо!» И утешает: «Господь знает и все устроит по Своей Святой воле к взаимному нашему утешению. Вы так всегда в сердце своем и держите, что все с нами бывает по воле Божией, а не случайно, и от Господа зависит изменить наше положение нам в утешение и спасение. А потому не будем отчаяваться никогда, как бы тяжело не было нам».

В письмах владыка Виктор постоянно предупреждал беречься от обновленцев и пребывать непоколебимыми в правой вере: «Только с еретиками не молитесь, а лучше дома, если не будет православного храма... Господь да укрепляет ваш дух в исповедании св. православной веры и воздаст вам милостями своими в сей и в будущей жизни». В послании к «Вятским друзьям и возлюбленным о Господе», отправленном епископом Виктором из ссылки в 1923 году, он называл живоцерковников «опаснейшими еретиками-антицерковниками, каких православный христианский мир еще не знал», «жалкими новыми нечестивцами, новыми богохульниками, свирепыми волками, которые воровски присвоили себе имя Православной Церкви»¹⁵².

¹⁵¹ Диагноз «суставной хронический ревматизм» был поставлен епископу Виктору в санчасти Бутырской тюрьмы в 1926 году. Отмечено, что боли в суставах и правом боку беспокоят большого в продолжение десяти лет.

¹⁵² Об этом написал в своем письме от 26 апреля 1926 года обновленческий епископ Николай (Тихвинский).

В то время обновленцы еще имели значительное влияние в Вятке, так как после ареста епископов Павла и Виктора оставшийся на свободе Яранский епископ Сергий принял временное управление в епархии и подчинился обновленческому ВЦУ, и за ним последовала большая часть духовенства. Однако в августе 1923 года началось возвращение приходов Вятской епархии в подчинение Патриарху Тихону. Большую роль в этом сыграли клирики Воскресенского собора Вятки: прежде всего священник Григорий Попыванов¹⁵³, который начал служение в соборе с 1923 года. Настоятелем собора в то время был священник Николай Тихвинский, который вместе с другим священником, Николаем Фаворским, принял обновленчество, в то время как третий священник этого собора Василий Перебаскин, строгий ревнитель православия, был отправлен в ссылку.

Отец Григорий Попыванов выступил против обновленчества и смог увлечь за собой народ. Приходское собрание изгнало из собора священников Н. Тихвинского и Н. Фаворского. За настоятеля собора, по словам последнего, остался Григорий Попыванов, который привлек к своей деятельности наиболее «реакционных лиц», прежде всего игуменю Покровской женской общины Февронию (Феклу Юфереву)¹⁵⁴ с

¹⁵³ Попыванов Григорий Захарович, родился в 1881 в с. Марино Вятской губ. Священник, служил в церкви села Русское, с 1923 — в Воскресенском соборе Вятки. В 1930 — арестован по групповому делу, 3 февраля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1945 — вновь арестован, 5 апреля приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

¹⁵⁴ Юферева Фекла Семеновна, родилась в 1870 в деревне Зотовцы Котельнического округа. В 1914 — поступила в Покровскую женскую общину. Согласно показаниям вятского обновленческого деятеля, уполномоченного ВЦУ, Покровский монастырь был основан самой Феклой (в монашестве Февронией) и стал «крепостью контрреволюции» в западном углу Вятской губернии. «...там останавливались на длительный срок следовав-

группой монашества. Это была весьма почитаемая старица, и ее поддержка православных тихоновцев оказалась значимой. Об этом позднее в «Обвинительном заключении» по групповому делу игумении и клириков Воскресенского собора утверждалось следствием:

«Имея на своей стороне церковный актив, духовенство собора при помощи игумении Февронии повело среди крестьянского населения агитацию “Об укреплении устоев православия”. После того как в Вятке были арестованы священник Перебаскин и миссионер Иванов, Воскресенский собор в среде реакционного духовенства приобрел авторитет “Истинного фундамента т^{ак} н^{азываемого} старого православия”, и в короткий срок на тихоновскую платформу было привлечено большинство церквей г^{орода} Вятки, стоявших на т^{ак} н^{азываемой} обновленческой платформе»¹⁵⁵.

шие из ссылки разные архиереи и монахи. Туда любил часто бывать “в гости” известный монархист Еп. Виктор, который и возвел Феклу в сан игумены за ее к нему щедроты... Появившееся в Вятке обновленческое движение встретило в лице Феклы-Февронии мощного врага. Фекла наводнила все уезды Вятской губернии своими агитаторами-монашками, которых направила с целью предупредить народ о приближающейся в церкви “красной опасности”. Из 13 монастырей Вятской епархии Фекли был самый контрреволюционный... Окружающее духовенство видело в нем сдерживающую надвигающуюся со стороны революционных масс сокрушительную силу». (ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-8585. Т. 2. Л. 23 об. — 24). В 1924 — Покровский монастырь был закрыт властями. Игуменья Феврония арестовывалась, но к суду не привлекалась. Она и ряд монахинь переехали в Вятку. В 1929 — она проходила в качестве обвиняемой по делу «викторовцев». К тому времени игуменья была уже смертельно больна, и потому «по состоянию здоровья» ее не арестовали, но в феврале 1930 приговорили к высылке в Севкрай на три года. Однако она вскоре скончалась и была похоронена в Вятке.

¹⁵⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-8585. Т. 2. Л. 217–218.

В сентябре в Вятскую епархию был направлен рукоположенный Патриархом Тихоном на Уржумскую кафедру епископ Авраамий (Дернов)¹⁵⁶. К ноябрю 1923 года к нему перешло все духовенство Котельнича, большая часть Уржума, двенадцать из двадцати церквей города Вятки. Епископ Виктор высоко отзывался о епископе Авраамии. В одном из писем в 1924 году он писал: «Владыка Авраамий — великий человек по своему смирению пред Богом». По-видимому, владыка Виктор хорошо знал епископа Авраамия — познакомиться они могли еще во время учебы в Казанской академии (Константин Островидов учился в 1899–1903, Анатолий Дернов — в 1897–1901). В марте 1925 года епископ Авраамий был арестован и выслан в Зырянский край на три года, вероятно, епископ Виктор поддерживал с ним переписку. Причем одно из важнейших писем владыки Виктора — письмо епископу А. в январе 1928 года, — широко распространявшееся среди единомысленного ему духовенства, было адресовано именно владыке Авраамию¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Дернов Анатолий Иванович, родился в 1874 в селе Верхние Парзи Вятской губ. В 1901 — окончил Казанскую духовную академию. 1911–1917 — архимандрит, настоятель Супральского монастыря. 1923 — рукоположен во епископа Уржумского. С 1925 — в ссылке. 1929–1931 — на Глазовской кафедре. 1931 — ушел на покой. 1935 — вновь на Глазовской кафедре. 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ, скончался на этапе.

¹⁵⁷ Еще одна примечательная деталь — в архиве Синода Зарубежной Церкви есть интересный документ: «Список православных епископов, подвергавшихся гонениям до 1 марта 1930 г.» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 73–89). О епископе Авраамии в нем указывается, что он с 1925 — находился в селе Гиблый Ад Зырянского края, а с 1928 — в Камышине Саратовской губернии. Вполне вероятно, что после ссылки владыку Авраамию в Камышине могли принять по просьбе владыки Виктора его родственники (мать, брат и сестра с семьями).

В феврале 1926 года окончился срок высылки епископа Виктора. 29 марта он вернулся в Вятку, а на следующий день по прибытии местные власти взяли с него подпись в том, что он «*дает обязательство до организации Вятского епархиального управления и зарегистрирования его в Вятском Губисполкоме не управлять епархией — в частности, не назначать, перемещать и увольнять священников, не рассылать по епархии воззвания от имени управления епархией*»¹⁵⁸. Такую же подпись дал и вернувшийся в это время в Вятку архиепископ Павел. Однако эту подпись обоим владыкам пришлось вскоре нарушить, поскольку они стали служить как православные архиереи, не признающие обновленцев, и неизбежно должны были решать вопросы с обращавшимися к ним клириками и мирянами. Епископ Павел даже создал специальную комиссию для разрешения вопроса, связанного «с переходом священника на патриаршую платформу и для допроса ставленников при посвящении в духовный сан».

Духовенство и монашествующие Воскресенского собора, с радостью встретившие долгожданных архиереев, стали их самыми активными помощниками. Позднее в материалах следствия отмечалось, что после возвращения в 1926 году в Вятку архиепископа Павла Борисовского и епископа Виктора Островидова «собор превратился в руководящий центр реакционных тихоновских церковников Вятской епархии» и что при соборе была «создана т<ак> н<азываемая> “покаянная комиссия”, задачей которой являлась борьба с обновленческим духовенством, путем принуждения обновленцев к раскаянию и отрицанию канонических постановлений обновленческого собора 1923 г<ода>, оправдывающих справедливость социа-

¹⁵⁸ ГАСПИ КО Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 6.

листической революции и существования Совласти»¹⁵⁹.

Один из обновленческих священников, Петр Либер (бывший Снычев-Сорокин, изменивший фамилию), возмущался тем, что епископы требовали публичного отречения от обновленчества, и назвал такой прием покаяния «издевательским». Он утверждал, что с приездом Павла и Виктора произошло возбуждение религиозной массы и неизгладимая пропасть пролегла между обновленцами и тихоновцами. В показаниях на следствии он, кроме того, заметил, что в день памяти мученика Авраамия епископ Павел произнес проповедь о мученике, проводя аналогию между ним и ссыльным Авраамием (Дерновым), и это поняли присутствующие. После проповеди Павел провозгласил многолетие епископу Авраамию, и это все подхватили¹⁶⁰.

Заштатный обновленческий епископ Николай (Тихоновский) также жаловался, что «*по прибытии в Вятку из Нарымского края епископ Виктор лишает благословения верующих из обновленческих храмов, не признает в священных лицах благодати хиротонии, не стесняясь даже письменно называть их отступниками от Церкви по действу диавола и выражать неверие в пользу их человеческих убеждений»¹⁶¹.* Такого рода письмо обновленческий архиерей получил от епископа Виктора в ответ на свое письмо, в котором приветствовал владыку Виктора с возвращением из ссылки и высказывал желание взаимообщения.

Отношение к обновленцам у епископов Павла и Виктора было действительно строгим. В целом их приезд укрепил в Вятской епархии позиции верных Патриарху Тихону православных. Недаром из обновленческого Вятского епархиального управления обес-

¹⁵⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ-8585. Т. 2. Л. 218.

¹⁶⁰ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 168.

¹⁶¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 69.

покоенный епископ Иоасаф (Рагозин) сразу разослал по своим обновленческим викариатам в Советском, Яранском, Уржумском, Халтуринском районах «Оповещение», приобщенное позднее к материалам следственного дела: «*Вернувшиеся из ссылки бывшие Вятские епископы Павел Борисовский и Виктор Островидов вполне определенно и сознательно встали опять на путь объединения общественных реакционных сил, враждебных к советскому правительству нашей Республики*»¹⁶².

Чекисты также отмечали в своих документах, что Борисовский и Островидов «*по возвращении из ссылки в Вятскую губернию на своих первых публичных выступлениях среди верующей публики зарекомендовали себя "мучениками и гонимыми за веру православную", заявили, что "духовенство Вятской епархии и миряне, несмотря на всякие лишения, остались верны им и теперь, вернувшись в свою палестину, еще больше ее укрепят, если их к этому допустят", и бросили клич, чтоб "все сопастыри и пастыри направили свои стремления к достижению этого"*»¹⁶³.

Обновленческий епископ Иоасаф прямо обвинил епископа Виктора в антисоветских взглядах (хотя высказываемых и не открыто в частных разговорах), в причастности к факту избиения обновленческого священника¹⁶⁴ и к ультимативным требованиям, которые

¹⁶² ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 152.

¹⁶³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-3708. Т. 2. Л. 2.

¹⁶⁴ Так, в своих показаниях Иоасаф писал: «*В факте избиения священника Чемоданова можно полагать, что принимал участие и епископ Виктор, так как Петухов является церковным старостой Серафимовской церкви, где служил и при которой жил епископ Виктор*» (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 171 об.). Согласно «Протоколу судебного заседания» от 2 июня 1926 года, обвиняемый Петухов Павел Кузьмич, нарядчик-бригадир на железной дороге, «виновным себя признал, пояснив: "что я стоял в церкви и вижу, вошел к нам враг обновленец поп, и я, как не переваривающий их, об-

предъявили к нему сторонники епископов Павла и Виктора. Так, согласно его заявлению, 3 апреля 1926 года к нему явились двое мужчин и одна женщина с предложением в трехдневный срок покинуть Вятку и освободить кафедральный собор для их епископа — Павла. Иначе грозили «разделаться так, что в живых не будет». Позднее на следствии подробно показывая об этом эпизоде, он добавил: «Я выслушал ихнее предложение и сказал им, чтобы они шли к своему епископу и спросили б его, как он одобрят ихние действия»¹⁶⁵.

Чекисты понимали, что к такого рода экстремистским действиям едва ли могли иметь отношение тихоновские архиереи (хотя обновленческий архиерей и настаивал на их причастности). Тем не менее подобные факты были «приобщены» к делу и к обвинениям в незаконном ведении административно-церковной деятельности добавилось следующее: «Борисовский Павел и помогающий ему Островидов Виктор создали и форсировали в Вятской епархии волну реакционного церковного движения, разжигали страсти на вопросах внутри церковной борьбы верующей публики

ратился к нему и сказал, что ему тут не место, и он мне ответил, что я дурак, и отошел. А когда кончилась служба, то он пристал ко мне и все называл вее, и идя по дороге, и чтобы отвязаться от него, я два раза ударил его тростью, которая переломилась. Все это вышло из-за религиозных убеждений, и я обновленцев не перевариваю, а тут еще он к нам в храм пришел, и вот все это и заставило меня нанести ему удары, так сказать по апостольскому писанию". Потерпевший, священник Чемоданов Георгий Ипполитович подтвердил показания, данные на предварительном следствии, добавив еще, что "не приставал к Петухову, и что Петухов, как тихоновец, меня возненавидел и тут же в церкви внес смуту, дерзко обращаясь ко мне и впоследствии, выбрав удобное место, нанес мне 2 удара"… Удары отнесены к числу легких, причинивших физическую боль» (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 187).

¹⁶⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 7, 172.

и духовенства, вплоть до самосудов, чем и создали обстановку, нарушающую общественную тишину и порядок в губернии. Кроме этого в постановлении от 13 мая 1926 года архиереи обвинялись в «церковной контрреволюционной деятельности»¹⁶⁶, которую они якобы вели с марта по май 1926 года, на основании чего должны быть привлечены к ответственности.

14 мая 1926 года обвиняемые были арестованы: архиепископ Павел — в Вятке, епископ Виктор — в Вологде, в Вятке владыку Виктора не застали, поскольку он выехал в Петроград. Однако в тот же день его задержали в поезде во время проезда через Вологду. 16 мая арестованным владыкам было предъявлено обвинение по трем пунктам: «1) Неподчинение распоряжениям органов Советской власти, 2) Пропаганда и агитация в среде верующего населения губернии против существующего в СССР государственного строя, 3) Группирование вокруг себя враждебно настроенного к Советской власти элемента и ведение церковно-реакционной деятельности в губернии в формах, нарушающих общественную тишину и порядок в губернии»¹⁶⁷.

На допросе епископ Виктор данного обвинения не признал, заявив, что со дня приезда в Вятку никакой деятельности, кроме богослужебной, не вел. С самого своего приезда в Вятку он чувствовал себя лишним, поскольку в Вятке был архиепископ Павел, и искал случая Вятку оставить. Сам архиепископ Павел писал митрополиту Сергию о предоставлении епископу Виктору самостоятельной кафедры, а в конце апреля вы-

¹⁶⁶ Они обвинялись в том, что «заявляли о своем несогласии с действиями Соввласти, что не могут признать Советскую власть, распространяли по губернии послание, в котором призывали духовенство и верующую публику быть солидарными с поведением гражданина Полянского Петра (Крутицкого), привлекаемого в данное время к ответственности».

¹⁶⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-3708. Т. 2. Л. 77.

звал из Глазова епископа Симеона¹⁶⁸, которому предложил «очистить Глазовскую епархию», с тем чтобы назначить туда епископа Виктора.

Владыка Виктор не был полностью согласен со всеми действиями архиепископа. Он считал слишком резким требование всенародного покаяния обновленческого духовенства, находил нетактичным послание архиепископа Павла, которое тот составил, не посоветовавшись с ним. Когда епископ Виктор прочитал это послание, то, по его словам, к своему «ужасу узнал, что оно уже передано в ГПУ, а ранее о нем не слыхал ни слова».

На вопрос следователя об этом послании епископа Павла, которое было названо «декларацией», епископ Виктор ответил: «Он мне зачитал ее. Я пришел в ужас от этой декларации и от того, что он ее подал. Я считал в ней совершенно неуместным ультимативные предложения, которые делал в ней власти епископ Павел. Я сейчас не могу припомнить что-либо конкретно из декларации, но самый тон ее был очень резок. Со мною Павел не советовался относительно ее составления. Неделю спустя после подачи он мне ее показал и сказал, что отправил»¹⁶⁹.

Это послание было расценено властями как контрреволюционное: по их мнению, архиепископ Павел якобы «не двусмысленно предоставлял возможность заниматься церковникам контрреволюционными делами и покровительствовал этому». «Ультимативными требованиями» архиепископа в этой декларации были: а) легализация патриаршей церкви, то есть в понимании ОГПУ «реакционно-церковных группировок», б) легализация «богословской и духовно-нравственной апологии религии данным группировкам про-

¹⁶⁸ Очевидно, Симеон (Михайлов) в 1924 году назначен на Глазовскую кафедру.

¹⁶⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 213.

тив атеизма»; в) «прекратить во все последующее время противорелигиозные демонстрации».

Интересно отметить смелость архиепископа Павла. Помимо того, что он в нарушение своей подписки активно управлял епархией, о чём свидетельствовали обнаруженные при обыске в его квартире документы: как указано в протоколе, «*два рукописных послания, разные рапорта, заявления, просьбы по рлигиозным> вопросам сомнительного характера*», владыка Павел также неоднократно в беседах говорил о гонениях, подчеркивал, что готов к страданиям, что не боится ни тюрем, ни ссылки... На запрос духовенства о воззвании к епархии, в котором следовало бы признать соввласть, призвать духовенство куважению власти, осудить антисоветскую деятельность церковников, архиепископ Павел ответил:

«Воззвание оправдать наличие Соввласти не может по трем причинам: Верующие, подвергавшиеся органами власти разным репрессиям, отвернутся от него, нет для такого выступления внешних побуждений и данный вопрос — компетенция патриаршего Собора, если его разрешит власть. Осудить воззванием антисоветские деяния в Церкви он не считает нужным, так как не видит налицо таких деяний в Церкви. А если духовенство хочет такого воззвания, то оно выпустит написанное по своему усмотрению, но с условием, что не умолчит в Воззвании о неодинаковом отношении Соввласти к Верующим и неверующим и некотором преследовании Верующих, с замечанием, чтобы эту ненормальность Соввласть устранила»¹⁷⁰.

Удивительно, как резко изменится позиция архиепископа Павла спустя всего год с небольшим. Епископ Виктор же, в отличие от владыки Павла, на следствии осторожничал. В протоколе его первого до-

¹⁷⁰ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 225.

проса 16 мая 1926 года в графе «политические убеждения» даже было записано: «*сочувствую соввласти и согласен содействовать ее мероприятиям*». Свои взгляды на отношение Церкви и соввласти владыка Виктор не высказывал, а по поводу обвинений в антисоветской пропаганде сразу заявил: «*Никогда ни с какими антисоветскими проповедями я не выступал, так как считал неуместным в дела Церкви вмешивать политику*¹⁷¹. Свою какую-либо причастность к церковно-административной деятельности отрицал, по его словам, даже уговорил священника Василия Перебаскина отказаться от участия в епархиальной комиссии, убедив его, что тогда «*он вместе с епископом Павлом оказался бы виновным в общем положении, запрещающем церковно-административную деятельность представителям Церкви без соответствующего разрешения*¹⁷².

В конце протокола допроса владыка сам приписал: «*Все духовенство и миряне знают, что я как до ссылки в Нарымский край, так и по возвращении не принимал в управлении епархиальными делами участия хотя бы какими-либо советами. До ссылки я занимался исключительно бракоразводными делами. Тяготясь таким неестественным тяжелым положением в Вятке, а также не желая возбудить народ против Владыки Павла, я объявил ему и народу, что еду на две недели посетить бедствующую восьмидесятилетнюю маму, умолчав о намерении оставить Вятку*¹⁷³. Незадолго до ареста владыка Виктор получил письмо из Камышина от матери, из которого узнал о тяжелом материальном положении ее и родных. Потому и решил поехать в Камышин и собирался, по его словам, если бы представилась возмож-

¹⁷¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 147 об.

¹⁷² ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 213.

¹⁷³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383. Т. 1. Л. 148 об.

ность, оставаться там на постоянное жительство. Выехал он из Вятки 14 мая, но был арестован в поезде.

Сотрудники Вятского ГПУ торопились быстрее удалить арестованных архиереев из Вятки «*в целях недопущения паломничества религиозной публики к месту заключения*», так что через день после ареста последовало Постановление о срочной отправке заключенных со спецконвоем во внутреннюю тюрьму ОГПУ в Москву. 20 мая владыки уже были заключены в Бутырскую тюрьму, где их продержали три месяца. «Обвинительное заключение» по их делу было вынесено в августе, и дело передано на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ. 20 августа 1926 года последовало постановление Коллегии: « *лишить права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вятке и означенных губерниях с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года*».

В Глазове. 1926–1928

1. Споры и раздоры из-за Ижевской епархии

24 августа 1926 года епископа Виктора освободили из Бутырской тюрьмы. Поскольку в Вятскую губернию ему был запрещен въезд, владыка выбрал местом жительства Глазов — небольшой уездный город в 200 верстах от Вятки. С 1920 года Глазов входил не в Вятскую губернию, а в новообразованную Вотскую автономную область, при этом находился относительно недалеко от Вятки и был связан с ней прямой железнодорожной веткой. Пребывать в Глазове владыке Виктору тем более было удобно, что епископом Глазовским, викарием Вятской епархии¹⁷⁴, он был назначен еще в 1921 году и продолжал носить этот титул (назначение Орловским в 1922 году осталось лишь на бумаге и на деле не осуществилось, так же как и автокефалия Вятской епархии). Ранее глазовский викарный епископ как помощник вятского архиерея (с самого учреждения викариатства в 1889 году) кроме

¹⁷⁴ В составе Вятской епархии в дореволюционный период было два викариатства — Глазовское и Сарапульское. По указу Патриарха Тихона в августе 1918 года Сарапульское викариатство стало самостоятельной епархией.

титула никакого отношения к Глазову не имел и проживал в Трифоновом монастыре в Вятке. Теперь местом постоянного пребывания епископа Глазовского становился Глазов.

О жизни владыки в Глазове почти никаких сведений не сохранилось. В то время в этом тихом уездном городке еще действовали все храмы, и владыка, очевидно, регулярно совершал в них богослужения, прежде всего, конечно, в кафедральном Преображенском соборе на центральной площади города (Соборной, переименованной в площадь Свободы) и примыкающих к нему храмах — Никольском и Вознесенском (последний был устроен во втором ярусе колокольни).

Надо сказать, что и безбожники в то время не бездействовали. Недаром в 1930-х годах в городе были закрыты все храмы и почти все разрушены (в 1962 году снесены последние — Преображенский собор и Георгиевский храм на Красной площади; таким образом, в Глазове и Глазовском районе не осталось ни одного православного храма). Но в 1926 году безбожники еще только вели диспуты, от участия в которых духовенство уклонялось. Так, 4 октября 1926 года уполномоченный ОГПУ в своем докладе в Глазовский уездный комитет партии, отмечая, что «*все попы в уезде тихоновцы и строго хранят себя от обновленчества*», подчеркивал, что «*активная религиозная работа в уезде отсутствует, попы в уезде согласны выступать на диспутах, но в городе даже прибывший новый Епископ категорически отказывается от участия с нами в диспуте, объясняя это своей нервностью*»¹⁷⁵.

Вероятно, и в дальнейшем глазовские безбожники не оставляли епископа Виктора в покое. Так, в январе

¹⁷⁵ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1078. Л. 26 об.

1927 года в газете "Красный пахарь" была помещена заметка об очередном диспуте, на который был приглашен владыка¹⁷⁶.

«О том, где проживал во время глазовской ссылки епископ Виктор, мы можем узнать из "семейной карты" и "владенной ведомости", составленных во второй половине декабря 1926 года в ходе Первой Всесоюзной переписи населения. Согласно документам, местом службы "служителя культа" Островидова Виктора Александровича значился Преображенский собор на площади Свободы города Глазова. Поселился владыка там же, в здании Вознесенского храма-колокольни, входившего с Преображенским собором в один храмовый комплекс. Епископ жил один, без прислуги, в комнате площадью всего восемь квадратных метров с отдельной кухней и электрическим освещением»¹⁷⁷.

Интересно, что в подписях под некоторыми документами епископ Виктор указывал Никольский храм

¹⁷⁶ «Уездный» совет Союза Безбожников устраивает лекцию-диспут "Был ли Иисус?". Приглашаются на диспут архиерей Виктор, протоиерей местного собора и все желающие принять участие в диспуте. Лекция-диспут состоится в Профсоюзном клубе во вторник 11 января. Вход по билетам. Безбожники из волостей получают в Волостных советах удостоверения как делегаты на Уездную Конференцию Союза Безбожников. Городские получат билеты через ячейки Союза Бездожников. Городские Бездожников и профсоюзы» (Информация глазовского краеведа Кочина Г. А. // Красный пахарь. 1927. 9 января. С. 4).

¹⁷⁷ Кочин Г. А. Святитель Виктор (Островидов), епископ Глазовский, в истории православного Глазова // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сборник материалов XV Межрегиональной научно-практической конференции 26 февраля 2016 года. Киров: Издательство ООО "Веси", 2016. С. 147–157; Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 704. Л. 124–124 об.; Д. 846. Л. 36–36 об.

и даже называл его "собором" (к примеру, в указе благочинному о награждении нескольких священников к Пасхе 1927 года рядом со своей подписью он поставил "*31/III 1927. Глазов, Никольский собор*").

Других подробностей о жизни и деятельности владыки непосредственно в Глазове не известно. Также почти ничего не известно и о деятельности в то время Глазовского духовного управления — куда-то бесследно исчезли все документы этого учреждения, и ничего не обнаружено ни в городском архиве Глазова, ни в областных вятских и удмуртских республиканских архивах. Только фонд канцелярии сарапульского епископа в скромном архиве администрации города Сарапула в какой-то мере восполняет эту информационную лакуну — сохранившаяся в нем обширная архиерейская переписка открывает малоизвестную до сей поры страницу жизни епископа Виктора.

С самого своего приезда в Глазов владыка Виктор оказался втянут в утомительную полемику о самостоятельности Ижевской епархии, которая так окончательно и не завершилась, а лишь была перекрыта начавшейся в конце 1927 года более ожесточенной и принципиальной полемикой. Изученные вятскими историками документы из сарапульского архива дают ясную, но весьма скучную картину архиерейского спора, доставлявшего епископу Виктору немало неприятностей и отнимавшего у него много сил и времени на протяжении целого года. Не имеет смысла повторять подробное изложение этого спора, остановимся только на самых ключевых его моментах¹⁷⁸.

Сразу же по освобождении из тюрьмы епископ Виктор получил назначение от митрополита Сергия (Страгородского) временно управлять Вятской епар-

¹⁷⁸ Подробное изложение в книге: Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Виктор (Островидов) — епископ Ижевский и Вотский. Киров, 2009.

хией (по пути в Глазов владыка Виктор заезжал к митрополиту в Нижний Новгород). Спустя две недели уже в Глазове владыка Виктор получил указ митрополита от 3/16 сентября 1926 года о создании новой Ижевской епархии, временное управление которой также поручалось ему¹⁷⁹. Ижевская епархия создавалась путем выделения Ижевского викариатства из Сарапульской епархии.

Проблема была в том, что архиерей Сарапульский Алексий (Кузнецov)¹⁸⁰ был против создания самостоятельной Ижевской епархии. Несмотря на то что он неоднократно обещал митрополиту Сергию, что не будет препятствовать открытию новой епархии, однако свое обещание давал не безусловно, а предполагал, что это будет производиться только по совету с ним, как правящим архиереем, и в такое время, какое он

¹⁷⁹ «I. Обратить Ижевское викариатство Сарапульской епархии в самостоятельную епархию в составе православных приходов, находящихся в пределах Вотской области и доселе принадлежавших названному викариатству. II. Впредь до назначения на свободную Ижевскую кафедру архиерея поручить вновь открытую епархию архипастырскому попечению Преосвященного Глазовского Виктора» (Архивный отдел администрации города Сарапула (АОАГС). Ф. 64. Оп. 1. Д. 238. Л. 161; Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Указ. соч. С. 43. Далее до конца главы цитаты, кроме оговоренных особо, из данной книги).

¹⁸⁰ 20 марта 1917 — назначен епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии, с мая 1919 — стал правящим архиереем самостоятельной епархии Сарапульской и Елабужской. В 1927 — поддержал "декларацию" митрополита Сергия (Страгородского), возведен в сан архиепископа. В декабре 1931 — назначен временно управляющим Свердловской епархией. 9 февраля 1932 — арестован в Свердловске, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 — досрочно освобожден из лагеря по амнистии. Служил в разных епархиях, в 1936 — назначен архиепископом Сарапульским и Елабужским, служил в Сарапуле. 18 декабря 1937 — арестован, решением тройки НКВД Удмуртской АССР приговорен к ВМН, 15 ноября 1938 — расстрелян.

сочетай наиболее благоприятным. Поэтому, когда в начале 1926 года митрополит Сергий без его совета и ведома, лишь по ходатайству епископа Ижевского Стефана (Беха), принял решение об открытии самостоятельной Ижевской епархии, епископ Алексий крайне вознегодовал, опротестовал это решение и добился его отмены.

В указе от 5/18 мая 1926 года митрополит Сергий отменил свое прежнее распоряжение и предоставил архиерею Ижевскому права "полусамостоятельного", так что он и его клир вновь должны были поминать своим правящим архиерея Сарапульского. Однако часть духовенства и мирян в Ижевске была категорически против этого. Они не хотели подчиняться Алексию, считая его скрытым сторонником обновленчества. Они отказывались поминать Алексия как правящего и по-прежнему требовали самостоятельности для Ижевской епархии. Вопрос самостоятельности Ижевской кафедры для них был ключевым, и именно поэтому они направили к митрополиту Сергию несколько своих делегаций.

Епископ Стефан оказался в затруднительном положении, он не мог принудить все духовенство к поминовению Алексия и потому попросился на покой. Таким образом, Ижевская кафедра с начала лета 1926 года осталась без епископа. Поручив ее временное управление епископу Виктору в сентябре 1926 года и объявив при этом ее самостоятельность, митрополит Сергий фактически повторил попытку разрешения конфликтной ситуации, какую он предпринимал в начале года, что опять вызвало протест епископа Алексия, однако на этот раз оставшийся без последствий.

Митрополит настоял на своем решении, подчеркнув в письме Алексию, что открытие Ижевской епархии произведено с целью умиротворения его Сарапульской епархии, где раздоры были повсюду. «У Вас какое-то особое свойство заводить тяжбы с викариат-

ствами, — писал митрополит Сергий епископу Алексию. — Конечно, есть недоразумения и в других епархиях. Но там так и видно, что это мелкое стихийное, а не система! А посему я все более и более склоняюсь к мысли, что Вам лучше переменить Епархию, иначе и сами измучитесь, и паству измучаете, да и мне с Вами покоя не будет...» От этого предложения епископ Алексей тем не менее отказался и остался при своем мнении.

20 сентября / 3 октября 1926 года епископ Виктор направил в Ижевск письмо о своем назначении:

«Благочинному Градских церквей г_{<орода>} Ижевска, Протоиерею Владимиру Ильичу Замятину, а через него и всем пастырям и благочинным Ижевской епископии. Во лею Божию и распоряжением патриаршего местоблюстителя, высокопреосвященнейшего Митрополита Сергия от 3/16 Сентября с_{<его>} г_{<ода>} Ижевское Викариатство Сарапульской Епархии обращено в самостоятельную епархию. Временное попечение Ижевской Епископии и возносить впредь при богослужениях в установленном порядке вместо имен епископов Алексия и Стефана мое имя. Мир Божий да будет в сердцах Ваших и благословение Божие да почнет на трудах Ваших. Любящий Вас и всю паству Ижевскую любвию во Христе Виктор Епископ Глазовский».

Поехать в Ижевск епископ Виктор не мог, так как не имел права выезжать из Глазова. Однако председатель приходского совета кафедрального Александро-Невского собора Ижевска Шишкин телеграфировал в Глазов, что все формальности для приезда уложены. 10 октября в воскресенье владыка Виктор приехал, «отслужил в Александровском соборе литургию с благодарственным молебном, затем вечерню с молебном и акафистом Св. Благов. Князю Александру Невскому». Пребывание в Ижевске было разрешено владыке до 18 октября, и он собирался служить в Покровской

церкви на престольный праздник Покрова Богородицы (14 октября) и в Михайловском соборе в воскресенье 17 октября.

Однако ни здесь, ни в каком другом храме епископу Виктору служить не довелось: по предписанию властей он должен был покинуть Ижевск утром 13 октября. Оказалось, что Шишкин, «испрашивая в Адм~~инистративном~~ отделе разрешение на въезд епископа в Ижевск, не сказал, что последний обязан подписать о невыезде из Глазова». Кроме того, как оказалось, власти не признавали открытия новой епархии и епархиальным архиереем предлагали ижевцам признавать Алексея или Симеона.

В дальнейшем ситуация с Ижевской кафедрой еще более осложнилась. В октябре 1926 года митрополит Сергий предложил временно управлять Ижевской епархией епископу Симеону (Михайлову). Последний сам ходатайствовал о своем назначении, узнав об инциденте с епископом Виктором. Митрополит Сергий предложил ему принять во временное попечение ижевские приходы, когда в ответ на свой запрос, не собирается ли епископ Виктор принять управление епархией на постоянной основе, получил от настоятеля Михайловского собора в Ижевске Н. Тонкова ответ: «Епископ Виктор желания не изъявил».

Епископ Симеон написал письмо епископу Виктору, прося его письменно уведомить, не собирается ли он переехать в Ижевск и отказывается ли от Ижевской кафедры. До получения подтверждения от епископа Виктора он не хотел постоянного назначения. Владыка Виктор ответил: «Советую поскорее получить назначение на Ижевскую кафедру и тем успокоиться и прекратить свои мытарства». Однако в Ижевске епископа Симеона не приняли прихожане Александро-Невского собора, и из Ижевска он сразу же отбыл.

В ноябре 1926 года епископ Виктор запросил митрополита Сергия: «Передать ли Еп~~ископу~~ Симеону,

оставившему Ижевск, поступившие дела по Ижевской епархии или дело его считать оконченным?» Митрополит ответил: «Я введен был в заблуждение телеграммой протоиерея Тонкова. Назначение Преосвященного Епископа Симеона было лишь попыткой во исполнение его желания. Управление Ижевской Епархией от Вас отнимать никто не думает. М~~итрополит~~ С~~ергий~~». После этого владыка Виктор вновь вступил в управление Ижевской епархией, о чем известил благочинного Ижевска.

20 января 1927 года епископ Виктор принял из Сарапульской в Ижевскую епархию село Старые Зятцы. Епископ Алексий возмутился этим деянием и обвинил владыку Виктора во вторжении в свою епархию и нарушении канонов, о чем и написал ему 28 января 1927 года. Он также указал, что по последнему распоряжению митрополита Сергия Ижевским считается епископ Симеон, и недоумевал, на каком основании епископ Виктор занимается делами Ижевской епархии. Владыка Виктор ответил ему в письме от 3 февраля, указав, что продолжает управлять епархией на основании ноябрьского разъяснения митрополита Сергия и принимает приход также по его «разрешению свободно входить в состав Ижевской Епархии и другим приходам, но лишь находящимся в границах Вотской автономной области». «Конечной целью такого объединения приходов, как объяснил мне Митрополит Сергий, служит образование Вотской Епархии в территориальных границах Вотской автономной области в религиозно-нравственных интересах Вотского народа», — писал владыка Виктор.

Епископ Алексий ответил новым резким письмом, в котором оспаривал правомочность епископа Виктора и просил его не вторгаться в пределы его епархии. Епископ Виктор в свою очередь вынужден был послать еще одно письмо, в котором вновь отстаивал свою правомочность. Алексий и на это сразу написал

ответное послание. Так эта изнурительная переписка продолжалась на протяжении нескольких месяцев до мая 1927 года. Разрешить спор архиереев было некому, поскольку высшая инстанция, к коей ониапеллировали, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий находился с декабря 1926 года в тюрьме.

В феврале 1927 года епископ Алексий провел специальный опрос по приходам Ижевской епархии о целесообразности образования самостоятельной епархии. Епископ Виктор посчитал это вмешательством в дела Ижевской епархии и отправил телеграмму бла-гочинному Ижевска: «Пошлите <в> Углич протест против агитации Епископа Алексия». Имелось в виду обратиться к архиепископу Серафиму Угличскому, который в то время исполнял обязанности временного заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Однако архиепископ Серафим не мог ничем помочь, так как был лишен возможности заниматься церковным управлением¹⁸¹.

Епископ Алексий, как уже указывалось, был настроен категорически против самостоятельности

¹⁸¹ Будучи вызван в Москву, владыка Серафим отказался принять известные условия Тучкова. Он был отпущен, но на прощание Тучков сказал ему: «Ну, мы не злопамятны — мы освобождаем Вас и даем местожительство в Угличе, можете служить, где угодно, но управлять — ни-ни. Ни назначать, ни перемещать, ни увольнять, ни награждать». — «А как же запросы с мест, по делам текущим, — спросил архиепископ Серафим, — жизни не остановите — она потребует своего». — «Ну, можете отписываться. Да ведь Вы же объявили автономию. Что же Вам нужно? Ведь Вы не оставили после себя заместителей. Так и действуйте — бумаг о новом порядке управления отнюдь не рассыпать. Можете писать на места, что "так как я, мол, лишен управления, то управляйтесь на местах"» (Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков: подробности взаимоотношений // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 3 (20). М., 2006. С. 131–132).

Ижевской епархии и в целом против затеи образования Вотской епархии в границах Вотской автономной области. Епископ Виктор, напротив, считал это важным делом. Как писал он в резолюции от 26 января 1927 года, объясняя причины «открытия Ижевской епархии как ядра для образования одной Вотской религиозной единицы»:

«А именно предполагалось, что будущие Ижевские архиастыры, замкнутые границами территории Вотской области, отдавши все свои силы и любовь исключительно вотскому народу, Вотской церкви, несравненно более бы могли принести пользы для нравственного воспитания и религиозного просвещения вотского народа, чем епископы, живущие вне территории Вотской области, занятые своими местными делами, а иногда и ограниченные въездом в Вотскую область. А разве не найдется среди вотяков если не теперь, то в недалеком будущем кандидатов, достойных занять епископскую кафедру? Так кто же может лучше влиять в религиозно-нравственном отношении на народ: природный ли вотяк-епископ или чуждый народу по языку».

По предложению епископа Виктора Глазовское духовное управление признало целесообразным Глазовской епископии войти в состав новой Вотской епархии (в Глазовском уезде проживало много вотяков (удмуртов)). 25 марта 1927 года епископ Виктор как епископ Глазовский, викарий Вятской епархии, утвердил постановление Глазовского управления, а как временно управляющий Вятской епархией дал согласие на выделение Глазовского викариатства из Вятской епархии. О чём и отправил доклад митрополиту Сергию, который как раз в это время был освобожден из тюрьмы и возвратился к церковному управлению.

3 мая 1927 года митрополит Сергий наложил резолюцию на докладе епископа Виктора, утвердив образование в пределах Вотской области самостоятель-

ной Вотской епархии с кафедрой в городе Ижевске и с сохранением полусамостоятельной кафедры в Глазове. Приходам, не входящим в Ижевскую и Глазовскую епископии, но входящим в пределы Вотской области было разрешено возбуждать ходатайства о присоединении к новообразованной Вотской епархии. 4 мая епископ Виктор указом митрополита Сергия назначался епископом Ижевским и Вотским. 9 мая епископ Виктор известил храмы епархии телеграммой: «Образована Вотская епархия, желающие могут присоединиться, подробности письмом. Виктор, Епископ Ижевский и Вотский».

10 мая владыка Виктор принял три прихода из Воткинской епископии¹⁸², о чем известил епископа Воткинского Онисима (Пылаева). Епископ Онисим не признал каноничным отторжение этих приходов от его епископии и даже запретил в священнослужении их причты. Об этом он написал владыке Виктору, указав каноны, которые нарушены, и призвав разрешить данный вопрос «в полном соответствии с церковными правилами и распоряжениями Высшей церковной власти». Епископ Виктор ответил 24 мая письмом, в котором не соглашался с доводами епископа Онисима и писал, что «действует не самовольно и не насильственно, а, с одной стороны, во исполнение ходатайства приходов, а с другой — по благословению за послушание распоряжению Высшей церковной власти, которой обязан подчиняться».

Епископ Онисим пожаловался архиепископу Сарапульскому Алексию, у которого уже были претензии к епископу Виктору по приходу села Старые Зятцы, а теперь возникли и новые: во-первых, с приходским советом церкви в селе Новые Зятцы, перешедшим 14 мая 1927 года в Вотскую епархию, во-вторых,

¹⁸² Воткинская епископия с центром в городе Воткинск была создана в 1921 году, являлась викарной кафедрой Сарапульской епархии.

с Селтинским благочинием, о переходе которого возбудил ходатайство бывший благочинный. Оба архиерея, Онисим и Алексий, обратились к митрополиту Сергию с рапортами: в результате после обсуждения возникшей ситуации на заседании Временного Синода 31 августа 1927 года последовал указ № 284, в котором действия епископа Виктора по присоединению приходов рассматривались как поспешные. Ему ставилось на вид, что он до принятия приходов обязан был предварительно снестись с преосвященными их епархий и дело об утверждении их принятия направить на благоусмотрение и решение высшей церковной власти. До окончательного решения спорного вопроса три прихода Воткинской епархии и Селтинское благочиние Сарапульской должны были оставаться в прежнем подчинении.

Таким образом, образование новой епархии создало массу проблем и неурядиц, осложнивших и без того трудную и напряженную работу епископа Виктора. Не отрицая административные промахи с его стороны, справедливости ради следует признать, что во многом недоразумения возникали из-за неопределенности ситуации, созданной нечеткостью самого указа о Вотской епархии, что давало почву для бесконечных споров (одни хотели, другие нет...). Кроме того, у епископа Виктора было много других дел, в его понимании гораздо более важных, чем архиерейские тяжбы из-за приходов. В этом плане интересно его письмо Алексию Сарапульскому, отправленное на Пасху 1927 года (после 24 апреля). Владыка Виктор поздравлял его с праздником и уведомлял о получении двух или трех писем (все по тому же злополучному вопросу о приеме приходов) и, вероятно, утомившись от бесполезной полемики и казуистики, писал, что ответить не имеет ни сил, ни возможности:

«Я весьма изнемог от всех волнений и работы, от которой прихожу в ужас: не знаю, когда все *<за>* кончу,

а люди ждут и требуют тех или других ответов. Много на местах недоразумений с еретиками-антицерковниками (обновленцами), которых гонят, а они все-таки силою лезут. Не знаю, как в других местах, но, по мнению, утвердившемуся в Вятской епархии, это опаснейшие из еретиков, каких когда-либо знала Православная Церковь. Они отвергают *<догмат>* веры в Церковь (9-й член Сим. Веры); они отвергают, что Церковь Едина и что в ней одной происходит спасение человека Благодатию Божией; отвергают, что Церковь Свята и потому в своих определениях Божественно непогрешима. Они выдумывают *<вместо>* закона Божия законы жизни, которые по *<такали>* бы их страстям и порокам и освобождали бы от подвига жизни. В нашей епархии не только священники и диаконы еретиков-обновленцев не признаются за благодатных служителей Божиих, но и при *<нятые>* в самом начале патриархом и другими епископами *<отдель>*ные лица, как ставленники отпавших от Церкви, *<держатся>* народом под подозрением.

Церкви еретиков не посещаются, общение молитвенное считается погибелью для души, а для священнослужителей считается непростительным и всякое житейское общение с обновленцами» <...>

«Ни служить молебнов, ни входить во св. алтарь еретикам не разрешают, а сами храмы по отходе их часто освящаются малым освящением по требованию народа. Ни квартир, ни <...> им теперь уже не дают, и все-таки еретики идут *<по>* деревням, где мало разбираются в погибельности общения с ними, а духовенство терроризируют угрозами высылок и пр *<очим>*.

<Со> всем этим мне приходится иметь дело: успокаивать, умиротворять, писать, говорить. А кроме того, *<много>* другой положительной работы по своей епархии. *<Вот>* почему я и писал Вам, что иногда не могу даже полностью прочитать полученную почту. Когда немного *<отойду>* от текущих дел, постараюсь написать *<ответ>* на Ваши последние письма.

<Слышино>, что М. С. освобожден. Правда ли? И где *<Сера>*фим?»

Как видно, главной архипастырской заботой епископа Виктора была борьба с обновленчеством¹⁸³. Следует отметить, что именно из-за обновленчества и возникли споры с епископом Алексием, вернее, архиерей Сарапульский оказался противником образования самостоятельной Ижевской епархии и главным оппонентом епископа Виктора, хотя, вероятно, сам владыка Виктор даже и не догадывался о глубинных причинах разногласий, возникших между ними, считая епископа Алексия законным православным архиереем.

2. Полуобновленчество

Верующие в Ижевске не без оснований не доверяли епископу Алексию и отказывались его принимать. В августе 1922 года он действительно фактически переходил к обновленцам — признал ВЦУ, вступил в организацию "Живая церковь" и разослал по епархии ее устав и программу. Благодаря этому ему удалось не только избежать ареста, но и зарегистрировать органы церковного управления. Тем не менее свое отпадение в раскол он отрицал и после выхода Патриарха Тихона из тюрьмы как ни в чем ни бывало заявил ему о своей приверженности, а свои действия объяснил как тактический "маневр" — необходимый компромисс с целью сохранить в своих руках управление епархией, избежать расколов и раздоров и в целом дезорганизации церковной жизни.

¹⁸³ Как справедливо отмечают опубликовавшие это письмо: «Ни словом не обозначив проблемы, которые ставил в своих посланиях архиепископ Алексий, епископ Виктор показал, что они не входят в число приоритетных в его епархиальной деятельности» (Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Указ. соч. С. 108).

В этом же убеждал Патриарха Тихона и направляемый Алексием в Москву его доверенный клирик, протоиерей Николай Люперсольский¹⁸⁴, благочинный церквей города Елабуги. Он так же, как и епископ Алексий, придерживался компромиссной тактики, — продолжая поминать Патриарха Тихона, старался избежать репрессий и перерегистрировал свой приход на обновленческих началах¹⁸⁵. А в 1925 году с назначенным на Елабужскую кафедру епископом Иринеем (Шульминым) стал инициатором "новоцер-

¹⁸⁴ Люперсольский Николай Михайлович, родился в 1888. С 1914 — по окончании Петроградской духовной академии служил священником в кафедральном Александро-Невском соборе Вятки. В 1920 — по приглашению епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова) назначен настоятелем Спасского собора города Елабуги и благочинным елабужских градских церквей. В сентябре — октябре 1926 — выслан из Елабуги; служил в Вятке. В 1927 — поддержал "декларацию" митрополита Сергия и проводимую им политику. Был арестован в Вятке, этапирован на Север; в пути тяжело заболел, по документам скончался на этапе. Однако известно, что, будучи оставлен у лесника, выжил заботами его дочери-фельдшера. Вернулся в Вятку без документов и жил у прихожан, поскольку семья его не приняла. Затем уехал в Грузию, устроил в горах скит, где подвизался, возможно, до самой кончины в 1930–1940-е.

¹⁸⁵ «15 июня 1923 г<ода> весь соборный клир во главе с настоятелем принял решение о переходе в обновленчество. 20 июня приходское собрание под председательством протоиерея Николая Люперсольского постановило "учредить Спасское приходское религиозное общество на обновленческих началах: 1) всецелом признании Советской власти; 2) признании справедливости социалистической революции; 3) всецелом признании ныне действующего Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви» (НА РТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 413. Л. 8–9; Зимина Н. Н. Полуобновленчество в Русской Православной Церкви в середине 1920-х гг.: к вопросу об оценке церковной политики епископа Елабужского Иринея (Шульмина) и епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 3. С. 30).

ковничества", которое православные справедливо рассматривали как скрытое, тайное обновленчество и называли "полуобновленчеством", поскольку его сторонники фактически проводили ту же обновленческую политику, только замаскированную внешним каноническим признанием Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра.

«Елабужские "новоцерковники" декларировали, что "приветствуют социальную революцию и признают ее справедливость, объявляют решительную борьбу (мерами морального воздействия) со всякой контрреволюцией в своей общине и признают своим долгом всемерную поддержку своему социалистическому отечеству". Устав Спасского религиозного общества признавал "необходимость широких реформ в соответствии с социальным строем СССР", в том числе "необходимость пересмотра христианского нравоучения", церковных канонов (включая введение брачного епископата наряду с монашеским, второбрачия духовенства и нового календарного стиля). Более того, члены соборной общины заявляли о признании обновленческого "поместного собора" 1923 года и его решений, хотя и считали необходимым пересмотр постановлений о Патриархе Тихоне. Согласно 5-му параграфу устава, "новоцерковники" признавали главой Российской Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского), однако утверждали при этом, что не имеют ничего общего с "тихоновщиной»¹⁸⁶.

В дальнейшем Ириней Елабужский и протоиерей Николай всячески продвигали идею примирения обновленцев и староцерковников, призывали к участию в готовящемся обновленцами объединительном соборе 1925 года, признавали григорианский ВВЦС¹⁸⁷, объявляли "автокефалию" елабужского собора, пытались объявить самостоятельность своей новой епархии,

¹⁸⁶ Зимина Н. П. Указ. соч. С. 33.

¹⁸⁷ ВВЦС — Временный Высший Церковный Совет.

ради чего даже отлагались от своего епископа Сарапульского Алексия, затем на какое-то время расходились между собой из-за разногласий по "новоцерковнической" автокефалии и отношению к митрополиту Сергию, но в конце концов после беседы с митрополитом отказались от своих "автокефалий" и примтились с епископом Алексием.

Не будем останавливаться на всех перипетиях развития полуобновленчества в Елабуге и в целом в Сарапульской и других епархиях. Они довольно подробно изложены в основательнейших статьях уфимской исследовательницы, изучившей это ранее малоизвестное явление¹⁸⁸. Важно отметить ее выводы, сделанные на основании скрупулезного изучения архивных источников, — "полуобновленчество" как форма соглашательской политики было не единичным фактом, а получило довольно широкое распространение в середине 1920-х годов, когда ряд архиереев, пытаясь избежать гонений и получить легальный статус, переходили на обновленческие позиции во взаимоотношениях с властями, при этом сохраняя общение с канонической церковной властью и заявляя себя "староцерковниками":

«В связи с беспрецедентным давлением со стороны ГПУ/ОГПУ некоторые из них шли на негласные договоренности с властями и определенные компромиссы с обновленцами, официально оставаясь при этом в составе православной иерархии. Ценой уступок являлась личная

¹⁸⁸ Кроме приведенной выше статьи см.: Зимина Н. И. К вопросу о полуобновленчестве как явлении в Русской Православной Церкви в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (1922–1923 гг.) // Материалы XXII ежегодной богословской конференции ПСТГУ. Т. 1. М., 2012. С. 173–185; Зимина Н. И. "Полуобновленчество" в Патриаршей Церкви в середине 1920-х гг.: епископ Иаков (Маскаев) на Оренбургской кафедре (1923–1925) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2014. № 6 (61). С. 91–112.

безопасность, а также легализация органов епархиального управления и всей церковной деятельности.

Следствием указанных договоренностей стало появление с конца 1923 г^{<ода>} так называемых "деклараций" — официальных заявлений архиереев о принципах своей церковной платформы, которые являлись одним из условий легализации. Первым неизменно декларировался принцип абсолютной лояльности советской власти, подразумевающий полное и безусловное одобрение всех ее действий в отношении Церкви...»¹⁸⁹

Завершилась же эта эпоха "полуобновленческих компромиссов" в 1927 году "декларацией" заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), выступившего уже от имени всей Российской Церкви. И эта его декларация не случайно нашла безоговорочную поддержку у сторонников "полуобновленческих" компромиссов. Так, в Сарапульской епархии бывший оппонент епископа Виктора в полемике по Ижевской епархии, епископ Алексий, не только активно поддержал митрополита Сергия, но сразу же обвинил владыку Виктора в расколе за несогласие с митрополитом¹⁹⁰. А единомысленный с ним Николай Люперольский оказался одним из самых активных борцов с "викторианским течением", то есть с антисергианской оппозицией в Вятской епархии. Но об этом подробнее — в следующих главах, а в завершение темы "полуобновленчества" следует пояснить, что архиереи издавали все

¹⁸⁹ Зимина Н. И. Полуобновленчество // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2014. № 6 (61). С. 93.

¹⁹⁰ «Епископ Сарапульский Алексий еще в ноябре 1927 утверждал, что начавшийся раскол связан с притязаниями еп^{<искусника>} Виктора на управление Вятской епархией, к руководству которой приступил арх^{<иепископ>} Павел (Борисовский)» (ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 123. Л. 95–96; Поляков А. Г. Викториансское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009. С. 126).

эти "декларации" и искали возможности соглашений с властями не от хорошей жизни...

С самого начала революции Церковь была поставлена в Советском государстве вне закона и не имела юридического статуса. Разрешалось существование отдельных общин и приходов, но ни епархиальные, ни тем более центральные органы церковного управления легализованы не были. В таких условиях архиереям как-то нужно было управлять епархией, но по советским законам делать это они не имели права и потому постоянно рисковали подвергнуться наказанию со стороны властей. Официально они могли вести лишь богослужебную деятельность при условии их регистрации в качестве "служителей культа" при какой-нибудь приходской церкви. Как отмечал в своих записках петроградский протоиерей Михаил Чельцов: «Советская власть не признавала их правящими, она регистрировала их только священодействующими за богослужениями в храмах. Поэтому всякое проявление их власти административной, а тем более судебной, в глазах советской власти было актом противления ей и даже контрреволюционным»¹⁹¹.

В полной мере это испытал на себе епископ Виктор: при арестах в Вятке ему прежде всего вменялась в вину незаконная административная деятельность. Так, в 1922 году было предъявлено обвинение в нарушении и неисполнении постановления Наркомата юстиции от 24 августа 1918 года о порядке проведе-

¹⁹¹ «Епископам приходилось таиться. Во всем урезать свое епископствование и действительно сводить права лишь к богослужению по церквам. Даже всякая написанная на бумаге резолюция была для них опасна, как наглядный акт их правления. И они должны были избегать их и делать назначения устно, или в частном письме давая о них извещения» (*Чельцов Михаил, прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. М., 1994. Вып. 17. С. 434).

ния в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"¹⁹². В марте 1926 года по возвращении из ссылки от владыки потребовали подписку с обязательством «не управлять епархией до регистрации». А через два месяца арестовали как раз под предлогом нарушения этого обязательства. В "Постановлении об аресте" было указано:

«Граждане Борисовский и Островидов, лишенные местной гражданской властью административно-церковных функций, впредь до создания ими Губернского епархиального управления и давшие на сей счет местной власти соответствующие подписки, — присвоив себе все административные функции, отправление которых производили частью нелегальным, а частью легальным путем. Это есть прямое неподчинение распоряжениям органов власти»¹⁹³.

Таким образом, вопрос о получении разрешения на организацию и легализацию церковного управления в целом был одним из насущных вопросов церковной жизни. Но если православные архиереи надеялись добиться хоть каких-то сносных условий для существования Православной Церкви, то богоchorеческие власти стремились использовать легализацию все в тех же своих разрушительных целях. Выдвигаемые ими условия как для местных епархиальных управлений, так и для высшего центрального — фактически подчинение внутренней жизни Церкви контролю ОГПУ — были совершенно неприемлемы. Поэтому их отвергли как Патриарх Тихон (власти вели с ним пе-

¹⁹² Оно выражалось в том, что епископы Виктор и Павел «вмешивались в гражданские дела, присваивая себе судебные функции, перерешая бракоразводные дела, ведя по этим делам следствие, имея для этого специальный аппарат».

¹⁹³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11383. Т. 1. Л. 3.

реговоры с 1923 года¹⁹¹), так и Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в 1925 году (за что и был лишен свободы и отправлен в далекую ссылку в Заполярье).

Поначалу не дали желаемых результатов и переговоры с заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Он составил проект декларации, разослав ее всем епископам для ознакомления и, убедившись, что епископы, а с ними и вся Церковь солидарны с ним, в июле 1926 года передал его Тучкову. Однако этот проект — в котором при всей лояльности к власти твердо отстаивалась духовная свобода Церкви — Тучкова не устроил. И Церковь по-прежнему оставалась юридически бесправной, фактически на нелегальном положении, в декабре 1926 года и самого митрополита Сергия арестовали и отправили в тюрьму.

Но вдруг весной 1927 года неожиданное известие — митрополит на свободе и в Москве начал работу его Временный Синод. Думая, что наконец-то православным удалось добиться легализации, и не

¹⁹¹ Патриарх, хотя и шел на уступки властям, но никогда не переступал ту грань, которая отделяет политическую лояльность от подчинения Церкви безбожникам и тем более от служения их интересам. Примечательно свидетельство врача М. А. Жижиленко, друга Патриарха. «В одной из бесед святейший Патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу — будет в ближайшем будущем уход в катакомбы» (Польский М., протопресв. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. М., 1992. С. 21).

зная, на каких условиях это произошло (а точнее, еще и не произошло, а только было обещано), многие с радостью восприняли это известие. Так и епископ Виктор в письме протоиерею Николаю Тронину в мае 1927 года писал:

«Для нас тоже как будто начинается просвет некоторого успокоения: сейчас получил сведения, что при Зам~~естителе~~ Патриаршего Местоблюстителя М~~итрополите~~ Сергии функционирует Синод, который зарегистрирован. Открывается возможность и нашей епархиальной регистрации. Тогда еретикам уже нечем будет заманивать и прельщать малодушных... Когда узнаю подробности, то сообщу Вам»¹⁹⁵.

Увы, "подробности" оказались малоутешительны. В самом скором времени владыка Виктор убедился в тщетности своих надежд на "просвет успокоения". И столь желанная легализация, которая была обещана, но на самом деле так и не достигнута, принесла ему, как и многим другим пастырям и мирянам, новые страдания и в целом обернулась страшным потрясением для всей Церкви.

3. Легализация и декларация. 1927 год

Созданию Синода при заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии предшествовало его трехмесячное тюремное заключение. Митрополит был привлечен с рядом других архиереев к следствию по делу о "тайных выборах патриарха". Эти выборы заключались в письменном опросе русского

¹⁹⁵ ГА РО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 26. Л. 3.

епископата, проведенном по инициативе группы епископов, разумеется, втайне путем разъездов и личных встреч¹⁹⁶. Почти все опрошенные, не менее 60–70 архиереев, подали свои голоса за митрополита Казанского Кирилла (Смирнова).

При всей своей загадочности эта странная история с "выборами" наглядно показала, какой высокий авторитет имел митрополит Кирилл у российских архиереев. Возглавлявший VI отделение Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучков незамедлительно пожелал воспользоваться этим авторитетом в своих целях. В феврале 1927 года он специально прибыл в Вятку и встретился с арестованным в ссылке и доставленным в Вятскую тюрьму митрополитом Кириллом. Тучков предложил владыке свободу и возможность возглавить церковное управление, но тут же оговорил свои условия:

«"Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь", — сказал Тучков. "Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: "Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать"». — "Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение!" Владыка Кирилл отказался. Говорят, он ответил: "Евгений Александрович! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!"»¹⁹⁷

¹⁹⁶ Как размышлял один из современников: «События конца 1926 года остаются загадочными и непонятными. Была ли тут грандиозная провокация, имевшая целью избавиться от определенной части почему-либо неудобных епископов, имело ли место трусливое предательство тех, кто первый попал в ГПУ в ноябре 1926 года, может быть, даже случайно» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. С. 7–8).

¹⁹⁷ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТБИ, 2009. С. 44.

После этого митрополит Кирилл был осужден на три года новой ссылки и под конвоем отправлен в Заполярье, на север Красноярского края. Примечательно, что в день вынесения этого приговора в Вятке, 23 марта 1927 года, в Москве был продлен срок содержания под стражей заключенного в Бутырской тюрьме митрополита Сергия «*ввиду серьезности состава преступления*». Однако неожиданно спустя всего десять дней последовало постановление о его освобождении. Никакого приговора вынесено не было, и в то время, как митрополита Кирилла везли за полярный круг, митрополит Сергий вышел на свободу. Что произошло за эти десять дней (после 23 марта), можно только догадываться, но, судя по ходу дальнейших событий, условия, предложенные Тучковым митрополиту Кириллу, были также предложены митрополиту Сергию и, очевидно, им приняты.

По выходе из тюрьмы митрополит Сергий собрал на совещание нескольких архиереев, составивших Временный Патриарший Священный Синод. 18 мая 1927 года он обратился с заявлением в НКВД СССР, в котором "покорнейше просил" зарегистрировать его самого и Временный Синод для заведования делами Русской Православной Церкви, а также просил «сделать распоряжение местным властям» о разрешении по епархиям регистрировать состоящих в его ведении архиереев (староцерковников). До получения регистрации митрополит Сергий просил разрешить ему и Синоду приступить к деятельности, и 20 мая он получил разрешение, но временное¹⁹⁸.

¹⁹⁸ В Справке, выданной митрополиту Сергию 20 мая 1927 года, значилось: «Заявление и <справляющего> д<олжность> "Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола", митрополита Нижегородского Сергия, гр<ажданина> Страгородского, и список образовавшегося при нем временного, так называемого Патриаршего Священного Синода <...> в Административном Отделе Ц<ентрального> А<дминистративного>

25 мая 1927 года Синод митрополита Сергия постановил уведомить на местах архиереев об учреждении Синода и предписать им подать со своей стороны заявления местной власти о регистрации их как епархиальных архиереев и состоящих при них епархиальных советов¹⁹⁹. При этом архиереям было предоставлено самим приглашать нужных им лиц в состав епархиальных советов. Многие архиереи это исполнили, надеясь, подобно епископу Виктору, получить регистрацию и легальный статус. Однако местные органы не торопились с регистрацией, ожидая согласования и разъяснения из ОГПУ.

Это разъяснение поступило только 31 октября 1927 года и оказалось предельно ясным: «отказывать в официальной регистрации» епархиальных управлений, причем в тех местах, где они могут возникать, не регистрировать их, но «одновременно не должно препятствовать их функционированию». Очевидно, последнее делалось «в целях выявления противника» (например, так это объясняли Тучкову ленинградские «товарищи»).

Таким образом, никакого реального юридического статуса епархиальные органы управления так и не получили, а «начатая в мае 1927 г_{<ода>} кампания по легализации органов управления Русской Православ-

У_{<правления>} НКВД получены и принятые к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается» (Акты Святейшего Тихона..., С. 498).

¹⁹⁹ Так и епископ Павел (Борисовский) получил от митрополита Сергия письмо в сентябре 1927 года, уведомляющее его, что он может свободно прибыть в свой кафедральный город и вступить в отправление своих архипастырских обязанностей. Митрополит Сергий предлагал владыке Павлу по прибытии в Вятку «войти в надлежащее отношение с местной гражданской властью на предмет организации епархиального управления на началах, изложенных в указе патриаршего Священного Синода от 25 мая с_{<его>} г_{<ода>}» (ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 1. Л. 6–6 об.).

ной Церкви фактически вылилась в секретную работу ОГПУ по подбору и фильтрации состава этих церковных органов»²⁰⁰. Худшие подозрения, возникшие в отношении митрополита Сергия при его неожиданном освобождении, подтвердились. Как писал автор документа, переданного в Синод Русской Православной Церкви За границей в 1930 году:

«Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время его тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими. В то время, как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство, — митрополит Сергий получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, о капитуляции митрополита перед Советской властью не могло быть больше сомнений. В Синод вошли архиепископ Сильвестр — бывший обновленец, архиепископ Алексий Хутынский — бывший обновленец, назначенный на петроградскую кафедру от живой церкви после казни митрополита Вениамина, архиепископ Филипп — бывший беглопоповец, митрополит Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил.

Вслед за таким составом Синода начались такового же характера новые епископские хиротонии и назначения: Сергей Зенкевич, Владимир Горьковский и др.²⁰⁰ бывшие обновленческиеprotoиереи были рукоположены во епископы; епископы Артемий Ильинский, Назарий, Анд-

²⁰⁰ Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 121.

рой, Мельхиседек Паевский, Матфей Храмцов и др^{< угие >} — тоже бывшие обновленцы, жившие на покое, — были назначены на епархиальные кафедры. С другой стороны, начались увольнения на покой ссыльных епископов. В атмосфере все растущего недоверия вышла, наконец, в июле 1927 года и знаменитая декларация митрополита Сергия. Казалось, карты были открыты — митрополит Сергий капитулировал перед ГПУ, принял все условия "легализации" и ныне последовательно проводит их в жизнь»²⁰¹.

Июльская декларация (послание) митрополита Сергия и его Синода была разослана по всем епархиям, а 19 августа напечатана в "Известиях ЦИК". Обращаясь ко всей Всероссийской Церкви («Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви»), митрополит Сергий сообщал об учреждении Временного Патриаршего Синода и получении разрешения на его деятельность. «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление», — писал митрополит Сергий.

Однако на самом деле легализации центрального управления еще не произошло, и Временный Синод лишь получил разрешение на существование «до формальной регистрации». «Ничего более существенного, чем приведенная выше справка из Административного отдела НКВД о том, что его заявление об образовании Синода "принято к сведению" и "препятствий к деятельности органа, впредь до утвер-

²⁰¹ Обзор главных событий церковной жизни в России за время с 1925 года до наших дней // Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9).

ждения его, не встречается"», митрополит Сергий ("гр*ажданин* Страгородский"), судя по всему, так и не получил»²⁰².

Тем не менее митрополит писал о легализации как о совершившемся факте и выражал надежду, что она «постепенно распространится и на низшее церковное управление: епархиальное, уездное и т*ак* д*алее*», и призывал вознести благодарственные молитвы ко Господу и выразить «всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения», а вместе с тем заверить «Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия». Митрополит осуждал действия зарубежных врагов, подчеркивая, что их действия мешают получению легализации и упорядочению церковной жизни, и потому считал обязатель-

²⁰² «По советским законам (а именно по инструкции НКЮ и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г*ода*) Синод как центральная организация мог быть должным образом легализован лишь в качестве "исполнительного органа всероссийского съезда религиозного общества". Именно так был легализован обновленческий "Священный Синод". "Но у митрополита Сергия, — говорилось в одном из полемических документов 1928 г*ода* — так называемом "Каноническом исследовании деяний митрополита Сергия", — этих церковных съездов не было, и Сергиев Синод составлен им единолично, по-видимому, по соглашению с каким-нибудь органом советской власти, играющим в РСФСР роль бывшего обер-прокурора. Как можно думать, весь процесс регистрации Синода свелся к тому, что список членов Синода был предоставлен митрополитом Сергием в НКВД, а здесь он был присовокуплен к делу. Во всяком случае, у митрополита Сергия нет никакой официальной бумаги НКВД об утверждении Сергиевского Синода в качестве исполнительного органа староправославной Церкви. Таким образом, дефективный с точки зрения канонов Церкви, Сергиев Синод не имеет никакого юридического значения и по гражданским законам» (Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году... С. 122).

ным «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его доктринаами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому²⁰³, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13,5)»²⁰⁴.

Упоминание варшавского убийства в декларации не случайно. Несмотря на желание и неоднократные попытки как самого митрополита Сергия, так и его последователей истолковать ключевые слова декларации о "радостях" и "горестях" в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о варшавском убийстве как ударе, направленном в православных, не оставляет места никаким другим толкованиям, ясно показывая действительный смысл этих "радостей" и "горестей".

²⁰³ Убийство в Варшаве советского полпреда П. С. Войкова (Пинхуса Лазаревича Вайнера), одного из организаторов расстрела царской семьи в Екатеринбурге.

²⁰⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 510–512.

«И чтобы никто не думал, что это простая политическая лояльность, признание Советской власти постольку, поскольку как Божия попущения, а именно — полное духовное братание, тут же давался интересный перечень тех бедствий режима, которые Церковь, по Сергию, рассматривает и своими бедствиями или "ударами в нас", то есть в Церковь, как выражалась декларация. В числе таких "ударов" обозначено "убийство из-за угла, подобное варшавскому".

До сей поры, кажется, никто не обратил должного внимания на этот своеобразный "пароль", секретные слова Сергия оголтелым антихристам. Под "варшавским убийством" имеется в виду убийство русским патриотом Борисом Ковердой большевистского дипломата Войкова (Пинхуса Лазаревича Вайнера) в 1927 году. Теперь не все знают, кто такой был Вайнер (Войков), а тогда, в 1927 году, все, в том числе и митрополит Сергий, прекрасно знали, что он один из самых главных организаторов убийства Царской Семьи... Так, прикровенно, косвенно, но достаточно определенно для понимающих Сергий давал понять, что Церковь едина с большевиками во всех их преступлениях, начиная с главного — с цареубийства. Все управление Церковью, всеми Ее внутренними делами, то есть всей жизнью отдавалось сергианским церковным руководством в руки заведомых и беспощадных врагов Церкви. Но так, что воля этих врагов исполнялась как воля и решение церковной иерархии... Все это в обмен на "легальное существование" церковной власти в центре ("патриархия") и обещание разрешить церковную власть на местах (епархиальные управления)»²⁰⁵.

Такой ценой была достигнута пресловутая легализация, а точнее, даже еще и не легализация, а лишь ее обещание. Не получив фактически ничего, церковное руководство со своей стороны пообещало слишком много и, увы, свои обещания в отличие от богоchorческих властей вынуждено, вернее, принуждено было

²⁰⁵ Лебедев Лев, протоиерей. Границы Церкви (сентябрь 1996) // Православное обозрение. СПб., 1998. № 2.

исполнять. Этот печальный факт констатировали очевидцы — авторы церковных документов, переданных за границу:

«Получая легализацию, Церковная организация вступала в известные договорные, конечно, несчастные отношения с правительством, принимая на себя ряд обязательств. Права, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы тех, кои предусмотрены советским же законодательством, те есть фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые ею, были громадны. Она допускала, признавала право правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, те есть фактически вступала в такие отношения с правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви, с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением, и при отсутствии таких для Церкви.

Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Советское государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, а поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству... Однако церковные деятели, соблазняясь легализацией, думали, что им удастся перехитрить советскую власть, что, приобретя права легальной организации, они сумеют парировать влияние советской власти на церковную жизнь, так что оно не даст своих разрушительных для Церкви последствий».

«Митрополит Сергий, издавая декларацию, может быть, полагал, что она ни к чему не обязывает его. Однако через год он вынужден был поминать в храмах власть, которая гонит веру, а через 2 года вынужден был в своих знаменитых интервью произнести величайшую клевету на Церковь, на себя самого, сорвав с Церкви Ее мученический венец, втоптав его в грязь у ног безбожия»²⁰⁶.

²⁰⁶ К вопросу о положении Православной Церкви в СССР // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 139–140.

4. Протест против декларации в Вятской епархии

Послание митрополита Сергия вызвало большое смущение в церковной среде. Епископ Виктор по прощении послания отоспал его обратно митрополиту Сергию, посчитав невозможным огласить его в своей епархии.

«От начала до конца оно исполнено тяжелой неправды, — писал владыка Виктор, — и есть возмущающее душу верующего глумление над Святою Православною Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание "внешним" оно есть прискорбное отречение от своего спасения или отречение от Самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует Слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повреждает человека непосредственно в бездну погибели, по Неложному Слову: "иже отречется Меня пред человеки" и проч<ее>.

Насколько было в наших силах, мы себя самих и нашу паству оберегали, чтобы не быть нам причастными греха сего, и по этой причине самое возвзвание возвратили обратно. Принятие возвзвания являлось перед Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении к Святейшей Божией Церкви, Невесте Христовой»²⁰⁷.

Однако столь резкое суждение о декларации было высказано епископом Виктором не сразу. Поначалу он ничего не писал митрополиту Сергию, хотя его отри-

²⁰⁷ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские: в 2 ч. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. 73–74.

цательное отношение к декларации явствовало из самого факта ее возвращения автору²⁰⁸, но для осознания и более основательного обоснования этого отношения нужно было время.

Вероятно, первые свои размышления епископ Виктор изложил в записке "Мысли православного христианина по поводу послания митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года". О том, что этот документ составлен и распространяется епископом Виктором, сообщал управляющий временного епархиального совета Вятской епархии протоиерей Александр Серебрянников в письме архиепископу Павлу (Борисовскому), по поручению которого в конце сентября 1927 года приезжал в Глазов и безуспешно пытался вручить епископу Виктору декларацию²⁰⁹.

В записке владыка Виктор четко определил основные цели, преследуемые декларацией (посланием) ми-

²⁰⁸ О возвращении декларации сам епископ Виктор упоминает в своих письмах: втором письме митрополиту Сергию и в письме от 16 декабря в Москву (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 89–90; 127. См. ниже). В связи с этим представляется по меньшей мере малодостоверным свидетельство Николая Стадорумова из Яранска, который в марте 1928 года жалуется на «возмутительную пропаганду епископа Виктора», «не принимающего патриаршего Православного Синода за моление за власть», и утверждает, что в августе месяце, когда он был у епископа Виктора в Глазове, тот «говорил о своей радости, что наконец наша Православная Церковь получила легальное положение, и добавил, что он во всем согласен с декларацией Синода, напечатанной в июле в Центральных Известиях, и вообще ни слова не говорил что-либо против» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 61. С. 87 // Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Указ. соч. С. 148). Если это происходило в августе 1927 года, то скорее всего еще до получения декларации, когда речь шла так же, как и в письме протоиерою Николаю Тронину от 30 мая 1927 года, только о создании Синода митрополита Сергия.

²⁰⁹ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 17. Л. 1 об., 6 об. // Поляков А. Г. Викториансское течение в Русской Православной Церкви. С. 126–127.

трополита Сергия: «во-первых, выявить и установить политические настроения и отношения Православной Церкви к Сов~~етскому~~ правительству с явным признанием ошибочности-ложности пути этих отношений в прежнее время и с прямым обвинением служителей Церкви Православной в стремлении к монархизму и в участии словом и делом в контрреволюции»; и «во-вторых, заявить не только о своей впредь лояльности и непричастности к каким-либо выступлениям против Сов~~етской~~ власти, но и о внешнем и внутреннем объединении с нею против ее заграничных и внутренних врагов как своих собственных, т~~о~~ е~~сть~~ как врагов Православной Церкви».

Все изложенное в послании, по словам епископа Виктора, не соответствовало истине и действительности:

«Истинная Православная Церковь всегда должна быть аполитична и духовна, а потому она не была и не может быть ни в какой активной внешней борьбе с Сов~~етской~~ властью; духовные же лица могут подвергаться наказаниям или как частные граждане за свои политические преступления вне их отношения к Церкви, или как исповедники Православной Церкви.

Что касается до объединения Церкви и Сов~~етской~~ власти на почве духовных интересов и нужд, сочувствия и сородования и т~~о~~ д~~алее~~, то ничего подобного никогда быть не может, так как взгляды на жизнь у истинной Церкви и у Сов~~етской~~ власти диаметрально противоположны друг другу. Цели деятельности Сов~~етской~~ власти исключительно материально-экономического направления, внешне моральны и чужды веры в Бога, а цели деятельности Церкви — исключительно духовно-нравственные и через веру в Бога выносят человека за пределы земной жизни для достижения вечных небесных благ. Поэтому, определяя взаимоотношение истинной Церкви и всякого государства, и можно говорить только об отношении в плоскости гражданского долга и обязанности, и это не за страх, а за совесть».

«Между тем послание, прикрываясь словами Свящ. Писания и рассуждениями из сферы духовных интересов человека, замаскировывает вовлечение Церкви в сферу земных задач и тем умаляет и Святую Православную Церковь, унижает и неизбежно толкает ее на путь новых потрясений и разделений, а потому оно требует не только осторожного отношения к себе, но и прямо отрицательного»²¹⁰, — заключает епископ Виктор.

По-видимому, подобное отрицательное отношение к декларации было в то время и у многих других архиереев и пастырей. Однако хотя они и не принимали послание и не читали его своей пастве, тем не менее ничего не предпринимали, вероятно, надеясь, что высказанное в декларации останется лишь на бумаге²¹¹. И потому активные протесты против декларации и дальнейшее отделение от митрополита Сергия и его Синода последовали не сразу, а спустя несколько месяцев.

Как писал петроградский протоиерей Михаил Чельцов: «Послание, как и все, что на бумаге, недолговечно, и как ни сильно было смущение и волнение, произведенное им, мало-помалу начинало утихать и утихло бы совершенно, если бы не было подогрето и

²¹⁰ ГА КО Ф. 237. Оп. 77. Д. 304. С. 2–4. Цит. по: *Мазырин А., иерей. Священноисповедник епископ Виктор (Островидов) — как представитель крайней оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) // Православная Русь (Джорданвилль). 2007. № 10. С. 3–4.*

²¹¹ Архиепископ Дмитрий (Любимов) писал, что послание митрополита Сергия «представлялось нам первоначально одним из обычных даже для патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. Нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние на дела чисто церковные, исказять не только канонически, но и даже догматически лицо Церкви» (*Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 220*).

сильно приподнято другим, посланию сопутствующим, нашу епархию всецело касающимся обстоятельством»²¹².

В Петроградской епархии этим обстоятельством стало перемещение митрополита Иосифа (Петровых) на Одесскую кафедру. В Вятской епархии — перемещение епископа Виктора на Шадринскую кафедру, которое он отказался принять. И за этим отказом так же, как и у митрополита Иосифа, у него стояли вовсе не личные интересы, а принципиальное неприятие церковной политики митрополита Сергия. Как отмечал очевидец событий того времени:

«Первые месяцы существования "легализованного" Церковного Управления протекали под знаком колоссального перемещения личного состава иерархов. При этом митрополит Сергий осуществлял совершенно ясно принцип Тучкова: ссыльные епископы в большинстве увольнялись на покой, возвращающиеся из ссылки за отбытием срока или вообще "малонадежные", с точки зрения Советской власти, назначались на кафедры на далекие окраины. Что же касается наиболее известных, влиятельных и центральных кафедр, то туда назначались либо новые люди, либо те, кто во всеуслышание выражал свою готовность на принятие всех условий и на верность принципам декларации митрополита Сергия, тт есть принципам услужения Советской власти»²¹³.

А вот как охарактеризовал политику перемещения архиереев епископ Виктор:

«При испытании 1923 года и позднее ясно обнаружилось, что оплотом Православной Церкви оказались исповедники Истины — епископы, связанные неразрывно благодатною связью и любовью с их паствами. И что же делают новые враги Православия? Они перемещают таких

²¹² Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 457.

²¹³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 10.

епископов с их кафедр и их места занимают своими ставленниками, и это не единичные случаи, а совершается это в определенной системе по всей Русской Церкви. Вы можете себе представить, какой стон, плач и ужас покрыли Православную Церковь, когда в ней началось это рассечение нерассекаемого!»

«Далее, — вторым оплотом Православия оказались приходские советы. И что же опять делают новые враги Православия? Они дают наказ свести значение приходских советов на нет, и это для того, чтобы их ставленники — епископы по своему усмотрению замещали священнослужительские места. Какое теперь начнется осквернение душ нечестивыми священнослужителями, которых епископы будут рассовывать везде, и какое и те, и другие, не признанные верующим народом, произведут ужасное разложение веры и упадок религиозной жизни»²¹⁴.

Таким образом, перемещения архиереев были не единичными фактами, а направленной политикой, разрушительные последствия которой оказались в самом скором времени, что и отметил автор упомянутого "Обзора церковной жизни в России 1928–1930 годов":

«То, что было еще поправимо, что казалось пустяками 3 года назад — теперь уже навсегда упущено и потеряно. Массовое перемещение епископов, увольнение самых лучших и стойких, назначение новых неиспытанных или испытанных в своей нестойкости, в своем предательстве, — казавшееся мелочью в 1927 г²¹⁴, теперь уже ставит Церковь перед фактом существования новой иерархии, едва ли достойной своего положения. Верующий народ в течение 10 лет (1917–1927), боровшийся за чистоту веры и Церковь, ясно сознававший, где правда, а где измена, где Церковь, а где отступничество, свято чтивший имена иерархов исповедников и за верность одним этим именам

²¹⁴ Из письма января 1928 года // Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129).

шедший на мученичество, — теперь потерял ясность ведения; границы правды и лжи, Церкви и отступников стерлись, имена исповедников забыты. На смену религиозному подъему и готовности к борьбе и стоянию за веру приходит апатия, равнодушие, инертность. Поправимо ли это? И если еще поправимо, то будет ли поправимо через год, через три?»²¹⁵

Епископ Виктор предчувствовал это еще в октябре 1927 года, когда писал митрополиту Сергию:

«Души наши изнемогают, ужас созерцания того, что теперь кругом происходит в Церкви, подобно кошмару дает нас, и всех охватывает жуткий страх за будущее Церкви. — Там далеко задумал отложиться Ташкент, тут бурлит и возмущается Петроград, здесь стенает и вопиет к небу Вотляндия, и опять бунтует Ижевск, а там опять в скорби и недоумении приникли к земле Вятка, Пермь и пр<очие> пр<очие> города, а над всеми ими готовится вот-вот произнести свой решающий голос Москва. Ведь везде пошло лишь одно разрушение Церкви, и это в "порядке управления". — Что это такое? Зачем это? Ужели Святая Церковь мало еще страдала и страдает от "внешних"? И какая может быть польза от этих разрушающих мир, гибельных распоряжений?»²¹⁶

Что происходило в Вотской епархии, не совсем ясно. Владыка Виктор пишет митрополиту Сергию, что эта едва начавшая жить епархия разрушается «в угоду "злому гению", из-за корыстных и злобных его целей и происков» (некоего епископа) и «ради личных вожделений» (некоего архиепископа). Имена их в копии письма не указаны, но, очевидно, это Воткинский Онисим и Сарапульский Алексий. «Владыко! Пощадите Русскую Православную Церковь — она вручена Вам, и от Вас многое зависит не

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

давать разрушать ее в "порядке управления". Пусть не подвергается порицанию всечестная Глава Ваша, и да не будет причин к расколам и отпадениям от Церкви», — взывает епископ Виктор к митрополиту Сергию.

В целом его письмо исполнено скорби и вместе с тем глубокого почтения к митрополиту Сергию. Могут даже удивить то чувство благоговения и слезы любви к отцу и благодарности к Богу, о которых пишет епископ Виктор в начале письма. В искренности владыки Виктора не приходится сомневаться, и, очевидно, он не лукавит, когда пишет: «Дорогой Владыко! Ведь не так давно Вы были доблестным кормчим и для всех нас вожделенным первопастырем, и одно воспоминание святейшего имени Вашего вливало в сердца наши бодрость и радость. И вдруг — такая печальная для нас перемена: умы наши колеблются, сердца потеряли опору, и чувствуется, что мы снова остались без руководителя и защитника от нападающих на нас, и это с тех пор, как окружили Вас советчики Ваши»²¹⁷.

²¹⁷ Действительно, митрополит Сергий 1927 года весьма отличался от того, каким он был в 1926 году во время своего первого заместительства. «Проведя три месяца во внутренней тюрьме ГПУ, митрополит Сергий сдался и, выйдя из нее, оказался совершенно другим, таким, каким он был, рукополагая Варнаву в угоду Распутину и отрекаясь от Патриарха в угоду Живой Церкви и ГПУ. Вся его дальнейшая деятельность, начиная с апреля 1927 года, есть прямая противоположность, полное отрицание его деятельности предыдущей 1925–1926 гг. Прежде чуткий и внимательный к голосу Епископата и Церкви, не переоценивавший свою личную роль, — он теперь стал деспотичен и не считается с мнением иерархов; прежде ясно сознающий, где кончается компетенция государства и начинается посягательство на свободу Церкви, — он теперь пошел на величайшее смешение кесарева и Божьего, на полное отздание последнего в жертву первого» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 14).

«Что ответил на это письмо митрополит Сергий, нам неизвестно, — пишет митр. Иоанн (Снычев), — но только из Синода ему <епископу Виктору> было сделано предупреждение, чтобы он как викарий знал свое место и во всем подчинялся бы правящему архиерею, а затем, немного спустя, последовал указ о его переводе в Свердловскую епархию еп<ископом> Шадринским»²¹⁸.

Как указывает вятский историк со ссылкой на материалы архива, епископ Виктор был переведен на Шадринскую кафедру еще ранее — к 22 сентября 1927 года²¹⁹. Так что после октябрьского письма, по-видимому, речь идет уже об "ултиматуме Синода" конца ноября — начала декабря, о котором также упоминает Иоанн (Снычев): «В документе под угрозой наказания требовалось представить объяснения, почему он находится в Глазове и вмешивается в церковные дела Вятской епархии»²²⁰.

Последний вопрос владыка Виктор, по его словам, оставил без ответа, а по первому сказал правду в новом письме на имя митрополита Сергия, где твердо заявил, что не приемлет распоряжение о своем перемещении²²¹, дабы это не было расценено как его со-

²¹⁸ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 313.

²¹⁹ По материалам архива ГА КО (Ф. 237. Оп. 77. Д. 17. Л. 1 об. // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 126).

²²⁰ Снычев Иоанн, архимандрит. Материалы по Иосифлянскому расколу. Машинопись. Кн. 1. С. 191. Цит. по: Поляков А. Г. Указ. соч. С. 130. Хотя получается, что эта информация не была внесена в опубликованную позднее книгу: Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997.

²²¹ Интересно замечание глазовского историка по поводу решения о переводе епископа Виктора в Свердловскую епархию: «Как мог Синод требовать немедленного переезда в другую область от епископа, находящегося в административной ссылке под подпиской о невыезде? Владыка не имел возможности даже посетить Ижевск — столицу Вотской автономной области,

гласие с декларацией и послушание Синоду: «Не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно по существу объединяет меня с людьми, от Бога удалившимися». А что декларация митрополита Сергия действительно «достойна многих слез» и «удаляет человека от Бога», владыка Виктор так прямо и написал и свои мысли о декларации подробно изложил особо в форме "Письма к близким", которое приложил ко второму письму митрополиту Сергию.

Владыка Виктор подчеркнул, что разрушение Церкви, которое производит митрополит Сергий "в порядке управления", есть неизбежное следствие того пути, на который поставила митрополита его декларация:

«Враг вторично заманил и обольстил Вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией, как дома благодатного спасения человека, уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: "Да будет двор его пуст, и епископство его да примет ин", — то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации.

Что пользы, если мы, сделавшиеся по благодати Божией храмами Святого Духа, стали сами вдруг непотребны, а организацию себе получили. Нет. Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная гибель души, которой подвергается тот, кто предоставляет такие внешние предлоги для греха»²²².

в пределах которой находился Глазов. Можно не сомневаться в том, что в случае требуемого прибытия Виктора в Шадринское викариатство владыка подлежал бы суровому наказанию за нарушение условий ссылки» (Кочин Г. А. Святитель Виктор (Островидов), епископ Глазовский, в истории православного Глазова. Доклад на XV Межрегиональной научно-практической конференции 26 февраля 2016 года).

²²² Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... С. 74.

В приложенном "Письме к ближним" епископ Виктор, не колеблясь, дает следующую характеристику декларации:

«Но пусть узнают все, что последняя декларация-воззвание от 16/29 июля с~~его~~ г~~ода~~ митрополита Сергия — есть явная измена Истине (Иоан. XIV, 6). "Кого предали подписавшие "воззвание" и от кого они отреклись..." (Деян. XIV, 13). — Они отреклись от Святейшей Церкви Православной, которая всегда во всем чиста и свята, не имея в себе скверны или порока, или чего-либо подобного (Еф. V, 27). Ей они вынесли открытое пред всем миром осуждение, ими она связана и предана на посмешение "внешним", как злодейка, как преступница, как изменница своему Святейшему Жениху Христу, — Вечной Истине, Вечной Правде. Какой ужас...

Св. Церковь, которую стяжал себе Господь, Кровию Свою от мира сего (Деян. XХ, 28), и которая есть Тело Его (Колос. I, 24), а для всех нас — дом вечного благодатного спасения от сей жизни — погибели, — ныне эта святая Божия Христова Церковь приспособляется на служение интересам, не только чуждым ей, но и даже совершенно не совместимым с ее Божественностью и духовной свободою...

И если ныне через "воззвание" Церковь объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной здесь совершен и величайший грех отречения от Истины Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви...

Не говори мне, что таким образом у нас образовалось Центральное Управление и образуются местные управление, и получается видимость внешнего спокойствия Церкви, или, как говорит воззвание, "законное существование Церкви", — это и подобное сему любят говорить и все, раньше уловленные врагом диаволом в отпадении от Церкви Православной. Что пользы, если мы сами, соделавшиеся и называющиеся Храмом Божиим (2 Кор. IV, 16), стали непотребны и омерзительны в очах Божиих, а внешнее управление себе получили»²²³.

²²³ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129 об. — 130.

Многое из этого письма перекликается с еще одним недавно опубликованным документом под названием "Дополнение к мыслям православного христианина" (из фонда Вятской духовной консистории) и, очевидно, составленным епископом Виктором вскоре после приведенной выше записки "Мысли православного христианина по поводу послания митрополита Сергия...". Этот документ, как явствует из первых же строк, был ответом владыки Виктора на чье-то письмо. Не соглашаясь с доводами своего корреспондента о возможности частичного принятия декларации, так как в ней, дескать, «не нарушаются догматы Православной Церкви и не отвергаются каноны церковные», владыка писал: «Ведь эта декларация есть явная для всех измена вечной истине и потому по своей гибельности не меньшая, а большая, чем ересь или раскол»²²⁴.

Далее следовали цитаты и рассуждения, которые епископ Виктор потом почти дословно использовал в "Письме к ближним". Однако приведенную фразу о гибельности декларации он все же в это письмо не включил и в целом, несмотря на всю свою категоричность, удержался от крайних суждений и, выразив надежду на вразумление и покаяние подписавших декларацию, с осторожностью заключил: «Если же не так, то будем беречь себя от общения с ними, зная, что общение с увлеченными есть наше собственное отречение от Христа Господа».

Так и в "Дополнении...", отвечая на вопрос о том, как относиться к Синоду²²⁵ митрополита Сергия, ука-

²²⁴ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 304. Л. 3 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 355.

²²⁵ При этом епископ Виктор оговорил, что Синода как органа управления пока еще и нет, а есть только заместитель Патриаршего Местоблюстителя, лично у которого есть помощники архипастыри: «Они для простоты понятия и названы синодом, но никакого самостоятельного значения для Церкви Право-

зал, что прерывать единение (в смысле поминовения) не должно «ради экономии», «пока не выяснено окончательно ожесточение сердец их», «но быть на страже — бдительности в отношении их действий и распоряжений». И во втором своем письме митрополиту Сергию епископ Виктор написал еще только о возможности прекращения общения с ним в случае упорства.

Более того, при всей откровенности и резкости своих писем владыка Виктор по-прежнему обращался к митрополиту Сергию с почтением: «Милостивый Архипастырь, Глубокочтимый и дорогой Владыко...» — и второе письмо закончил: «В дальнейшем я бы молил Господа, и не только я, но и вся Православная Церковь, чтобы Он не ожесточил сердца Вашего, как некогда сердце фараона, но дал бы Вам благодать сознания содеянного греха и покаяния на жизнь. Тогда все верующие в радости и слезах благодарения Богу опять придут к Вам, как к отцу, пастыри — как к первопастырю, и вся Церковь Русская, как к своей священной главе»²²⁶.

Тем не менее митрополит Сергий воспринял письма как личное оскорбление и незамедлительно отреагировал. 23 декабря 1927 года последовало определение его Синода за № 201:

«Принимая во внимание не только непослушание высшей Церковной Власти, отказ от данного Преосвященному Виктору (Островидову) назначения, смуту, распространяе-

славной сами по себе не имеют и иметь не могут, согласно заявлению об этом и митрополита Сергия. Сам же митрополит Сергий есть только "домоуправитель" (Лк. 15, 1), поставленный на дело не так давно от патр^{иаршего} Местоблюстителя митрополита Петра. Но если митрополит Петр найдет, что "домоуправитель" оказался "неправедным", то отнимет у него "домоуправление"» (Там же. С. 357).

²²⁶ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... С. 73.

мую им в народе рассылкой посланий, но и клевету на Первоиерарха Православной Русской Церкви... немедленно уволить Преосвященного Виктора от управления Шадринским викариатством и Свердловской епархией и предать его каноническому суду епископов, запретив в священнослужении впредь до соборного суда над ним или до раскаяния и сознания им своей вины»²²⁷.

Епископ Виктор не подчинился и в дальнейшем был последователен в своих действиях. Как он писал об этом во втором письме митрополиту Сергию: «Если же ожесточение сердца пошло далеко и надежды на покаяние не остается, то и на сей исход мы имеем просвещающее нас слово: "Тем же изыдите от среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь, и Я приму вас, и буду Вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, — глаголет Господь Вседержитель" (2 Кор. 6, 17–18)»²²⁸.

5. Развитие событий в Вятке

В Вятке епископа Виктора сразу поддержали четыре храма (из них два собора). Это прежде всего Воскресенский собор с его духовенством и монашествующими (кроме отца Григория Попыванова там с 1926 года служил священник Михаил Глушков²²⁹);

²²⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 606.

²²⁸ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... С. 74.

²²⁹ Глушков Михаил Валентинович, родился в 1894 в Котельниче. В 1912–1915 — учился в Харьковском технологическом институте. До 1917 — на военной службе; по состоянию здоровья комиссован. С 1918 по 1921 — в Новоафонском монастыре до занятия его большевиками. Вернулся в Котельнич. Рукоположен во диакона, затем во священника. С 1926 —

Серафимовская церковь со священником Александром Широких²³⁰; храм села Филейки с отцом Леонидом Юферевым²³¹ и Александро-Невский собор с отцом Николаем Жилиным²³².

Как отмечалось в материалах следственного дела, решающее влияние на позицию духовенства, не принялавшего декларацию, оказало «выпущенное живущим в Глазове в ссылке еп<ископом> Виктором воззвание в виде листовки, в которой еп<ископ> Виктор определенно указывал, что духовенство не может признать Сов<етскую> власть и лояльно к ней относиться. Но поскольку та преследует религию, с ней борется, а также оказывает репрессии по отношению к духовенству... Эти листовки еп<ископа> Виктора сделали свое дело. Первыми их принял причт Воскресенского собора в лице Попыканова, Глушкова, потом свящ<енников> Широкова, Жилина и Юферева. Юферев привлек до 40 монашек во главе с

в Воскресенском соборе. В сентябре 1929 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В сентябре 1932 — освобожден досрочно по состоянию здоровья. В 1935 — вновь арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

²³⁰ Широких Александр Терентьевич, родился в 1893 в селе Мартелово Глазовского уезда. С 1914 — диакон, с 1920 — священник. В феврале 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

²³¹ Юферев Леонид Михайлович, родился в 1883 в Ростове. В 1903 — окончил Вятскую духовную семинарию, с 1903 — служил в селе Иванцево; в 1923 — в селе Филейки. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ, вскоре скончался, был похоронен в Вятке.

²³² Жилин Николай Александрович, родился в 1880 в селе Шоя Нолинского уезда. В 1902 — окончил Вятскую духовную семинарию. В 1902–1913 — служил в Нолинском уезде, с 1924 — в Александро-Невском соборе Вятки. В 1930 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1935 — приговорен к 3 годам высылки в Красноярский край.

игум^{<енъей>} Эмилией²³³, а в Вятке присоединились монашки, прибывшие из Покровского монастыря с игум^{<енъей>} Февронией, организовавшие между собою сестричество, целью которого было укрепление православия во всей Вятской епархии»²³⁴.

Однако очевидно, что еще до ознакомления с "листовками" епископа Виктора вятские ревнители чистоты православия заняли антисергианскую позицию, не приняв декларацию митрополита Сергия. Еще в конце июля — начале августа 1927 года отказался распространять декларацию настоятель Владимирской церкви Вениамин Тихоницкий, получивший из Москвы от архиепископа Павла (Борисовского) пакет с 200 экземплярами декларации и распоряжением архиепископа о распространении их по епархии. Протоиерей распоряжение не выполнил, сославшись на то, что копии декларации якобы конфискованы ОГПУ. На самом деле, как свидетельствовал другой священник, Тихоницкий «был в корне не согласен по той причине, как он выразился, что Сов^{<етская>} власть борется с религией и Церковью, сажает в тюрьмы, духовенство отправляет в ссылку, а тут Сергий вдруг <нрзб.> не выдержал и за все приносит Сов^{<етской>} власти чуть ли не благодар-

²³³ Игумения Эмилия, по другим данным, Елена — Баранова Евгения Андреевна, родилась в 1869 в Котельниче. С 13 лет жила в Преображенском девичьем монастыре в Вятке. В 1923 — после закрытия монастыря переехала в село Филейки, вместе с другими монахинями (около 100 человек) организовала и возглавила Филейскую трудовую артель (арендовали дом бывшего Филейского монастыря), фактически монашескую общину, сохранившую монастырский устав с ежедневными богослужениями. В 1926 — возведена в сан игумении епископом Павлом (Борисовским). С 1928 — после ликвидации артели проживала в дер. Курагино Вятского района, продолжала посещать Филейскую церковь. В сентябре 1929 — арестована, приговорена к высылке на 3 года в Северный край.

²³⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 1. Л. 92.

ности. Если ему нужно относиться лояльно к Сов<етской> власти, пусть он это заявляет и делает сам, а других не учит»²³⁵.

В конце августа архиепископ Павел прислал в Вятку письмо, в котором предлагал зарегистрировать епархиальный совет. Однако власти не давали на это разрешение без решения общегородского епархиального собрания, а на проведение такового потребовали протоколы принятия декларации собраниями приходских советов всех церквей. Такие собрания были проведены 3/16 октября. Но упомянутые выше священники и их приходы собраний не провели и по-прежнему отказывались принимать декларацию. Фактически они не подчинялись архиепископу Павлу; хотя и поминали его на богослужениях, но обращались за руководством к епископу Виктору. 1/14 октября 1927 года протоиерей Всехсвятской церкви Александр Серебрянников писал архиепископу Павлу о сложной ситуации в епархии и необходимости его приезда.

5/18 октября архиепископ отстранил от должности благочинногоprotoиерея Леонида Юферева, отказавшегося распространять декларацию, и пригрозил запрещением всем вятским священникам, продолжающим поминать епископа Виктора:

«Читал преосв. Виктор, епископ Шадринский, б<ывший> Ижевский и Вотский, освобожден от архипастырского кормления Вятской епархии и никакого отношения к Вятской епархии не имеет. А потому священников г<орода> Вятки и Вятской епархии, <которые> вопреки моему телеграфному распоряжению продолжают благословными богослужениями возносить имя преосв. еп<ископа> Шадринского Виктора, предупредить, но если они и впредь не подчинятся сему моему распоряжению, то во

²³⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. Су-11587. Л. 156 об. — 157 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 216.

вторичном понесении о сем будут мною запрещены в священнослужении. О последующем мне донести»²³⁶.

В декабре 1927 года архиепископ Павел приехал в Вятку и развернул активную деятельность. Под его председательством начал работу временный епархиальный совет. На первом же его заседании 8/21 декабря было принято решение «поставить в известность епархию о начале работы Епархиального совета, который всецело будет стоять на платформе Декларации»²³⁷. Архиепископ Павел поручил епархиальному совету обратиться к приходским советам Воскресенского, Серафимовского, Александро-Невского соборов и Скорбященской церкви Вятки, а также церквей сел Филейки и Хлыновка с тем, чтобы они оказали воздействие на своих священников. Однако это обращение никакого воздействия не оказалось: духовенство и прихожане названных храмов остались на прежних позициях.

Ход событий в Вятке епископ Виктор изложил в письме от 16/29 декабря 1927 года, направленном кому-то в Москву:

«В Вятке от начала четыре церкви, из которых два главных собора, тоже не принятии его (возвзвания), хотя общения с Еп<исколом> Павлом не прерывали, но поминали его при Богослужении. Верующий народ стал группироваться около этих церквей и удаляться от принявших (подписавших) "возвзвание" и прекративших поминование моего имени. Вскоре к четырем церквам присоединилась пятая, но несколько иным путем. Через общее приходское собрание верующие удалили весь причт (прот<оиерей>, свящ<енника>, диак<она>), как не желавших отказаться от "возвзвания". Причт был уверен, что Арх<иепископ>

²³⁶ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 17. Л. 6 об. — 7 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 235–236.

²³⁷ Поляков А. Г. Указ. соч. С. 220.

Павел защитит их и никому не позволит занять их места. Оно так бы и было, но верующие делегировали ко мне и увезли от меня того священника, о котором я упомянул в начале письма. Представьте себе переполох среди прельщенных в Вятке. По примеру своих сородичей-обновленцев они кинулись к гражданской власти за помощью — но не помогло, прибегли к инсинации и обвинению в контрреволюции — ничего не вышло. Слава Богу. Оставалось одно: поехали к Вам в Москву и привезли спасать положение Арх~~иепископа~~ Павла. Сей пастырь явился в великой злобе. Души православных встревожились его приездом, ожидая всяких репрессий, и телеграфировали мне, прося совета и помощи. Не меньше их встревожился и я за них и недоумевал, что делать. Уже часа в два ночи неожиданно возрадовалось сердце, одна мысль и решимость успокоили меня, я встал, написал такую телеграмму на имя одного из священников православных: "Ввиду приезда в Вятку Арх~~иепископа~~ Павла необходимо предложить ему принести покаяние и отречься от "воззвания", как поругания Церкви Божией и как уклонения от истины спасения. Только при исполнении сего условия можно входить с ним в молитвенное общение. В случае же упорства прекратить поминование его имени при Богослужении, что допускалось лишь как *<пропуск в тексте>* до его приезда и выявления ожесточения его сердца. Е. В."

Так пастыри и сделали. И как жалки были его оправдания и ничтожны рассуждения по сему предмету. От отречения от "воззвания" отказался, ссылаясь на М~~итрополита~~ С~~ергия~~»²³⁸.

В следующем письме, очевидно, тому же адресату владыка Виктор сообщал подробности встречи архиепископа Павла в Вятке, когда ему предложили показаться и отречься от "воззвания" 16 июля:

«Он отказался и весьма жалок был в своем оправдании, — тогда, говорит, меня ожидает тюрьма и всякие ли-

²³⁸ Дело митрополита Сергея // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 127.

шения. Один священник гарантировал ему полное обеспечение, но он не согласился. Из поставленных ему вопросов выяснилось, что действуют они без благословения М^{итрополита} Петра и сознают, что если он приедет, то удалит их, "и мы уйдем", так и сказал, — а что за это время они столько зла наделают и тысячи душ погубят, от этого и глазом не моргнул. Сознался, что сделали они это по настоянию гражданских властей, а на вопрос, чего достигли, — ответил, что он теперь чувствует себя архиереем. О, слепота, а не чувствует, что изглажен из книги жизни»²³⁹.

1/14 декабря 1927 года архиепископ Павел составил послание к духовенству и верующим Вятской епархии. «Во избежание недоразумений, для успокоения умов и для предупреждения и прекращения напрасной смуты и волнений среди православных (патриарших) приходов вверенной мне Вятской епархии, поставляю своим служебным долгом кратко ознакомить Вас с содержанием и направлением деятельности Временного Патриаршего Синода, возглавляемого Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, Преосв. Сергием Митрополитом Нижегородским», — писал архиепископ Павел.

Будучи не только членом Синода митрополита Сергия²⁴⁰, подписавшим июльскую декларацию, но и одним из активных защитников его политики, архиепископ Павел спешил успокоить свою паству и «поправовать некоторым достигнутым за истекшее полугодие успехом во благо Церкви Божией»: «Воззвание от 16/29 июля с^{<его>} г^{<ода>}, которым Митрополит Сергий и члены Синода определенно заявили о своей

²³⁹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об.

²⁴⁰ В мае 1927 года архиепископа Павла еще не было в составе Временного Синода, образованного митрополитом Сергием и получившего справку из НКВД. Но под июльской декларацией уже стоит его подпись в числе членов Синода.

полной лояльности и искреннем подчинении Советскому Правительству, создало для Митрополита Сергия и Священного Патриаршего Синода обстановку вполне мирного, никем и ничем не возбраняемого труда на пользу Церкви, под охраной советского законодательства, предусматривающего самоопределение культовых объединений в их религиозной жизни в порядке внутренней церковной дисциплины»²⁴¹.

Содержание послания архиепископа Павла поразительно по своим "сергианским признаниям" (это особенно удивляет при сопоставлении его с прежними заявлениями архиепископа и декларацией, подданной им в ОГПУ в 1926 году). Владыка Павел перечисляет административные деяния Синода митрополита Сергия, в том числе и перемещения епископов. Он называет их следствием легализации и рассматривает как «успех во благо Церкви». И это в то время, когда гонения на Церковь не только не прекращались, а все более нарастали, когда закрывались повсюду последние монастыри, разрушались храмы, а духовенство и верующие подвергались репрессиям. Таким образом архиепископ Павел, сам того не подозревая, совершенно искренне свидетельствовал о том, кому на самом деле оказалась нужна легализация и кто пользовался теми благами, которые она принесла.

«Действительно, июльская декларация дала возможность "тихого и безмолвного жития" не столько Русской Православной Церкви в целом, сколько Синоду митрополита Сергия (и то ненадолго: как известно, и сам Высокопреосвященный Павел, и большинство других членов Синода были в 1937 году расстреляны). Однако, кроме архиепископа Павла, никто из членов Си-

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

нода публично не выступал с такими откровенными признаниями о том, чего же в итоге удалось добиться благодаря внесшей столько нестроений в церковную жизнь декларации.

Признание архиепископа Павла вызвало самые возмущенные отклики. Так, например, епископ Павел (Кратиров), процитировав данное место из послания Вятского архиепископа, написал: "Трудно для меня решить вопрос, кто это изрек, подлец, или церковный негодяй, или дурак предельной степени. Я никогда бы не поверил, что эта фраза принадлежит православному, как он себя называет, архиепископу, члену сергиевского Синода, если бы собственными глазами не прочитал это отвратительное, идиотское послание". Можно пожалеть, что епископ Павел не нашел для выражения своих чувств более подобающих его сану выражений, но само по себе высказанное здесь недоумение кажется понятным²⁴².

Кроме того, в послании архиепископа Павла прозвучало еще одно очень важное, по меткому выражению петроградского священника, исповедника Феодора Андреева, «роковое признание сергианской души». Так, архиепископ Павел неоднократно призывает восстанавливать и соблюдать внутреннюю служебную дисциплину, которая для него, как и для всех сторонников сергианской политики, становится основой церковного единства:

«Эта дисциплина, эта организация ведь есть необходимейший остов, костный стан мистического тела Церкви. Поэтому, кто необдуманными выступлениями, ревностью не по разуму или беспринципным, неосмыслиенным упорством разрушает этот стан, наносит своим неподчинением законному священноначалию или обманом удары в остов дисциплины Церкви, тот является

²⁴² Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 314–315.

врагом Христа, содействует разорению вселенского Тела Церкви Еgo».

Дисциплина, слепое подчинение иерархии вопреки разномыслию и голосу совести, но ради сохранения единства иерархии и якобы единства Церкви становится своего рода сергианским догматом, лежащим в основании самого Синода митрополита Сергия и всей его дальнейшей политики. Противоречие правильному церковному учению о единстве Церкви здесь очевидно, как и указывал на это отец Феодор Андреев в своем письме епископу Иннокентию (Тихонову), который порицал политику митрополита Сергия, но не отделялся от него ради "сохранения единства Церкви":

«Дисциплина — вот то роковое слово, которым Вы связаны и которое раздается ныне из уст служителей слова, иногда в чистом виде, иногда прикрытое более привычными для церковного слуха именованиями, как то: "Единство Церкви", "Благо Церкви" (обычно не совпадающее с благом ее отдельных частей и членов вопреки слову Господа о том, что одна душа дороже целого мира), "Иерархический строй", "монашеское послушание", "послушание" просто, "смирение", "соборность", "каноничность", "законное апостольское преемство" — и ряд подобных же понятий. Тон, конечно, задает иерархия, начиная с возглавляющих ее, но как понятие, заключающее в себе целое стройное учение, слово "дисциплина" несется и по самым отдаленным от правящих церковных верхов рядам "верных", только уже, увы, не в собственном христианском смысле, а верных той же мертвящей дисциплине».

Уподобление дисциплины "костному стану", которое употребляет архиепископ Павел, являлось, по замечанию протоиерея Феодора, наглядным свидетельством сергианского понимания дисциплины, которая мыслится лишь в полном разобщении с «мистическим телом Церкви», так как «костный стан обнажается и

может быть рассматриваем отдельно, вне органической связи с телом, лишь тогда, когда тело уже сгнило, те есть в том повалленном гробе, куда сергианцы тщатся уложить св. Церковь»²⁴³.

Понятно, что подобное послание архиепископа Павла нисколько не успокоило епархии, где все более увеличивалось число не принимающих июльской декларации. Как писал епископ Виктор: «Его *архиепископа Павла* одни и те же злобные выпады против истинно-верующих, и в частности против меня, и неудачные оправдания того, что он не обновленец, окончательно оттолкнули от него паству, и движение против "возвзания" охватило всю епархию»²⁴⁴.

²⁴³ «Вы, вероятно, возразите, — писал далее отец Феодор, — что епископ Павел допустил лишь простое сравнение и довольно неудачное, и, может быть, сами совершенно отречешься от такого представления Иерархии в виде костного остова, поддерживающего мистическое тело Церкви. Я и сам, Владыка, не хочу быть придиличным к отдельным и случайным выражениям, но в данном случае я имею основание видеть не простое сравнение, а роковое признание сергианской души. Лишь при утрате подлинно мистического восприятия мистического же, воистину, Тела Церкви, становятся возможными такие наглядные представления о ней. Ведь, действительно, точно на позор всему сергианству с его всепроницающею лживостью и измышлениями земной, душевной и бесовской мудрости явилось это, по-своему замечательное изображение Иерархического строя Церкви. Можно сказать с уверенностью, что если оно дано по вдохновению, то это вдохновение от прелести, так как на такую анатомию мистического восприятия способны лишь самообольщенные мистики; Священное же Писание и Отцы предлагают в духовное руководство иные откровения и иные приточные подобия, которыми можно обозначить отношение Иерархии к пастве...» (Священоисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский... С. 351–353).

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

6. Отделение от митрополита Сергия

В конце декабря 1927 года епископ Виктор, как правящий епископ Ижевский и Вотский, отделился от митрополита Сергия. 22 декабря Глазовское духовное управление приняло постановление: «Временно, до покаяния и отречения митрополита Сергия от выпущенного им "воззвания": 1. воздержаться от общения с ним и солидарными с ним епископами; 2. признать епископа Виктора своим духовным руководителем, избранным всей Глазовской епархией в 1924 году». В резолюции на постановлении владыка Виктор написал: «Радуюсь благодати Божией, просветившей сердца членов Духовного Управления в сем трудном и великом деле избрания пути истины. Да будет решение его благословлено от Господа и да будет оно в радость и утешение всей паствы нашей и в благовестие спасения ищущим спасения во Св. Православной Церкви»²⁴⁵. Во втором письме в Москву от 29 декабря 1927 года владыка Виктор сообщил об отделении от митрополита Сергия:

«...Темп церковной жизни у нас сильнее, чем в Москве, а за последнюю неделю он еще более усилился. И это без всякой искусственности с нашей стороны, а сама жизнь заставляет нас так делать. Я писал Вам, что Арх~~иепископ~~ Павел приехал казнить, а его встретили предложением: покаяться и отречься от "воззвания" 16 июля...

...Чтобы сохранить себя от всяких безумных запрещений, приходы вместе с пастырями заранее отделяются от него через приговоры приходских советов и избирают или просят меня принять их под свое духовное архипастырское перед Богом и перед людьми руководство. Нечто подобное учинило наше Духовное Управление в отношении М~~итрополита~~ Сергия от лица всей Вотской Епархии, поставив ее вне общения с М~~итрополитом~~ С~~ергием~~ до

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

его покаяния и отречения от "воззвания", о чём и уведомило его. Постановление прилагается».

В большинстве случаев решение о признании себя сторонниками епископа Виктора и, соответственно, о прекращении поминовения за богослужением митрополита Сергия и архиепископа Павла принимали приходские собрания. «Так, в Воскресенском соборе в конце 1927 года состоялось приходское собрание по вопросу поддержки архиеп^{ископа} Павла или еп^{ископа} Виктора, церковно-приходской совет попросил А. Серебрянникова о предоставлении возможности самостоятельно ознакомиться с Декларацией, которую, однако, вскоре вернули с комментарием: "Она не наша". После чего духовенство Воскресенского собора прекратило всякое общение с вятским архиереем. Взгляды еп^{ископа} Виктора также поддержали приходы Александровского собора, Богородичной церкви для слепых "Всех скорбящих радости", Спасо-Хлыновской церкви г^{орода} Вятки. Отметим, что церковно-приходские советы двух последних насильственно удалили сергианские приходы. Взамен епископом Виктором были поставлены другие священники»²⁴⁶.

В Спасо-Хлыновскую церковь епископ Виктор назначил священника еще в начале декабря 1927 года. Очевидно, что это та самая пятая церковь, о которой он писал в своем первом письме в Москву. Как сообщали архиепископу Павлу члены притча этой церкви: «С 3-го декабря нов^{ого} ст^{иля} в нашем приходском храме без нашего ведома самовольно начал служение неизвестный нам священник и продолжает служение и до сего времени. По телеграмме, адресованной от Епископа Виктора священнику, служащему в настоящее время в Хлыновской церкви, выясни-

²⁴⁶ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 67. Л. 4 об. — 5 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 169–170.

лось, что имя его Александр Каныгин. Члены приходского совета словесно сообщали нам, что он послан Епископом Виктором»²⁴⁷.

Также приход села Красного Вятского уезда в конце 1927 года удалил сергианского священника и диакона и принял назначенных епископом Виктором священника Ивана Рудина и диакона Александра Тропинина.

25 декабря 1927 года были проведены собрание приходского совета Покровской церкви села Дымкова Вятского уезда и общее собрание прихода Казанской церкви села Верхне-Талицкого Нолинского уезда, на которых приняты постановления обратиться с просьбой о принятии к епископу Виктору. 31 декабря на постановление Покровской церкви последовала резолюция владыки Виктора: «Благодарю Господа, просвещающего сердца верных рабов своих и хранящего их от новой лести, погибельной. Богу содействующу, охотно принимаю пастыря и паству церкви села Дымкова Якимовагинской волости Вятского уезда в свое сердце и ведение до тех пор, пока не воссияет свой собственный светильник Вятской Церкви, пока не явится у нее свой собственный архиепископ, который и изведет словесных овец на пажити спасительные».

5 января 1928 года такая же резолюция последовала на постановление общего собрания Верхне-Талицкой церкви²⁴⁸.

Обеспокоенные ходом событий в епархии архиепископ Павел и его епархиальный совет предприняли срочные меры противодействия. «По инициативе архиепископа Павла 7/20 января 1928 г_{<ода>} Епархиальный совет принял решение о проведении город-

²⁴⁷ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 61. Л. 72 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 136.

²⁴⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 1. Л. 34.

ского собрания духовенства и членов приходских советов церквей. Цель собрания — информирование о положении общеперковых дел и разъяснение недоразумений, вызванных декларацией. Доклад по этому вопросу было поручено сделать протоиереям Иванову и Люперсольскому. После чего предполагалось открыть обмен мнениями. Тогда же было решено для получения "надлежащей информации" и получением отчетов о делах в благочиниях в срочном порядке вызвать в Епархиальный совет благочинных епархии²⁴⁹. Практиковались и командировки членов Епархиального совета в наиболее проблемные с точки зрения распространения викторианства местности»²⁵⁰.

Примечательно, что один из основных докладчиков на епархиальном собрании — протоиерей Николай Люперсольский — не кто иной, как тот самый изобретатель лукавого полуобновленческого "новоцерковничества" и активный его деятель в Елабуге²⁵¹. Позднее, в июне 1928 года, протоиерей Люперсольский составит еще и письменный доклад "Митрополит Сергий Страгородский — законный, каноничный Заместитель Патриаршего Местоблюстителя", в котором приравняет права и полномочия митрополита Сергия на управление Русской Церковью к правам Патриарха, а "викторианцев" поместит в один ряд «с обновленцами, григорианцами и прочими самочинниками...». Этот доклад протоиерея будет издан епархиальным советом тиражом 1000 экземпляров.

Вообще на распространение писем и документов в защиту митрополита Сергия ни бумаги, ни средств не жалелось. Так и декабрьское послание архиепископа Павла было отпечатано тиражом 5000 экземпляров²⁵². Конечно же, сторонники епископа Виктора такой

²⁴⁹ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 11. Л. 18 об. — 19 об.

²⁵⁰ Поляков А. Г. Указ. соч. С. 220.

²⁵¹ Смотреть об этом выше в одноименной главе.

²⁵² ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 11. Л. 1–2 об.

возможности не имели и лишь переписывали или самое большее перепечатывали на машинке послания и письма владыки; тем более должно оценить их труд и успех распространения по всей Вятской епархии и за ее пределами. Большую роль в этом сыграли духовенство и монашествующие Вятки и села Филейки. На следствии 1929–1930 годов, когда они обвинялись в создании антисоветской монархической организации, распространение воззваний епископа Виктора вменялось им как контрреволюционное преступление:

«Организовавшись между собой и мобилизовав имеющиеся в их распоряжении монашество Воскресенского собора и села Филейки, связались с находящимся в ссылке в гор~~оде~~ Глазове епископом Виктором Островидовым и от его имени, при активном содействии келейника и личного секретаря епископа Виктора — Ельчугина Александра Вонифатьевича²⁵³, только что отбывшего 2-годичный срок заключения в Соловецком концлагере, изготавливавшего на пишущей машинке листовки о непризнании Советской власти, распространяли их не только среди городского, но и среди сельского населения бывшей

²⁵³ Ельчугин Александр Вонифатьевич, родился в 1888 в Вятке. До 1914 — служил в Вятском окружном суде, в 1917–1922 — в Вятском отделе юстиции и других судебных органах. В 1922 — арестован вместе с епископом Виктором, приговорен к трем годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. В 1926–1928 — после освобождения проживал в Глазове, помощник епископа Виктора, рукоположен во диакона. В 1928 — после ареста епископа Виктора рукоположен во иероя архиепископом Димитрием (Любимовым). Служил в селе Кумены. В октябре 1929 — арестован по делу игумены Февронии, приговорен к пяти годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1934 — по освобождении без определенного места жительства, служил тайно. 7 сентября 1938 — арестован вместе с монахиней Марией (Томиловой) как «бродячий церковник», участник антисоветской организации «Вятская епархия Истинно-Православной Викторовской Церкви». Через пять месяцев следствия дело было прекращено, арестованные из-под стражи освобождены.

Вятской губернии. Монахини организовывали группы сестричества — последователей епископа Виктора, преимущественно из женщин, которые выполняли роль церковно-приходских советов, и насильственным путем, с применением физических насилий, подговоренной толпой фанатично настроенного крестьянского населения, захватывали в свои руки церкви, распространяя при этом листовки епископа Виктора среди населения»²⁵⁴.

Помимо известных упомянутых и вышеупомянутых документов — писем и посланий епископа Виктора, широкое распространение получило его письмо епископу А. от 15 января 1928 года. Епископ А. — это не кто иной, как епископ Авраамий (Дернов), близкий друг владыки Виктора, тот самый «великий человек по своему смирению пред Богом», о котором владыка писал своей вятской пастве из Сибирской ссылки еще в 1924 году. К великому сожалению, епископ Авраамий не поддержал владыку Виктора, и если в своих письмах, на которые отвечает владыка, он еще даже хвалит его за ревностность и только проявляет колебания и сомнения, то в самом скором времени становится сознательным защитником сергианской линии и даже посыпает архиепископу Павлу письмо, в котором так решительно заявляет ему о своей поддержке, что епархиальный совет, заслушав это письмо на заседании 12 января 1928 года, решает широко распространить его по всей епархии. В дальнейшем, будучи выслан в Глазов, епископ Авраамий в 1929 году примет от митрополита Сергия назначение о попечении над возвратившимися к митрополиту бывшими викторианскими округами Глазовской епархии, а в 1935 году назначение епископом Глазовским новообразованной, уже самостоятельной Глазовской епархии (в которой, правда, к тому времени почти не останется действующих храмов).

²⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 2. Л. 219–220.

Но в конце декабря 1927 года Глазовская епархия еще только переходила к епископу Виктору вслед за Глазовским духовным управлением, причем, как предполагается, со всеми ее приходами, которых было на тот момент более пятидесяти²⁵⁵.

Подобным же образом развивались события в Ижевске. Здесь по-прежнему царила полная неразбериха в административном отношении. 13 декабря 1927 года в ответ на запрос приходского совета Михайловского собора о том, кто управляет Ижевской епархией, митрополит Сергий отправил определение за № 174 о назначении на Ижевскую кафедру епископа Трофима (Якубчука), а до его приезда о поручении временного управления епархией епископу Воткинскому Онисиму (Пылаеву).

Поминать Онисима стали во всех церквях, кроме Успенской и Покровской. Служивший в последней иеромонах Аркадий (Григорьев) пользовался большим доверием у епископа Виктора, о чем владыка написал благочинному ижевских церквей протоиерею Владимиру Замятину. 20 декабря протоиерей ознакомил ижевских священников с письмами владыки Виктора. «Духовенство в количестве семи человек поручило благочинному запросить епископа Виктора, состоит ли он в общении с митрополитом Сергием и о какой тайной лести членов Патриаршего Синода он пишет»²⁵⁶.

Епископ Онисим прислал благочинному указ о запрете в святонослужении иеромонаха Аркадия за то, что тот не стал поминать за богослужением его как временно управляющего епархией, продолжая поминать епископа Виктора. Приходской совет По-

²⁵⁵ Поляков А. Г. Указ. соч. С. 162. Данная цифра взята из списка действующих и закрытых церквей Глазовской епархии на 1935 г. См.: ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 196. Л. 14–14 об.

²⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 126. Л. 237 // Поляков А. Г. Указ. соч. С. 157.

кровского храма немедленно послал епископу Виктору об этом телеграмму. О дальнейшем владыка Виктор написал в своем втором письме в Москву:

«Между тем М~~итрополит~~ С~~ергий~~ вздумал действовать через полуобновленческого еп~~ископа~~ Онисима, проживающего на заводе Воткинском. Онисим начал злодействовать в Ижевске, и мне по необходимости пришлось послать туда следующие две телеграммы, на телеграфную просьбу о помощи... "23/XII—Ижевск—Покровский Собор, игумену Аркадию. Постановлением Духовного Управления, утвержденным мною, Вотская епархия прекратила общение с М~~итрополитом~~ С~~ергием~~ и единомышленными ему епископами, как предавшими Церковь Божию на поругание и уклонившимися от истины спасения, впредь до их покаяния и отречения от "воззвания" от 16 июля. Объявите о сем духовенству и верующим". Е~~пископ~~ В~~иктор~~.»

25 декабря тому же. "Запрещение Онисима и других архиереев, отпавших через воззвание от Православной Церкви, никакого значения для вас не имеет, а падает на его голову. Служите в мире Духа Святого. Благословение Божие всей вашей пастве"»²⁵⁷.

Это письмо епископа Виктора, как и цитированное выше первое — от 16 декабря²⁵⁸, вошло в машинопис-

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об. — 127.

²⁵⁸ Вместе с тем письмом епископ Виктор переслал в Москву и второе письмо митрополиту Сергию и «Письмо ближним». По этой причине, возможно, произошла путаница с датировкой писем. Так, в сборнике «Дело митрополита Сергия» они датированы 16 декабря (по старому стилю), т. е. 29 декабря по новому. Эта датировка стала повторяться при дальнейших публикациях. Но письма митрополиту Сергию, конечно же, были отосланы гораздо раньше, так как владыка Виктор уже 10/23 декабря запрещен Синодом. А в беседе с петроградской делегацией 12 декабря митрополит Сергий упомянул, что епископ Виктор открыто выступил против него, но ведь «благополучно сидит, никто не трогает его (в ссылке)».

ный сборник «Дело митрополита Сергия»²⁵⁹, составленный московскими и петроградскими ревнителями православия в 1928–1929 годах²⁶⁰; выдержки из этих писем епископа Виктора приводились также в книге И. Сычева со ссылкой на архив митрополита Мануила (Лемешевского)²⁶¹. Остается только предполагать, кому же они были адресованы. С Москвой связь у владыки была и раньше, и о его несогласии с митрополитом Сергием там знали.

Так, известно адресованное епископу Виктору письмо одного из самых непримиримых московских священников по отношению к декларации митрополита Сергия, протоиерея Валентина Свенцицкого (письмо без даты, вероятно, начала осени 1927 года)²⁶²:

²⁵⁹ Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.

²⁶⁰ Один экземпляр отправлен за границу, был у митрополита Евлогия (Георгиевского), в 1940 году передан им в Русский зарубежный исторический архив в Праге (теперь хранится в ГА РФ). Сборник «Дело митрополита Сергия» находится в фонде митрополита Евлогия (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1). Второй экземпляр «был изъят при аресте и найден в одном из следственных дел членов церковной общины, не поминавшей митрополита Сергия (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18691). Он — точное повторение первого, как машинописная закладка одной и той же перепечатки.

²⁶¹ Иоанн (Сычев), митр. Указ. соч. С. 315–319. Архив М. М. № 54. Первое письмо епископа Виктора у него датировано 12 декабря.

²⁶² Свенцицкий Валентин Павлович, родился в 1881. Учился в Московском университете (историко-филологический факультет). 9 сентября 1917 — рукоположен во иерея, служил священником при штабе 1-й армии, с 1918 — проповедник в Добровольческой армии. С осени 1920 — в храме Воздвижения Креста Господня в Москве. В 1922 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки. В конце 1924 — освобожден, служил в храме сщмч. Панкратия на Сретенке, с 1926 — настоятель храма Никола Большой Крест. 19 мая 1928 — арестован, 13 июля выслан на 3 года в Сибирь. 20 октября 1931 — скончался в ссылке.

«Дорогой Владыка! Как рад, что наконец имею возможность ответить Вам, я так хотел ответить и на первое письмо, но по почте нашел неудобным.

Я подписываюсь решительно под каждым словом присланных "мыслей" и дополнений к ним²⁶³. Не замечательно ли, что в разных местах России (я имею сведения из других мест) люди церковные приходят к одному и тому же мнению о воззвании "Синода". Ясно, что это уже не мысли отдельных людей, а церковное сознание».

В ответ на вопрос епископа Виктора, как отнеслась к воззванию (декларации митрополита Сергия) Москва, отец Валентин пишет:

«Да так же, как и в былые годы к обновленчеству: все искренние люди возмущены, наилуче верующий народ, предатели же делают вид, что искренно согласны. Но, разумеется, ни один человек в душе из "соглашающихся" не считает себя правым».

Как раз в это время отец Валентин встретился с пребывавшим в Москве архиепископом Вятским Павлом:

«Он был у меня (до воззвания); и я был у него (после воззвания), сказал ему все, что думал... Больше он у меня не бывал. Стоило, говорю ему, столько страдать, тюрьма, ссылка, изгнание, чтобы потом подписать себе моральный смертельный приговор... А он говорит: другого выхода не было. Спрашиваю его: да разве ложь и предательство выход? Молчит. Как, говорю, у Вас поднялась рука подписать благодарность "всенародную" после разорения Сарова, Дивеева и проч<его>. А вот, говорит, первые христиане молились же за Нерона? Да, молились! Но они никогда не благодарили его за костры

²⁶³ Речь идет о записках епископа Виктора «Мысли православного христианина по поводу послания митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года» и «Дополнение к мыслям...».

и проч<ее>, и никогда пастыри не предлагали верующим радоваться его радостями и печаловаться его печальми. Воззвание Сергия страшный грех — ибо оно все от первого до последнего слова ложь. Оно страшная ошибка — ибо самый принцип легализации на таких началах есть самоубийство Церкви, и оно величайшее несчастье, ибо в будущем несет только испытание и ужасающие потрясения»²⁶¹.

В декабре 1927 года протоиерей Валентин направил к епископу Виктору своего духовного сына Владимира Амбарцумова²⁶⁵ для рукоположения в священный сан. 4 декабря в Преображенском соборе Глазова владыка Виктор рукоположил Владимира во диакона, а 11 декабря — в священника. Так что, очевидно, связь с владыкой поддерживалась постоянно, и, несомненно, его декабрьские письма были адресованы в Москве именно протоиерею Валентину Свенцицкому.

Во втором своем письме епископ Виктор прямо призывает московских пастырей к решительным действиям: «Необходимо, чтобы Москва начала действовать, а не пассивно только переносить их надругательства над Православной Церковью, тогда и другие епархии ободрятся, а то наша Вотская епархия для других не авторитетна, кто привык утверждаться не

²⁶¹ Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 206.

²⁶⁵ Амбарцумов Владимир Амбарцумович, родился в 1892 в Бакинской губ. в лютеранской семье. Учился в Берлинском университете. В 1926 — принял православие. В декабре 1927 — рукоположен во диакона, затем во иерея епископом Виктором в Глазове. Служил в Москве в храме св. князя Владимира, с 1930 — в Никольской церкви, в 1932 — ушел за штат. 5 апреля 1932 — арестован, 7 июля освобожден. Работал научным сотрудником. 9 сентября 1937 — арестован, 3 ноября приговорен к ВМН и 9 ноября расстрелян.

на самой истине, а на авторитете. Е~~пископ~~ В~~иктор~~»²⁶⁶.

Москва вскоре "начала действовать", хотя совсем не так, как хотелось бы епископу Виктору. Кроме протоиерея Валентина и его храма Никола Большой Крест на Ильинке, еще только два храма с их причтами прервали каноническое общение с митрополитом Сергием. Большая часть духовенства, хоть и скрепя сердце, все же подчинялась, а некоторые из неподчинявшихся и даже непоминающих не прерывали с ним полностью общение. Настоящий же центр противодействия политике митрополита Сергия образовался в Петроградской епархии, после того как 13/26 декабря 1927 года два архиерея, Гдовский Димитрий (Любимов) и Нарвский Сергий (Дружинин), официально объявили о своем отходе от митрополита Сергия. Причем события там разыгались почти одновременно с событиями в Глазове и Вятке.

Движение протesta против политики митрополита Сергия нарастало в Петроградской епархии постепенно с осени 1927 года: проходили собрания, на них горячо обсуждались церковные события, составлялись документы, обращенные к митрополиту Сергию, в начале декабря в Москву к митрополиту была направлена специальная делегация во главе с епископом Димитрием²⁶⁷. К петроградским архиереям, прервавшим общение с митрополитом Сергием, стали обращаться клирики и миряне из других епархий, в том числе и московские. Протоиерей Валентин Свенцицкий при своем отделении от митрополита Сергия указывал, что действует по благословению епископа Гдовского

²⁶⁶ Дело митрополита Сергия // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об. — 127.

²⁶⁷ Подробно об этом см. во второй книге серии: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонеж, 2008.

Димитрия (Любимова). Так же поступало и серпуховское духовенство, в дальнейшем московское и подмосковное.

Вскоре к петроградским архиереям стали обращаться из других епархий, не только священники, но и архиереи. Недаром чекисты, пристально следившие за развитием антисергианской оппозиции, сразу же отметили образование ее центра, который в материалах следственных дел стали называть как «всесоюзный центр контрреволюционной организации церковников, руководящий всей практической к^{<онтр>}р^{<е-}волюционной» деятельностью филиалов организации, раскиданной по всей территории Союза ССР»²⁶⁸. Образование центра антисергианской оппозиции именно здесь вполне объяснимо. Прервавшие общение с митрополитом Сергием петроградские викарии, Гдовский и Нарвский, действовали не просто от своего имени малоизвестных викариев, а по благословению епархиального митрополита Иосифа (Петровых), авторитет которого лишь по самому титулу — Петроградский — уже был на недосягаемой высоте²⁶⁹. Недаром все движение стали называть иосифлянским, и его участники, воодушевленные поддержкой митрополита, в первое время надеялись увлечь если и не большинство, то значительную часть духовенства и православного народа в Российской Церкви.

Епископ Виктор активно поддерживал постоянные связи с петроградскими иосифлянами, и его письма и

²⁶⁸ Архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Д. П-83017. Т. 5. Л. 6–7. В материалах первых следственных дел организация именовалась: «контрреволюционная монархическая организация церковников, "иосифлян"», с 1930 года — «Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников Истинно-православная церковь».

²⁶⁹ В синодальный период петербургские митрополиты, будучи первенствующими среди архиереев, фактически являли собой первоиерархов Православной Церкви в России.

документы стали там широко распространяться, причем их не только переписывали и перепечатывали на пишущих машинках, но и размножали на копировальной технике. Так, во время первых массовых арестов петроградских иосифлян в конце 1929 года при обысках были изъяты среди других антисергианских документов машинописные и "стеклографические" копии писем владыки Виктора. На стеклографе их размножал бывший подполковник российской императорской армии Константин Петрович Коверский, работавший в Военно-технической академии. Изъятые у него и других арестованных копии писем владыки Виктора были приобщены к материалам следственного дела в специальной тетради²⁷⁰ под грифом "*Протесты епископов*". К иосифлянам они могли попасть разными путями.

Например, слушатель богословских курсов в Петрограде Сергей Левицкий во время следствия подтвердил, что "*воззвания*" епископа Виктора были переданы через него, так как он знал владыку по Ижевской епархии, где в 1918 году был певчим, а затем служил псаломщиком в селе Большой Кияк под Ижевском. С 1926 года по рекомендации епископа Ижевского Стефана (Беха) Сергей Левицкий поступил на богословские курсы в Ленинграде. А во время каникул, вероятно, в конце лета 1927 года, виделся с епископом Виктором в Глазове *«перед отъездом на второй год <учебы>»*, и, по словам Сергея, владыка помог ему деньгами. Будучи в Ленинграде, Левицкий продолжал вести переписку с владыкой Виктором, извещал его о происходящих событиях в городе и, *«когда образовалась новая церковная организация «истинно-православных», ему сообщил с указанием, кто в эту организацию вошел, указав на еп<ископа>*

²⁷⁰ Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. С. 152, 177, 400–413.

Димитрия Любимова, <протоиереев> Верюжского, Никитина, Добронравова и др<угих>».

Сам Сергей Левицкий тоже присоединился к владыке Димитрию и вместе с другими студентами²⁷¹ оставил богословские курсы, поскольку руководство курсами оставалось в общении с митрополитом Сергием²⁷². В своих показаниях на допросе он подтвердил, что в начале 1928 года получил через неизвестную женщину письмо и пакет с воззваниями от епископа Виктора.

«Полученное от еп<ископа> Виктора я показал священнику Филофею Полякову. В это время я уже сам примкнул к этой организации. Поляков, посмотрев эти бумаги Виктора, сказал, что это надо кое-кому показать. Через некоторое время мы пошли на Кр<естовский> Остров в церковь, где настоятелем был Добронравов, и тут решили эти бумаги Виктора размножить на пишущей машинке. Зайдя через некоторое время, я получил от псаломщика этой церкви Бориса отпечатанные бумаги еп<ископа> Виктора, тут же у меня несколько штук разобрали, остальные впоследствии разошлись по рукам разных лиц»²⁷³.

Письма и послания епископа Виктора могли попасть в Петроград также непосредственно через М. А. Новоселова, «одного из идеологов иосифлянства», по выражению чекистов, в то время часто бы-

²⁷¹ Среди них были иподиакон Сергей Аплонов и иерей Михаил Рождественский.

²⁷² Примечательно свидетельство Сергея Левицкого о епископе Стефане (Бехе), которого он считал стойким в православии: «К нему я обращался за разъяснением по поводу разделения Церкви, но он мне ничего определенного сказать не мог» (Архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Д. П-83017. Т. 2. Л. 335).

²⁷³ Архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Д. П-83017. Т. 2. Л. 340 об.

вавшего в Петрограде, принимавшего самое активное участие в совещаниях духовенства и прилагавшего все усилия для объединения антисергианской оппозиции. Михаил Александрович собирал документы, организовывал их перепечатку и распространение. Так, например, в письме Лосевым в Москву от 3 марта 1928 года он писал: «Шлю вам три гостинца: 1) Выдержку из письма м^читрополита Кир^иilla. 2) Письмание еп^чископа Виктора. 3) Письмо (за исключением одного абзаца об Агафонгеле)»²⁷⁴.

К сожалению, мало что известно о взаимоотношениях и связях М. А. Новоселова и других деятелей иосифлянства с епископом Виктором. Единственное, что можно с уверенностью сказать, так это то, что о нем и его позиции хорошо знали, его послания и письма читали²⁷⁵, и многих они укрепляли на исповедническом пути.

Но, конечно же, самое большое влияние оказали послания епископа Виктора на Вятскую и Вотскую (Ижевскую) епархии, которые находились под его не-

²⁷⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 4. Л. 94 // Косик О. В. Сборник «Дело митрополита Сергия» и участие в нем мученика Михаила (Новоселова). С. 81.

²⁷⁵ 17 марта 1928 года в секретном донесении из Ленинграда в Москву о состоянии оппозиционного движения среди прочего сообщалось: «5. Размножались и распространялись среди верующих и духовенства различные документы, направленные против митрополита Сергия <...> 6) "копии переписки с митрополитом Сергием и другими епископами — епископа Глазовского Виктора (Вотской области)" <...> Кроме этого по имеющимся сведениям ходил по рукам среди оппозиционных церковников и мирян документ, содержащий "Ответы епископа Глазовского Виктора на 15 вопросов ГПУ" (этого документа пока у нас не имеется)». (Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Издво ПСТГИ, 2002. С. 374–375).

посредственным управлением, а также и на соседнюю Пермскую. Здесь с конца 1927 года начался массовый отход от митрополита Сергия и присоединение к епископу Виктору.

7. Начало викторианского движения

За епископом Виктором последовало столько священнослужителей и монашествующих, что по своим размахам это "викторианское" течение превзошло даже иосифлянское Петроградской епархии и стало одним из самых массовых в общем антисергианском движении. «Всего, по подсчетам краеведа С. А. Шихова, на 1 октября 1928 г^{ода} в Вятской губернии было церквей: сергианских — около 300, обновленческих — около 40, викторианских — около 150, или 38,5% от общего количества православных храмов»²⁷⁶.

К владыке Виктору присоединялись целые благочиния с десятками приходов. Самый характерный пример — первое благочиние Котельнического уезда, где благочинный священник села Ильинское Иоанн Попов, получив в конце 1927 года письмо от епископа

²⁷⁶ Странник. История Вятской епархии. 20–30-е годы XX столетия: Рукопись. Киров, 2005. С. 34–36, 48–51; ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 76. «Вместе с тем автор делает оговорку на возможность неполноты приведенных данных. Следует отметить, что определение сергианских приходов в количестве 300 встречается в документах вятского епархиального совета еще в апреле 1928 г^{ода}, при этом имеют место сведения о запоздании с мест отчетов о принадлежности приходов. В вятской прессе за октябрь 1928 г^{ода} приведены сведения, что епископа Виктора в Вятской губернии поддерживало 150 из 554 (340 — сергианских, 64 — обновленческих), или 27,07% всех приходов» (Поляков А. Г. Указ. соч. С. 154–155).

Виктора, объехал храмы своего благочиния и выступил на собраниях причта и приходских советов. Как позднее он показал на допросе:

«Когда митр^{<ополит>} Сергий выпустил свою декларацию, то от епископа Виктора я получил письмо, в котором он указывал, что митр^{<ополита>} Сергия, как руководителя церковного, признавать не надо, т^{<ак>} к^{<ак>} он своей декларацией призывал духовенство радоваться успехам Советской власти — с чем я согласиться не мог. Ввиду чего епископ Виктор, как наш единомышленник, и был избран духовенством — руководителем. Получив письмо епископа Виктора, я, взяв с собой еще послания Соловецких епископов, — пошел по приходам моего благочиния с разъяснением сущности декларации митр^{<ополита>} Сергия и письма епископа Виктора. В результате чего все благочиние 1-го Котельнического благочиннического округа пошло за епископом Виктором»²⁷⁷.

Об этом же говорили на допросах и другие священники, например священник Василий Овчинников:

«В 1927 году благочинный Иван Попов, обезжая все приходы своего благочиния, приехал в наше село Екатерининское, собрав причт церкви, стал читать привезенное им в голенище сапога Воззвание епископа Виктора, ленинградских епископов и заключенного духовенства Соловецких лагерей. Прочитав их, Попов стал убеждать нас перейти на сторону Виктора и говорил: Митр^{<ополит>} Сергий продался Советской власти признанием ее и радостей, и горя — и призывал пойти за епископом Виктором, объяснив, что все села его благочиния уже примкнули к епископу Виктору».

У отца Иоанна Попова при обыске в 1932 году были изъяты машинописные копии писем епископа

²⁷⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 8. Л. 3.

Виктора: "Письмо ближним", "Из письма епископу А.", "Ответы на 15 вопросов ОГПУ"²⁷⁸.

Священник села Гостево Петр Тепляшин после беседы благочинного сам поехал в Глазов к епископу Виктору в декабре 1927 года. На обратном пути в Котельниче он сразу зашел в Троицкий собор. В то время там еще поминали одновременно и архиепископа Павла, и епископа Виктора. По свидетельству священника Николая Курбановского, у него и у настоятеля собора Петра Образцова²⁷⁹ было разное отношение к декларации митрополита Сергия, каждый из них оставался при своем мнении, и так, не споря, они продолжали служить. Когда священник Петр Тепляшин рассказал им о своей поездке к епископу Виктору и, ссылаясь на каноны, призвал идти за епископом Виктором, то настоятель собора Петр Образцов решил действовать. По свидетельству Николая Курбановского, в двадцатых числах января 1928 года отец Петр объявил, что телеграфировал епископу Виктору о присоединении. Тогда же собрали приходской совет, также высказавшийся о признании владыки Виктора, после чего поминали только его имя²⁸⁰.

²⁷⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 4. Вл. 6–9.

²⁷⁹ Образцов Петр Александрович, родился в 1888 на погосте Митюково Кадниковского уезда Вологодской губ. Окончил Казанскую духовную академию. Настоятель Троицкого собора Котельнича. Летом 1931 — арестован, 10 июня приговорен к 5 годам ИТЛ.

²⁸⁰ Примечательны показания диакона Троицкого собора о том, что он неоднократно просил отцов Петра Образцова и Николая Курбановского прекратить поминование Виктора, а поминать епископа Котельнического Евгения, но те отказались, ссылаясь на решение приходского совета. Он, кстати, показал еще: «Однажды священник Курбановский пришел ко мне на квартиру и, увидя портреты Сталина, Ворошилова, сердито мне сказал: "Убери ты их, пожалуйста, я не могу их терпеть"». (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 65; 81).

Значительное число приходов (хотя и не все) перешло к епископу Виктору вместе с благочинным третьего округа Петром Галицким²⁸¹, возглавлявшим приходы в Шабалинском районе. Также перешла часть приходов Советского района, где благочинным был священник Николай Мышкин²⁸², он ранее состоял в переписке с епископом Виктором (к материалам следственного дела приобщено письмо владыки от 31 марта 1927 года, в котором он писал о награждении отца Николая палицей, заверив его своей подписью и печатью).

Поддержал владыку и архимандрит Варсонофий (Никитин)²⁸³, бывший настоятель Мироносицкого монастыря, один из опытнейших в духовной жизни пастырей. С 1927 года он служил в храме села Летяги Арбажского района, куда его направил владыка Виктор. В начале 1928 года в село приехал благочинный 2-го округа Иоанн Мамаев, собрал церковный совет,

²⁸¹ Галицкий Петр Степанович, родился в 1865 в селе Иж Яранского уезда Вятской губ. Священник, служил в церкви села Архангельское Шабалинского района. В 1932 — арестован, 19 августа приговорен к высылке на 3 года и отправлен в Казахстан.

²⁸² Мышкин Николай Михайлович, родился в 1870 в селе Советское Нижегородской губ. Окончил Яранское духовное училище. Священник, благочинный. В 1930 — за неуплату самообложения приговорен к штрафу. В 1932 — арестован как «руководитель церковно-монархической «онтрреволюционной» организации ИПЦ». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

²⁸³ Никитин Иван Прокопьевич, родился в 1878 в селе Кузнецово Царевококшайского уезда. С 1906 — в Мироносицкой пустыни, с 1919 — настоятель, с 1921 — архимандрит. В 1924 — арестован, через год освобожден из тюрьмы. В 1925–1926 — в Раифской пустыни, с 1927 — служил в церквях Вятской епархии. 26 марта 1932 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки. С 1935 — странствовал, тайно служил по деревням. В ноябре 1941 — арестован, 22 марта 1944 — скончался в тюрьме Яранска.

зачитал текст декларации и ответ на нее епископа Виктора, после обсуждения было принято решение примкнуть к владыке²⁸⁴.

Благочинный 1-го Халтуринского округа священник Иоанн Рудин убедил перейти к епископу Виктору большую часть своего духовенства. Сохранилось письмо епископа Виктора церковному совету села Коршика Халтуринского уезда:

«В ответ на присланное письмо ваше посылаю вам свое письмо, которое поможет вам осознать пагубность лести новых отступников. Из письма вы увидите и ошибочность вашего мнения о нарушении канонов исповедниками православной веры.

Помнится мне, вы неосторожно самовольно приняли к себе без благословения епископа на должность священника К. Андреева. Трудно вам теперь смириться и исправить свою ошибку, а без смиренния как вы воспримете благодать Божию, просвещающую человека. Хотя молитвенно желаю вам спасения.

Относительно обвинения меня вами и разных недоразумений, изложенных в письме вашем, я мог бы разъяснить вам все устно, если кто-либо из вас приедет ко мне.

Мир вам от Господа. Любящий всех вас любовью во Христе Епископ Виктор. 8. III. 1928 г <ода>²⁸⁵.

Известно, что в целом в Халтуринском уезде почти половина церквей присоединилась к епископу Виктору. В других уездах их число было значительно меньше. Так, например, в бывшем Уржумском оставалось десять сергианских церквей, одна обновленческая и четыре — викторовских, в самом Уржуме из

²⁸⁴ Об архимандрите Варсонофии и священнике Иоанне Мамаеве подробные материалы опубликованы в книге нашей серии: Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии. М.: Братонеж, 2016.

²⁸⁵ ГА РО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 61. Л. 67–67 об.

четырех церквей — две сергианских, одна обновленческая и одна викторовская.

В Слободском уезде преобладали сергианские храмы, а викторовских было только три, в самом городе Слободском — два из пяти храмов были викторовские. Но при этом большая часть бывших населниц Слободского Христорождественского монастыря во главе с монахиней Макарией (Мухлыниной) поддержали перешедших к епископу Виктору клириков Никольской церкви²⁸⁶.

В некоторых местах инициатива присоединения к епископу Виктору исходила от активных мирян, членов приходских советов. Например, в селе Екатерининском Котельнического района на собрании в конце 1927 года, когда благочинный Попов прочитал «воззвание Виктора, ленинградских епископов, соловецких узников, причт согласия не дал», но в январе 1928 года, как утверждало следствие, «его заставили кулаки-лишенцы», в том числе председатель приходского совета Григорий Кордаков²⁸⁷.

Для многих решающим была личная встреча с епископом Виктором. К владыке в Глазов приезжали из самых разных мест. Так, к примеру, священник Павел Александрович Петропавловский, переехавший в 1927 году из Уржума в село Вишкиль Котель-

²⁸⁶ «В г_{ороде} Слободском руководящим и организующим центром викторианства стала Никольская церковь во главе с настоятелем протоиереем Николаем Крекиным, диаконом Николаем Мякишевым, священником Николаем Мышкиным. Правой рукой настоятеля храма была мать Макария. В 1928 г_{оду} она собрала всех сестер и объявила, что все они "приписываются" к Никольской церкви, так как в других церквях, где поминают антихристов-большевиков, нет благодати". Большинство ее поддержали, отказавшись признать декларацию митрополита Сергия» (Слободской Христорождественский женский монастырь: сборник очерков / Сост. Е. Н. Чудиновских. Киров, 2011. С. 65).

²⁸⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 99.

нического уезда, свидетельствовал, что дважды бывал у епископа Виктора за назначением. Второй раз, когда приехал за получением камилавки, владыка Виктор ему сказал, что отходит от митрополита Сергия. Позднее отец Павел получил от владыки возвзания и письма «*с призывом присоединиться к его ориентации*».

Иеромонах Платон Щербинин²⁸⁸, еще в 1921 году посвященный в священство епископом Виктором в Вятке, поехал в Глазов в 1927 году, когда, по его словам, «*пошел церковный разлад*», и владыка «*благословил его служить по-старому*»²⁸⁹. Священник Владимир Попов²⁹⁰ из села Мари-Сола Сернурского кантона также лично ездил к епископу Виктору и получил от него ряд документов. И таких примеров огромное множество: в материалах целого ряда следственных дел конца 1920-х — начала 1930-х годов постоянно встречаются упоминания о поездках к владыке в Глазов священников, монахов и ревнителей православия из мирян.

Приезжала к епископу Виктору и из Пермской области монахиня Усть-Клюкинского монастыря²⁹¹

²⁸⁸ Щербинин Платон Никандрович, родился в 1867 в Котельничском уезде Вятской губ. Священник, служил в церкви села Чахловка Шабалинского района. В 1932 — арестован, 14 августа приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

²⁸⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 243.

²⁹⁰ Попов Владимир Иванович, родился в 1879 в селе Кумена Вятской губ. В 1899 — окончил духовную семинарию, до 1914 — служил диаконом в церкви села Малый Кумит, затем священником в церкви села Шлыки, с 1917 — села Мари-Сола Сернурского района. 6 октября 1929 — арестован как «руководитель к.р. группы духовенства и верующих, примкнувших к "викторовцам"». 13 января 1930 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Архангельск. В 1933 — освобожден, странствовал. Летом 1937 — арестован, 6 августа приговорен к ВМН и 19 августа расстрелян.

²⁹¹ Монастырь был открыт в 1917 году, когда туда перевели монахинь из переполненных монастырей Грановского и Томаровского в Сивинском районе.

Феофания (в миру Ольга Сметанина). После этого она объехала приходы своего района, как позднее будет отмечено в документах следствия: «с целью склонить на свою сторону и духовенство». Ее признают «основательницей "викторианства" в Сивинском районе». И о ней, и об игумении монастыря Митрофании как о «ярых сторонницах епископа Виктора» особо будет подчеркнуто в следственном деле 1929 года, что они «поддерживали постоянную связь с епископом Виктором» и «вербовали его сторонников» и что под их влиянием отделились от сергиевского епископа Павлина и присоединились к епископу Виктору несколько приходов в Сивинском районе Пермского округа.

Священник Филипп Сычев²⁹², служивший во Власьевской церкви, при которой существовал Усть-Клюкинский монастырь, подтвердил на допросе, что по религиозным убеждениям принадлежит к сторонникам епископа Глазовского Виктора, и не отрицал, что у него имелись «стихи антисоветского содержания», которые привезли монахини «откуда-то из Глазова»²⁹³. В его показаниях приводятся лишь три четверостишия одного стихотворения. Более полный текст под заглавием "Поповское заблуждение" находится в материалах следственного дела игумении Февронии и вятского духовенства. Примечательно, что в обвинительном заключении по этому делу в списке антисоветских деяний сторонников епископа Виктора упоминается «распространение стихотворения-паск-

²⁹² Сычев Филипп Александрович, родился в 1892 в селе Мурзицы Симбирской губ. С 1920 — священник, служил в церкви села Екатерининское. В ноябре 1929 — арестован, 30 января 1930 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. После войны совершил тайные богослужения в Ижевске. 16 марта 1978 — скончался.

²⁹³ Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области. Ф. 641/1. Д. 8893. Л. 67 об.

вия, направленного против компартии и Сов^етской власти»:

«Все попы наши сдурели,
Стали Бога забывать.
На молитвах захотели
Коммунистов поминать.

Всем безбожникам в угоду
Стали правду попирать
И в молитвах Христу Богу
Стали так они взывать:

Спаси Боже власть Советов
И правителей ея.
На враги дай им победу,
Будь заступник ей всегда.

Диктатуру коммунизма
В стране нашей утверди
И ученьем ленинизма
Все народы просвети.

Кулаков, капиталистов
Повсеместно упраздни,
Всех партийцев-коммунистов
От скорбей и бед спаси.

Батьки с нежностью припали
Под советскую звезду,
Но их власти осмеяли,
Не приняли в ГПУ.

Попы правду потеряли
На свой вечный стыд и срам,
Церковь божию предали
На посмешие бесам.

Все на Виктора восстали,
Что им правду он сказал,
И с амвона возглашали,
Что епископ Виктор пал...»²⁹⁴

²⁹⁴ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 2. Л. 10.

8. Благочиние 5-го Яранского округа и «викторо-нектарьевская организация церковников»

Особого внимания заслуживает Яранский уезд, где у епископа Виктора оказалось немало сторонников и где в дальнейшем антисергианскоe движение не ослабевало. Здесь благодаря деятельности благочинного пятого округа протоиерея Иоанна Фокина, настоятеля церкви в селе Падерино Кикнурского района, около тридцати приходов его благочиния (Кикнурского, Санчурского, Шарангского и Яранского районов) перешли к епископу Виктору. Как показывал на допросе священник села Корляки Санчурского района Михаил Галицкий, в селе Падерино на собрании благочиния *«обсуждался вопрос — где найти истину; решали, куда идти — к митрополиту Сергию или к епископу Виктору»*. В результате к епископу Виктору в Глазов направили делегацию в составе благочинного отца Иоанна Фокина и двух представителей от приходов; от Корляковского прихода ездил Павел Петрович Бакшаев. После возвращения из Глазова отец Иоанн разослал по приходам письменное сообщение о присоединении к епископу Виктору. Настоятель церкви в Корляках, отец Николай Лютин, инициатор перехода к владыке Виктору, позволил Павлу Бакшаеву объявить с амвона о переходе, заявив: *«Виктор стоит на правильном пути»*²⁹⁵.

Протоиерей Фокин прослужил сорок лет священником, из них тридцать два — в Падеринском храме, и был одним из авторитетнейших иереев Вятской епархии; не случайно вскоре он оказался в числе пер-

²⁹⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-101466. Т. 1. Л. 2; 9.

вых из арестованных "викторовцев"²⁹⁶. В "Обвинительном заключении" по его делу указывалось, что «Фокин, будучи благочинным 5-го округа "староцерковного" и враждебно настроенным к советской власти, пользуясь своим авторитетом среди верующего населения, вел антисоветскую деятельность... на протяжении ряда лет держался консервативной косности и использовал свое влияние на верующее население, тормозил ряд не только чисто политических, но и культурных начинаний». Очевидно, все советские мероприятия встречали дружное противодействие населения, так что местные советские работники боялись, по их словам, «попа Фокина, так как вся верующая масса крепко стоит за попа, и было время, местные работники, враждебно настроенные к Фокину, подъедались населением и вынуждены были уезжать из села Падерино»²⁹⁷.

Отец Иоанн был приговорен к ссылке в Северный край. О его дальнейшей судьбе точно неизвестно²⁹⁸, кроме того что в 1931 году он пребывал в Усть-Цильме и встретил там привезенного в ссылку из Соловецкого лагеря епископа Виктора и оказал владыке неоценимую помощь.

Благодаря отцу Иоанну Фокину присоединился к епископу Виктору священник села Макманур Оршанского кантона Лукиан Васенев²⁹⁹. Как отмечалось в

²⁹⁶ Фокин Иван Иванович, родился в 1867 в селе Корляки Санчурского уезда. Окончил Вятскую духовную семинарию, затем два курса медицинского факультета в Москве. В 1889 — рукоположен во священника, с 1897 — служил в храме села Падерино. 15 октября 1929 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

²⁹⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-4947. Л. 21; 7.

²⁹⁸ Есть сведения о том, что в феврале 1934 года он скончался под Архангельском.

²⁹⁹ Васенев Лукиан Георгиевич, родился в 1900 в Оршанском уезде Нижегородской губернии. В 1924 — рукоположен во диа-

материалах следственного дела, именно через благочинного пятого округа Фокина он получал «руководящий материал и указания», в том числе «директивы» и воззвание епископа Виктора. Церковь в Макмануре власти рассматривали как центр "викторовщины" в Оршанском кантоне, через которую отец Лукиан распространял влияние и на другие кантоны Марийской области:

«Так, например, одновременно с ним, но под его влиянием оформил свой переход в каноническое общество с Виктором священник села Елембаева Диомид АНДРИЕВСКИЙ³⁰⁰, каковой в пределах Ново-Торъяльского кантон^а на проделал аналогичную работу, сгруппировав вокруг себя членов церковного совета, и повлиял на перевод в "Викторовскую" ориентацию священника села Новый Торъял АНДРОНИКОВА, который также развернул свою антисоветскую деятельность».

Отец Диомид подтвердил на допросе, что знакомился с воззваниями епископа Виктора у Лукиана Васенева и что тот «подтолкнул его перейти в каноническое общество с епископом Виктором Глазовским

кона, служил в церкви Оршанска, в 1925 — рукоположен во священника, служил в селе Макманур. 22 сентября 1929 — арестован, приговорен к трем годам концлагеря. По освобождении проживал в Казани. В сентябре 1946 — арестован, отправлен в лагерь. В 1954 — вернулся в Казань. Тайно совершал богослужения, к нему постоянно приезжали его духовные дети. В начале 1960-х — скончался. Похоронен на Арском кладбище в Казани.

³⁰⁰ Андриевский Диомид Андреевич, родился в 1872 в дер. Шевнино Уржумского уезда Вятской губернии. Служил в церкви села Елембаево. В октябре 1929 — арестован, 13 января 1930 — приговорен к 6 месяцам тюрьмы. Привлечен к следствию как «руководитель к.-р. группы духовенства и верующих». 19 февраля приговорен к ВМН. 20 мая 1931 — приговор изменен на 5 лет ИТЛ с заменой высылкой на тот же срок, отправлен в Архангельск.

и Димитрием Гдовским. Однако, как ни странно, отец Диомид в своем послании к отцу Александру Ельчугину, изъятом при обыске, писал, что «принимал Лукиана от сергианства третьим чином по получении от вл^{адыки} Виктора возвзания».

Отец Лукиан в своих показаниях не выделял ничью руководящую роль, а сказал лишь, что в "викторианство" они перешли одновременно с Диомидом Андриевским в августе 1928 года. Он также показал, что возвзвание от епископа Виктора получил через одну гражданку, которую лично не знал. Она передала ему письмо владыки Виктора, так называемое "Обращение к верующим". С некоторыми другими документами — "Письмом к епископу Авраамию", "Письмом к м^{итрополиту} Сергию" — отец Лукиан знакомился у Диомида Андриевского.

Интересна цитата из одного "возвзания", приписываемого епископу Виктору, приведенная в "Обвинительном заключении" по данному делу:

«Преступление митрополита Сергия заключается не в одних лишь канонических правонарушениях в отношении церковного строя, но, как уже было не раз показано в различных обращениях к нему и в особенности в одном подробном ученом разборе всего дела митрополита Сергия, оно касается самого существа Церкви. Именно в своей декларации митрополит Сергий как бы исповедал, а в делах осуществляет беззаконное слияние Божьего и Кесарева, или лучше Христова с антихристовым, что является догматическим грехом против Церкви и определяется как грех apostasии, т^ео e^{сть} отступничества от нея»³⁰¹.

На самом деле эти слова не из послания епископа Виктора, а из работы М. А. Новоселова "Ответ востя-

³⁰¹ Следственное дело по обвинению группы церковников-священников: Андриевского и др. Л. 124.

зующим", которая также имела широкое хождение в кругах антисергианской оппозиции. Но по сути они полностью согласуются со словами из посланий владыки Виктора и особенно его послания пастырям от 28 февраля 1928 года, о котором подробнее будет сказано в следующей главе. Это "воззвание" расценивалось властями как политическая платформа контрреволюционной организации и потому приводилось в материалах многих следственных дел по Марийской области. "Обвинительные заключения" по этим делам начинались совершенно одинаково:

«В Марийскую область с начала 1928 года начинает проникать церковное течение, именуемое "Викторовщина", возглавляемое епископами Виктором Глазовским, Димитрием Гдовским и др<угими>.

Основным принципом этого течения по отношению к Сов<етской> власти было положено: "Лояльность к Сов<етской> власти есть измена православию". Таким образом, "Викторовцы", не признавая существующую власть, представляли из себя контрреволюционную монархическую организацию, каковая под видом религии объявила борьбу против Сов<етской> власти.

Свой отход от местоблюстителя патриаршего престола — митрополита Сергея "Викторовцы" объясняют нарушением законов умершего патриарха Тихона в части взаимоотношений церкви с Сов<етским> правительством и что "отход от митрополита Сергея есть выражение верности митрополиту Петру — первому епископу".

Поэтому, считая Сергея отступником и преступником по отношению к "истинному православию", "Викторовцы" обосновывают свой отход не только канонически, но и политически. Выпущенное Воззвание Виктора гласит».

Далее следовала вышеприведенная цитата из "воззвания" епископа Виктора, после чего делался следующий вывод:

«Таким образом, не примиряясь с существующим строем, "Викторовцы", Вербую себе сторонников из духовенства и актива верующих, ставили своею целью ведение Вредительской работы, срыв проводимых кампаний и мероприятий Сов~~етской~~ власти, подрыв колхозного строительства»³⁰².

"Викторовцы" в Марийской области, как правило, были связаны с благочинными и духовенством пятого благочинного округа. Следует сказать, что здесь с декабря 1928 года архиастырское руководство викторовскими приходами осуществлял епископ Нектарий (Трезвинский), с которым епископ Виктор встретился в Соловецком концлагере летом 1928 года. К тому времени епископ Нектарий уже прервал общение с митрополитом Сергием и присоединился к петроградским иосифлянам. В ноябре 1928 срок заключения у владыки Нектария заканчивался, и по совету епископа Виктора он поехал в Казань, надеясь там найти единомышленное духовенство, а также установить связи с яранскими и другими вятскими приходами и общинами. По приезде в Казань епископ Нектарий написал письмо протоиерею Иоанну Фокину, тот не замедлил приехать и в дальнейшем постоянно поддерживал связь с епископом через нарочных.

На допросе в 1931 году епископ Нектарий показал:

«Приверженных мне было до 50 приходов, в том числе в Яранском, Санчурском, Кикнурском, Шарангском, Советском районах и в Марийской обл~~ести~~. С каждым из этих районов я связался по приезде в Козью Слободу через благочинного 5-го Яранского округа Фокина Иоанна, проживавшего в то время в с~~еле~~

³⁰² Следственное дело по обвинению священников Попова В. И., Каллистова П. Н. и других. Л. 58.

Падерино Кикнурского района Нижегородского края, находящегося теперь в ссылке»³⁰³.

После ареста отца Иоанна Фокина в октябре 1929 года благочинным был назначен священник Василий Попцов³⁰⁴, настоятель церкви в селе Люмпанур Санчурского района, а после его ареста — священник Иоанн Никонов³⁰⁵.

В августе 1930 года епископа Нектария арестовали и после длительного следствия в январе 1932 года приговорили к 10 годам концлагеря. С епископом Виктором он уже больше не встретился, была ли у них какая-то переписка — неизвестно³⁰⁶. В дальнейшем в материалах следственных дел имена обоих ахиереев будут непременно соседствовать, а в некоторых

³⁰³ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 569.

³⁰⁴ Попцов Василий Васильевич, родился в 1887 в Тетюши Вятской губ. В 1909 — окончил Вятскую духовную семинарию, служил священником в селе Люмпанур Санчурского уезда. В 1922 — арестован «в связи с изъятием церковных ценностей», приговорен к 2 годам концлагеря, через шесть месяцев освобожден. 24 июня 1931 — арестован как «участник контрреволюционной организации церковников "ИПЦ"». 14 декабря 1931 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1934 — после освобождения вернулся в село Люмпанур. 26 сентября 1938 — арестован, 8 декабря 1938 — скончался в тюрьме.

³⁰⁵ Никонов Иван Владимирович, родился в 1872 в селе Великоречье Яранского уезда Вятской губ. Окончил Вятскую духовную семинарию, служил в Вятской губ. В 1921 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ условно. Продолжил служение в Вятской области. В 1932 — арестован в селе Шапта Кикнурского района как «руководитель деятельностью церковно-монархической организации ИПЦ, вел активную контрреволюционную работу, преследуя конечной целью подготовку условий для свержения Советской власти». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

³⁰⁶ В сентябре 1937 — он будет расстрелян в Прорвинском лагере.

даже будет употреблен термин «викторо-нектарьевская организация». Причем с 1931 года ей придаут «всесоюзный характер» как «"филиалу" Всесоюзной контрреволюционной организации "Истинно-Православная Церковь"», объединив в одно целое с иосифлянами и другими антисергианскими течениями.

Вот, к примеру, начало "Обвинительного заключения" одного из дел "ИПЦ" по Марийской области — "Дело Тумбасова, Винокурова и др<угих> 1931 года":

«В течение 1931 года на территории Нижегородского края П<полномочным> П<редставительством> ОГПУ был вскрыт и ликвидирован ряд филиалов Все-союзной к<онтр>r<еволюционной> организации "Истинно-Православной Церкви", руководимых епископом Глазовским Виктором, б<ывшим> Яранским епископом Нектарием, а также Ленинградским епископом Димитрием Гдовским.

В феврале 1931 года на территории Марийской Автономной Области была ликвидирована контрреволюционная организация церковников, являвшаяся также филиалом "Истинно-Православной Церкви".

Организация распространяла свою контрреволюционную деятельность на Оршанский, Ново-Торъяльский, Сернурский, Мари-Туренский кантоны и гор<од> Козьмодемьянск Марийской Автономной Области».

А в одном из крупнейших дел Нижегородского края³⁰⁷ 1932 года, по которому проходило 95 обвиняемых (из них более половины священников, в том числе пять благочинных и монашествующих, после-

³⁰⁷ Нижегородский край был образован в 1929 году. В его состав входили территории Нижегородской и Вятской областей, Чувашской автономной республики, Марийской и Уdmуртской автономных областей. В 1932 году Нижний Новгород был переименован в город Горький. В 1934 году из Горьковского края выделили Кировскую область и Уdmуртскую АССР, в 1936 году — Марийскую и Чувашскую АССР.

довавших за епископом Виктором на рубеже 1927–1928 годов), история возникновения этой организации преподносилась следующим образом:

«Возникновение к^{<онтр>}р^{<еволюционной>} организации относится к 1927 г^{<оду>}, когда изданная митрополитом Сергием декларация об отношении его к Соб^{<етской>} власти встретила среди отдельных групп реакционно настроенного духовенства враждебное отношение, которое сразу же заняло непримиримую позицию в этом вопросе. Наиболее резкую позицию в Нижегородском крае занял тогда бывший епископ Виктор Глазовский (Остроградов), который выпустил свое декларативное воззвание, призывающее к непризнанию митрополита Сергия, которая борется с религией и церковью»³⁰⁸.

Этим воззванием епископ Виктор объединил вокруг себя все реакционно-монархические церковные элементы и под флагом борьбы за "истинное православие" повел широкую к^{<онтр>}р^{<еволюционную>} деятельность. После ликвидации первой к^{<онтр>}р^{<еволюционной>} группы, возглавляемой епископом Виктором, члены организации, ликвидированной нами сейчас, восстановив связи с членами политического-административного центра, в лице Ленинградских епископов Димитрия Гдовского и Сергея Нарвского, продолжали к^{<онтр>}р^{<еволюционную>} деятельность в духе установок еп^{<ископа>} Виктора, получая в то время указания от Димитрия Гдовского вплоть до 1929 года. После 1929 года руководство филиалами к^{<онтр>}р^{<еволюционной>} организации "ИПЦ" перешло к епископу Нектарию (Трезвинскому), возвратившемуся из ссылки, в которой Нектарий встретился с еп^{<ископом>} Виктором и от последнего получил указания. После изоляции Нектария руководство филиалами к^{<онтр>}р^{<еволюционной>} организации сосредоточилось в руках отдельных благочинных»³⁰⁹.

³⁰⁸ Так в документе — Прим. сост.

³⁰⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 8. Л. 2.

Отметим, что влияние епископа Нектария на викторианское движение было значительным. Его письма и послания широко распространялись среди верующих и приобрели такой же, а в некоторых местах даже больший авторитет, чем послания епископа Виктора³¹⁰. Оба святителя были одинаково ревностны в своем исповедании православной веры и защите церковной свободы. Епископ Нектарий в послании яранской пастве в 1929 году называл епископа Виктора «мой единомышленник по распознанию и осуждению сергиевского отступничества, по благодати Божией, просветившей наши мысленные очи». Однако, несмотря на духовное единомыслие этих архиереев-исповедников, при сопоставлении всех материалов, относящихся к ним, замечается некоторое различие в их позиции по отношению к советской власти (точнее, в формах выражения этого отношения), и на первый взгляд может даже показаться, что епископ Виктор слишком лоялен к советской власти.

9. «Ответы епископа Виктора на 15 вопросов ОГПУ»

18 января 1928 года епископ Виктор был вызван в Вятское отделение ОГПУ, где должен был письменно ответить на предложенные ему вопросы. Возвратившись из Вятки в Глазов, владыка записал свои ответы на вопросы (по памяти или черновику) и разослал своим единомышленникам. В дальнейшем копии этих

³¹⁰ Все известные на сегодняшний день материалы касательно святителя Нектария представлены в недавно изданной книге нашей серии «Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии. Жизнеописание и документы» (М.: Братонеж, 2016).

ответов получили широкое хождение в Вятской епархии и далеко за ее пределами. Не все вопросы удалось вспомнить, как отмечал владыка вначале, «ввиду их трудности, сложности и точности», но «смысл их можно уловить из данных ответов».

Первые вопросы касались отношения к декларации (воззванию) митрополита Сергия и его Синоду. Владыка отвечал с присущей ему прямотой, подробно и обстоятельно, порой даже слишком, особенно когда он излагал учение о Церкви, при этом он подчеркивал, что так верует и простой народ:

«Лично я вырос среди простого народа (сын дьячка) и всю свою жизнь провел среди простого народа — в монастырях; как народ верует, так верую и я, а именно: мы веруем, что спасаемся во Христе Иисусе Благодатию Божией; эта Благодать Божия присуща только Православной Церкви и преподается нам через Св. Таинства, а мы лишь служители этого благодатного спасения и <веруем>, что сама Церковь есть Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, а не внешняя какая-либо организация политическая. Как благодатный союз верующих Церковь может не иметь и не должна иметь никакой политической организации среди своих членов (католическая церковь учит иначе), которые как граждане имеют одну общую для всех политическую гражданскую организацию, по которой они находятся в зависимости от гражданской власти»³¹¹.

³¹¹ Здесь и далее цитаты из документа: «Ответы Преосвященного Виктора, епископа Ижевского и Вотского (он же Глазовский) на 15 вопросов ОГПУ по поводу “воззвания” митрополита Сергия от 29 июля 1927 года» в сборнике «Дело митрополита Сергия» (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 121–123). Курсивом выделены места из машинописной копии «Ответов» из следственного дела петроградских иосифлян (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 12–14 об.); жирным — из копии, изъятой у благочинного Иоанна Попова при аресте в феврале 1932 года (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 4. Вл. 6–6 об.).

Владыка Виктор утверждал, что его мало интересуют вопросы внешних условий жизни человека и что главное для него — спасение души, которое совершается в Православной Церкви: «Православная Церковь есть единственная Благодатная Церковь, в которой благодатию Божией и совершается наше спасение от этой жизни-погибели. Отпадение от Православия (обновленцы), извращение существа Православной Церкви (синодалы) лишает человека благодати спасения». По этой причине владыка Виктор и не принимал декларации митрополита Сергия и не признавал его Синод.

«Персональный состав Синода не имеет большого значения в деле его приемлемости. Неприемлема сама платформа <этого Синода>, ибо она видит в Церкви внешнюю политическую организацию, которую объединяет с гражданской организацией власти СССР, и сообразно с этим намечает соответствующую внешнюю политическую деятельность для Православной Церкви, и тем толкает Церковь на путь новых потрясений и неожиданностей, извращает вместе с этим САМОЕ СУЩЕСТВО ЦЕРКВИ».

Это очень важное заявление епископа Виктора, недаром в машинописной копии оно было напечатано большими буквами. Заблуждение митрополита Сергия, по мнению владыки Виктора, происходило из неправильного учения о Церкви. Так, и в ответе на первый же вопрос, чем объяснить появление воззвания (декларации) 29 июля 1927 года, владыка Виктор написал:

«С церковной — неправильным учением о Церкви и о деле спасения нашего во Христе Иисусе (принципиальное заблуждение митрополита Сергия), а с гражданской — желанием избавиться от того стеснительного и беспокойного положения, в котором находятся иерархи Православной Церкви».

Справедливо заметив, что обвинения в контрреволюции, которые возводит декларация на Православную Церковь, прежде всего относятся к самим подписавшим, «и они искренне раскаиваются за себя и за других и искренне обещают переменить свое настроение в отношении к власти СССР»³¹². Владыка Виктор далее в ответе на второй вопрос подробно излагает, в чем состоит заблуждение митрополита Сергия:

«"Воззвание" есть удаление от истины Спасения. Оно смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), или иначе как на основание царства Божия на земле, а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация. По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице митрополита Сергия и известного митрополита Антония (Храповицкого) еще в 1912 году, предупреждая, что они этим своим ЗАБЛУЖДЕНИЕМ ПОТРЯСУТ Церковь Православную. Это мною сказано было в статье "Новые богословы", напечатанной в старообрядческом журнале "Церковь" № 16 за 1912 год и подписанной псевдонимом "Странник". Они знали, кто это напечатал, и нерасположение их я долго на себе испытывал. В силу этого своего заблуждения они не могут МЫСЛИТЬ Церковь без внешней организации, а так как власть СССР как гражданская политическая организация в этих отношениях для них неприемлема (так как стесняла их внешнюю различную деятельность, умоляя внешнее их

³¹² На это обращал внимание в своем письме следователю Макарову и петроградский иосифлянин отец Николай Прозоров: «Я, никогда не занимавшийся политикой и давший обещание никогда не заниматься ею, — не могу пойти за Митрополитом» Сергием и потому еще, что он политик-проквокатор. Он в декларации выражает лояльность Советской Власти — говорите Вы — тов[арись] Макаров. Это в 1927 году-то? Значит, он и присяня с ним — до 1927 года действительно занимались контрреволюцией?» (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 200).

положение), то вполне возможно и их противодействие этой власти; а потом они раскаялись в этом, сознали свою ошибку, или, вернее, бесполезность ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ».

То же самое в отношении митрополита Сергия епископ Виктор излагал в письме епископу Авраамию (Дернову): «Или Вы думаете, что Сергий лучше Антонина? Его заблуждения о Церкви и о спасении в ней человека мне ясны были еще в 1912 году, когда я писал о нем в старообрядческом журнале, что придет время, и он потрясет Церковь. Так оно и вышло»³¹³. Уподобляя митрополита Сергия и архиереев его Синода обновленцам, владыка Виктор указывал на их разрушительную для Церкви деятельность и, не обинаясь, называл их "волками во ограде Христовой", "предателями Церкви Божией":

«Мы с детскою простотою веруем, что сила Церкви не в организации, а в благодати Божией, которой не может быть там, где нечестие, где предательство, где отречение от Православной Церкви, хотя бы под видом достижения внешнего блага Церкви. Ведь здесь не простой грех Митрополита Сергия и его советников. О! Если бы это было только так! Нет! Здесь систематическое, по определенному плану разрушение Православной Церкви, стремление все смешать, осквернять и разложить духовно. Здесь заложена гибель всей Православной Русской Церкви, а именно сознательное приспособление ее — Небесной Христовой Невесты служению миру, те еь злоу, ибо мир во зле лежит».

«Поистине эти злоумышления против Церкви не от человека, а от того, кто искони был человекоубийца и кто жаждет вечной погибели нашей, слугами кого и сделались новые предатели, подменив самую сущность Православной Христовой Церкви: они сделали Ее из небесной земною и превратили из благодатного союза в политическую организацию».

³¹³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. Л. 4. Вл. 5–5 об.

Поэтому, как уже было сказано, епископ Виктор и отнялся от митрополита Сергия и его Синода и в ответе на вопрос о «целях выступления» еще раз повторил эту мысль: «Я имею только одну цель — спасение своей души, так как верую, что они (синодалы) разрушают православие, омирают его, оземляют его и совсем извращают сущность Православной Церкви, и тем лишают человека спасения».

Затем в ответах на вопросы "о методах борьбы" и "ее ведении на местах" он подчеркнул, что как таковой "борьбы" и не было, а был только отказ от духовного руководства митрополита Сергия:

«Мы только отделили себя от тех, кто заявляет нам: "Мы ваше начальство, а потому за непослушание запрещаем" и пр<очее>. В отношении же к подчиненным мне пастырям и мирянам, а тем более к чужим я никаких запрещений, угроз, проклятий, лишений и проявления какой-либо злобы не предпринимал и никогда не предприму, так как дело веры, дело спасения есть дело свободы, дело совести, дело выбора, а не насилия».

Епископ Виктор также написал, что все это чисто церковное внутреннее дело: «Безусловно все должно быть только внутри Церкви как Дома Божия, ибо все течение возникло и имеет в виду исключительно душу и ее вечное спасение, а не внешние условия жизни человека», потому никакого отношения к политической жизни иметь не может. И далее на провокационный вопрос «о возможности затрагивания политической жизни граждан» владыка заявил:

«Если правительство разрешит, то я мог бы лично явиться туда, где это имело место, разъяснить и успокоить, хотя бы на том месте мне и угрожала смерть. Никогда не откажусь ни от каких заданий со стороны правительства, не связывающих моей совести, чтобы только доказать, что мы не злоумышляем ничего против него».

Будучи вырвано из контекста, это заявление вместе с ответами на последний вопрос "о справедливости", "социальной революции" и т. п. может смутить. Особенно если сопоставить их с заявлениями епископа Нектария, не скрывавшего своего категорического неприятия безбожной власти. Однако следует оговориться, что последние заявления владыки Нектария относятся к 1931 году, а во время первого следствия в 1925 году он во всех своих показаниях и письменных заявлениях так же, как и епископ Виктор, пытался доказать свою полную лояльность и аполитичность³¹⁴.

В то время так поступало большинство православного духовенства, следуя примеру Патриарха Тихона, пытавшегося "очиститься" от политики и путем примирения с безбожной властью найти возможность для законного существования Церкви в Советском государстве. Напомним, что в первые годы революции постановления Собора 1917–1918 годов и послания Патриарха Тихона выражали крайне отрицательное отношение к советской власти и не столько определяли, сколько констатировали отсутствие взаимоотношений между Церковью и безбожным государством³¹⁵. В 1923 году позиция Патриарха изменилась, и в своих "покаянных" заявлениях он объявил, что он "не враг советской власти" и раскаивается в своей прежней "антисоветской деятельности". Эти заявления Патриарха многих повергли в смущение; не все согласились с выраженной в них лояльностью.

Однако изменение позиции Патриарха с пониманием воспринял даже такой противник безбожной власти, как глава Русской Православной Церкви за

³¹⁴ См. протоколы допросов епископа Нектария во время следствия в Казани и в Яранске соответственно: Священномученик Нектарий, епископ Яранский... С. 90–94, 285, 296–297.

³¹⁵ Достаточно вспомнить знаменитое послание Патриарха, анафематствовавшее гонителей Церкви и призывающее верующих не иметь с ними никакого общения.

границей митрополит Антоний (Храповицкий), известный своей строгой бескомпромиссной позицией и прямолинейностью суждений. Сразу же после опубликования заявлений Патриарха митрополит Антоний в статье под заголовком "Не надо смущаться" убедительно показал, что заявления Патриарха хотя и являются безусловно уступкой безбожникам, но не погрешают против церковных канонов и Предания в целом и что, идя на внешнее примирение с советской властью и пытаясь найти какое-то положение для Церкви в совдепии, если и не правовое, то хотя бы терпимое, Патриарх с чисто церковной точки зрения не совершил преступления ни против веры, ни против народа.

Насколько было оправдано и целесообразно такое изменение отношения к советской власти — показала сама жизнь. Это отдельная тема, которой посвящено огромное количество церковно-исторической литературы³¹⁶, и, конечно, она до сих пор еще не исчерпана, и далеко не все связанные с ней проблемы окончательно решены. Здесь мы не будем ее касаться и лишь отметим следующее: во-первых, "покаянные" заявления Патриарх делал от своего имени и ни на кого не налагал бремени, тем более не подвергал прещениям за несогласие; во-вторых, Патриарх никогда не переступал ту грань, которая отделяет политическую лояльность от подчинения Церкви безбожной власти и, сохранив церковную свободу, не позволял безбожникам вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви.

В этом отношении заявления епископа Нектария на следствии в 1925 году и ответы на вопросы ОГПУ

³¹⁶ В какой-то мере она затрагивалась почти во всех книгах нашей серии, особенно подробно в двух последних: упомянутой книге о священномученике Нектарии (Трезвинском) и в книге о священномученике Максиме: «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонеж, 2014.

епископа Виктора в 1928 году полностью совпадали с позицией Патриарха Тихона. Заявляя, что они не являются врагами советской власти, и стараясь уверить власти в своей лояльности, вятские святители так же, как и Патриарх, пытались найти для Церкви хоть какое-то положение, *status vivendi* в безбожном государстве. При этом они исходили из церковного принципа отношения к политической власти. Этот принцип епископ Виктор четко изложил в ответах на вопросы ОГПУ:

«По внутреннему существу своему Церковь должна быть не от мира сего, и именно по тем духовным интересам, которые она удовлетворяет для своих верующих членов. Она есть благодатный Союз для благодатного спасения верующих граждан. Платформа же этих граждан в отношении их к власти СССР точно и ясно указана нам в Слове Божием: 1) На основании слов Самого Господа мы не должны смешивать церковное, благодатное Божие с гражданским (известные слова Господа: воздавайте Кесарево — гражданское — Кесарю — гражданскому; а Божие — Богу). 2) Отношения верующих к гражданской власти должны быть искрени, чужды всякого лукавства, по голосу совести, как учит Апостол Павел: кому по занимающему им месту подобает честь, мы должны воздавать честь; кому определенный сбор — отдавать сбор; кому налог (оброк) — должны отдавать налог. 3) Вся жизнь православного христианина должна быть, по апостолу Петру, так построена в отношении гражданской власти, чтобы мы не могли подавать и повода к обвинению нас в каких-либо политических преступлениях, но должны ходить как рабы Божии, а не как прикрывающие именем свободы зло, тт есть возмущение против гражданской власти».

Таким образом, все выражения лояльности архиереев, на первый взгляд совершенно неожиданные (особенно для таких епископов, как владыки Виктор и Нектарий, признанных одними из самых крайних по своей категоричности суждений в антисергианской

оппозиции), не противоречили церковному учению о взаимоотношении Церкви и государственной власти и не были безусловны.

В этом плане интересно сопоставить заявление епископа Виктора о выполнении «*заданий со стороны правительства*» с подобным же заявлением на допросе митрополита Иосифа (Петровых) о его готовности «на все, что нужно, в пределах возможного, для восстановления доверия власти». Епископ Виктор писал о выполнении заданий, «не связывающих его совесть», и митрополит Иосиф подчеркивал, что готов на все «в пределах возможного». А это "возможное" несомненно ограничивалось рамками дозволенного церковным Преданием. Заявляя, что он никакого отношения к политике не имеет и не позволит использования своего имени ни в чем «контрреволюционном» и «противосоветском», митрополит Иосиф твердо добавлял:

«Но и совестью своей торговать не намерен, и всякую попытку использовать свои силы вопреки декрету о невмешательстве в дела чисто церковные и духовные — встречу отпором, ничуть не боясь погрешить этим против власти гражданской, если только она верна своим же собственным декретам и духу своих постановлений о свободе веры и совести каждого»³¹⁷.

Также и епископ Виктор писал, что не только не протестует, но и радуется декрету отделения Церкви от государства, но при этом указывал и на необходимость соблюдения декрета: «Государство одно само ведает всю внешнюю жизнь человека, а Церковь знает исключительно духовные нужды верующих и все от-

³¹⁷ Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 327).

носящееся до молитвы. Мы не протестуем (весьма раздаемся) декрету отделения Церкви от Государства, но, к сожалению, правительство не верит искренности наших заявлений об этом»³¹⁸.

Ссылка на декрет не случайна. Формально он не только допускал существование религии в Советском государстве, но и давал возможность даже для легальной деятельности различных религиозных организаций.

Митрополит Иосиф, напоминая представителям власти о декретах советской власти, выражал "недоведение" по поводу преследования антисергианской оппозиции:

«Ведь у нас есть столь красивые (но уже ли лживые?) декреты о свободе совести, об отделении Церкви от государства, о свободе всякого вероисповедания, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. И если законы пишутся для того, чтобы их исполнять, то не там ли настоящая контрреволюция, где эти революционные законы не исполняются, и этим самим они только роняются, уподобляясь "филькиным грамотам"?

Если закон о запрещении поддерживать одну какую-либо религиозную ориентацию в ущерб другой не есть такая филькина грамота, то я не вижу препятствий для введения в безвредное для государство русло и этой новой антисергианской, но отнюдь не антигосударственной ориентации»³¹⁹.

В логике рассуждений митрополиту Иосифу не откажешь, и вряд ли представители советской власти

³¹⁸ Декрет «приветствовал» даже епископ Нектарий. Так, на допросе в Казани он сказал: «Отделение Церкви от государства я приветствовал, так как считал и считаю вмешательство гражданских властей в дела церковные вредным и не входящим в компетенцию гражданской власти, — тем более Советской».

³¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело "ИПЦ". Т. 4. Л. 651.

могли ему что-либо возразить или опровергнуть обвинение в "контрреволюции", которое митрополит столь умно и тонко им предъявлял в ироничной и внешне наивной форме. Это была своего рода церковная дипломатия, попытка достигнуть какого-то соглашения с явным врагом — договориться с советской властью на основании ею же провозглашенных законов, соблюдение которых могло обеспечить Церкви вполне сносное существование. Именно к ним и апеллировали как митрополит Иосиф, так и епископ Виктор и другие архиереи.

Другое дело, что провозгласившие эти законы власти на практике вовсе не собирались их соблюдать. Все "красивые" советские декреты и законы на деле являлись полной фикцией и для насквозь пропитанной ложью власти служили лишь цивилизованным прикрытием ее жесточайших гонений на Церковь. Вся система Советского государства была построена на исполнении решений Политбюро ЦК компартии, воплощаемых в жизнь силовыми органами ОГПУ/НКВД, которые руководствовались не конституцией, а директивами своего начальства. Третий отдел Секретно-оперативной части ОГПУ, занимавшийся церковными делами, прямо назывался "ликвидационный".

Избежать гонений, доказав свою аполитичность, построить всю жизнь православного христианина в отношении гражданской власти на апостольских принципах, как писал владыка Виктор, чтобы «не давать и повода к обвинению в каких-либо политических преступлениях», не получалось. Отделить религию от политики в государстве, основанном на воинствующем атеизме и сознательном богопротивлении, поставившем своей целью полное искоренение религии, было невозможно. Сама религиозная вера неизбежно становилась серьезным политическим преступлением, подрывающим основы этого государства (скорее антигосударства).

Как ни старались православные "очиститься от политики", их все равно признавали врагами советской власти и обвиняли в политических преступлениях. При всей своей аполитичности и лояльности они никак не могли стать, подобно митрополиту Сергию и его сторонникам, такими "верными гражданами Советского Союза", как того хотелось безбожной власти. Церковные принципы взаимоотношения Церкви и государства, как они были изложены епископом Виктором: воздавайте кесарево (гражданское) — кесарю (гражданскому), а Божие — Богу, не устраивали богооборцев, ибо они посягали на Божие и требовали полного подчинения. Потому те, кто отказывался подчиниться, неизбежно становились их врагами, подлежащими изоляции и уничтожению.

18 января 1928 года, когда епископ Виктор написал о своей позиции в Вятском отделе ОГПУ, его еще не тронули и отпустили. Согласно чекистскому плану, оппозиция митрополиту Сергию должна была набрать силу, и поэтому аресты даже самых активных ее деятелей намеренно производились не сразу. Но оставили владыку Виктора на свободе ненадолго и продолжали пристально следить за его деятельностью.

10. Послание духовенству.

Арест и заключение

В феврале 1928 года епископ Виктор составил свое знаменитое послание пастырям, впоследствии получившее также широкое хождение в кругах антисергианской оппозиции, как и другие его письма и послания. Владыка обратился к вятскому духовенству в связи с начавшимися прещениями и угрозами со стороны сергианской иерархии. «"Да не смущается

сердце Ваше, и да не устрашается" (Иоанн. XIV, 27). Прещения лукавнующих есть лишь плод их злобы, бессилия и неправоты и для исповедников ИСТИНЫ значения иметь не могут³²⁰, — писал владыка Виктор. В характеристике деяний митрополита Сергия и его сторонников он был еще более категоричен: «Отступники превратили Церковь Божию из союза благодатного спасения человека от греха и вечной погибели в политическую организацию, которую соединили с организацией гражданской власти на служение миру сему, во зле лежащему (I Иоан. V, 19)». И потому ни во что вмениял их прещения:

«Рассудите сами, какое, например, для православного священника могут иметь значение запрещения католиков, протестантов, живоцерковников и пр<очих>, если бы они вздумали применять их к нам. — Никакого. Так точно и здесь. Разница только в том, что католики, протестанты и пр<очие> ранее отпали от Божией Церкви, а отступники (антицерковники) теперь в наше время прельщены диаволом, "уловившим их в свою волю" (2 Тим. II, 26). И это падение их не малое и не тайное, но весьма великое и всем очевидное для имеющих ум (1 Кор. II, 16); а обнаружилось оно в известном "воззвании" 16/29 июля и в последовавшем за ним дерзком разрушении Православной Церкви. "Воззвание" прельщенных есть гнусная продажа непродаваемого и бесценного, т<o> е<сть> — нашей духовной свободы во Христе (Иоанн. VIII, 36); оно есть усилие их, вопреки слову Божию, соединить не соединяемое: удел грешника с уделом Христовым, Бога и Мамону (Мф. VI, 24) и свет и тьму (2 Кор. VI, 14–18)».

Далее епископ Виктор дал очень простое и ясное разъяснение понятия лояльности по отношению к

³²⁰ Здесь и далее цитаты из письма епископа Виктора, по машинописной копии в сборнике «Дело митрополита Сергия» (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129 об. — 131).

гражданской власти и его отличия от сергианской "лояльности":

«Иное дело лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное дело внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти. При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступниками. Все это мы и видим на деятельности Митрополита Сергия, который в силу нового своего отношения к гражданской власти вынужден забыть каноны Православной Церкви, и вопреки им он уволил всех епископов-исповедников с их кафедр, считая их государственными преступниками, а на их места он самовольно назначил непризнанных и не признаваемых верующим народом других епископов. Для Митрополита Сергия теперь уже не может быть вообще самого подвига исповедничества Церкви, а потому он и объявляет в своей беседе по поводу "воззвания", что всякий священнослужитель, который посмеет что-либо сказать в защиту ИСТИНЫ БОЖИЕЙ против гражданской власти, есть враг Церкви Православной. Что это, разве не безумие, охватившее прельщенного? Ведь, так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, Святителя Филиппа, обличившего некогда Иоанна Грозного и за это от него удушенного; более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличившего Ирода и за это усеченного мечом.

К такому печальному положению привело отступников то, что они предпочли нашей духовной свободе во Христе иметь внешнюю земную свободу, ради соединенного с нею призрачного земного благополучия».

Епископ Виктор также просто и ясно отвечал на доводы защитников митрополита Сергия о ненарушении ими догматов и канонов:

«Для антицерковников-отступников от Церкви — сохранение ими догматов и канонов ее является делом уже сравнительно маленьким. Отрубивший голову не оправдывается тем, что не повредил волос на голове; думать иначе — достойно смеха. А они все твердят: "У нас все по старому". Верно, обличье у них осталось православное, и это многих смущает; но не стало с ними ДУХА ЖИЗНИ, БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ, а следовательно, и вечного спасения человека. Вот почему эта лесть и горше первых».

Потому, по мнению владыки Виктора, и совершенно не состоятельны ссылки сергиан на каноны Двукратного собора:

«Ведь каноны Божии не для того даны святыми Отцами, чтобы посредством их, как бичом, гнать в погибель тех, кто заявляет, что он по страху Божию не может идти за уловленным врагом диаволом.

Причем самое содержание канонов, на которые ссылаются отступники, по смыслу их к нам применимо никоим образом быть не может. О чем, например, говорят правила 13, 14, 15 Двукратного Собора и другие подобные, на которые они ссылаются. — Правила говорят, что если у кого-либо из клириков возникает ЛИЧНОЕ недоразумение с его епископом, а у епископа с митрополитом области, у митрополита с патриархом, или если местный епископ выскажет опять-таки ЛИЧНОЕ сомнительное мнение по вопросам веры и благочестия, то во всех подобных случаях, во-первых, необходимо должно передать таковое дело на рассмотрение высшей инстанции, во-вторых, никто по этим ЛИЧНЫМ своим делам или ИЗ-ЗА СПОРНЫХ МНЕНИЙ НЕ ДОЛЖЕН прерывать канонического общения с предстоятелем.

Какое теперь может быть приложение этих правил к делу нашего исповедничества? Ведь ни у вас со своим епископом, ни у меня с М~~итрополитом~~ Сергием никаких личных между нами недоразумений нет; дело наше не личное, или местных интересов, или каких-либо спорных недоказанных мнений, а дело непосредственного практического разрушения нашего общего вечного спасения самою церковною властью через замену ею

истинной Церкви ложною, Жены, облеченной в Солнце, (Апок. XII, 1), великою блудницею (XVII, 1)»³²¹.

Епископ Виктор признавал, что необходим церковный суд, в данном случае в лице Поместного собора. Но законный собор в тех условиях собрать не представлялось никакой возможности.

«Так что же теперь мы должны делать? По мнению самих отступников, мы будто бы должны сделаться соучастниками их преступления против Православной Церкви и, следовательно, так же, как они, подвергнуть себя суду Божию, а еще прежде суда лишить себя Благодати спасения. Но какое же мы можем представить оправдание перед Богом за участие в грехе?

Правда, мы, как люди, подчиняемся духовной власти, но в то же время каждый из нас руководствуется в своей жизни заповедями Божиими, по которым и будет судим, и если мы окажемся сообщниками нечестия духовной нашей власти хотя бы даже в лице самого Патриарха, то никоим образом нам не оправдаться перед Богом. Ибо заповедь Божия говорит: "Кто отречется от Меня пред человеки, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным" (Мф. X, 33).

Вот почему св. Максим Исповедник, когда его уголовными и страшными муками заставляли вступить в мо-

³²¹ Интересно отметить, что к этому же образу Апокалипсиса обращались в то время и другие исповедники. Так, петроградский священник Феодор Андреев в письме епископу Иннокентию (Тихонову) писал: «Но в чем Вы видите неправильность нашего отношения к учению о конечных судьбах мира? То, что мы употребляем образ жены, садящейся на зверя, в применении к лжецеркви митрополита Сергия? Но на это нас уполномочивает и св. Киприан Карфагенский, который видит здесь изображение всякого еретического и раскольнического искажения учения о Церкви, следовательно, этот образ сколько-то апокалиптичен, столько же и обычен для всех времен» (Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский... С. 371).

литвенное общение с неправо-мудрствовавшим Патриархом, воскликнул: "Если и вся вселенная начнет причащаться с Патриархом, я один не причащусь с ним". Почему это? — Потому, что он боялся погубить душу свою через общение с увлеченным в нечестие Патриархом, который в то время не был осужден собором, а, наоборот, был защищаем большинством епископов. Ведь церковная административная власть даже в лице соборов не всегда и раньше защищала истину, о чем ясно свидетельствует история святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодора Студита и др<угих>. Как же я могу впредь оставаться неразумно безразличным? Этого не может быть. Вот почему мы и встали на единственно возможный в нашем теперешнем положении выход — это путь исповедничества ИСТИНЫ СПАСЕНИЯ. Путь этот тяжел, это путь подвига; но мы уповаем не на свои силы, но взираем на начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. XII, 2). И дело наше есть не отделение от Церкви, а защщение истины и оправдание Божественных заповедей, или еще лучше — ОХРАНЕНИЕ ВСЕГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАШЕГО СПАСЕНИЯ».

Это письмо епископа Виктора, так же как и его ответы в ОГПУ, было расценено властями как антисоветский документ, а их распространение как опасное политическое преступление. 4 апреля 1928 года епископ Виктор был арестован и отправлен сначала в Вятку, а затем в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. На допросе в Москве ему была предъявлена копия этого письма. Следователь особенно интересовался термином «исповедничество», который употреблялся владыкой в этом письме несколько раз. На его вопрос разъяснить, что он под этим понимает, владыка показал:

«— Понятие "исповедничество" имеет общее для нас, верующих, значение и означает твердость в вере и мужество в своих убеждениях, несмотря на соблазны, материальные лишения, стеснения и гонения.

— У вас в документе приведены, очевидно, как примеры достойные подражания, моменты жизни христианских деятелей — Филиппа, митрополита Московского, и Иоанна, так называемого "крестителя"; скажите, они подходят под понятие "исповедников"?

— Поскольку они были обличителями неправды, они являются исповедниками.

— Значит, такого рода деятельность также подходит под понятие исповедничества?

— Да, поскольку она связана с верой.

— Как видно из документа, "исповедничество" указанных выше лиц заключалось в их деятельности против представителей иноверной государственной власти, за что они и были подвергнуты репрессиям?

— Власть тогда была одинаковой с ними веры. Они выступали против Ивана Грозного и Ирода как против неправильно поступающих, грешных людей, а не как против гражданской власти.

— Протестуя против лишения священнослужителей права что-либо сказать в защиту истины Божией против гражданской власти, вы являетесь защитником этого права?

— Да, поскольку гражданская власть будет касаться веры, то есть употреблять насилие над верующими в целях достижения собственных целей.

— Следовательно, как видно из всего текста данного места вашего документа, "исповедничество" понималось как выступление против советской власти, употребляющей насилие над верующими?

— "Исповедничество" как выступление против гражданской власти возможно только в том случае, если последняя, то есть гражданская власть употребит первая насилие над верой, причем само "страдание" за такое выступление и будет "исповедничеством". Оно носит пассивный характер. Эту мысль я и хотел выразить в данном месте.

— Я хочу спросить вас еще раз: значит, "исповедничество" рекомендуется только в случаях насилия власти над верующими в делах веры или при гонениях?

— Да, только при насилиях и гонениях; оно может быть и независимо от гражданской власти.

— Какая причина выпуска вами данного документа, трактующего о праве деятельности Церкви в защиту истины Божией против гражданской власти и с призывом к "исповедничеству"?

— Формальным поводом послужило выступление с посланием митрополита Сергия, по моему мнению, в угоду земным интересам. Я не хочу сказать, чтобы в данный момент оно было необходимо; некоторое утеснение (отсутствие правящих органов и так далее) со стороны гражданской власти было, и я считаю, что путь "исповедничества" был бы более правильным.

В мае следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение: «епископ Виктор Островидов занимался систематическим распространением антисоветских документов, им составляемых и отпечатываемых на пишущей машинке. Наиболее антисоветским из них по содержанию являлся документ — "Послание к верующим" с призывом не бояться и не подчиняться советской власти как власти диавола, а претерпевать от нее мученичество, подобно тому как терпели мученичество за веру в борьбе с государственной властью митрополит Филипп или Иван, так называемый "креститель"».

18 мая 1928 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Виктора к трем годам заключения в концлагерь³²².

³²² Священноисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. С. 141–142.

В концлагере и ссылке. Последние годы. 1928–1934

После вынесения приговора владыка Виктор был отправлен на Соловки. Очевидно, обычным порядком — этапом, который формировали в Москве в Бутырках, куда свозили осужденных со всех окраин страны (вторым сборным пунктом была петроградская тюрьма Кресты). Везли в специальных вагонах, так называемых «столыпинских», официально они именовались — «вагон-заки».

«Это обыкновенный купированный вагон, только из девяти купе пять, отведенные арестантам (и здесь, как всюду на Архипелаге, половина идет на обслуживание!), отделены от коридора не сплошной перегородкой, а решеткой, обнажающей купе для просмотра... Окна коридорной стороны — обычные, но в таких же косых решетках извне. А в арестантском купе окна нет — лишь маленький, тоже обрешеченный, слепыш на уровне вторых полок (вот, без окон, и кажется нам вагон как бы багажным). Дверь в купе — раздвижная железная рама, тоже обрешеченная... По расчетам вольных инженеров в сталинском купе могут шестеро сидеть внизу, трое лежать на средней полке (она соединена как сплошные нары, и оставлен только вырез у двери для лаза вверх и вниз) и двое — лежать на багажных полках вверху»³²³.

³²³ «Если теперь сверх этих одиннадцати затолкать в купе еще одиннадцать (последних под закрываемую дверь надзиратели

В 1920-е годы эту меру еще не намного превышали, но и одиннадцать человек было более чем достаточно для путешествия, которое продолжалось несколько суток, а порой и больше недели, нередко в ужасных условиях³²⁴. Везли арестантов до Кеми. Здесь их перегоняли в Кемперпункт или пересыльно-распределительный пункт Соловецкого концлагеря — «это его чистилище, первые круги Дантова ада. Тюремная обстановка позади, впереди — лагерная, или, как образно до весны 1930 года втолковывали всем новичкам: “Тут кончилась власть советская и началась власть соловецкая”»³²⁵.

«Вышки, сколоченные из хлипких бревнышек. Пятачок площади, обнесенный оградой из колючей проволоки. На нем, возле примитивного дебаркадера,

запихивают уже ногами) — то вот и будет вполне нормальная загрузка сталинского купе». Но были случаи, когда и эта «нормальная загрузка» превышалась. «Осенью 1946 Н. В. Тимофеев-Ресовский ехал из Петропавловска в Москву в купе, где было тридцать шесть человек! Несколько суток он висел в купе между людьми, ногами не касаясь пола. Потом стали умирать, их вынимали из-под ног (правда, не сразу, на вторые сутки) — и так посвободнело...» (*Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: Новый мир, 1990. С. 349, 350).*

³²⁴ Б. Л. Седерхольм вспоминал о своем пути на Соловки в 1925 году: «Верхом моего несчастия был дряхлый священник на третьем ярусе, кто хотел бы, но не мог спуститься и пойти в уборную. Его жидкость протекала вниз между полок и капала прямо на нас и на мои продукты... В одной из клеток ночью умер чахоточный татарин, и люди оттуда с шумом требовали убрать труп. Особенно истерично кричал Шевальер, инженер-американец из Луизианы, лежавший рядом с татарином... Когда приказ умолкнуть не помог, начальник конвоя из нагана прострелил ему предплечье. Шевальер утих и до самой Кеми оставался без перевязки. В Кемперпункте ему отрезали руку» (*Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Т. 1. Нью-Йорк, 1979. С. 47.*)

³²⁵ Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. Т. 1. С. 47.

длинный низкий барак. Это Кемьский пересыльный пункт. Зловеще знаменитый Попов остров — “Кемь-Пер-Пункт”, зона на каменистом и болотистом берегу Белого моря, недалеко от захолустного городка Кеми. Место пустынное, голое и суровое. Здесь комплектуют партии, переправляемые на остров. Кто погостили тут в конце двадцатых годов, никогда его не забудет»³²⁶.

«По всем советским тюрьмам и подвалам ГПУ в сотнях вариаций, действительных или присочиненных, путешествовали рассказы о соловецком мучителе на Поповом острове в Кемперпункте ротном Курилке, кто с 1928 по 1929 год и в начале 30-го “крестил” всех новых соловчан, проходивших через его карантинную роту». Вот как описал эту «процедуру» М. З. Никонов-Смородин, прибывший с этапом в шестьсот человек в начале лета 1928 года, как раз в то же время, когда сюда с одним из этапов попал и епископ Виктор:

«Партию нашу окружили конвоиры. Полчаса ходьбы, и мы у проволочного ограждения. Из барака вышел рослый человек в военном обмундировании и с места обдал нас потоком грязной браны. Это и был Курилка, человек кривливый, с жестоким нервным тиком лица. — Что вы их сюда привели? — орал он на конвоиров, гrimасничая, будто от острой боли. — Промуштровать их, да хорошенъко!

Нас погнали дальше, к самому морю, на довольно широкий дощатый мол. Красноармейцы сдали нас Курилке с его командой. Начался опять, как неизбежный ритуал, нудный личный обыск, ощупывали самих, одежду. Но вот обыск окончен и раздалась команда: — Стройся по четыре в ряд! Низенький, но коренастый крепыш отделился от начальства и резким голосом, кипятясь непонятной злобой, принялся обучать нашу пеструю ораву военному строю, пересыпая команду потоками ругани шпанского

³²⁶ Волков О. В. Погружение во тьму. М.: Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2008. С. 62.

образца. Дико было видеть, как епископы и священники в рясах и престарелые монахи, почтенные люди науки повертывались в строю сотни раз направо и налево под команду горлана-изувера, не устававшего притом же ругаться под угрожающее щелкание затворов винтовок прочих охранников. Наконец, после трех-четырех часов муштры и обучения идиотскому “эдза!” этап повели внутрь ограды. Натискали нас в барак так, как не приходилось видеть ни в тюрьмах, ни в подвалах. Но только мы разместились, как новая команда выгнала нас вон. Началось заполнение анкет. Двадцать пять “имяславцев” в нашем этапе отказались назвать свои имена, и их поставили на валуны. Почти целые сутки выстояли они под дождем и холодным ветром с моря, но имен так и не открыли “Антихристу”. Впрочем, и нам было не легче. После анкет сразу погнали на пристань, и под крики десятника, по здешнему — “гавкало”, начали погрузку бревен из штабеля. Здоровые и больные, старые и молодые — тут различий нет, работай до изнеможения. В одурелой голове ни единой мысли... Все шатаются от усталости... Проработали всю ночь и утро и к полудню вернулись в барак. На валунах по-прежнему безмолвно стоят “имяславцы”. На обед и “отдых” нам дали два часа... И снова усталых, полусонных отмаршировали на новую работу — очищать какую-то площадь под непрерывную брань надзирателей. Не дав закончить очистку, конвойр повел нас обратно и с угрозами и ругательствами через минуту приказал бежать. Сам бежал сбоку, поминутно щелкая затвором, и орал: “Не отставать! Убью!”

Кому и зачем нужен был этот бессмысленный и беспощадный бег, я и сейчас не знаю...³²⁷ Добрели до проволоки. И едва глазам верим: “имяславцы” все еще стоят на своих местах... Из барака выходит ротный Курилко и, злорадно оглядев нас полумертвых, стал вызывать по списку³²⁸.

³²⁷ Редактор книги пояснил в сноске: «Такова там система — довести до полного истощения сил телесных и духовных и этим сразу сломить силу и волю к сопротивлению».

³²⁸ Розанов М. Указ. соч. С. 60–62.

Этот кошмар описал в своих воспоминаниях и писатель Олег Васильевич Волков, также попавший на Соловки в июне 1928 года:

«Более суток — первых лагерных суток — мы посвящались в лагерные повседневные порядки: зрителями сидели на валунах и смотрели, будто римляне со ступеней амфитеатра на арену цирка. У нас на глазах людей избивали, перегоняли с места на место, учили строю, обыскивали, пугали нацеленными с вышек винтовками и холостыми выстрелами. Падающих подымали, разбивая сапогами в кровь лицо. Отработанные ловкие удары кулаком сбивали человека с ног, как шахматную фигуру с доски...

Потеряно представление о времени. Ряды приплясывающих на месте, прыгающих и приседающих новоявленных лагерников все чаще расстраивают падающие с нелепыми жестами фигурки, а неутомимые здоровяки в бушлатах все так же бодро похаживают между ними, расправляя плечи, особенно лихо и весело раздавая зуботычины и покрикивая: «Не к теще на блины, сукины дети, приехали, мать вашу так и мать вашу этак!»

В жемчужном небе за нежными облаками висит ночное солнце, серые безмолвные чайки пролетают над скалами, слышен ласковый плеск волн... Воздух над живой гладью моря свеж и целителен. И дико содрогается даль от отрывистого рева «здра!», без конца повторяемого измученными людьми, которых учат хором приветствовать начальника. Беззакатная ночь позволяла конвойеру действовать безостановочно...

...И хотя наш этап был отчасти пощажен — нас, когда рассосались потоки принимаемых и отправляемых, «оформляли» сравнительно спокойно, впечатление от такого цинически откровенного метода ударяло обухом по голове. Пусть память и хранила расправы и насилия первых лет революции, да и в тюрьме не миндальничали, но еще не приходилось убеждаться, чтобы произвол возводился в систему. Да к тому же развернутую в таких масштабах..

«Тут Соловецкий лагерь особого назначения, там-тарам, пере-там-тара-рам! — лихо неслось над онемевшей

толпой. — Тут по струнке ходить будете! Дурь выколотят!" И выколачивали. А с "дурью" и душу живую»³²⁹.

Зарегистрированных в Кемперпункте заключенных перевозили на Соловецкий остров на бывшем монастырском корабле или барже обычно в трюме. Дмитрий Сергеевич Лихачев вспоминал, как выгружали их этап, вынося из трюма трупы задохшихся или тяжело заболевших: стиснутых до перелома костей, до кровавого поноса³³⁰. Привезенных на остров помещали в карантинной тринадцатой роте, под которую использовали главный храм Соловецкого монастыря — громадный Преображенский собор.

«Нары в три яруса заселены сплошь. Люди шевелятся как тени, говорят вполголоса, и тем не менее в высоком куполе древнего храма этот сдержаненный шум и случайные возгласы отдаются несмолкаемым гудением...

Некий чудовищный улей. Улей этот в непрерывном движении: одних угояют, другие поступают, соседи то и дело меняются. Много преступников — воров и убийц, однако здесь же и тесные кучки мужиков в тяжелых овчинных полушибках: они крепко держатся друг друга. В темные углы забились сектанты с изможденными лицами... Попадаются старцы с сенаторскими бакенбардами и стромодным пенсне на потертом шнурке.

Окрики вахтеров заставляют всех оторопело вскакивать, бестолково бросаться с готовностью выполнить любое приказание. Одни сектанты сидят по-прежнему отрешенными, словно ничего вокруг их не затрагивает»³³¹.

Олег Волков вспоминал о помощнике главного врача, Георгии Осоргине, который вытащил его в лазарет из карантинной роты: «Работал он с редким в

³²⁹ Волков О. В. Указ. соч. С. 64–65.

³³⁰ Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. СПб.: Изд-во «АРС», 2006. С. 152.

³³¹ Волков О. В. Указ. соч. С. 73–74.

лагере рвением: служба давала ему возможность делать пропасть добра. Не перечесть, сколько выудил он из тринадцатой карантинной роты священников, “бывших”, беспомощных интеллигентов! Укладывал их в больницу, избавлял от общих работ, пристраивал в тихих уголках... Я был одним из многих, кто благодаря его участию счастливо миновал чистилище — длительный и обязательный искус общий работ...»³³² Этот «искус» описывал в своих воспоминаниях и М. З. Никонов-Смородин, которому пришлось его пережить тем же летом 1928 года:

«После нудной процедуры приема, обыска и бани нас, наконец, водворили в 13-ю карантинную роту в Преображенском соборе. Ротный Чернявский из заключенных, не глядя на нас, пробежал к окну и оттуда глухим, надтреснутым голосом дал “наставление”: “Сейчас на поверку. Здесь — не дача... Дежурному стрелку отвечайте дружно, иначе... После поверки пойдете на ночную работу”.

— Но мы и прошлую ночь не спали, — осмелился возразить инженер Зорин. Чернявский даже позеленел, пораженный дерзостью:

— Я из вас повыбью сон!.. Ваша жизнь кончилась. Распустили вас в тюрьмах. Запомните раз и навсегда: вы не имеете права разговаривать с надзором и охраной. Никаких вопросов! Поняли? Вы на Соловках и вам нет возврата.

Чернявский выбежал, а один из его помощников выстроил нас и вывел на поверку в самый собор. В роте было около 3 тысяч человек. Прибывшие с нами “имяславцы” и муссаватисты отказались выходить на поверку. Их потащили силой... Два с лишним часа шло построение, счет, перекличка. Дежурный красноармеец принимает рапорт ротного, подходит к строю: — Здравствуй, тринадцатая! — «Здра!» — гудим в ответ. В камеру мы не вернулись. Всю ночь в кремле перетаскивали железный хлам и бревна, мели и чистили мощенный камнем монастырский двор. А зав-

³³² Волков О. В. Указ. соч. С. 76.

тра и послезавтра те же хлам и бревна таскаем на прежнее место... Такова одна из особенностей соловецкой каторги: нет настоящей работы, так занять арестантов водотолчением, лишь бы не давать им отдыха. Только к утру, всего за 2–3 часа до поверки, добрались мы до своих нар. А после поверки погнали на торф. Сквозь кремлевские ворота текло два потока людей: больший — наружу, меньший — с работы внутрь, в свои роты. Торфяная машина работала беспрерывно, и мы едва-едва успевали обслуживать ее. Только на время передвижки вагонеточных рельсов выпадал короткий отдых. Вдали по дороге в лес через луг шли женщины с граблями и лопатами, и до нас доносилась их песнь... Не брежу ли я в кошмарном полуслне?.. А вечером, после торфа, снова выгнали на "ударник" по очистке кремля, а днем опять на тяжелую работу — возить сырец на кирпичном заводе из сушилки в печь. Петр Алексеевич Зорин (инженер) свалился с тяжелой тачкой в канаву и лишился чувств. Его отправили в лазарет... Только две ночи за неделю мы спали по шесть часов и почитали это за счастье... Две недели карантина кончились, и трое из нас попали в сельхоз на уборку сена»³³³.

Удалось ли с самого начала избежать этих общих работ владыке Виктору? Точно известно лишь, что в дальнейшем он работал бухгалтером. Вообще до конца 1929 года положение политических заключенных, в том числе и духовенства, в лагере было сносным. Они ведали всеми хозяйственными учреждениями, складами, портом, санчастью. Если в первое время существования концлагеря духовенство использовалось на самых трудных общих работах, то с 1925 года оно было собрано в шестой сторожевой роте в силу необходимости:

«До того времени на кухни и продовольственные склады назначались каторжане разных категорий, но все неиз-

³³³ Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. Т. 1. С. 84–85.

бекно проворовывались: голод — не тетка. Это надоело Эйхмансу (начальнику лагеря), и практичный латыш решил сдать все дело внутреннего снабжения лагерей корпоративно духовенству, до того рассеянному по самым тяжелым уголовным ротам и не допускавшемуся к сравнительно легким работам. Духовенство приняло предложение, епископы стали к весам, за складские прилавки, диаконы пошли месить тесто, престарелые в сторожа. Кражи прекратились»³³⁴.

До конца 1929 года духовенству в лагере не стригли волос и разрешали носить рясы. Иногда заключенным священнослужителям разрешали ходить на службу в Онуфриевскую церковь при монастырском кладбище, где монахами регулярно совершались богослужения. Это была единственная действующая церковь, оставленная соловецким монахам, работавшим на острове вольнонаемными после закрытия монастыря³³⁵. Олег Волков вспоминал о богослужениях в Онуфриевской церкви, он посещал их вместе с сокамерником, иереем Михаилом Митроцким, жившим с ним в келье монастырского Отрочьего корпуса:

«Вечером закрывались “присутствия” и “рабочая” жизнь лагеря замирала. Удивительно выглядела в это время неширокая дорога между монастырской стеной и Святым озером. Глядя на идущих в рясах и подрясниках, в клубуках, а то и в просторных епископских одеждах, с посохами в руке, нельзя было догадаться, что все они — заключенные, направляющиеся в церковь.

Мерно звонил кладбищенский колокол. Высокое северное солнце и в этот закатный час ярко освещало толпу, блестело на глади озера. И так легко было вообразить себе время, когда текла у этих стен ненарушенная монастырская жизнь...

³³⁴ Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 49–50.

³³⁵ Последние монахи увезены в 1931 году, церковь закрыта и позднее взорвана.

Мы шли вместе с отцом Михаилом. Он тихо называл мне проходящих епископов: Преосвященный Петр, архиепископ Задонский и Воронежский; Преосвященный Виктор, епископ Вятский; Преосвященный Иларион, архиепископ Тульский и Серпуховский³³⁶... Тогда на Соловках находилось в заключении более двадцати епископов, сонм священников и диаконов, настоятели упраздненных монастырей...

Службы в Онуфриевской церкви нередко совершало по несколько епископов. Священники и диаконы выстраивались шпалерами вдоль прохода к алтарю. Сверкали митры и облачения, ярко горели паникадила...

В церкви, освещенной огнями паникадил и лампад, тесно. Слова и напевы тысячелетней давности, покрай риз и облачений заповедан Византией. Кто знает — не надевали ли эту самую епитрахиль или фелонь Филипп Колычев, соловецкий игумен, а потом — Митрополит Московский и всея Руси, задушенный Малютой в Отчоем монастыре в Твери? Нет ли в этой преемственности и незыблемости отпечатка вечной истины? Какие неисповедимые пути привели столько православного духовенства сюда, в сложенную из дикого камня твердыню россиян на Севере — седую Соловецкую обитель? Не воссияет ли она отныне новым светом, не прославится ли вновь на длинную череду столетий?..»³³⁷

В конце апреля 1929 года, получив досрочное освобождение, Олег Волков радостно торопился вернуться домой. Не дождавшись открытия навигации, он отправился на материк с бригадой почтовиков, которые в зимние месяцы с большим риском для жизни доставляли срочные грузы и почту на поморских лодках. Он вспоминал:

«Мы — десять человек команды, по пять на каждую лодку — поджидали своего предводителя, разложив кос-

³³⁶ Ошибка в titule: если имелся в виду владыка Иларион (Троицкий), то он был архиепископ Верейский.

³³⁷ Волков О. В. Указ. соч. С. 78–80.

терок. Проводить меня пришел из кремля Вятский епископ Виктор. Мы прохаживались с ним невдалеке от привала. Дорога тянулась вдоль моря. Было тихо, пустынно. За пеленой ровных, тонких облаков угадывалось яркое северное солнце. Преосвященный рассказывал, как некогда ездил сюда с родителями из своей лесной деревеньки. В недлинном подряснике, стянутом широким монашеским поясом, и подобранными под теплую скуфью волосами, владыка Виктор походил на великорусских крестьян со старинных иллюстраций. Простонародное, с крупными чертами лицо, кудловатая борода, окающий говор — пожалуй, и не догадаешься о его высоком сане. От народа же была и речь Преосвященного — прямая, далекая свойственной духовенству мягкости выражений. Умнейший этот человек даже чуть подчеркивал свою слитность с крестьянством.

— Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок с нами стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да нелюба ему правда Господня стала, вот дело в чем! Светлый лик Христовой Церкви — помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что заталзывают, почаше вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полуночный край небушка, не забывай, что тут хоть тugo да жутко, а духу легко... Ведь верно?

Преосвященный старался укрепить во мне мужество перед новыми возможными испытаниями. Я же вовсе отбросил думы о них: мечтал о встречах, удаче... Лелеял неопределенные заманчивые планы. Себя я чувствовал не только физически сильным, но и окрыленным. Словно обновляющее, очищающее душу воздействие соловецкой святыни, неопределенно коснувшееся меня в самом начале, теперь овладело мною крепко. Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры. За нее и пострадать можно!»

«Далеко за полдень “отчалили” — лодки поволокли по льду. С места мы пошли так ходко, что я все не успевал как следует оглянуться и еще раз помахать рукой стоявшему на берегу Вятскому епископу. Он не уходил. Понач-

лу была видна поднимающаяся в благословении рука, потом приземистая фигура Преосвященного Виктора стала сливаться с окружением, теряться. И вскоре весь низкий берег протянулся темнеющей полосой...»

Почти двое суток они добирались до кемского берега, то тащили лодки по льду, то шли на веслах по тесным прогалам чистой воды между льдами, пока наконец не достигли открытой воды, где уже подняли паруса и быстро доплыли до берега.

«Счастливый поход! И помягчевший старшина наш рассказал, как бывал отнесен к горлу Белого моря, как приходилось морозиться и бедствовать. А тут — приятная морская прогулка. Иначе и не могло быть, думалось мне. И вновь я видел устлавшие берег камни, подтаявшие льдины и фигуру неподвижно стоящего архиерея, творящего молитву о "странствующих, путешествующих, плененных и сущих в море далече". И слышал его грубоватый голос, опаленные жаром веры слова...»³³⁸

Владыка Виктор как чувствовал, предупреждая молодого человека о предстоящих новых испытаниях. Не прошло и года, как Олег Волков вновь был арестован и после долгих месяцев тюремных мытарств вновь оказался на Соловках осенью 1930 года. Владыку Виктора, впрочем, как и многих других знакомых, он уже там не застал...

В Соловецком лагере с епископом Виктором осенью 1928 года познакомился молодой студент-выпускник Петроградского университета Дмитрий Лихачев, приговоренный к пяти годам концлагеря по делам «Братства Преп. Серафима Саровского»³³⁹ и

³³⁸ Волков О. В. Указ. соч. С. 118–121.

³³⁹ Братство Преп. Серафима Саровского возникло на основе кружков литературно-философского характера, организованных И. М. Андреевским, филологом, врачом. На его квартире собирались единомышленники и ученики, в основном моло-

«Космической академии»³¹⁰ и в октябре 1928 года отправленный на Соловки. В своих воспоминаниях позднее академик Дмитрий Сергеевич писал:

«Духовенство на Соловках делилось на “сергианское”, соглашавшееся с декларацией митрополита Сергия о признании Церковью советской власти, и “иосифлянское”, поддерживавшее митрополита Иосифа, не признававшего декларации. Иосифлян было громадное большинство. Вся верующая молодежь была также с иосифлянами. И здесь дело было не только в обычном радикализме молодежи, но и в том, что во главе иосифлян на Соловках стоял удивительно привлекательный владыка Виктор Вятский. Он был очень образован, имел печатные богословские труды, но вид имел сельского попика. Встречал всех широкой улыбкой (иным я его и не помню), имел бороду жидкую, щеки румяные, глаза синие. Одет был поверх рясы ввязанную женскую кофту, которую ему прислал кто-то из его паствы. От него исходило какое-то сияние доброты и веселости. Всем стремился помочь и, главное, мог помочь, так как к нему все относились хорошо и его слову верили... Они вдвоем с о. Николаем Пискановским и уговорили Коллосова взять меня в Криминологический кабинет, а когда зимой 1929 г<ода> я вернулся из сыпнотифозной “команды выздоравливающих”, присыпал мне через Федю Розенберга понемногу лука и сметаны. До чего этот лук со сметаной был вкусен!

Однажды я встретил владыку (между собой мы звали его “владычкой”) каким-то особенно просветленным и радостным. Это было на площади у Преображенского собо-

дежь, читались доклады на философские и богословские темы. Осенью 1926 года, после паломничества в Саров, было образовано «Братство». «Как вспоминает Лихачев, “мы, интеллигентная молодежь, были всецело на стороне митрополита Иосифа... на стороне гонимой Церкви”» (Антонов В. В. Братство Преп. Серафима Саровского / Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1996. Вып. 16. С. 49).

³¹⁰ Кружок студентов, в шутливой форме изображавших академию, они «распределяли» кафедры, выступали с докладами и т. д.

ра. Вышел приказ всех заключенных постричь и запретить ношение длинных одежд. Владыку Виктора, отказавшегося этот приказ выполнить, забрали в карцер, насилино обрили, сильно поранив лицо, и криво обрезали снизу его одежду. Он шел к нам с обмотанным полотенцем лицом и с улыбкой рассказал, как его волочили в карцер стричь, связали, а он требовал, чтобы сперва обрезали длинную “чекистскую” шинель (на манер той, в которой был изображен на Лубянке Дзержинский) у волочившего его в карцер конвоира. Думаю, что сопротивлялся наш “владычка” без озлобления и страдание свое считал милостью Божией»³⁴¹.

С большой теплотой вспоминал о владыке Викторе и организатор литературно-философских кружков и самого «Братства Преп. Серафима Саровского», Иван Михайлович Андреевский, школьный учитель Дмитрия Лихачева. Он также был осужден по делу «Братства» на пять лет концлагеря и привезен на Соловки:

«С 1928 по 1930 гг. включительно Епископ Виктор находился в 4-м отделении СЛОН (Соловецкий Лагерь Особого назначения), на самом острове Соловки и работал бухгалтером Канатной фабрики. Домик, в котором находилась бухгалтерия и в котором жил владыка Виктор, находился вне кремля в полуверсте от кремля, на опушке леса. Владыка имел пропуск для хождения по территории от своего домика до кремля, а потому мог свободно (якобы “по делам”) приходить в кремль, где в роте санитарной части, в камере врачей находились: владыка епископ Максим (Жижиленко), первый катакомбный епископ и доктор медицины, вместе с врачами лагеря доктором К. А. Косинским, доктором Петровым и мною. Все мы четверо были церковно-православными людьми, не признавшими митрополита Сергия после его “Декларации” и состоявшими в лоне так называемой “Катакомбной Церкви”, за что и отбывали наказание. Владыка Виктор приходил к нам довольно часто вечерами, и подолгу беседовали по душам. Для “отвода глаз” начальства роты обычно мы инсцениро-

³⁴¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 207–208.

вали игру в домину за чашкой чая. В свою очередь мы все четверо, имевшие пропуска для хождения по всему острову, часто приходили, тоже якобы “по делам”, в домик на опушке леса, к владыке Виктору. В глубине леса, на расстоянии одной версты, была полянка, окруженная березами. Эту полянку мы называли “Кафедральным собором” нашей Соловецкой Катакомбной Церкви, в честь Пресв. Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами — березовый лес. Здесь изредка происходили наши тайные богослужения. Чаще такие богослужения происходили в другом месте, тоже в лесу, в “церкви” имени св. Николая Чудотворца. На богослужения, кроме нас пятерых, приходили еще и другие лица: священники о. Матфей, о. Митрофан, о. Александр; епископы Нектарий (Трезвинский), Иларион (викарий Смоленский) и наш общий духовник, замечательный духовный общий наш руководитель и старец — протоиерей о. Николай Пискановский. Изредка бывали и другие заключенные, верные наши друзья. Господь хранил наши “катакомбы”, и за все время с 1928 по 1930 г~~од~~ включительно мы не были замечены. Владыка Виктор был небольшого роста, полный, пикнической конституции, всегда со всеми ласков и приветлив, с неизменной светлой радостной тонкой улыбкой и лучистыми светлыми глазами. “Каждого человека надо чем-нибудь утешить”, — говорил он и умел утешать всех и каждого. Для каждого встречного у него было какое-нибудь приветливое слово, а часто даже и какой-нибудь подарочек. Когда, после полугодового перерыва, открывалась навигация и в Соловки приходил первый пароход, тогда обычно владыка Виктор получал сразу много вещевых и продовольственных посылок с материка. Все эти посылки через несколько дней владыка раздавал, не оставляя себе почти ничего...

Беседы между владыками Максимом и Виктором, свидетелями которых часто бывали мы, врачи санитарной части, жившие в одной камере с владыкой Максимом, представляли исключительный интерес и давали глубокое духовное наследие. Оба владыки любили друг друга неторопливо, никогда не раздражаясь и не споря, а как бы внимательно рассматривая с разных сторон одно сложное явление. Владыка Максим был пессимист и готовился к

тяжелым испытаниям последних времен, не веря в возможность возрождения России. А владыка Виктор был оптимист и верил в возможность короткого, но светлого периода, как последнего подарка с неба для измученного русского народа»³⁴².

Епископ Максим (Жижиленко), о котором пишет И. М. Андреевский, — первый тайно рукоположенный иосифлянский архиерей. Он был рукоположен епископами Димитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым) в Петрограде и направлен в подмосковный Серпухов. В мае 1929 года епископ Максим был арестован и отправлен на Соловки. Появление его там чрезвычайно усилило влияние «иосифлян», и до этого преобладавшее. И. М. Андреевский вспоминал, как радостно они встретили прибывшего епископа Максима. В отличие от «сергиан», не захотевших ни увидеться, ни побеседовать с ним, иосифляне, в их числе и владыка Виктор, нашли возможность не только общаться, но и совершать с ним тайные богослужения на Соловках:

«Несмотря на чрезвычайные строгости режима Соловецкого лагеря, рискуя быть запытанными и расстрелянными, Владыки Виктор, Иларион <Бельский>, Нектарий <Трезвинский> и Максим не только часто служили в тайных катакомбных богослужениях в лесах острова, но и совершали тайные хиротонии нескольких новых епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случае ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов. Только накануне моего отъезда из Соловков я узнал от своего близкого друга, одного целибатного священника, что он уже не священник, а тайный епископ.

...Иногда, в зависимости от обстоятельств, совершались сугубо тайные богослужения и в других местах. Так, например, в Великий Четверг 1929 г<ода> служба с чте-

³⁴² Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 70–72.

нием 12 Евангелий была совершена в нашей камере врачей, в 10-й роте. К нам пришли, якобы по делу дезинфекции, Владыка Виктор и о. Николай (Пискановский). Потом отслужили церковную службу, закрыв на задвижку и дверь. В Великую же Пятницу был прочитан по всем ротам приказ, в котором сообщалось, что в течение 3-х дней выход из рот после 8 часов вечера разрешается только в исключительных случаях, по особым письменным пропускам коменданта лагеря.

В 7 часов вечера в пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-часового рабочего дня, к нам пришел о. Николай и сообщил следующее: плащаница, в ладонь величиной, написана художником Р... Богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час. "Где?" — спросил владыка Максим. "В большом ящике для сушки рыбы, который находится около леса вблизи от №№ роты... Условный стук 3 и 2 раза. Приходить лучше по одному"...

Через полчаса владыка Максим и я вышли из нашей роты и направились по указанному "адресу". Дважды у нас спросили патрули пропуска. Мы, врачи, их имели. Но как же другие: вл~~адыка~~ Виктор, вл~~адыка~~ Иларион, вл~~адыка~~ Нектарий и о. Николай... Владыка Виктор служил бухгалтером на канатной фабрике, вл~~адыка~~ Нектарий — рыбачил, остальные — плели сети...

Вот и опушка леса. Вот ящик, длиной сажени 4. Без окон. Дверь едва заметна. Светлые сумерки. Небо в темных тучах. Стучим 3 и потом 2 раза. Открывает о. Николай. Вл~~адыка~~ Виктор и вл~~адыка~~ Иларион уже здесь... Через несколько минут приходит и вл~~адыка~~ Нектарий. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах еловые ветки. Теплятся несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, плащаница утопает в зелени веток. Молящихся человек 10. Позднее пришли еще 4–5, из них два монаха. Началось богослужение. Шепотом. Казалось, тел у нас не было, а были одни уши. Ничто не развлекало и не мешало молиться. Я не помню — как мы шли "домой", те ~~стъ~~ в свои роты. Господь покрыл.

Светлая заутреня была назначена в нашей камере врачей. К 12 часам ночи под разными срочными предложениями по медицинской части без всяких письменных разрешений собрались все, кто собирался прийти, человек около 15. После заутрени и обедни — сели разговаривать. На столе были куличи, пасха, крашеные яйца, закуски, вино (жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром). Около 3-х часов разошлись. Контрольные обходы нашей роты комендантом лагеря были до и после богослужения, в 11 час^{<о/з>} вечера и в 4 часа утра. Застав нас, 4-х врачей во главе с владыкой Максимом при последнем обходе не спящими, комендант сказал: “Что, врачи, не спите? — и тотчас добавил, — Ночь-то какая... и спать не хочется”. И ушел.

“Господи Иисусе Христе, благодарим Тебя за чудо твоей милости и силы”, — проникновенно произнес Владыка Максим, выражая наши общие чувства. Белая соловецкая ночь была на исходе. Нежное розовое соловецкое пасхальное утро играющим от радости солнцем встречало монастырь-концлагерь, превращая его в невидимый град Китеж, и наполняло наши свободные души тихой нездешней радостью»³⁴³.

Следует уточнить, что описанное пасхальное богослужение относится не к 1929-му, а к 1930 году, так как епископ Максим только в октябре 1929 года прибыл в Соловки. Владыка Нектарий не мог принимать в нем участие, поскольку осенью 1928 года был уже освобожден из лагеря. Но эти неточности вполне объяснимы тем, что воспоминания писались спустя годы, и в целом нисколько не уменьшают достоверность всех рассказов И. М. Андреевского.

Д. С. Лихачев писал, что отец Николай (Пискановский) имел антиминс и шепотом совершил литургию в 6-й роте и что духовенство из нее не ходило в еще открытую Онуфриевскую церковь, так как служившие там монахи, заключившие трудовое соглаше-

³⁴³ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 30–32.

ние с лагерем, были сергианами. И что вообще в его время, с конца 1928 года, заключенным посещать церковь было непросто, не чаще чем два раза в год и по предварительной записи, а с 1930 года посещение церкви заключенными было и вовсе строжайше запрещено. Этому противоречит свидетельство Олега Волкова о службах в этой церкви в 1928-м — начале 1929 года, которые он как будто посещал довольно свободно. Из его воспоминаний следует также, что и епископ Виктор, как и другие архиереи, часто бывал на богослужениях. Получается, что владыка Виктор сослужил с архиепископом Иларионом и другими архиереями и духовенством? Если это так, то, возможно, в первое время еще не произошло такого разделения между архиереями и их разномыслие не мешало молитвенному общению, по крайней мере до осени 1929 года, времени прибытия епископа Максима.

Не к этому ли времени относятся слухи об изменении взглядов владыки Виктора и его примирении с митрополитом Сергием? Митрополит Иоанн (Снычев) утверждал, что якобы на Соловках архиепископ Иларион³⁴⁴ убедил епископа Виктора примириться с митрополитом Сергием, и что это была нелегкая и ответственная миссия, так как «епископ Виктор противился и продолжал пребывать в своем заблуждении», и что об этом якобы владыка Иларион писал в своем письме ближним от 12 августа 1928 года: «Я писал Вам, какой народ несдержанный пошел. Много ругаюсь я с таким народом. Который Глазовский (разумеется еп<ис-

³⁴⁴ По свидетельству И. М. Андреевского, самыми упорными «сергианами» на Соловках оставались архиепископ Мариупольский Антоний (Панкеев) и епископ Иоасаф (Жевахов). «Менее яростным, но все же сергианцем был архиепископ Иларион (Троицкий), осуждавший Декларацию митрополита Сергия, но не порвавший общения с ним, как канонически правильным Первосвятителем Русской Церкви» (Польский М.. протопресв. Указ. соч. С. 28).

коп> Виктор), ну, это прямо искушение одно. Говорить с ним не приведи Бог. У него все будто навыворот, и все говорит, что все родные за него, и ничто слушать не хочет. Про него писали много. Ну, совсем человек сбился и себя одного за правого почитает»³⁴⁵.

По словам И. Сычева, как ни трудно было владыке Илариону «преобразить своего собрата, он все-таки достиг желанной цели», и епископ Виктор якобы согласился с его убеждениями и присоединился к митрополиту Сергию, а о своем присоединении сообщил вятской пастве и сделал ей соответствующее распоряжение. Сычев предположил, что это произошло в начале 1929 года, и далее безапелляционно заявил, что «в этом же году викторианство, как таковое в Вятской епархии, прекратило свое существование». Последнее заявление совершенно не соответствовало действительности, что очевидно даже из тех немногих выдержек из следственных дел начала 1930-х годов, приведенных выше³⁴⁶.

То же самое в отношении «переубеждения» владыки Виктора. Существуют непосредственные свидетельства самого владыки и свидетельства очевидцев. Например, в письме священника Диомида Андриевского, изъятом при его аресте в конце 1929 года³⁴⁷. Письмо без даты, но из контекста явствует, что написано оно было в начале 1929 года, в нем отец Диомид писал о получении заказного письма и открытки от владыки Виктора. Он особо отмечал, что в своем

³⁴⁵ Иоанн (Сычев), митр. Указ. соч. С. 325–326. В книге приведены и другие выдержки из писем архиепископа Илариона. Однако на редкость корявый стиль этих писем заставляет сомневаться в том, что их автором был действительно владыка Иларион, профессор академии, блестящий оратор и богослов.

³⁴⁶ О викторианском движении и его представителях более подробно будут представлены материалы в следующих книгах нашей серии.

³⁴⁷ Приобщено к материалам следственного дела по Марийской области.

письме владыка сообщал «о своем душевном и телесном здравии» и опровергал слухи, распространяемые сергианами. По словам отца Диомида: «В настоящее время синодалы (признающие Синод митрополита Сергия), от своих слов уже отказываются, “что мы не утверждали тех слов, что еп~~ископ~~ Виктор с ними вместе”, и ихняя ложь обнаружилась».

В этом же письме есть примечательные свидетельства о постоянной поддержке владыки Виктора в заключении. Так, отец Диомид сообщал, что по получении ответа от владыки они собрали от родных лиц «посыльные свои лепты и послали третий перевод в количестве десяти рублей, и четвертый перевод в количестве девяти руб~~лей~~ послали с отцом Захарием». Вообще вятская паства постоянно поддерживала владыку: и в лагере, и позднее в ссылке он регулярно получал посылки и денежные переводы, без которых было бы трудно выжить в те голодные годы. Люди делились последним со своим епископом, и как бы ни было им самим тяжко, и в какой бы нужде они ни пребывали, они почитали своим долгом помогать страждущим в темницах и изгнании, уделяя от своей скучности.

Лагерный срок заключения у владыки Виктора кончался весной 1931 года, но его не освободили, а приговорили к высылке. С Соловецкого острова на материковую «командировку» Май-Губа он был отправлен, по свидетельству И. М. Андреевского, еще осенью 1930 года. Весной 1931 года с владыкой виделся там Алексей Ростов, и позднее он вспоминал, что епископ Виктор доканчивал свой срок на Май-Губе счетоводом, а в ноябре 1931 года был отправлен этапом в Северный край³⁴⁸. Скорее всего, это произошло раньше, так как по окончании трехлетнего срока заключения, уже в

³⁴⁸ Ростов А. Встречи с мучениками и исповедниками // Владимирский Православный русский календарь на 1967 год. Нью-Йорк: Издательство общества Св. князя Владимира, 1966. С. 115.

апреле 1931 года, владыка был приговорен к ссылке в Северный край на три года. Известно, что его везли по реке Печора, так что в любом случае это должно было быть не поздней осенью, а в судоходный период. Путь был далекий: из Архангельска по Белому и Баренцеву морям до устья Печоры и дальше вверх по течению до впадения в Печору реки Цильма.

Привезли владыку в местечко Усть-Цильма Коми области Северного края. Это было хотя и отдаленное, но отнюдь не заброшенное и не захолустное место. Центр Печорского уезда, огромное, с вековыми традициями село³⁴⁹, растянувшееся на несколько верст по берегу реки Печоры. Добротные северные двухэтажные дома, крепкие хозяйства, спокойные, работающие люди, в большинстве своем потомки старообрядцев, хранившие во всей строгости обряды и обычаи своих предков, однако при этом не потерявшие и типично русской общительности, и благорасположенности к людям. Село еще жило своим прежним укладом, хотя строительство «новой жизни» началось и здесь. По всему району организовывались колхозы со всеми печально известными насилиями над крестьянством, сама Усть-Цильма была переполнена политическими ссыльными, которые для нее не были новостью, поскольку и в царское время сюда ссылались именно политические³⁵⁰. Но в таком количестве и в таком составе жители Усть-Цильмы их еще не видели.

³⁴⁹ Усть-Цильма основана в середине XVI века, но первые поселения на Печоре появились гораздо раньше — освоение Печорского края новгородцами началось уже в XI веке. Оторванность от центра обусловила своеобразие быта и культуры края. В начале XX века здесь открыли один из самых богатейших очагов былинной традиции, восходящей к киевскому периоду Руси, и еще до середины XX века здесь записывали былины и сказки у живых сказителей.

³⁵⁰ Первая группа прибыла в 1903 году, на 1 мая 1905 года ссыльные ходили по селу с флагами и лозунгами «Да здравствует 1 Мая!» и «Долой самодержавие!».

Как только причалили и выгрузились на пристань, владыка, к своей радости, увидел знакомое лицо. Это был протоиерей Иоанн Фокин, тот самый благочинный 5-го благочиннического округа, который приезжал к нему в Глазов еще в конце 1927 года и одним из первых поддержал владыку вместе со всем своим округом. Отец Иоанн уже второй год был в ссылке в Усть-Цильме, и он сразу же помог устроиться владыке, да так, что и желать нельзя было лучше. Он привел его к своим духовным чадам, ссыланным из Пермской области, монахине Ангелине³⁵¹ и инокине Александре³⁵².

Сначала они были в Шарканском монастыре³⁵³ Сарапульской волости, куда матушка Ангелина пришла после закрытия ее Томаровского монастыря³⁵⁴, расположавшегося рядом с селами Баклуши и Большая Соснова в Пермской области. В Шарканском монастыре матушка Ангелина познакомилась с Александрой. Когда и этот монастырь закрыли, они вместе вернулись в Пермскую область и поселились в селе Баклуши. В это время Ангелина приняла монашеский постриг³⁵⁵.

В Баклушихах они прислуживали в церкви, матушка Ангелина знала службу и была уставщицей. Церковь в

³⁵¹ Лыткина Татьяна Антоновна, 1893–1979.

³⁵² Лопатина Александра Гавриловна 1891–1979

³⁵³ Шаранская волостная иноческая женская обитель возникла еще в 1897 году близ святыни всей волости — иконы Божией Матери «Скоропослушница». 13 июля 1911 года был освящен храм во имя Архангела Михаила.

³⁵⁴ Сергиевский общежительный монастырь в местности под названием «Томаровские Шутьмы» Сивинской волости Оханского уезда. Учрежден в 1910 году во имя преп. Сергия Радонежского. (Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковнослужителя. Ч. II. С. 1519).

³⁵⁵ Она посетила в Перми свою бывшую игумению Августу, та и уговорила. По словам матушки Ангелины: «Как приехала к ней, она сразу: “Давай, давай постриг”. Если бы знала, что придется потом жить все время в миру, ни за что бы не приняла».

селе была связана с «викторианцами» Пермской области, священник церкви посещал Екатерининскую церковь в Сивинском районе и беседовал со священником Петром Старицыным, который вместе со своим приходом, как и другие священнослужители Пермской епархии, в 1928 году отошел от Пермского епископа Павлина и присоединился к епископу Виктору.

В 1929 году начались аресты, сначала взяли священников, а потом монахиню Ангелину, инокиню Александру и еще нескольких молодых церковниц³⁵⁶. Матушка Ангелина вспоминала:

«Когда колхозы-то стали... А село богатое, у каждого жнейка, косилка своя... Пришли, священников забрали, церковь закрыли, сказали: “Из-за вас в колхоз не идут”. Всех, семь-восемь человек арестовали, все в церкви прислуживали. Еще два священника было. Священников сразу отправили. Отец Павел, больно уж он был ревнитель такой! Даже бесноватых лечил... Всех в ссылку... И многих других арестовали... Когда отправляли, недели две сидели в церковной ограде. Посреди двора стояла плита. Александра все кипятила чайник и всем разливала. Спали, где придется. Все церковные. Такие люди! Там были монахи Серафим и Авель, которые по десять или по двадцать лет провели в лесу. А выдали их охотники...»

Выслали их в Усть-Цильму, везли сначала до Архангельска, а оттуда потом на пароходе. В Усть-Цильме они познакомились с «викторианским» священником, отцом Иоанном Фокиным, он стал их ду-

³⁵⁶ В ноябре 1929 — священник Василий Кульпин и восемь женщин были арестованы. «Поступили агентурные сведения о том, что священник Кульпин Василий Александрович и монахини вели агитацию против колхоза, а также против займа и с/х налога». 3 января 1930 — В. А. Кульпин и председательница приходского совета были приговорены к 3 годам ИТЛ, остальные — к 3 годам ссылки (ГА по делам политических репрессий Пермской обл. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8895).

ховником. И вот теперь познакомились и с самим епископом Виктором. Матушки со всей душой приняли владыку и в дальнейшем разделили с ним все тяготы ссылки до самой его кончины. Благодаря им стало известно о последних годах жизни владыки Виктора. К сожалению, их рассказы не записывались и сохранились лишь в памяти близких, с неизбежными при этом неточностями и потерями бесценных подробностей:

«Отец Иоанн заходил к ним в дом, где они жили. И вот как придет пароход, а пристань-то рядом с домом, они ему: "Ба-тюшка! Поди-ка поищи, может, там кто знакомый есть!" И вот как-то он пошел, а там епископ Виктор, как раз приехал и квартиру ищет. Приходят они, и отец Иоанн Александре говорит: "Ну, вот привел! Больно-то ты просила! Привел!"

Вятская-то простота... Да, вот и владыка Виктор говорил, он везде служил, а вот: "Нет у нас в России таких людей, как в Вятке!" Простота... очень была... как говорят: "Ой, да вятский Иван... Семеро одного не боятся"... Да вот такие всякие про народ вятский прибаутки, как будто он глупый... А это простота сердца была! И владыка об этом же сказал. И в Вятке его полюбили....

И вот так три года прожили они в Усть-Цильме. Жили они в домике у пристани, хозяева занимали первый этаж, а они помещались на втором. Там и молились, владыка служил. Ссыльных было много в Усть-Цильме, и духовенства тоже. Хлеб выдавали по карточкам — 200 грамм в день. И все... Они мукой брали. Иногда, когда "шпана" карточки продавала, отец Иоанн покупал. Хлеб был привозной. Если подвоза хлеба не было, голодали. Как-то пришел монах Серафим и просил: "Матушки, хлебца бы!" Они отрезали кусочек от хлеба, который из последней муки испекли. Он съел и говорит: "Я поел, а Авель-то нет"... Они отдали ему все. Он прямо зарыдал: "Господи, воздай им, Господи, воздай им за их доброту!"

Как-то весной не было хлеба, и ссыльные с голоду умирали на улице. Александра рассказывала: "Я травки

насобираю, комочки сделаю, молочка налью, да пойду по-угощаю, которые живы. Так вот маненько помогала". Молочко у них было. Хозяева, в доме которых они жили, держали пять коров. Летом они переправлялись с ними на другой берег Печоры³⁵⁷, а одну оставляли, нетелянью. Александра за ней ухаживала.

"Вот молочко-то и было, — вспоминали матушки. — Владыка молочко любил. Сывороточку... Ничего ведь нет, так ее в чаек добавит... и хватит. Любил чаек с молочком. Так ели картошечку пожиже, да молочка добавим, если есть... Картошку сажали. Раньше там только мясо и рыбу ели. Ссыльные все большие огороды стали сажать. И моркошку, и свеклу, и лук. Еще сети вязали рыбакам, шили... Так вот пожили. В то время владыку в тюрьму брали... Помучали его..."

Епископ Виктор был арестован в ночь на 13 декабря 1932 года и утром того же дня вместе с десятью арестованными отправлен этапом в город Сыктывкар и заключен в местную тюрьму. 22 декабря владыка был допрошен. Кратко рассказав свою биографию, он заявил: «Причину настоящего ареста ничем объяснить не могу, так как преступления за собой нечувствую. По своим религиозным убеждениям являюсь последователем патриарха Тихона, обновленчества и сергиевщины не признаю»³⁵⁸.

В тот же день владыке Виктору было предъявлено обвинение в том, что, « проживая на территории Усть-Цилемского района, он входил в монархическую контрреволюционную группировку, которая под видом религиозных предрассудков вела к/р. работу против мероприятий Соввласти»³⁵⁹. Это же обви-

³⁵⁷ Жители Усть-Цильмы издавна пасли скот на пойменных лугах, на лето уезжали туда всеми семьями. Дома и все, что там было, оставляли. Только подопрут или приставят к двери палку, ее так и называли — «пристав».

³⁵⁸ Подчеркнуто следователем. Центральный государственный архив Коми АССР. Ф. Р-2165. Оп. 2. Д. КП-4812. С. 104.

³⁵⁹ ЦГА Коми АССР. Ф. Р-2165. Оп. 2. Д. КП-4812. С. 77.

нение было предъявлено и другим арестованным в Усть-Цильме ссыльным: четверым священникам³⁶⁰ и шести мирянам³⁶¹. Следователи «раскручивали» громкое дело: «писали роман», доказывая преемственность создаваемой ими контрреволюционной монархической организации с существовавшим до революции «Беломорско-Карельским Обществом Михаила Архангела», а во время Гражданской войны в 1918–1920 годах — с «Патриотическим обществом» и «Союзом Духовенства».

Инициатором создания «контрреволюционной организации» назвали ссыльную Екатерину Ивановну Поварову, которая организовала материальную помощь ссыльным через знакомых в Архангельске. Ее переписка с епископом Аполлосом (Ржаницыным), благословившим ее деятельность, Анной Васильевной Моргуновой, старостой центрального храма, и активными прихожанками, Еленой Константиновной Вешняковой и Екатериной Акиндиновной Цветковой, отправлявшими помочь ссыльным в Усть-Цильму, была достаточной для привлечения их к групповому делу как «участников к/р. группы». Епископ Аполлос, Е. К. Вешнякова и Е. А. Цветкова были арестованы в Архангельске в конце января — начале февраля 1933 года, А. В. Моргунова успела скрыться и была объявлена в розыск.

Многие «свидетели» на допросах подтвердили, что из Архангельска, по указанию обвиняемого епископа Аполлоса (Ржаницына)³⁶², приезжали его прихожанки в Усть-Цильму и привозили деньги, продукты и одежду в помощь административно ссыльным священникам и мирянам, как «страдающим за

³⁶⁰ А. Д. Нечаев, И. А. Никольский, Богданов, Кулагин.

³⁶¹ И. П. Верещагин, Г. В. Галковский, М. Н. Нуromская, Е. И. Поварова, Л. И. Сидоренко, А. А. Сычев.

³⁶² Он знал иерея Александра Нечаева и Марию Нуromскую, дочь епископа Антония (Быстрова), скончавшегося в 1931 году.

религию». «Свидетели» и некоторые обвиняемые дали показания об активной агитации ссыльных за выходы из колхозов и за отказы от работ на лесозаготовках, о распространении ими провокационных слухов. Мария Нуромская была обвинена также в умышленной выдаче административно ссыльным справок об освобождении от работ, посредством чего она якобы «систематически ослабляла рабочую силу».

Основные сведения для версии следствия дали на допросах обвиняемые священники. Так, А. Д. Нечаев поименно перечислил, по его словам, «безусловных участников нашей к/р. группировки» — десять человек в Усть-Цильме, в их числе и Островидов Виктор Александрович, и пять человек в Архангельске. И. А. Никольский подробно расписал по пунктам «практическую к/р. деятельность участников нашей группировки», и эти пункты дословно были приведены в «Обвинительном заключении». По-видимому, таких же показаний требовали и от епископа Виктора, но владыка не признал себя виновным и категорически отказался участвовать в написании «романа», выдуманного следствием³⁶³. В своем Заявлении в Полномочное Представительство ОГПУ по

³⁶³ Игумен Дамаскин (Орловский) приводит следующий факт, вероятно, сохранившийся в устном предании: «Протокол с нелепыми обвинениями и лживыми показаниями был заготовлен заранее, и сменяющие друг друга следователи сутками повторяли одно и то же — подпиши! подпиши! подпиши! Однажды владыка, помолившись, перекрестил следователя, и с тем случилось нечто подобное припадку беснования — он стал нелепо подпрыгивать и трястись. Епископ помолился и попросил Господа, чтобы не случилось вреда этому человеку. Вскоре припадок прекратился, но вместе с этим следователь снова приступил к владыке, требуя, чтобы тот подписал протокол. Однако все усилия были напрасны — святитель не согласился оговорить себя и других» (Священоисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 145).

Северному краю от 1 августа 1933 года епископ Виктор писал:

«В процессе следствия для меня выяснилось, что возбужденное против меня обвинение есть самый гнусный, злостный шантаж, устроенный надо мною бывшими священниками: Богдановым, Кулагиным, Никольским и Нечаевым, — с которыми я лично не был знаком, а по Усть-Цильме они известны были, как секретные сотрудники местного ОГПУ. — Причина этого шантажа их надо мною мне неизвестна, но так как он был упорно и настойчиво поддержан и производившим следствие гр^ажданином Елсуковым, то я и решился написать это заявление. Мои письменные показания по данному делу, каковые я сделал по предложению следователя гр^ажданина Секацкого, были уничтожены при мне след^авателем Елсуковым, Все же следствие самого гр^ажданина Елсукова сводилось к бессмысленным издевательствам над личностью человека. — Закончилось это следствие двумя личными "ставками" меня с вышеупомянутыми Богдановым и Никольским, показания измышления которых были ужасны, а под первом следователя эти показания превратились во что-то чудовищное. Как бы в успокоение меня или своей совести Богданов пред личной ставкой заявил мне, что приходится прибегать к выдумкам, чтобы облегчить сидение, а Никольский после ставки, схватившись за голову, идя впереди меня и обращаясь ко мне, повторял: "Негодяи мы, негодяи". На предложение следователя Елсукова подписать протокол я только заметил: "Вы подписали эту гнусность и Вы можете ввести в обман посторонних людей, но будет Вам стыдно смотреть хотя друг другу в глаза (с Никольским)". На это следователь ответил: "А Вам не стыдно было при царизме обманывать народ и шить себе ряски"»³⁶⁴.

Через три недели после очных ставок, 20 февраля 1933 года, владыка Виктор был вызван к следовате-

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 154–155.

лю Елсукову, который объявил ему об окончании следствия и предложил расписаться на документе. Когда же владыка вернулся в камеру и рассказал об этом, то первый же вопрос сокамерников привел его в сильное замешательство, о чем он написал в своем заявлении: «*Не было ли выше моей подписи еще что-либо написано или не осталось ли выше подписи белой незаполненной бумаги, которая уже как бы от моего имени может заполниться?*» В связи с этим владыка в своем заявлении вопрошаает: «*Так неужели представитель Высшей Власти может быть способен на такой подлог-мошенничество? Тогда к кому же обращаться гражданам за правдой? — Это будет уже тогда не жизнь, а безысходный кошмар жизни...*»

Такого очевидного подлога-мошенничества все же осуществлено не было... И в «Обвинительном заключении» по делу указывалось, что Островидов свою вину отрицает, но изобличается показаниями Нечаева, Никольского и других. 23 марта 1933 года арестованым было предъявлено обвинение, как «участникам к.р. группировки», занимавшейся антисоветской деятельностью. Епископ Виктор вместе с шестью заключенными конкретно обвинялись в том, что: «*а) являлись активными участниками к.р. группировки адм<инициативно> ссыльного духовенства и церковников в с<еле> Усть-Цильма; б) принимали участие в проводимых руководством группировки групповых сборищах, где вырабатывались общие методы и тактика к.р. работы; в) вели в массах крестьянства повседневную а/с агитацию, направленную к срыву проводимых Соввластью мероприятий; г) с целью укрепления пораженческих настроений распространяли провокационные слухи о неизбежности войны и гибели Соввласти*»³⁶⁵.

³⁶⁵ ЦГА Коми АССР. Ф. Р-2165. Оп. 2. Д. КП-4812. С. 141, 154.

10 мая 1933 года епископ Виктор был приговорен к трем годам ссылки в Северный край и отправлен обратно в Усть-Цилемский район. Когда он прибыл туда, не ясно, но не менее трех месяцев владыку еще продержали в тюрьме. Приведенное выше заявление от 1 августа 1933 года он написал в следственном изоляторе Сыктывкара. В своем письме в Политический Красный Крест владыка Виктор также указывал, что провел в тюрьме 8 месяцев. И, по рассказам матушки Ангелины и Александры, в Усть-Цильму владыка вернулся не ранее осени 1933 года. Они ждали его и не знали, что и думать:

«Все ждали, думали, куда уж он делся? А у самих-то срок давно кончился... Наконец, получили письмо, где владыка писал, что возможно скоро увидимся. Потом рассказывал: в тюрьме, когда был, как-то выносил из камеры помойку выливать, вдруг видит у забора, где будка охранников, под будкой — на земле лежит дощечка. Нагнулся, а охранник молодой соскочил, достал и передал владыке. Он ее обернул к себе: “Ой, да икона!” Икона Спасителя — копия с чудотворного образа из Свято-Троицкого Стефано-Ульянского монастыря Усть-Сысольского уезда. Владыка принес в камеру и молился: “Господи, Ты мне, где не ведал, явился, так походатайствуй за меня!” И вот вскоре его освободили...

После тюрьмы владыка с другими ссылочными священниками отслужил на квартире ссыльного священника Николая в Архангельске³⁶⁶ несколько литургий. “Какая радость нам! И иконушка-то тогда с нами была”, — говорил владыка. Пришел с такой радостью.

Мало он уже после этого жил. Приехал опять в Усть-Цильму. Там же священники нажаловались: “Ай, да вот

³⁶⁶ Матушки могли ошибиться и назвать Архангельск вместо Сыктывкара. Но если владыка действительно после тюрьмы попал в Архангельск и оттуда потом уже обычным путем добирался по морю и Печоре до Усть-Цильмы, то факт его пребывания в Архангельске в то время имеет важное значение, но об этом — ниже.

Островидов. Ему опять рыбу несут и все"… И вот его в Нерицу отправили. Тридцать километров от Усть-Цильмы. А в Нерице народ такой был, безбожный. Вот они и думали, что вот там никто ничего ему не даст.

Пришел владыка такой печальный.

— Ну, куда еще вас, Владыченка, куда еще?

— Да вот, в Нерицу…

— Ну, так что, мы ведь теперь свободны, батюшка. Мы теперь не оставим вас. Хоть куда вас пошлют.

Он так обрадовался!

В Нерицу посылки-то ему не шли, а вятские ему все время посыпали. А в Нерицу-то они уж не придут. И Ангелина-то осталась в Усть-Цильме. Александра с ним уехала. Пустили их в дом. Сосед — коммунист, за заборкой только жил. У него там патефон постоянно, громко, громко… А владыка взял, да и перекрестил стенку-то. И этот патефон упал, и все, больше ни-ни… Владыка боялся еще, как узнает, мне будет! А как узнают? Упал и упал, и не почи-нили, и не орал уже».

В Нерице за два с небольшим месяца до кончины епископ Виктор написал письмо в Политический Красный Крест. Это последнее из дошедших до нас писем святителя, причем в подлиннике. В письме владыка Виктор просил Екатерину Павловну Пешкову, возглавлявшую Помполит³⁶⁷, помочь в его тяжелом положении. Он писал, что страдает с 1922 года, что за это время провел двадцать два месяца в тюрьме, три года в концлагере на Соловках, полтора года в высылке, один месяц на свободе, а все остальное время в ссылке:

«Последний раз осужден был в 1928 г^{оду} в мае мес^{яце} в концлагерь на три года за отказ от признания известной декларации Митрополита Сергия и отказ от него как главы Правосл^{авной} Церкви. В 1931 г^{оду} лагерь был заменен ссылкой в распоряжение Полн^{омоч-}

³⁶⁷ Помполит — «Помощь политическим заключенным».

ного> Предст~~авительства~~ Сев~~ерного~~ края, г~~ород~~ Архангельск, на три года. Срок этой ссылки кончается 4 апр~~еля~~ с~~его~~ г~~ода~~, но я не могу получить освобождения, и вот почему. — В прошлом году четыре бывш~~их~~ священника, сергияне, с которыми я не был знаком, устроили надо мною шантаж, объявив меня соучастником какой-то их мифической организации. Сущность этого шантажа и следствия по поводу его я кратко изложил в своем заявлении в П~~олномочное~~ П~~редставительство~~ Сев~~ерного~~ края, копию которого при сем прилагаю. Возмутительно и до крайности омерзительно для меня то, что я, отрицающий по своим религиозным убеждениям всякое участие как вообще Пр~~авославной~~ Церкви, так, в частности, свое личное участие в каких бы то ни было земных интересах жизни, не только пострадал по этому делу, 8 мес~~яцев~~ в тюрьме в Сыктывкаре, но и получил еще новый срок ссылки, а упомянутые организаторы освобождены. Ведь так поступать — значит никогда не выпустить человека на свободу, а между тем, дело жизни идет к старости, здоровье крайне надорвано и требуется лечение»³⁶⁸.

Письмо подписано 23 февраля 1934 года, почтовое отделение Усть-Цильма. Оно было отправлено из Усть-Цильмы матушкой Ангелиной, в Москву пришло, вероятно, уже после кончины владыки. В архиве Помполита оно было зарегистрировано 4 мая 1934 года. 8 мая последовал краткий ответ: отпечатанное на машинке сообщение за подписью Михаила Львовича Винавера, помощника Е. П. Пешковой: «В ответ на В~~аше~~ обращение сообщаю, что для ходатайства о пересмотре В~~ашего~~ дела Вы можете прислать нам не длинное, мотивированное заявление на имя ОГПУ с указанием времени и места В~~ашего~~ ареста. Заявление мы передадим и о результате Вас уведомим»³⁶⁹. Это сообщение было отправлено по адресу: «п~~очто~~

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 152–153.

³⁶⁹ Там же. С. 156.

вое от *<деление>* Усть-Цильма, обл*<асть>* Коми. До востребования Островидову Конст*<антины>* Ал*<ек-сандревичу>*»³⁷⁰. В августе 1934 года оно вернулось обратно в Москву с неровной надписью на конверте: «Возвращается за смертью адресата».

О кончине владыки рассказывали матушки:

«Недолго он пожил в Нерице, только пять месяцев... В конце апреля монахиня Ангелина получает письмо. Владыка пишет: “Мать Ангелина, приезжай. У нас на этой неделе было томление сердца. Втроем, может, нам полегче-то будет пережить-то”. В субботу она приехала, в понедельник он умер. Приехала — он был в сознании. Священник там был. Все следил, послали за ним, следил, где что ни скажет, чтоб привязаться-то к чему... Может, что-нибудь скажет или что... Он пришел, когда владыка заболел, посмотрел и сказал: “Менингит”.

Отпевали заочно. У Николая, того священника ссыльного, в Архангельске собрались и отпевали уже потом заочно. Хотели хоронить в Усть-Цильме. Нерица ведь сильно глухое место. Но ведь было уже второе мая. “Потайка”-то там была. Потаяло, а ехать надо было по речке. А мать Ангелина туда приехала на лошади в санях. Решили — оденем его и как больного повезем, не скажем, что он умер. Вот и повезли. Ехали-ехали, а вода с гор-то льет-льет... Снег на реке еще толстый, но ехать по реке им уже нельзя стало. И сани уже не могут завернуть. Снег-то весь сырой... Мать Ангелина пошла в деревню назад, в Нерицу за помощью. Мужчины выручили, пришли двое с рычагами такими. Говорили, что тут каждую весну тонут, потому что вода-то льет, она под лед как бы идет от берега-то, а потом лед падает.

Матушка Ангелина пока шла, пока искала, километра три они отъехали, время-то шло. Снег таял... На реке вода уже со снегом... Когда обратно ехали, лед уже трескался. Мужики-то с рычагами, вот так уложат и лошади ослабят упряжь, она перескочит, и сани тогда дернет и перетащит. Вот так переезжали. Рычаги — длинные палки. Вот такое мучение было.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 152–153. Л. 159.

Александра, пока ждала в санях посреди реки, упала на колени, за ноги покойного владыки ухватилась: “Владыка, нам с тобою... гроб нам с тобою Печора!.. Владыченка, нам с тобою... гроб... Печора!”

Приехали обратно и хоронили в Нерице. Мужчины помогали хоронить, выкопали могилу. Ну, так там песок, белый песок...

На сороковой день они вернулись в Усть-Цильму в тот дом, где жили. Хозяева рассказали, как сноха Насти пошла по лесенке на второй этаж, поднимается, а там — как ладаном хватило! Она: “Мамка, мамка, как владыка служил, ладаном!”... Владыка-то, когда жил, служил дома. А то было как раз в тот день, когда владыка умер, уже душа его...»

О пребывании епископа Виктора в Нерице дополнительные сведения, вероятно, сохранившиеся в устной традиции, приводит в жизнеописании святителя игумен Дамаскин (Орловский):

«Хозяева дома, где жил епископ Виктор, полюбили доброго, благожелательного и всегда внутренне радостного владыку, и хозяин часто приходил к нему в комнату поговорить о вере.

Жизнь в селе в условиях Севера, да еще после того, как здесь прошла коллективизация и почти все запасы продовольствия были вывезены из сел и деревень в город, настала необыкновенно тяжелая, пришел голод, а с ним и болезни, от которых многие умерли в зиму 1933—1934 годов.

Была при смерти и дочь хозяев, девочка двенадцати лет. Епископ время от времени получал от своих духовных детей из Вятки и Глазова посылки, которые почти целиком раздавал нуждающимся жителям. Из присланного он поддерживал во время болезни и дочь хозяев, каждый день приносил ей несколько кусочков сахара и горячо молился о ее выздоровлении. И девочка по молитвам епископа-исповедника стала поправляться и, в конце концов, выздоровела.

...После суровой зимы, которая здесь почти вся проходит в темноте и сумерках из-за короткого зимнего дня,

когда невозможно далеко отойти от села без риска заблудиться, при наступлении весны преосвященный стал часто и надолго уходить в лес.

Кругом еще лежал снег, но было уже по-весеннему светло, и иногда среди угрюмых туч выглядывало солнце, со всех сторон владыку окружали сосны и ели, и все вместе с бескрайним простором создавало грозное ощущение величия творения Божьего и Самого Творца.

“Наконец я нашел свой желанный покой
В непроходной глуши среди чащи лесной.
Веселится душа, нет мирской суеты,
Не пойдешь ли со мной, друг мой милый, и ты...
Нас молитвой святой вознесет до небес,
И архангельский хор к нам слетит в тихий лес.
В непроходной глуши мы воздвигнем собор,
Огласится мольбой зеленеющий бор...” —

писал он, как сохранило церковное предание, близким»³⁷¹.

В доме, где поселился владыка в Нерице³⁷², проживало две родственных семьи. В обеих семьях были девочки разного возраста. Дочь одного из хозяев, Роза Прокопьевна Дуркина, помнит владыку Виктора:

«А дедушка, он все на улице ходил, то дров заготовляет, то на речку за водой сходит. Воду нам носил, помогал. Родители на работе, в колхозе, а мы, дети, должны были воды наносить. Так он свои ведра отнесет, а потом вернется, заберет и наши несет. Он много нам ведер переносил.

Выбежишь, посмотришь... Я мала, все боялась... Часто его видала. Он в тулупе, сам небольшого роста, с бородкой. А монашки помоложе были. Стоят, в углу молятся. Помню, так маленько откроешь дверь и подглядываешь...

³⁷¹ Священноисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 146–149.

³⁷² Это был большой двухэтажный рубленый дом, он не сохранился, сгорел.

Мы, дети, не разговаривали, боялись, поди маленькие...
Нынче я труслива, а тогда и подавно...»

Розе Прокопьевне тогда шел восьмой год³⁷³, при нашей встрече в марте 2010 года она сетовала, что мало что может сказать. Вспоминает свою подружку, двоюродную сестру Тамару, которая жила в том же доме. Но вот ничего не помнит о ее или чьей-то болезни:

«Я вот не знаю, как она болела, никак не могу сказать... Не знаю... А вот что я от мамы слыхала, так это что он тут умер. Когда они на гору только заехали, то он и умер. Вернулись и уже тут в Нерице хоронили»³⁷⁴.

«А старший брат, 1924 года рождения. Он как раз на чердак зашел, там все веники были для бани... Пошел он туда, играть или что он там зашел... И вдруг мимо него заяц пробежал. Он чуть с лестницы не упал. Сбежал: “Мама-мама! У нас на чердаке заяц!” Она: “Откуда?!” И только-только несколько минут прошло, как обратно вернулись с умершим. И мама все говорила, это заяц весть принес... А так откуда бы взялся заяц на чердаке?»

Как хоронили владыку Виктора, Роза Прокопьевна не видела, предполагает, что ее отец и помогал копать могилу. Вероятно, он же по просьбе монахинь наловил рыбы на поминальную трапезу по владыке на сороковой день: сначала он отказывался, поскольку было не время для лова, но после того как сам святитель Виктор приснился ему во сне и попросил об этом, он отправился на рыбалку. «Чудесный улов рыбы произвел огромное впечатление на рыбака, и он сказал жене: “Не простой человек жил у нас”»³⁷⁵.

³⁷³ Она родилась в 1926 году.

³⁷⁴ Так и было, ведь матушки не сказали, что владыка умер, и увозили его якобы больного.

³⁷⁵ Священноисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 153.

После сорокового дня матушки уехали. По благословению почившего владыки они направились в Глазов, хотя там никого не знали. Устроились благополучно — их сразу принял кто-то из паствы владыки. Там они и прожили всю оставшуюся жизнь. Работали не покладая рук, держали скотину, строились. Власти их больше не трогали, хотя из милиции приходили постоянно. Видели иконы, знали, что они молятся, но не притесняли, а в домовой книге обычно записывалось: «Нарушений нет». В открытые храмы матушки не ходили, как и многие из пасомых владыки Виктора в Глазове и Вятке. Недаром их называли «викторианцами». Как только матушки приехали в Глазов, священник местной церкви сразу объявил народу: «Вот еще викторианцы приехали, вы с ними не сообщайтесь».

Окормлялись матушки у тайных священников «викторианского» и «иосифлянского» поставления. К ним в Глазов приезжал их духовник отец Александр Никольский из города Омутнинск Кировской области, но чаще они к нему сами ездили на службы. Знали матушки и отца Михаила Рождественского, бывали у его питерской паствы³⁷⁶. У отца Михаила они стали окормляться после кончины отца Александра, и он же отпевал их обеих — преставились они в 1979 году: монахиня Ангелина — в июне, инокиня Александра — в октябре.

В 1960 году матушки решили поехать на могилу владыки Виктора. Печорский край по-прежнему оставался труднодоступным, хотя еще в 1930-х годах стал летать самолет в Усть-Цильму из Архангельска, а потом

³⁷⁶ В свою очередь и питерские иосифляне приезжали к ним. О встречах с матушкой Ангелиной вспоминала Лидия Павловна Семенова. Она же рассказала об отце Александре Никольском и его встрече с отцом Михаилом Рождественским (Священно-мученики Сергий, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. С. 317–319).

из Сыктывкара, но в самом районе никаких дорог, даже тележных, тем более автомобильных, почти не было. Водный путь, как и в былые времена, оставался и остается до сих пор основным в летнее время, но и он ненадежен³⁷⁷. Но в тот год матушки благополучно добрались до цели своего путешествия: по Воркутинской железной дороге доехали до станции Печора, там сели на пароход, который шел по Печоре до Усть-Цильмы, как и раньше, только теперь вниз по течению. В Усть-Цильме в том же доме у пристани они нашли своих прежних хозяев, вернее, их детей и невестку Настю³⁷⁸. Те их помнили, встретили радушно. Потом переписывались, и Настя даже присыпала им в Глазов посылки с сухой рыбой из Нарьян-Мара, где бывала у своего сына.

Но еще до Усть-Цильмы матушки попали в саму Нерицу! Пароход сделал остановку у впадения в Печору реки Нерица, откуда местные жители на лодках переправлялись до села. Так добрались до Нерицы и матушки. Мало что изменилось в этом большом селе, привольно раскинувшемся на красивом берегу широкой мелководной реки: те же рубленые дома, тихие сельские улицы, густые леса вокруг, спокойное течение реки...

Вот и то же кладбище! Но прошло двадцать шесть лет!.. Найдут ли они могилу? Долго ходили, искали... Кладбище, хотя и небольшое, но на нем уже много новых могил, выросших деревьев... И вдруг увидели знакомый крест. Он лежал на земле и так же, как могильный холмик, почти совсем зарос. Но на кресте ясно различалась надпись, которую инокиня Алек-

³⁷⁷ Может помешать непогода, или «низкая вода», особенно в притоках Печоры — реки настолько обмелевают, что невозможно проехать даже на плоскодонках.

³⁷⁸ Этот дом в Усть-Цильме на берегу Печоры до сих пор сохранился и принадлежит той же семье. Совсем недавно умерла дочка хозяев, Александра, которая была еще младенцем, когда привезли владыку Виктора.

сандра вырезала ножом перед похоронами епископа Виктора: «Островидов». Подняли крест, все почистили. Долго не могли уйти...

Потом их пригласила к себе жительница села Агафья: «Вижу, что приезжие, зайдите чайку попить». Познакомились, разговорились, и с тех пор Агафья с мужем Виктором стали ухаживать за могилой. Виктор еще сделал ограду, и так могилу сохранили. Если бы похоронили, как хотели сначала, в Усть-Цильме, то неизбежно могилу бы потеряли. Старое кладбище там было уничтожено.

Монахиня Ангелина еще три раза приезжала в Нерицу, последний раз незадолго до своей кончины. Ездили и многие из Вятки. Владыку Виктора помнили, память его чтили, и, почитая святым, были несказанно рады, когда узнали о том, что могила его сохранилась. Ее посещение считали великим благословением и утешением.

В 1997 году игумен Дамаскин (Орловский) нашел св. мощи владыки Виктора и увез их из Нерицы в Москву. Как сообщалось в Вятском Епархиальном Вестнике, открытие мощей произошло 1 июля 1997 года, причем мощи святителя были найдены нетленными!³⁷⁹ «Чудеса начались уже во время обретения останков: преобразился в тихого и кроткого бесновавшийся пьяный хулитель имени Божия, попросили крещения жители села Нерицы, не знавшие Церкви и ее Тайнств! 2 декабря 1997 года останки святителя Виктора были перенесены в храм Александра Невского Свято-Троицкого женского монастыря города Вятки»³⁸⁰. С 2005 года св. мощи епископа Виктора почивают в Преображенском храме Спасо-Преображенского монастыря в Вятке.

³⁷⁹ Вятский Епархиальный Вестник. 1999. № 3.

³⁸⁰ Житие священноисповедника Виктора, епископа Глазовского, викария Вятской епархии / Сост. игуменья София (Розанова). Киров (Вятка), 2004. С. 43.

Послесловие

В 1981 году святитель Виктор был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церквию за границей. В 2000 году и Архиерейский собор Московской патриархии определил включить епископа Глазовского Виктора в Собор новомучеников и исповедников. Как удалось при этом примирить позиции святителя Виктора, называвшего митрополита Сергия отступником, отпавшим от Бога Истины, и Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола, подвергавшего епископа Виктора запрещению и считавшего его раскольником, лишенным благодати, — до сих пор остается неясным.

Бытовавшая прежде версия о «покаянии» святителя и воссоединении его с митрополитом Сергием, представлявшаяся весьма сомнительной и ранее³⁸¹, в настоящее время признана несостоятельной и опро-

³⁸¹ Слухи о мнимом примирении епископа Виктора с митрополитом Сергием распространялись еще при жизни святителя, а с 1960-х годов проникли и в церковно-историческую литературу (См.: Магистерская диссертация митр. Иоанна (Снычева). «Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности в истории». Полностью опубликована в 1993 году в Сортавале, затем в 1997 году в Самаре).

вергнута церковными историками на основании документов. О неизменности исповеднической позиции святителя Виктора свидетельствуют: 1) упомянутое выше последнее его следственное дело 1932–1933 годов³⁸²; 2) приведенное выше последнее письмо владыки из Нерицы в феврале 1934 года; 3) факт передачи владыкой Виктором своей паствы архиепископу Серафиму (Самойловичу), одному из ведущих деятелей антисергианской оппозиции. Последний факт подтверждается свидетельствами из различных следственных дел духовенства и мирян по Вятской епархии.

Например, в деле «участников к/р группы ИПЦ» 1935 года настоятель Ильинской церкви Григорий Никулин³⁸³ именуется как «тайный благочинный викторианского движения»; «духовник викторианского духовенства, уполномоченный на это преемником Виктора Епископом Серафимом Углицким³⁸⁴». По показаниям свидетелей, он имел письменные полномочия от владыки Серафима «на право объединения им Православной церкви в Киркрае, исповеди священни-

³⁸² ЦГА Коми АССР. Ф. Р-2165. Оп. 2. Д. КП-4812. С. 104.

³⁸³ Никулин Григорий Дмитриевич, родился в 1897. С 1925 — диакон, с 1929 — священник, служил в Хлыновской церкви Вятки. В 1931 — выслан в село Керчема под Усть-Куломом, с 1934 — служил в Ильинской церкви села Макарьево, имел большое влияние на бывших прихожан. В 1935 — осужден на 5 лет, отправлен в концлагерь.

³⁸⁴ Самойлович Семен Николаевич, родился в 1880 в Полтавской губ. В 1920 — рукоположен во епископа Угличского, викария Ярославской епархии, в 1924 — возведен в сан архиепископа. С 29 декабря 1926 по 7 апреля 1927 — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. 6 февраля 1928 — с ярославскими архиереями заявил об отделении от митрополита Сергия. 15 февраля 1928 — выслан в Буйничский монастырь под Могилевом. 2 марта 1929 — арестован и приговорен к 3 годам ИТЛ. В январе 1932 — освобожден, проживал в Козьмодемьянске, в декабре выслан в Архангельск. В мае 1934 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. В октябре 1937 — приговорен к ВМН и 4 ноября расстрелян.

ков и разрешение им служить»³⁸⁵. Иерей Григорий на допросе 13 июня 1935 года показал, что духовными руководителями признает митрополитов Петра Крутицкого, Иосифа Петроградского и Кирилла Казанского, архиепископов Дмитрия Гдовского и Серафима Угличского.

Во время следствия в 1936 году епископ Дамаскин (Цедрик), обвиненный «в руководстве к/р церковной группы на территории Кировского края», на вопрос «Кого вы считаете Вятским епископом?» ответил: «Вятским епископом, точнее, временно управляющим Вятской епархией, я считаю Серафима Угличского, хотя он находится и вне епархии».

Вопрос: Кто уполномочил Серафима Угличского на временное управление так называемой Вятской епархией?

Ответ: Это уполномочие³⁸⁶ передано ему перед смертью епископом Виктором Островидовым³⁸⁷.

С архиепископом Серафимом владыка Виктор познакомился еще в Соловецком концлагере: в 1931 году они оба пребывали на Май-Губе. С июня 1933 года владыка Серафим проживал в ссылке в Архангельске. Здесь они и могли вновь встретиться в конце лета или в начале осени 1933 года, когда епископ Виктор был освобожден из Сыктывкарской тюрьмы. В это же время в Архангельске в ссылке находился и протоиерей Николай Пискановский³⁸⁸, с которым епископ Виктор

³⁸⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6991. Оп. 7. Д. СУ-8771. Т. 1. С. 141, 89 об., 151.

³⁸⁶ Так в тексте. — Прим. О. К.

³⁸⁷ Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 199.

³⁸⁸ Пискановский Николай Николаевич, родился в 1887 в селе Степановка Кобринского уезда Гродненской губ. Окончил духовную семинарию, рукоположен во иерея. До 1914 — служил в Гродненской, с августа 1914 — в Херсонской губ. С 1922 — настоятель Успенского собора в Александрии. В 1923 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Полтаву.

также был хорошо знаком по Соловкам, там они вместе участвовали в тайных богослужениях. Вполне вероятно, что именно на квартире отца Николая Пискановского в Архангельске совершались богослужения, о которых владыка Виктор рассказал монахиням по возвращении в Усть-Цильму.

Тогда понятно, что и заочное погребение владыки позднее было отслужено у протоиерея Николая. Очевидно, что владыка Виктор из Усть-Цильмы поддерживал какую-то письменную связь со ссылочным духовенством в Архангельске. И весть о его кончине сразу же была отправлена туда монахиней Ангелиной (Лыткиной)³⁸⁹. Тогда же или позднее она могла передать архиепископу Серафиму и предсмертную просьбу владыки Виктора позаботиться о его вятской пастве.

Владыка Серафим не забыл о просьбе покойного епископа Виктора и летом 1935 года, будучи в заключении, написал епископу Дамаскину (Цедрику), о чем владыка Дамаскин показал на допросе в сентябре 1936 года: «Летом 1935 года в письме, полученном почтой из лагеря, была написана фраза о том, что

В 1927 — арестован, приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Курск, в 1928 — в Воронеж. В 1928 — арестован, отправлен в Соловецкий лагерь. 12 октября 1931 — освобожден и выслан на 3 года в Архангельскую область. В начале 1935 — арестован, 10 апреля скончался во время следствия.

³⁸⁹ Это полностью подтверждает недавно обнаруженное в одном из следственных дел письмо архиепископа Серафима от 7 мая 1934 года (См.: Приложение II). Примечательно, что митрополит Кирилл (Смирнов), находившийся в то время в Гжатске, уже через три недели был извещен о кончине епископа Виктора. Так, в письме Авве от 28 мая (10 июня) 1934 года митрополит Кирилл писал: «О смерти е. Виктора я приписал Вам в приготовленной уже к отправлению открытке. Подробностей не знаю» (С. 870). Открытка, по-видимому, была написана 24 мая (по новому стилю). В ней постскриптуом: «2-го мая умер епископ Виктор» (Акты Святейшего Тихона... С. 870, 869).

он <архиепископ Серафим> просит меня быть полезным его «Вятским детям»»³⁹⁰.

Владыка Серафим поддерживал связь со многими архиереями и старался сплотить всех не принимавших декларацию митрополита Сергия. В 1933 году в Архангельске по его инициативе проходили совещания духовенства, на одном из них он представил для обсуждения важный документ, так называемое Деяние. В этом документе архиепископ Серафим свидетельствовал о пагубной деятельности митрополита Сергия, потрясающей все основы православия, и объявил, что Сергий: «узурпировал власть, учинил раскол, впал в ересь и отступил от исповедничества православия». Узурпаторство архиепископ Серафим усматривал в организации Сергием незаконного Синода и обнародовании декларации от 16/29 июля без благословения Патриаршего Местоблюстителя, владыки Петра.

Причину раскола он видел в упорстве митрополита Сергия на своем мнении, заведомо знавшего, что не все примут его декларацию. Ересь — в искажении учения о Спасении, поскольку митрополит Сергий находил «спасение только в видимой организации Церкви и, таким образом, отвергал внутреннюю силу Благодати Божией, при которой Церковь может существовать и в пустыни». «Отступничество вытекает из еретического учения митр. Сергия о спасении и о Церкви как земном учреждении, при существовании которого можно идти на все уступки, чем искажается самый призыв Христа к исповедничеству». К этим серьезным обвинениям владыка Серафим добавил еще более тяжкое: «Отказавшись от призыва Христа к исповедничеству, митр. Сергий произнес хулу на Церковь, и в лице Ея

³⁹⁰ Архив УФСБ по Кировской обл. д. СУ-9730. Т. 1. Л. 30 об., 16 (Цит. по: *Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах.* С. 169).

на исповедников, а в расточении Церкви и хулу на Духа Святого (Мф. 12, 30, 32)». Указав еще на ряд нарушений, владыка Серафим заявил:

«Не входя в рассмотрение остальных деяний митр. Сергия за тот же период времени, Мы, по благодати, данной нам от Господа нашего Иисуса Христа, объявляем митр^{<ополита>} Сергия лишенным молитвенного общения с нами и со всеми православными Епископами Русской Церкви, предаем его церковному суду с запрещением в священнослужении. Епископы, единомышленные с митр. Сергием, принимаются нами в молитвенное и каноническое общение по чиноприему из обновленчества, и занимающие вдовствующие кафедры остаются на своих местах.

Настоящее деяние мы совершаем в строгом сознании нашего архипастырского долга стоять в послушании Церкви Христовой в подчинении церковным правилам Вселенских и Поместных Соборов и Собора Российской Церкви 1917–1918 гг., возглавляемой нашим Патриаршим Местоблюстителем Петром, митр^{<ополитом>} Крутицким.

Управление Российской Церкви, за невозможностью обращаться к первоиерарху Местоблюстителю митр^{<ополиту>} Петру Крутицкому, переходит до возвращения его к своему деланию к Старейшему Иерарху Русской Церкви, руководствуясь на сей случай указанием Собора Русской Церкви 1917–18 гг. и актами Св. Патриарха Тихона и митр^{<ополита>} Ярославского Агафангела об автономном управлении епископами на местах в своих епархиях»³⁹¹.

Впервые текст этого Деяния был опубликован в 1999 году в санкт-петербургском ежемесячнике «Православное обозрение» (№ 3) по копии, сохранившейся в одной из катакомбных общин. И хотя ссылка на неопределенную общину у некоторых историков «порождает определенные сомнения в подлинности текста», тем

³⁹¹ Деяние нового Священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь (Джорданвилль). 1999. № 9. С. 7.

не менее общепризнано, что и организация собраний духовенства в 1933–1934 годах, и сам факт существования такого или подобного документа подтверждается целым рядом свидетельств из следственных дел. «Так, например, архимандрит Симеон (Холмогоров), в прошлом насельник Данилова монастыря, 12 мая 1937 года дал (согласно протоколу) следующие показания: “Архиепископ Серафим Самойлович, будучи в ссылке в Архангельске, в 1934 году проводил совещание (нелегальное) нескольких ссыльных епископов, от имени которого им было составлено и разослано воззвание, призывающее к объединению и решительным контрреволюционным действиям в блоке со всем оппозиционным духовенством. Об этом мне сообщил епископ Сахаров Афанасий в беседе со мной в сентябре 1935 года в г_{<ороде>} Владимире. Об этом же мне писал в конце 1935 года или в начале 1936 г_{<ода>} архиепископ Феодор (Поздеевский)”; “Кто участвовал на этом нелегальном совещании, я не знаю, и мне о них никто ничего не говорил и не писал”. Архиепископ Феодор по этому поводу 1 июня 1937 года дал (опять же согласно протоколу) такое разъяснение: “Я Холмогорову действительно сообщал, что архиепископом Серафимом Угличским было примерно в 1934 г_{<оду>} написано ‘послание’, которым он запрещал в священнослужении митрополита Сергия. Было ли это послание согласовано с кем-либо из ссыльных епископов, я не знаю...”»³⁹².

Деяние архиепископа Серафима датировано 4/17 декабря 1933 года. Епископ Виктор, даже если он ранее и побывал в Архангельске после тюремного заключения, к тому времени едва ли там мог оставаться и принимать участие в собрании. Но о самом Деянии он был оповещен в самом скором времени и, по-видимому, имел возможность подробно ознакомиться

³⁹² Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. С. 155–156.

с ним. Очевидно, после этого епископ Виктор в свою очередь написал Послание пастве, в котором также засвидетельствовал свою позицию, обличая отступничество митрополита Сергия:

«В деле расточения Церкви вместе с предательством митр~~ополит~~ Сергий произвел и тяжкую хулу на Духа Святого, которая по неложному слову Христа никогда не простится ему ни в сей, ни в будущей жизни.

“Исполняя меру греха своего”, митрополит Сергий совместно со своим Синодом указом от 8 (21) октября 1927 г~~ода~~ вводит и новую формулу поминовения...

Смесив в одно в великом святейшем таинстве Евхаристии вопреки слову Божию “верных с неверными” (2 Кор. 6, 12–18), Святую Церковь и борющихся на смерть врагов Ея, митрополит этим своим богохульством нарушает молитвенный смысл великого таинства и разрушает его благодатное значение для вечного спасения душ православно верующих. Отсюда и богослужение становится не просто безблагодатным, по безблагодатности священнодействующего, но оно делается мерзостью в очах Божиих, а потому и совершающий и участвующий в нем подлежат сугубому осуждению»³⁹³.

Это Послание владыки Виктора, опубликованное в сборнике Губонина, со ссылкой на архив Свято-Тихоновского богословского института, датировано 1928 годом. Правда, дата поставлена под вопрос — и не напрасно, так как из самого контекста очевидно, что Послание было написано позднее. Так, епископ Виктор пишет: «Ряд уверщаний архипастырей, бого-мудрых отцев и православных мужей Церкви в течении многих лет³⁹⁴ не принесли пользы, не привели митр~~ополита~~ Сергия к сознанию содеянного им греха и не возбудили в его сердце раскаяния». И далее, так же как и архиепископ Серафим, епископ

³⁹³ Акты Святейшего Тихона... С. 634.

³⁹⁴ Подчеркнуто составителем.

Виктор объявляет: «А потому мы по благодати, данной нам от Господа нашего Иисуса Христа, “силою Господа нашего Иисуса Христа” (1 Кор. 5, 4) объявляем бывшего митрополита Сергия лишенным молитвенного общения с нами и всеми верными Христу и Его Святой Православной Церкви и предаем его Богижею суду: “Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь” (Евр. 19, 30)».

Как видно, текст Послания владыки Виктора перекликается с текстом Деяния архиепископа Серафима, а далее почти дословно совпадает. Правда, в отличие от архиепископа Серафима, епископ Виктор не пишет о старейшем иерархе, который, как надеялся владыка Серафим, возглавит Русскую Церковь. «Старейшим» именовался митрополит Кирилл (Смирнов), действительно один из старейших и авторитетнейших архиереев Русской Церкви, первый из названных в завещании св. Патриарха Тихона кандидатов на должность Патриаршего Местоблюстителя. По-видимому, составив свое Деяние, архиепископ Серафим сразу обратился к митрополиту Кириллу.

Однако владыка Кирилл в январе 1934 года ответил отказом³⁹⁵, а в феврале, объясняя свою позицию, написал подробное письмо, адресованное, очевидно, именно архиепископу Серафиму: «Преосвященнейший Владыко, возлюбленный о Господе собрат архиепископ... Строки Ваши, полные снисходительности и доверия ко мне, грешному, доставили мне глубокое утешение. Спаси Вас Господи! Вас огорчает моя неповоротливость и кажущаяся Вам чрезмерная осторож-

³⁹⁵ В сборнике М. Е. Губонина приведен документ под заголовком «Выписка из ответа митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) на мнение некоего о необходимости ему (митрополиту) объявить себя Местоблюстителем Патриаршего Престола до времени освобождения из заключения митрополита Крутицкого Петра (Полянского)» (Акты Святейшего Тихона... С. 699–700).

ность. Простите за это огорчение и еще потерпите его на мне. Не усталостью от долгих скитаний вызывает-
ся оно у меня, а неполным уяснением окружающей
меня и всех нас обстановки»³⁹⁶.

Очевидно, епископ Виктор при написании Посла-
ния уже знал об отказе митрополита Кирилла и пото-
му признавал церковное руководство архиепископа Се-
рафима (Самойловича)³⁹⁷, о чём и заявил в своем По-
слании. Поскольку это Послание было составлено вла-
дыкой Виктором не ранее февраля — марта 1934 года,
то есть перед самой кончиной, то оно может рассмат-
риваться как последнее, своего рода завещательное об-
ращение Вятского святителя к пастве:

«Являясь во всей своей деятельности еретиком анти-
церковником, как превращающий Святую Православную
Церковь из дома благодатного спасения верующих в без-
благодатную плотскую организацию, лишенную духа жиз-
ни, митр. Сергий в то же время через свое сознательное
отречение от истины и в своей безумной измене Христу
является открытым отступником от Бога Истины.

³⁹⁶ В другом письме — «Авве», очевидно, архимандриту Неофиту (Осипову), митрополит Кирилл в иносказательной форме писал о том, что сдерживает «пламенные порывы», имея в виду при-
зывы архиепископа Серафима к более решительным действиям (*«серафим»* в переводе с древнееврейского — *«пламенный»*) (Акты Святейшего Тихона... С. 700–701).

³⁹⁷ О том, что архиепископ Серафим в какой-то мере осуществлял
церковное руководство, подтверждают и документы следствен-
ных дел. Так, например, показания епископа Макария (Карма-
зина) из следственного дела по Костромской области (Д. 6179-С.
Л. 24): «*Принятие руководства нелегальными епархиями “ис-
тинно-православной церкви” и отдельными группами я (Кар-
мазин) Макарий получил в мае месяце 1934 года от епископа
Серафима (Самойловича)* через священника Пискановского, от-
бывающего ссылку в г<ороде> Архангельске. В письменном ука-
зе Серафим (Самойлович), несмотря на то, что он находился в
ссылке, рассматривая себя как Заместителя Патриаршего
Местоблюстителя, предлагал принять Днепропетровскую
епархию, которой я управлял до своего ареста в 1927 году».

И он без внешнего формального суда Церкви (которого невозможно над ним произвести) “есть самоосужден” (Тит. 3, 10–11); он перестал быть тем, чем он был — “служителем истины” по слову: “Да будет двор его пуст... и епископство его да примет ин” (Деян. 1, 20)...

Настоящее действие, в дополнение к ранее сделанным нами в 1927–1928 г^{одах} заявлениям, мы совершаем в строгом сознании нашего архипастырского долга перед нашей паствой, всеми верными чадами Церкви Православной, стоя в послушании Церкви Христовой, в должном подчинении правилам Вселенских Соборов и Собора Российской Церкви 1917–1918 годов, возглавляемой ныне Патриаршим Местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким и его заместителем Серафимом, архиепископом Угличским.

“Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство!” (Лук. 12, 32)³⁹⁸».

³⁹⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 634–635.

ЧАСТЬ II

Труды и письма
святителя Виктора

Архипастырские документы епископа Виктора

1922 год

Письмо епископа Виктора Патриарху Тихону

Ваше Святейшество!

Я уже доносил Вам о печальных событиях в нашей Вятской церкви. Вместе с этим письмом рапортом извещаю Вас о дальнейшем ходе этих событий, то есть что Преосвященный Павел уже выбыл.

После его отъезда бывший Правитель дел Канцелярии Протоиерей Попов показал мне «по секрету», как он сам выразился, Ваше послание по поводу возможного изъятия богослужебных ценностей с объяснением, что оно не было проведено в жизнь, с одной стороны, потому, что опоздало, с другой — оно-де носит характер прежних посланий с их печальными последствиями для духовенства. Эти прежние послания также были скрыты Протоиереем Поповым по должности Председателя Епархиального Совета. — Ознакомившись с содержанием послания, я, насколь-

ко мог, разъяснил ему глубокое религиозно-нравственное, чисто духовное значение, которое имеет послание, как вообще для верующих, так и особенно для духовенства.

В провинции в селах, по которым я в то время проезжал (там изъятие произошло в один день, 1 марта ст~~арого~~ ст~~иля~~, и в один час, 12 ч~~асов~~ дн~~я~~, по всем селам), была полная растерянность, а все зависело от лиц, посланных на сие дело.

В гор~~оде~~ Вятке, как видно из дела, духовенство показало себя весьма и весьма с плохой стороны и в некоторых случаях вызвало в народе ропот за то, что бесстрашно, дерзостно-легкомысленно вело себя в отношении святыни. Ведь у нас отдано все до пузырьков от св. мира и помазочков включительно. Ужели и такие пустяки нужны были Правительству?

Из всего духовенства гор~~ода~~ Вятки только один священник Воскресенского Собора о~~тец~~ Василий Перебаскин показал себя исповедником веры: он не принял никакого участия в сем деле, основываясь на тех самых канонах, которые указаны в послании. Свое мнение о~~тец~~ Василий изложил письменно на собрании Приход~~ского~~ Совета и устно доложил Преосв~~ященному~~ Павлу. Одновременно с сим он предоставляетсѧ мною к награждению Протоиерейством, и весьма полезно и назидательно было бы все награждения по гор~~оду~~ Вятке ограничить им одним, дабы дать задуматься прочим, что нельзя так легко-мысленно поступать в делах веры и Церкви. Я усиленно прошу Ваше Святейшество об этом, ибо жизнь может поставить нам новые и более тяжелые испытания, и духовенство, не вразумленное от Вас, сочтет себя в своем данном поступке правым, в неведении и заблуждении совершил более тяжкие проступки против веры. В частности, пр~~отоиерей~~ Попов только в 1921 году получил палицу, а теперь опять представлен к награждению крестом с украшениями. Ввиду

того, что многие из мирян и духовенства Вятской губернии до сего времени находятся в большой душевной скорби за случившееся, я исповедую пред Вашим Святейшеством грех неведения Вятичей. Земно кланяюсь Вам и слезно за них и за себя прошу прощения и Вашего Архипастырского молитвенного разрешения от этого греха, простите.

Вашего Святейшества, Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушник и богомолец Виктор, Епископ Глазовский.

12–25 апреля 1922 г^{<ода>}³⁹⁹.

* * *

**Божию Милостию Виктор Глазовский,
временный управляющий Вятской епархией,
всей своей пастве возлюбленной
желает премного радоваться о Господе**

Милость, мир и благодать Божия всем вам да умножится.

Некогда Господь своими пречистыми устами сказал: «Истинно, истинно говорю вам: кто не входит дверями во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник, а входящий дверью пастырь есть овцам» (Ин. 10, 1–2). А божественный Апостол Павел, обращаясь к пастырям церкви Христовой, говорит: «знаю, что по отществии моем войдут к вам волки лютые, не щадящие стада; и из вас самих (пастырей) восстанут люди, и станут говорить, превращая истину, чтобы увлечь за собою учеников. Итак, стойте на страже своей» (Деян. 20, 29–31).

Други мои возлюбленные, это слово Господа и Его апостолов ныне к великой скорби нашей исполнилось

³⁹⁹ ГАКО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 84. С. 2–2 об. Машинопись.

в нашей Русской Православной Церкви. Дерзко отвергнув страх Божий, кажущиеся иерархами и иереями Церкви Христовой, составив из себя группу лиц, вопреки благословения Святейшего Патриарха и отца нашего Тихона, в настоящее время усиливаются самозвано, самочинно, воровски захватить управление Русской Церкви в свои руки, нагло объявляя себя каким-то временным комитетом по управлению делами Церкви Православной.

Как некогда богоотступники Корей, Дафан и Авирон восстали против поставленных Господом Моисея и Аарона, с целью захватить божодарованную им власть церковную, за что поглотила их разверзшаяся под ними земля со всеми их сообщниками, так и сии нечестивые усиливаются возмутить верующих против Духом Святым поставленных пастырей и разделить Церковь Христову, присвояя себе им не принадлежащее.

Вместо Богом преданного нам послушания по образу спасительного послушания самого Господа Нашего Иисуса Христа, который послушлив был даже до смерти, смерти же крестной, — сии избрали себе во образ падшего денница-диавола, своею гордостью сатанинскою вышедшего из послушания Богу и увлекшего за собой в погибель сонмы небожителей, которыми блюdetся по слову апостола «мрак вечной тьмы». Так да будет и с сими мечтателями за то, что они оскверняют плоть (тело Церкви), отвергают начальство, злословят высокие власти. Это люди, отделившие себя от единства веры, люди животные, духа нет в них. Это безводные источники, облака и туманы, гонимые бурею, люди, обещающие другим свободу в то время, когда сами являются рабами тления (Иуд. 8, 20; 2 Петра 1, 7, 9). И все они, именующие себя «живою церковию», как сами впадают в самообольщение, так и других вводят в обман и заблуждение: людей плотских, не выносящих духовного подви-

га жизни, сбросивших с себя или желающих сбросить узы божественного послушания всему церковному законоположению, преданному нам святыми богоносными отцами Церкви через Вселенские и поместные соборы.

Други мои, умоляю вас, убоимся, как бы и нам нечаянно не сделаться подобно сим возмутителям отщепенцами от Церкви Божией, в которой, как говорит Апостол, **ВСЕ КО БЛАГОЧЕСТИЮ И СПАСЕНИЮ НАШЕМУ** и вне послушания которой вечная погибель человеку. Да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны бываем перед Церковью во многих грехах, однако все-таки составляем одно тело с нею, и вскормлены божественными ея доктринаами, и правила ея и постановления будем всемерно стараться соблюдать, а не отмечать, к чему стремится это новое собрище недостойных людей.

Производить в Церкви смятение и отделяться от той, которая по истине **НЕ ИМЕЕТ НИ КАКОЙ СКВЕРНЫ ИЛИ ПОРОКА** (Ефес. 5, 27), как в пределах веры, так и в отношении к постановленным правилам от начала века и доселе, — это свойственно лишь тем, которых вера извращена, жизнь неправильна и беззаконна, которые заживо мертвы, ибо лишены благодати Божией. Дело их не защищение истины, не оправдание Божественных законов, а отделение себя от единства веры, разрушение мира Церкви, которая не может терпеть никаких самочинных начинаний и противных правилам деяний; и такого греха — греха разделения Церкви — по слову Иоанна Златоустого, не может загладить даже кровь мученичества.

А посему умоляю вас, возлюбленные во Христе братия и сестры, а наипаче вас пастыри и соработники на ниве Господней, отнюдь не следовать сему самозваному раскольническому соборищу, именующему себя «церковью живой», а в действительности «трупом

смердящему», и не иметь какого-либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами, от сих самозванцев поставленными⁴⁰⁰. Будем являть себя мужественными исповедниками ЕДИНОЙ ВСЕЛЕНСКОЙ СОБОРНОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ, твердо держась всех ея священных правил и божественных догматов. И особенно мы пастыри да не преткнемся и не будем соблазном в погибель врученной нам от Бога паства нашей, помня слова Господни: «Аще убо свет, иже в тебе тьма есть, то тьма кольми» (Мф. 6, 23), и еще: «Аще соль обуяет», то чем осолятся миряне (Мф. 5, 13).

Молю вас, братия, блюдитесь от тех, кто производят распри и раздоры вопреки учению. Коему научились вы, и уклоняйтесь от них, такие люди служат не Господу Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкателством и красноречием прельщают сердца простодушных. Ваше же послушание всем известно, и радуюсь о вас, но желаю, чтобы вы мудры были во всем во благо и прости (чисты) для всякого зла. Бог же мира сокрушит сатану под ноги ваши.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами.
Аминь (Рим. 167, 17–20).

Посылая к вам, братия и други, сие мое послание, говорю, знайте, что оно касается чисто внутренней жизни церковной, а не гражданской внешней жизни нашей. Ввиду же того, что сама гражданская власть не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, то и мы занимаемся чисто церковным делом, обязаны в то

⁴⁰⁰ «Не признаю епископом и не причисляю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники», — говорит святой Василий Великий. Таковы и ныне те, которые не по неведению, но по властолюбию вторгаются на епископские кафедры, добровольно отвергая истину единой Вселенской Церкви и взамен того своим самочинством создавая раскол в недрах Русской Православной Церкви к соблазну и погибели верующих.

же время соблюдать должное отношение к гражданской власти, исполняя все ее требования, касающиеся внешней жизни нашей, к чему и призываю я вас на основании слов самого Господа, божественных его апостолов, заповедавших нам быть во всем покорным всякому начальству. Ибо наша брань всех верующих христиан должна быть не с плотию и кровию, то есть не <неразбор.> не из-за каких-либо земных интересов, а с начальствами и властьми и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными А для сей войны восприимите не оружие вещественное, а лишь один ЩИТ ВЕРЫ, в коем сможете угасить все стрелы лукавого разженные (Ефес. 6,16)¹⁰¹.

* * *

**Божию Милостию, смиренный Павел,
епископ Вятский и Слободской,
смиренный Виктор Глазовский.
Всечестным о Христе пастырям, клирикам
и верным чадам православной
автокефальной Вятской церкви**

Благодать Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

По неисповедимым путям промысла Божия патриаршее управление, учрежденное в г<ороде> Москве, согласно постановления Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 г<одов>, прекратило свое существование, и канонически правильного, законного в церковном смысле церковного управления делами

¹⁰¹ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. С. 111–112.
Машинопись.

Православной Русской Церкви в настоящее время нет. В заботах о канонической преемственности церковной власти и об управлении вверенной нам вятской паствы на точном основании Свящ. Писания, правил св. апостол, вселенских и поместных соборов и свв. Отец, по благодати Святого и Животворящего Духа и власти, данной нам от великого архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, временно, впредь до созыва поместного собора Православной Российской Церкви, объявляем Вятскую епархию автокефальной, т^оже самоуправляющей под ответственным главенством епископа Вятского и Слободского. К выработке необходимых изменений в порядке управления, на началах соборности, применительно к условиям современной церковной жизни, будет приступлено немедленно. Для упорядочения церковных дел ответственной церкви находим нужным созыв в возможной скорости канонически правильно составленного Поместного Собора Православной Российской Церкви, а для рассмотрения и решения общепереводных дел и пересмотра вселенских канонов — созыв также в возможной скорости Вселенского Собора Православной Кафолической Церкви. Исповедуем, что изменять, дополнять или даже отменять церковные каноны сообразно условиям и потребностям церковной жизни вправе только каноническая инстанция, которая их издала. И потому каноны святых Вселенских соборов могут быть пересмотрены, изменены или отменены только Вселенским собором, каноны и распоряжения отдельной Поместной Церкви — каноническим собором сей Церкви.

За церковными Богослужениями призываем возносить моление за Вселенских патриархов и за Вятских архиереев, пастырей и мирян под названием «Живая церковь» и образовала из себя так называемое

«высшее церковное управление». Объявляем вам во всеуслышание, что эта группа самозвано, без всяких на то канонических полномочий захватила в свои руки управление делами Православной Российской Церкви; все ее распоряжения по делам Церкви не имеют никакой канонической силы и подлежат аннулированию, которое, надеемся, и совершил в свое время канонически правильно составленный Поместный собор. Призываем вас не входить ни в какие сношения с группой так называемой «Живой церковью» и ее управлением, и распоряжения ее отнюдь не принимать. Исповедуем, что в Православной кафолической Церкви Божией группового управления быть не может, а существует от времен апостольских только единое соборное управление, на основе вселенского сознания, неизменно сохраняемого в истинах святой православной веры и апостольского предания.

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин. 4, 1).

Вместе с сим умоляем вас повиноваться человеческому начальству, гражданской власти Господа ради, не за страх, а за совесть и молиться о преуспении добрых гражданских начинаний во благо родины нашей. Бога бойтесь, власти чтите, всех почитайте, братство любите. Всемерно заповедуем всем быть вполне корректными и лояльными в отношении к существующей власти, отнюдь не допускать так называемых контрреволюционных выступлений и всеми зависящими мерами содействовать существующей гражданской власти в заботах и предприятиях ее, направленных к мирному и спокойному течению общественной жизни. Устроением Божиим Церковь отделена от государства, и да будет она только тем, что она есть по своей внутренней природе. То есть мистическим благодатным телом Христовым, вечным священным кораблем, приводящим чад своих к тихой пристани — животу вечному.

Призываю всех устроить жизнь свою на великих заветах евангельской любви, взаимного снисхождения и всепрощения, на незыблемом основании веры апостольской, с соблюдением добрых церковных преданий, — да о всем славится Бог Господом нашим Иисусом Христом. Аминь.

Августа 11/24 дня 1922 года⁴⁰².

* * *

1927 год

Из записи

«Мысли православного христианина по поводу послания митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года»

«Цель послания ясна, это, во-первых, выявить и установить политические настроения и отношения Православной Церкви к Сов~~етскому~~ правительству с явным признанием ошибочности-ложности пути этих отношений в прежнее время и с прямым обвинением служителей Церкви Православной в стремлении к монархизму и в участии словом и делом в контрреволюции. Особенно подчеркивается активное политическое выступление против Соввласти заграничного духовенства. Во-вторых, заявить не только о своей впредь лояльности и непричастности к каким-либо выступлениям против Соввласти, но и о внешнем и внутреннем объединении с нею против ее заграничных и внутренних врагов, как своих собственных, те е~~сть~~ как врагов Православной Церкви».

«Изложенное в послании не соответствует истине и действительности: истинная Православная Церковь

⁴⁰² ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3708. Т. 1. С. 315. Машинопись.

всегда должна быть аполитична и духовна, а потому она не была и не может быть ни в какой активной внешней борьбе с Соввластью; духовные же лица могут подвергаться наказаниям или как частные граждане за свои политические преступления вне их отношения к Церкви, или как исповедники Православной Церкви. Что касается до объединения церкви и Соввласти на почве духовных интересов и нужд, сочущия и сорадования и т^{ак} д^{алее}, то ничего подобного никогда быть не может, так как взгляды на жизнь у истинной Церкви и у Соввласти диаметрально противоположны друг другу. Цели деятельности Соввласти исключительно материально-экономического направления, внешне-моральны и чужды веры в Бога, а цели деятельности Церкви — исключительно духовно-нравственные и через веру в Бога выносят человека за пределы земной жизни для достижения вечных небесных благ. Поэтому, определяя взаимоотношение истинной Церкви и всякого государства, и можно говорить только об отношении в плоскости гражданского долга и обязанности, и это не за страх, а за совесть».

«Между тем послание, прикрываясь словами Свящ. Писания и рассуждениями из сферы духовных интересов человека, замаскировывает вовлечение Церкви в сферу земных задач и тем умаляет и Святую Православную Церковь, унижает и неизбежно толкает ее на путь новых потрясений и разделений, а потому оно требует не только осторожного отношения к себе, но и прямо отрицательного»¹⁰³.

¹⁰³ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 304. С. 2–4. Цит. по: Мазырин А., *иерей. Священноисповедник епископ Виктор (Островидов) — как представитель крайней оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) // Православная Русь (Джорданвилль). 2007. № 10. С. 3–4.*

«Дополнение к мыслям православного христианина»

«Получил Ваше письмо, на которое, хотя и коротко, отвечаю. Отвечаю, — как сам "верую" и чем сам "живу"...

Вы пишете в послании — декларации М~~иупрополита~~ Сергия не нарушаются догматы Православной Церкви и не отвергаются каноны церковные, а потому и можно, по Вашему мнению, частично принять. Но правильно ли это будет? Ведь эта декларация есть явная для всех измена вечной истине, и потому по своей погибельности не меньшая, а большая, чем ересь или раскол. "Что больше, злато ли, или храмы, святейший злато" (Мтф. 23, ...). И прежде всего здесь вынесено открытое пред всем миром осуждение Церкви Христовой, которая в действительности всегда была во всем свята и чиста как голубица, не имея в себе скверны или порока, или что-либо подобного (Еф. 5, ...), и которая ныне отдана на посмеяние "внешним", как злодейка, как преступница, как изменница своему бессмертному жениху Христу, вечной истине, вечной правде. Какой ужас...

Далее, Православная Церковь, как дом вечного спасения человека от сей жизни — погибели, никогда не была организацией с определенною политическою окраскою, но она всегда в своих стремлениях и суждениях духовна и аполитична. Теперь же она приспособляется на служение интересам не только чуждым ей, но даже совершенно не совместимым с ее Божественною и духовною свободою. Т~~аким~~ об~~разом~~, здесь не просто "маневр", но вместе с поруганием Церкви Христовой совершен величайший грех отречения от Истин Церкви, каковой грех... повлечет верных в пропасть погибели. "Аще убо свет иже в нас тьма есть, то тьма кольми" (Мтф. 5, 23). Тяжелое оскорбление религиозного чувства верующих покрывает

мрачною тенью всю декларацию и делает ее в целом неприемлемою для православного христианского сознания: "Мал квас все смешение квасит" (I Кор. 5, 6). Но это вовсе не значит, что православно-верующие христиане в самом своем православии делаются врагами Советской власти. У нас, православных христиан, как граждан, есть определенная платформа, не теперь и не нами выдумана, а ясно указана нам в слове Божием, и именно как наш долг, как наша обязанность перед гражданской властью. Необходимо повиноваться гражданской власти. Не только из страха, но и по совести, говорит ап. Павел. Для сего вы и подати платите — они служители Божии, на это дело поставлены.

Итак, отдавайте каждому должное: кому следует подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь. "Будьте покорны всякому начальству человеческому Господи ради..." увершевает верующих св. ап. Пётр, ибо такова воля Божия, чтобы мы добрым своих деланием, послушанием власти гражданской, заградили уста невежеству безумных людей, обвиняющих нас в политике, как свободные, а не как люди, прикрывающие зло, тесть возмущение против гражданской власти, именем свободы, но как рабы Божии (I Петра 2, 13–16). Но лучше всего обязывает нас в отношении к гражданской власти Сам Господь, когда говорит: "воздавайте кесареву кесарю, а Божие Богу" (Марк. 12, ...). На основании вот этого изложенного Божественного учения об отношении верующих к гражданской власти в первые века христианства многие святые мученики были на самых ответственных постах военной и гражданской службы, хотя само правительство в то время было также неверующим...

Далее Вы спрашиваете, как же нам теперь относиться к Синоду. Я думаю, правильнее будет поставить вопрос об отношении не к Синоду, а к

М~~итрополиту~~ Сергию, т~~ак~~ к~~ак~~ Синода, как органа управления, пока еще нет. У нас есть временный Заместитель п~~атриаршего~~ местоблюстителя М~~итрополит~~ Сергий, лично у которого и для которого есть помощники архипастыри; они для простоты понятия и названы Синодом, но никакого самостоятельного значения для Церкви Православной сами по себе не имеют и иметь не могут согласно заявлению об этом и М~~итрополита~~ Сергия. Сам же М~~итрополит~~ Сергий есть только "домоуправитель" (Лук. 15, 1), поставленный на дело не так давно от п~~атриаршего~~ местоб~~люстителя~~ М~~итрополита~~ Петра. Но если М~~итрополит~~ Пётр найдёт, что "домоуправитель" оказался "неправедным", то отнимет у него "домоуправление": однако каждый сам за собою смотри: ходишь ли ты в истине (З Иоан. 3). "Смотрите, осторожно ли вы ходите, не как неразумные, но как мудрые, сообразя время, ибо дни лукавы суть" (Еф. 5, 15–16). Мы же думаем, что подписавшим послание необходимо сознать свою ошибку, принести покаяние и получить должное от Благодати Божией разрешение в содеянном, а пока не выяснено окончательное ожесточение сердец их (М... 18, 15–17), мы не должны прерывать с ними единения (в смысле поминовения) ради экономии, но быть лишь на страже — бдительности в отношении их действий и распоряжений.

Верен Господь: он утверждает и вас сохранит от лукавого. Господь да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово (2 Сол. 3, 5)⁴⁰⁴.

⁴⁰⁴ ГА КО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 304. Л. 4–4 об., 3–3 об. Цит. по: Поляков А. Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. С. 355–356.

Первое письмо епископа Глазовского Виктора митрополиту Сергию

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архиепастырь и Отец, Дорогой и Глубокочтимый Владыко!

Сейчас получил Ваше благословение на награждение одного из протоиереев города Вятки митрой, — увидел Вашу знакомую дорогую надпись, и от такой неожиданности сердце наполнилось забытой отрадой и прежним благоговением к Вам, с которым я оставил Вас год тому назад. Слезы невольно потекли из глаз; это слезы любви к отцу и благодарности к Богу. Пусть эти слезы будут свидетельствовать Богу о том, что я вовсе не хочу обидеть Вас, посылая к Вам это письмо. Я его пишу от скорби за святую Православную Церковь.

Дорогой Владыко! Ведь не так давно Вы были доблестным кормчим и для всех нас вожделенным первопастырем, и одно воспоминание святейшего имени Вашего вливало в сердца наши бодрость и радость. И вдруг — такая печальная для нас перемена: умы наши колеблются, сердца потеряли опору, и чувствуется, что мы снова остались без руководителя и защитника от нападающих на нас, и это с тех пор, как окружили Вас советчики Ваши. Души наши изнемогают, ужас созерцания того, что теперь кругом происходит в Церкви, подобно кошмару, давит нас, и всех охватывает жуткий страх за будущее Церкви. — Там далеко задумал отложить Ташкент, тут бурлит и возмущается Петроград, здесь стенает и вопиет к небу Вотляндия, и опять бунтует Ижевск, а там опять в скорби и недоумении приникли к земле Вятка, Пермь и пр<очие> пр<очие> города, а над всеми ими готовится вот-вот произнести свой решающий голос Москва. Ведь везде пошло лишь одно разрушение Церкви, и это в «порядке управления». — Что это такое? Зачем это? Ужели Святая Церковь мало

еще страдала и страдает от «внешних»? И какая может быть польза от этих разрушающих мир гибельных распоряжений? Вот взять и нашу, едва увидавшую свет Воткинскую Епархию? Как рад было народ, и как могла бы в ней развиться церковная жизнь. И вдруг, в угоду «злому гению», из-за корыстных и злобных его целей и происков (разумею еп<ископа>), а также ради личных вожделений Ар<хиепископа>, эта едва начавшая через Вас жить епархия — уже разрушается. Не справедливее ли было бы пред Богом и людьми одним Вашим распоряжением утвердить ее бытие в территориальных границах Воткинской области, на что благословило бы Вас Небо и земля. Ведь за это говорит сама Истина: народ, объединенный в гражданском отношении, необходимо объединить в церковном, а не давать из меркантильных соображений дробить его на пять частей.

Владыко! Пощадите Русскую Православную Церковь — она вручена Вам, и от Вас много зависит, не давать разрушать ее в «порядке управления». Пусть не подвергается порицанию всечестная Глава Ваша, и да не будет причин к расколам и отпадениям от Церкви. Если же этого не будет сделано-соблюдено, то, свидетель Бог и Ангелы Его, в Церкви произойдет великий раскол, от которого не спасет и предполагаемый Собор, который теперь сам уже заранее называется именем, которого лучше не произносить.

Возведи окрест очи твои и с вершины умственной горы виждь чада твоя (Ис. 60, 4), как волнуются и страдают они, и будь нам виновником мира и спо-спешником покоя Церкви. О сем просим и молим свя-тую душу Твою.

Да будет всегда с Вами помощь Божия, ограждающая Вас от зла, укрепляющая в добре, утверждающая в мудрости первоиерарха, ободряющая в избрании пути истины.

Припадая к священным стопам Вашим, Ваш нижайший послушник и богомолец

Епископ Виктор.

Октябрь 1927 г^{<оðа>}⁴⁰⁵.

* * *

**Второе письмо
епископа Глазовского Виктора
митрополиту Сергию**

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь,
Глубокочтимый и дорогой Владыко.

В октябре месяце я с сыновней любовью возымел дерзновение высказать Вашему Высокопреосвященству свою скорбь по поводу начавшегося губительного разрушения Православной Церкви «в порядке управления».

Таковое разрушение Церкви Божией есть вполне естественное и неизбежное следствие того пути, на который поставило Вас Ваше «воззвание 16 июля» (ст^{<арого>} ст^{<иля>}) и которое для нас, смиренных и боящихся Бога, и для всех христолюбивых людей является совершенно неприемлемым.

От начала до конца оно исполнено тяжелой неправды и есть возмущающее душу верующего глумление над Святою Православною Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним»

⁴⁰⁵ Архив УФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области.
Д. П-78806. Т. 3. С. 89–90. Машинопись.

оно есть прискорбное отречение от своего спасения или отречение от Самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует Слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели, по Неложному Слову: «иже отречется Меня пред человеки» и проч<ee>.

Насколько было в наших силах, мы себя самих и нашу паству оберегали, чтобы не быть нам причастными греха сего, и по этой причине самое возвзвание возвратили обратно. Принятие возвзвания являлось перед Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении к Святейшей Божией Церкви, Невесте Христовой.

По страху же Божию для меня явилось теперь неприемлемым уже и Ваше распоряжение о моем перемещении. Боюсь, — как пишет мне один священник, — не будет ли выявление послушания с нашей стороны учтено «ими» (синодом) как одобрение содеянного «ими». И потому, если бы мне была предоставлена полная свобода передвижения, которой я не имею, как административно высланный, то я тогда спросил бы себя: не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно по существу объединяет меня с людьми, от Бога удалившимися. А что возвзвание, действительно, достойно многих слез и что удаляет человека от Бога, — об этом я свои мысли изложил особо в форме письма к близким, которое здесь прилагается.

Что же в дальнейшем? В дальнейшем я бы молил Господа, и не только я, но и вся Православная Церковь, чтобы Он не ожесточил сердца Вашего, как некогда сердце фараона, но дал бы Вам благодать сознания содеянного греха и покаяния на жизнь. Тогда все верующие в радости и слезах благодарения Богу опять придут к Вам, как к отцу, пастыри — как к первопастырю, и вся Церковь Русская, как к своей

священной главе. Враг вторично заманил и обольстил Вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией, как дома благодатного спасения человека, уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: «Да будет двор его пуст и епископство его да примет ин», — то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации.

Что пользы, если мы, сделавшиеся по благодати Божией храмами Святого Духа, стали сами вдруг непотребны, а организацию себе получили. Нет. Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная гибель души, которой подвергается тот, кто предоставляет такие внешние предлоги для греха.

Если же ожесточение сердца пошло далеко и надежды на покаяние не остается, то и на сей исход мы имеем просвещающее нас слово: «Тем же изыдите от среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь, и Я приму вас, и буду Вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, — глаголет Господь Вседержитель» (2 Кор. 6, 17–18).

Вашего Высокопреосвященства Глубокочтимого Архипастыря во Христе брат, сердечно преданный

Виктор, епископ Ижевский и Вотский.

16 декабря 1927 г^{<ода>}¹⁰⁶.

* * *

¹⁰⁶ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские: В 2 ч. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. 73–74.

Письмо к ближним

«Блюдите, да не прельщены будете».

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами!

Други мои возлюбленные! С великой скорбью сердца скажу вам о новой лести, через которую враг диавол хочет увлечь души христианские на путь погибели, лишив их благодати вечного спасения. И эта лесть, увы нам грешным, много горше первых трех: живоцерковников, обновленцев, григориан, безумие которых без труда всем было явно, а погибельность последней лести не всякий может постигнуть, и особенно это трудно тем, у кого ум и сердце обращены к земным вещам, ради которых люди навыкли отрекаться от Господа. Но пусть узнают все, что последняя декларация, возвзвание от 16/29 июля с^{<его>} г^{<ода>} митрополита Сергия — есть явная измена Истине (Иоан. XIV, 6).

«Кого предали подписавшие “возвзвание” и от кого они отреклись...» (Деян. XIV, 13). — Они отреклись от Святейшей Церкви Православной, которая всегда во всем чиста и свята, не имея в себе скверны или порока, или чего-либо подобного (Еф. V, 27). Ей они вынесли открытое пред всем миром осуждение, ими она связана и предана на посмеяние «внешним», как злодейка, как преступница, как изменница своему Святейшему Жениху Христу, — Вечной Истине, Вечной Правде. Какой ужас!..

Св. Церковь, которую стяжал себе Господь, Кровию Свою от мира сего (Деян. XX, 28), и которая есть Тело Его (Колос. I, 24), а для всех нас — Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, — ныне эта Святая Божия Христова Церковь приспособляется

на служение интересам, не только чуждым ей, но и даже совершенно не совместимым с ее Божественностью и духовной свободою. «Многие христиане поступают как враги креста Христова, — говорит Апостол... — о земном (политике) они мыслят, забывая, что наше жительство на небесах» (Филип. III, 20) — «ибо не имеем здесь пребывающего града, но грядущего града себе взыскуем» (Евр. XIII, 14). И какое может быть объединение Церкви Божией с гражданской властью, какою бы она ни была, когда цели деятельности *<всякой гражданской власти>* исключительно материально-экономического направления, и хотя внешне могут быть моральны, но чужды веры в Бога или даже враждебны Богу. Между тем цели деятельности Церкви исключительно духовно нравственны и через веру в Бога выносят человека за пределы земной жизни для достижения благодатию Божией вечных небесных благ. «Разве не знаете, что дружба с миром — вражда против Бога. И кто хочет миру быть друг, становится врагом Богу» (Иак. IV, 4).

Отсюда Церковь Христова по самому существу своему никогда не может быть какою-либо политическою организацией, а иначе она перестает быть Церковью Христовой, Церковью Божией, Церковью вечного *<благодатного>* спасения. И если ныне через «воззвание» Церковь объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной здесь совершен и величайший грех отречения от Истины Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви. Не говори мне, что таким образом у нас образовалось Центральное Управление и образуются местные управлении, и получается видимость внешнего спокойствия Церкви, или, как говорит воззвание, «законное существование Церкви», — это и подобное сему любят говорить и все раньше уловленные врагом

диаволом в отпадении от Церкви Православной. Что пользы, если мы сами, соделавшиеся и называющиеся Храмом Божиим (2 Кор. IV, 16), стали непотребны и омерзительны в очах Божиих, а внешнее управление себе получили? *<Нет!>* Пусть же мы не будем иметь никакого управления, а будем скитаться, даже не имея, где главу приклонить, по образу тех, о которых некогда сказано: «скитались в овечьих и козьих кожах, терпели лишения и озлобления. Те, коих не достоин был мир, блуждали по горам и пустыням, в пещерах и ущелиях земли» (Евр. XI, 37–28). Но пусть путем таких страданий сохранятся души православных в благодати спасения, которой лишаются все уловленные диаволом подобными внешними предложениями. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам»; каждой душе предстоит быть испытанной и каждому месту просеяну, чтобы от соломы отделилось зерно, хотя и в небольшом количестве, так как мало «избранных», сказал Господь; «но горе тому человеку, от которого соблазн приходит» (Мф. XVIII, 7). Мы же, други мои, *<не будем жалеть ничего из дальнего, чтобы не потерять нам горнего>*, не будем давать соблазна Церкви Божией, чтобы нам не быть осужденными Судом Господним.

«Блюдите, да никто же вас прельстит, мнози бо придут во имя Мое... и многих прельстят», предупреждает Господь *<(Мф. XXIV, 4–5)>*, а св. Апостол, попечительствуя о нас, говорит: «смотрите, осторожно ли вы ходите, не поступайте как неразумные, но как мудрые, сообразуя время, ибо дни лукавы суть» (Еф. V, 15–16).

Да не ожесточит Господь и сердца подписавших «воззвание», но да покоятся и обратятся, и да очистятся грехи их. Если же не так, то будем беречь себя от общения с ними, зная, что общение с увлеченными есть наше собственное отречение от Христа Господа.

Други мои, если мы истинно веруем, что вне Церкви Православной нет спасения человеку, то когда извращается истина ея, не можем оставаться безразличными, ночныхи чителями ея, но должны пред всеми исповедовать истинность *<Православной>* Церкви. А что другие, хотя бы и в бесчисленном множестве, и хотя бы начальные иерархи остаются равнодушными и даже могут употреблять в отношении нас свои прещения, то здесь ничего нет удивительного. Ведь и раньше нередко бывало, и четыре года тому назад так было, что отпадшие от истины составляли соборы, и Церковью Божией себя называли, и, по-видимому, заботясь о правилах, делали запрещения неподчинившимся их безумию, но все сие дели на свой позор и на свою вечную погибель.

«Верен Господь. Он утвердит нас и сохранит от лукавого».

«Господь да управит сердца наши в любовь Божию и в терпение Христово (2 Сол. III, 3–5).

Декабрь 1927 г^{<ода>}.

Епископ В^{<иктор>} Г^{<лазовский>}¹⁰⁷.

* * *

Из письма епископа Виктора Глазовского от 16/29 декабря 1927 года

Не знаю, писал ли я Вам о том, что я все «возвращения» вернул обратно в Москву, и потому оно в нашей

¹⁰⁷ Польский М., протопресв. Указ. соч. С. 75–76; Машинописная копия изъята при аресте благочинного 1-го округа Вятской епархии Иоанна Попова (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. С. 4. Вл. 9). Внесенные в текст дополнения по этой копии, отмечены курсивом.

Вотской епархии совершенно неизвестно большинству. В г_{<ороде>} Вятке от начала четыре Церкви, из которых два главных собора тоже не приняли его, хотя общения с Еп_{<ископом>} Павлом не прерывали, но поминали его при Богослужении. Верующий народ стал группироваться около этих церквей и удаляться от принявших (подписавших) «воззвание» и прекративших поминование моего имени. Вскоре к четырем церквам присоединилась пятая, но несколько иным путем. Через общее приходское собрание верующие удалили весь причт (прот_{<оцеря>}, свящ_{<енника>}, диак_{<она>}), как не желавших отказаться от «воззвания». Причт был уверен, что Арх_{<иепископ>} Павел защитит их и никому не позволит занять их места. Оно так бы и было, но верующие делегировали ко мне и увезли от меня того священника, о котором я упомянул в начале письма. Представьте себе переполох среди прельщеных в Вятке. По примеру своих сородичей обновленцев они кинулись к гражданской власти за помощью, — но не помогло, прибегли к инсистуации и обвинению в контрреволюции — ничего не вышло. Слава Богу. Осталось одно: поехали к Вам в Москву и привезли спасать положение Арх_{<иепископа>} Павла. Сей пастырь явился в великой злобе. Души православных встревожились его приездом, ожидая всяких репрессий, и телеграфировали мне, прося совета и помощи. Не меньше их встревожился и я за них и недоумевал, что делать. Уже часа в два ночи неожиданно возрадовалось сердце, одна мысль и решимость успокоили меня, я встал, написал такую телеграмму на имя одного из священников православных: «Ввиду приезда в Вятку Арх_{<иепископа>} Павла, необходимо предложить ему принести покаяние и отречься от “воззвания” как поругания Церкви Божией и как уклонения от истины спасения. Только при исполнении сего условия можно входить с ним в молитвенное общение. В случае же упорства прекратить

поминование его имени при Богослужении, что допускалось лишь как *<пропуск в тексте>* до его приезда и выявления ожесточения его сердца. Е*<пископ>* В*<иктор>*.

Так пастыри и сделали. И как жалки были его оправдания и ничтожны рассуждения по сему предмету. От отречения от «возвзвания» отказался, ссылаясь на М*<итрополита>* С*<ергия>*. И вот пока ни за телеграмму, ни за смелость пастырей, прекративших молитвенное общение с Арх*<иепископом>* Павлом, никаких репрессий не последовало. О, если бы их не было, а то опасаюсь за устойчивость некоторых немощных. Внутри епархии целые благочиния не принимают «возвзвания». Но этим наши дела не кончились. Одновременно с событиями в Вятке я получаю ультиматум с прещением от «Синода» — представить ему объяснения: почему я не уезжаю из Глазова и на каком основании касаюсь Вятки. Последний вопрос я оставил без ответа, а по первому сказал правду в письме на имя Митрополита Сергия, которое в копии при сем прилагаю. При письме есть дополнение к нему, выявляющее мой взгляд на «возвзвание», копию которого тоже прилагаю... Какое предложение будет Вотской епархии — не знаю: Синод назначил туда своего, но часть Вот¹⁰⁸ской Епархии — Глазовская епископия отказалась принять нового епископа и пошла на отделение. К нам присоединяется часть Вятской епархии...

* * *

¹⁰⁸ «Дело митрополита Сергия» // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 127–127 об. Машинопись.

Отложение Глазовской епархии

22 декабря 1927 года

Постановление Глазовского Духовного Управления:

«Временно, до покаяния и отречения митрополита Сергия от выпущенного им “возвания”: 1. воздержаться от общения с ним и солидарными с ним епископами; 2. признать епископа Виктора своим духовным руководителем, избранным всей Глазовской епархией в 1924 году; 3. титуловать епископа Виктора “Глазовским и Воткинским”, о чём поставить в известность митр~~ополита~~ Сергея и епископа Воткинского Онисима, а также о~~тцов~~ благочинных Глазовской епархии».

Резолюция епископа Виктора:

«Радуюсь благодати Божией, просветившей сердца членов Духовного Управления в сем трудном и великом деле избрания пути истины. Да будет решение его благословлено от Господа и да будет оно в радость и утешение всей паствы нашей и в благовестие спасения ищущим спасения во Св. Православной Церкви. По постановлению З-му о переименовании титулования временно оставить прежнее титулование, Ижевским и Воткинским, до решения сего вопроса Епархиальным Съездом. Еп~~искон~~ Виктор»⁴⁰⁹.

* * *

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 110. Машинопись.

Из письма епископа Виктора от 29 декабря 1927 года

...Темп церковной жизни у нас сильнее, чем в Москве, а за последнюю неделю он еще более усилился. И это без всякой искусственности с нашей стороны, а сама жизнь заставляет нас так делать. Я писал Вам, что Арх~~иепископ~~ Павел приехал казнить, а его встретили предложением: покаяться и отречься от «воззвания» 16 июля. Он отказался и весьма жалок был в своем оправдании, — тогда, говорит, меня ожидает тюрьма и всякие лишения. Один священник гарантировал ему полное обеспечение, но он не согласился. Из поставленных ему вопросов выяснилось, что действуют они без благословения М~~итрополита~~ Петра и сознают, что если он приедет, то удалит их, «и мы уйдем», так и сказал, — а что за это время они столько зла наделяют и тысячи душ погубят, от этого и глазом не моргнул. Сознался, что сделали они это по настоянию гражданских властей, а на вопрос, чего достигли, — ответил, что он теперь чувствует себя архиереем, о слепота, а не чувствует, что изглажен из книги жизни. Его одни и те же злобные выпады против истинно-верующих, и в частности против меня, и неудачные оправдания того, что он не обновленец, окончательно оттолкнули от него паству, и движение против «воззвания» охватило всю епархию. Чтобы сберечь себя от всяких безумных запрещений, приходы вместе с пастырями заранее отделяются от него через приговоры приходских советов и избирают или просят меня принять их под свое духовное архипастырское перед Богом и перед людьми руководство. Нечто подобное учинило наше Духовное Управление в отношении м~~итрополита~~ Сергия от лица всей Вотской Епархии, поставив ее вне общения с М~~итрополитом~~ С~~ергием~~ до его покаяния и отречения от

«воззвания», о чем и уведомило его. Постановление прилагается.

Между тем М~~итрополит~~ С~~ергий~~ вздумал действовать через полуобновленческого еп~~ископа~~ Онисима, проживающего на заводе Воткинском. Онисим начал злодействовать в Ижевске, и мне по необходимости пришлось послать туда следующие две телеграммы, на телеграфную просьбу о помощи... «23/XII — Ижевск — Покровский Собор, игумену Аркадию. Постановлением Духовного Управления, утвержденным мною, Вотская епархия прекратила общение с М~~итрополитом~~ С~~ергием~~ и единомышленными ему епископами, как предавшими Церковь Божию на поругание и уклонившимися от истины спасения, впредь до их покаяния и отречения от «воззвания» от 16 июля. Объявите о сем духовенству и верующим». Е~~пископ~~ В~~иктор~~.

25 декабря тому же. «Запрещение Онисима и других архиереев, отправших через воззвание от Православной Церкви, никакого значения для вас не имеет, а падает на его голову. Служите в мире Духа Святого. Благословение Божие всей вашей пастве».

Прошло 4 дня, а ничего пока нет со мной. Слава Богу. Пишу же обо всем Вам, ибо уверен, что все это обрадует сердце Ваше и укрепит тех, кто вздумал бы малодушествовать. Необходимо, чтобы Москва начала действовать, а не пассивно только переносить их надругательства над Православной Церковью, тогда и другие епархии ободряются, а то наша Вотская епархия для других не авторитетна, кто привык утверждаться не на самой истине, а на авторитете.

Е~~пископ~~ В~~иктор~~⁴¹⁰.

* * *

⁴¹⁰ «Дело митрополита Сергея» // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 126 об. — 127. Машинопись.

1928 год**Из письма владыки Виктора к епископу А.**

Дорогой Владыко!
Мир Вам от Господа!

Два письмечка ваши получил и обрадован. Не скрою, вместе с радостью письма твои доставили и печаль моему сердцу и сердцу любящих тебя вяличей. Ты хвалишь меня за ревность, превозносишь меня, забывая о моей греховности, до Колесничника Илии. О, как стыдно мне от этого сравнения, потому что я недостоин его!..

Но вот твои два слова, что ты желаешь уйти в безвестное странничество, чтобы молиться без зазрения совести во всяком храме без различия, — эти два слова тяжелым камнем легли на сердца наши и придавили все похвалы твои ревности нашей.

Ведь вне Православной Церкви нет благодати Божией, а следовательно, нет и спасения, нет и не может быть и истинного храма Божия, а есть просто дом, по слову Василия Великого. По моему мнению, храм без благодати Божией делается местом идолопоклонничества, и самые святые иконы, оголенные от животворящей их Благодати Божией, делаются мертвыми досками — идолами. И вдруг ты пишешь, что желал бы молиться везде, где хвалится имя Божие. Но ведь если продолжить твою речь дальше, то ты попадешь не только ко всяким еретикам, но и к магометанам, буддистам и пр<очее>, ибо и у них ведь славится имя Божие. Но ты и сам видишь, что такие мысли полного безразличия разрушают не только смысл и значение Православной Церкви, но даже и самое христианство. И к чему тогда наше исповедничество за истину Церкви Православной? Для чего

терпим лишения, страдания, а может быть, придется понести и самую смерть?!

Это из первого твоего письма, а вот из второго — ты упоминаешь здесь о расколе, кафарах, чистых и пр^{<оче>} и как будто даже сквозь строки приписываешь это нам. Это опять уничтожает все твои похвалы нам за истинное слово наше, которое, по твоему мнению, мы должны были сказать прельщенным.

Нет, священная глава, мы не отщепенцы от Церкви Божией и не раскольники, отколовшиеся от нее: да не случится этого никогда с нами. Мы не отвергаем ни Митрополита Петра, ни Митрополита Кирилла, ни Святейших Патриархов, я не говорю уже о том, что мы с благоговением сохраняем все вероучение и церковное устроение, преданное нам от Отцов, и вообще не безумствуем и не хулим Божией Церкви.

Вот в 1923 г^{<оду>} мы точно так же исповедовали истину Церкви и добились своими страданиями того, что нечестивые изгнаны были от Церкви Божией и образовали свое «обновленческое» соборище отдельно от нас. Так что же, по твоему мнению, мы в своем исповедничестве тогда были раскольниками? Не думаю, чтобы ты так мыслил, ибо сам благословлял нас и лобызая язвы наши. Так учили о нас, как о раскольниках, прельщенные диаволом предатели Церкви, желая таким путем защитить свое отречение и падение. Так точно делают те же лица и теперь, обвиняя нас в расколе. Но мы не раскол делаем в Церкви, а только требуем, чтобы предатели Церкви Божией оставили свои места и передали управление в другие руки или слезно покаялись и раскаялись в содеянном зле.

Или ты думаешь, что Сергий лучше Антонина? Его заблуждения о Церкви и о спасении в ней человека мне ясны были еще в 1912⁴¹¹ году, когда я пи-

⁴¹¹ В машинописной копии из Вятского архива ошибочно указан 1911 год. В остальных копиях — 1912.

сал о нем в старообрядческом журнале, что придет время и он потрясет Церковь. Так оно и вышло. И нам нужно принять все меры, чтобы сохранить и оградить овец Православной Церкви от новой лести. И это не мы одни к этому стремимся, а с нами собор Соловецких епископов (26), с нами великое множество рабов Божиих. Ужас того зла, которое производят эти волки во ограде Христовой, подавил страх перед ними, как хозяевами Дома Божия, хотя они и не хозяева, а самозванцы. Митрополит Петр не благословил ни «Синода», ни «воззвания», ни той деятельности, которую производит Митрополит Сергий, превысив свои полномочия, он из простого присмотрщика за Церковью сделался хозяином Церкви. И вот в разных концах Православной Русской Церкви раздался голос, обличающий предателей, и явились попытки удалить их от начальства, как подобное этому было и в 1923 году. Но разорители Церкви надеются, что Митрополит Петр не вернется к «жизни» — как прежние отступники от Церкви, живоцерковники, надеялись, что Святейший Патриарх «не воскреснет». Мы же имеем другую надежду, что память их самих погибнет с шумом, как осквернителей душ христианских.

Мы с детскою простотою веруем, что сила Церкви не в организации, а в Благодати Божией, которой не может быть там, где нечестие, где предательство, где отречение от Православной Церкви, хотя бы и под видом достижения внешнего блага Церкви. Ведь здесь не простой грех Митрополита Сергия и его советчиков. О, если бы это было только так! Нет! Здесь систематическое, по определенному обдуманному плану разрушение Православной Церкви, стремление все смешать, осквернить и разложить духовно. Здесь заложена гибель всей Православной Русской Церкви. Ведь здесь и явное извращение существа Церкви, а именно сознательное приспособление ее — Небесной

Христовой Невесты, служению миру, те злу, ибо мир во зле лежит.

«Не поклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» и прочее — заповедует св. апостол (2 Кор. IV, 14–18). А эти учат обратному. И все это должно распространяться по всей Православной Русской Церкви, ибо все должны одобрить новое нечестие, а иначе — прощение, ибо, говорят, «мы ваше начальство». О, ослепление ума! О, ужас переживаемого!

При испытании 1923 года и позднее ясно обнаружилось, что оплотом Православной Церкви оказались исповедники Истины — епископы, связанные неразрывною благодатною связью и любовью с их паствами. И что же делают новые враги православия? Они перемещают таких епископов с их кафедр и их места занимают своими ставленниками, и это не единичные случаи, а совершается это в определенной системе по всей Русской Церкви. Ты можешь себе представить, какой стон, плач и ужас покрыли Православную Церковь, когда в ней началось это рассечение нерассекаемого!

Ленинградское *<Петроградское>* духовенство и миряне запросили Митрополита Сергия, чем он объясняет это злодеяние? И он наивно отвечает, что здесь страдает не Церковь, а епископы и паства. — Так разве это не малая Церковь? Не ячейка Вселенской Церкви? А нужно это, по словам Митрополита Сергия, будто бы для выявления лояльности в отношении к гражданской власти. — Что за безумие?! — Разорением Церкви выявлять свою лояльность.

Далее, вторым оплотом Православия оказались приходские советы. И что же опять делают новые враги Православия? Они дают наказ свести значение приходских советов на нет, и это для того, чтобы их ставленники-епископы по своему усмотрению замещали священнослужительские места. Какое теперь начнется осквернение душ нечестивыми священно-

служителями, которых епископы будут рассовывать везде, и какое и те, и другие, т^о е^{сть} епископы и священники, не признанные верующим народом, произведут ужасное разложение веры и упадок религиозной жизни... Поистине эти злоумышленния против Церкви не от человека, а от того, кто искони был человекоубийца и кто жаждет вечной погибели нашей, т^о е^{сть} диавола, слугами кого и сделались новые предатели, подменив самую сущность Православной Христовой Церкви: сделав Ее из небесной земною, из благодатного союза — политической организацией.

В заключение сего письма умоляю Тебя, как друга, пред которым я благовоюю за его благочестие, убегайте ядовитых обольстительных речей (писем), искушающих тебя, подобно эмиям, и желающих удалить тебя от животворного древа Истины.

Пребудем твердыми и непреклонными в предприятии нами с 1922 года исповедании за Истину Божию, чтобы Господь не отнес к нам голоса пророка: «Жрецы мои отвергосаса закона моего и оскверниша святая моя, между святым и скверным не разлучаху» (Иезек. XXII, 26), но все для них было одинаково.

Вспомни вместе нами читанного великого исповедника Феодора Студита, когда он прекратил общение с Патриархом только за то, что тот не хотел лишить сана священника, сознательно совершившего незаконное венчание. *«А Вы ни во что хотите поставить разорение всей Православной Церкви этими духовными разбойниками, и только потому, что они надели на себя личину хозяев Дома Божия, хотя и сами Вы сознаете, что они преступны. Нет, это будет ослепление сердца, а обратное — защщение Божией Истины, а не раскол»*¹¹². Вспомни и другого ис-

¹¹² Курсивом добавлен абзац из отредактированного позднее текста.

поведника св. Максима, который говорил: «Если и вся вселенная будет причащаться с отступившим Патриархом, то я один не причащусь с ним вовек». Вот Благодатию Божию будем подражать сим исповедникам.

Мир Тебе.

Е~~<пискон>~~ Виктор^{¹¹³}.

* * *

**Ответы Преосвященного Виктора,
епископа Ижевского и Вотского
(он же Глазовский), на 15 вопросов ОГПУ
по поводу «воззвания» митрополита Сергея
от 29 июля 1927 года**

Вопросы, ввиду их трудности, сложности и точности не представляется возможным воспроизвести, но смысл их можно уловить из данных ответов.

Ответы даны 18 января 1928 года в городе Вятке.

1-й ВОПРОС: (Чем объяснить с церковной и гражданской точек зрения появление нового Церковного течения — платформа «воззвания» 29 июля 1927 года)?

¹¹³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. С. 4. Вл. 5–5 об.
Машинописная копия, с подписью рукой епископа Виктора, изъята при аресте благочинного Иоанна Попова. Копии этого же письма из «Дела митрополита Сергия» (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 128–129 об.) и из следственных дел петроградских иосифлян (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. С. 97–99), очевидно, отредактированный позднее текст. Обращение к адресату заменено на «Вы», добавлен отмеченный курсивом абзац, исправлен год, незначительно перестроены некоторые фразы.

ОТВЕТ: С церковной — неправильным учением о Церкви и о деле спасения нашего во Христе Иисусе (принципиальное заблуждение митрополита Сергия), а с гражданской — желанием избавиться от того стеснительного и беспокойного положения, в котором находятся иерархи Православной Церкви. Предполагаю, что то, в чем обвиняет «воззвание» Православную Церковь, тто есть в контрреволюции или, по крайней мере, в сочувствии прежнему, дореволюционному порядку, в этом собственное сердце подписавших «воззвание» обвиняет их самих, и они искренне раскаиваются за себя и за других и искренне обещают переменить свое настроение в отношении к власти СССР.

2-й ВОПРОС: (Как смотреть на «воззвание», почту и прочее?)

ОТВЕТ: «Воззвание» есть удаление от истины Спасения. Оно смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), или иначе как на основание царства Божия на земле⁴¹⁴, а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация. По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице митрополита Сергия и известного митрополита Антония (Храповицкого) еще в 1911 (?) 1912 году, предупреждая, что они этим своим ЗАБЛУЖДЕНИЕМ ПОТРЯСУТ Церковь Православную. Это мною сказано было в статье «Новые богословы», напечатанной в старообрядческом журнале «Церковь», № 16 за 1912 год, и подписанной псевдонимом «Странник». Они знали, кто это напечатал, и нерасположение их я долго на себе испытывал. В силу этого своего заблуждения они не могут МЫСЛИТЬ Церковь без внешней организации, а так как власть СССР

⁴¹⁴ Жирным выделены места из машинописной копии, изъятой у благочинного Иоанна Попова при аресте в феврале 1932 года.

как гражданская политическая организация в этих отношениях для них неприемлема (так как стесняла их внешнюю различную деятельность, умаляла внешнее их положение), то вполне возможно и их противодействие этой власти; а потом они раскаялись в этом, сознали свою ошибку, или вернее бесполезность ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.

Лично я вырос среди простого народа (сын дьячка) и всю свою жизнь провел среди простого народа — в монастырях; как народ верует, так верую и я, а именно: мы веруем, что спасаемся во Христе Иисусе Благодатию Божией; эта Благодать Божия присуща только Православной Церкви и преподается нам через Св. Таинства, а мы лишь служители этого благодатного спасения, и <веруем>, что сама Церковь есть Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, а не внешняя какая-либо организация политическая. Как благодатный союз верующих, Церковь может не иметь и не должна иметь никакой политической организации среди своих членов (католическая церковь учит иначе), которые как граждане имеют одну общую для всех политическую гражданскую организацию, по которой они находятся в зависимости от гражданской власти.

3-й ВОПРОС: (Почему неприемлем «Синод» и пр.?)⁴¹⁵

ОТВЕТ: Синод появился без благословения митрополита Петра как временного главы Русской Православной Церкви. Митрополит Сергий, созвав его, превысил свои полномочия; ему был поручен только временный ПРИСМОТР за Церковью, удовлетворение неотложных духовных нужд верующих, а он начал пол-

⁴¹⁵ Здесь и далее курсивом выделены места из машинописной копии документа, изъятой при аресте петроградского священника Сергия Никольского в декабре 1930 года, и отсутствующие в тексте документа из «Дела митрополита Сергия».

ное переустройство Церкви. Он не хозяин Дома Божия, а лишь присмотрщик за Домом; потому и отношение мое к синоду и ко всей его платформе — отрицательное.

4-й ВОПРОС: ?

ОТВЕТ: Персональный состав синода не имеет большого значения в деле его приемлемости. Неприемлема сама платформа, ибо она видит в Церкви внешнюю политическую организацию, которую объединяет с гражданской организацией власти СССР, и сообразно с этим намечает соответствующую внешнюю политическую деятельность для Православной Церкви, и тем толкает Церковь на путь новых потрясений и неожиданностей, извращает вместе с этим **САМОЕ СУЩЕСТВО ЦЕРКВИ**. По внутреннему существу своему Церковь должна быть не от мира сего, и именно по тем духовным интересам, которые она удовлетворяет для своих верующих членов. Она есть благодатный Союз для благодатного спасения верующих граждан. Платформа же этих граждан в отношении их к власти СССР точно и ясно указана нам в Слове Божием: 1) На основании слов Самого Господа мы не должны смешивать церковное, благодатное Божие с гражданским (известные слова Господа: воздавайте Кесарево-гражданское — Кесарю-гражданскому; а Божие — Богу). 2) Отношения верующих к гражданской власти должны быть искренни, чужды всякого лукавства, по голосу совести, как учит Апостол Павел: кому по занимающему им месту подобает честь, мы должны воздавать честь; кому определенный сбор — отдавать сбор; кому налог (оброк) — должны отдавать налог. 3) Вся жизнь православного христианина должна быть, по Апостолу Петру, так построена в отношении гражданской власти, чтобы мы не могли подавать и повода к обвинению нас в каких-либо политических преступлениях, но должны ходить как рабы Божии, а не как прикры-

вающие именем свободы зло, те есть *возмущение против гражданской власти.*

5-й ВОПРОС: —...

ОТВЕТ: Я предполагаю держать себя обособленно от Синода до тех пор, пока не примут участие в церковной жизни митрополит Петр или митрополит Кирилл, в ПРАВОСЛАВИИ которых я не имею данных сомневаться.

6-й ВОПРОС: (О дальнейшем развитии борьбы с новым течением).

ОТВЕТ: Лично я как до сего времени, так и в будущем не намерен вести никакой борьбы, а только оберегаю себя и свою паству, чтобы не быть нам участниками чужих грехов (Синода). Тем из моих близких, кто обращается ко мне по поводу нового течения Церковной жизни, я разъясняю его, как понимаю сам. Далее сего дела не шло и, думаю, не пойдет, ввиду того, что я слишком незначительная личность в сравнении с митрополитом Сергием и Синодом. Да и вообще я не считаю себя способным к какой-либо административной организационной деятельности, так как не имел никогда в ней практики.

7-й ВОПРОС: (О целях нашего выступления и пр.).

ОТВЕТ: Я имею только одну цель — спасение своей души, так как верую, что они (синодалы) разрушают православие, омирают его, оземленяют его и совсем извращают сущность Православной Церкви, и тем лишают человека спасения.

8-й ВОПРОС: (О методах, приемах борьбы и пр.)

ОТВЕТ: Никакого определенного метода и приема борьбы у меня не было. Вместе с некоторыми (не всеми) священниками и мирянами мы заявили митрополиту Сергию, что мы отказываемся от его духовного

руководительства, если он не сознает своей ошибки вовлечения Церкви в несвойственные ей мирские задачи и тем самым не откажется от своего «воззвания» 29 июля.

9-й ВОПРОС: (Как проходила борьба на местах и проч.)

ОТВЕТ: До сего времени борьбы не было в точном смысле этого слова. Мы только отделили себя от тех, кто заявляет нам: «Мы ваше начальство, а потому за непослушание запрещаем» и проч. В отношении же к подчиненным мне пастырям и мирянам, а тем более чужим, я никаких запрещений, угроз, проклятий, лишений и проявления какой-либо злобы не предпринимал и никогда не пред приму, так как дело веры, дело спасения — есть дело свободы, дело совести, дело выбора, а не насилия.

10-й ВОПРОС: (О границах движения).

ОТВЕТ: Безусловно, все должно быть только внутри Церкви как Дома Божия, ибо все течение возникло и имеет в виду исключительно душу и ее вечное спасение, а не внешние условия жизни человека.

11-й ВОПРОС: (О возможности затрагивания политической жизни граждан).

ОТВЕТ: Если Правительство разрешит, то я мог бы лично явиться туда, где это имело место, разъяснить и успокоить, хотя бы на том месте мне и угрожала смерть. Никогда не откажусь ни от каких заданий со стороны правительства, не связывающих моей совести, чтобы только доказать, что мы не злоумышляем ничего против него.

12-й ВОПРОС: —

ОТВЕТ: Я служитель спасения, и те, кто ищет духовного вечного своего спасения, могут найти у меня

всегда помочь в уяснении истины. Но, как мне кажется, интересуется этим более простой народ, который боится отпасть от Православия, а пастыри, к сожалению, остаются более равнодушными и безразличными, хотя они и образованы богословски.

13-й ВОПРОС: (О лозунгах и пр.)

ОТВЕТ: Православная Церковь есть единственная Благодатная Церковь, в которой благодатию Божией и совершается наше спасение от этой жизни-погибели. Отпадение от Православия (обновленцы), извращение существа Православной Церкви (синодалы) лишает человека благодати спасения.

14-й ВОПРОС: (О единстве Церкви и об отношении Ее к Государству).

ОТВЕТ: Единство Церкви может быть только благодатное, а не гражданское; для нас, по слову Божию, **безразлично место, безразлична национальность, безразлично социальное положение и пр.** Мне дорог и православный японец так же, как и православный русский, и при встрече я интересуюсь не устройством его гражданской жизни, а его православием.

Чисто политическая гражданская организация **ВЕРУЮЩИХ** возможна только как подсобное орудие гражданской власти, как это и было до революции, но это ненормально и печально. Государство одно само ведает всю внешнюю жизнь человека, а Церковь знает исключительно духовные нужды верующих и все относящееся до молитвы. Мы не протестуем (*весъма радуемся*) декрету отделения Церкви от Государства, но, к сожалению, Правительство не верит искренности *<нашей радости>* наших заявлений об этом.

15-й ВОПРОС: (О справедливости: а) социальной революции; б) о справедливости власти СССР и в) ее укреплении).

ОТВЕТ: По пункту «а»: Принципы (*Социальной Революции*) о помощи бедным и угнетенным жизнью — истинны, и что Правительство (СССР) проводит их в жизнь, это мною не отрицается (*это меня радует*). По своему религиозному убеждению я могу допустить только эволюцию жизни, а не революцию, но против совершившегося факта не возражаю.

По пунктам «б» и «в»: Ничего не имею против сего (*признаю справедливым*), но лишь при условии, что (*это укрепление*) Власть в дальнейшем не стеснит и не обрушится репрессиями на нашу веру Православную. Культурная борьба с верой тут не имеется в виду.

К ответам приложено обращение к пастве: «Блюдите, да не прельщены будете».

ВИКТОР, Епископ Ижевский и Вотский⁴¹⁶.

* * *

Обращение владыки Виктора к духовенству

«Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от Благодати». (Галат. V, 4)

ДРУГИ МОИ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ПАСТЫРИ

На душевную скорбь Вашу по поводу всяких угроз, запрещений и лишений, посредством чего отпадающие от Церкви Божией селятся увлечь и Вас на путь своего греха и погибели, скажу Вам словами Господа: «Да не

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 121–123. Машинопись; Архив УФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Д. П-83017. Т. 6. С. 12–14 об. Машинопись; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. 10267. Т. 1. С. 4. Вл. 6–6 об. Машинопись.

смущается сердце Ваше, и да не устрашается» (Иоанн. XIV, 27). Прещения лукавящих есть лишь плод их злобы, бессилия и неправоты, и для исповедников ИСТИНЫ значения иметь не могут. Рассудите сами, какое, например, для православного священника могут иметь значение запрещения католиков, протестантов, живоцерковников и пр<очих>, если бы они вздумали применять их к нам. — Никакого. Так точно и здесь. Разница только в том, что католики, протестанты и пр<очие> ранее отпали от Божией Церкви, а отступники (антицерковники) теперь в наше время прельщены диаволом, «уловившим их в свою волю» (2 Тим. II, 26). И это падение их не малое и не тайное, но весьма великое и всем очевидное для имеющих ум (1 Кор. II, 16); а обнаружилось оно в известном «воззвании» 16/29 июля и в последовавшем за ним дерзком разрушении Православной Церкви. «Воззвание» прельщенных есть гнусная продажа непродаваемого и бесценного, т<o> е<сть> — нашей духовной свободы во Христе (Иоанн. VIII, 36); оно есть усилие их, вопреки слову Божию, соединить не соединяемое: удел грешника с уделом Христовым, Бога и Мамону (Мф. VI, 24) и свет и тьму (2 Кор. VI, 14–18).

Отступники превратили Церковь Божию из союза благодатного спасения человека от греха и вечной погибели в политическую организацию, которую соединили с организацией гражданской власти на служение миру сему, во зле лежащему (I Иоан. V, 19). Иное дело лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное дело внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти. При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступ-

никами. Все это мы и видим на деятельности Митрополита Сергия, который, в силу нового своего отношения к гражданской власти, вынужден забыть каноны Православной Церкви, и вопреки им он уволил всех епископов-исповедников с их кафедр, считая их государственными преступниками, а на их места он самовольно назначил непризнанных и не признаваемых верующим народом других епископов. Для Митрополита Сергия теперь уже не может быть вообще самого подвига исповедничества Церкви, а потому он и объявляет в своей беседе по поводу «возвзания», что всякий священнослужитель, который посмеет что-либо сказать в защиту ИСТИНЫ БОЖИЕЙ против гражданской власти, есть враг Церкви Православной. Что это, разве не безумие, охватившее прельщенного? Ведь, так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, Святителя Филиппа, обличившего некогда Иоанна Грозного и за это от него удушенного; более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличившего Ирода и за это усеченного мечом.

К такому печальному положению привело отступников то, что они предпочли нашей духовной свободе во Христе иметь внешнюю земную свободу, ради единенного с нею призрачного земного благополучия. И если архиепископ Павел кричит и клянется, что он, подписываясь под «возвзванием», мыслил о ненарушении им догматов и канонов Православной Церкви и что он не отрекался от нее, то пусть простит, — и Пилат устами выдавал себя за неповинного в убийстве Христа, а тростью (пером) утвердил смерть его. Для антицерковников-отступников от Церкви — сохранение ими догматов и канонов ее является делом уже сравнительно маленьkim. Отрубивший голову не оправдывается тем, что не повредил волос на голове; думать иначе — достойно смеха. А они все твердят: «У нас все по-старому». Верно, обличие у них оста-

лось православное, и это многих смущает; но не стало с ними ДУХА ЖИЗНИ, БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ, а следовательно, и вечного спасения человека. Вот почему эта лесть и горше первых.

Христос не поклонился велиару, когда он, искушая Его в пустыне, предлагал всю власть мира сего, только, говорит, падши, поклонись мне (Мф. IV, 8). А они поклонились. И как духовная власть они силою втягивают и всех других в свой грех, в свою погибель. Но только неверие в благодать Божию и непонимание нашего спасения в ней и через нее может заставить человека встать на путь единения с отступниками. Ибо все их доказательства в защиту «возвзания» есть слова «от земли гласящих» (Ис. XXIX, 4), от законов чуждых и от толпы, побуждаемой страхом человеческим говорить все. Угроза же их каноническими прещениями есть лишь ловушка для несведущих и малодушных. Ведь каноны Божии не для того даны святыми Отцами, чтобы посредством их, как бичом, гнать в погибель тех, кто заявляет, что он по страху Божию не может идти за уловленным врагом диаволом.

Причем самое содержание канонов, на которые ссылаются отступники, по смыслу их к нам применимо никоим образом быть не может. О чем, например, говорят правила 13, 14, 15 Двукратного Собора и другие подобные, на которые они ссылаются. — Правила говорят, что если у кого-либо из клириков возникает ЛИЧНОЕ недоразумение с его епископом, а у епископа с митрополитом области, у митрополита с патриархом, или если местный епископ выскажет опять-таки ЛИЧНОЕ сомнительное мнение по вопросам веры и благочестия, то во всех подобных случаях, во-первых, необходимо должно передать таковое дело на рассмотрение высшей инстанции, во-вторых, никто по этим ЛИЧНЫМ своим делам или ИЗ-ЗА СПОРНЫХ МНЕНИЙ НЕ ДОЛЖЕН прерывать канонического общения с предстоятелем.

Какое теперь может быть приложение этих правил к делу нашего исповедничества? Ведь ни у вас со своим епископом, ни у меня с М~~и~~трополитом> Сергием никаких личных между нами недоразумений нет; дело наше не личное или местных интересов, или каких-либо спорных недоказанных мнений, а дело непосредственного практического разрушения нашего общего вечного спасения самою церковною властью через замену ею истинной Церкви ложною, Жены, облеченной в Солнце (Апок. ХII, 1), великою блудницею (XVII, 1). При иных условиях церковной жизни М~~и~~трополит> Сергий и все его сообщники подлежали бы немедленному суду Православной Церкви в лице поместного собора. Но не того собора, который подготавливают сами отступники от ИСТИНЫ ЦЕРКВИ и который будет лишь сколок с «разбойнического собора» 1923 года. Необходимо, чтобы собор был совершенный, т~~е~~ *е* с участием всех Православных Епископов, а наипаче исповедников Церкви. Но такого собора при настоящих условиях жизни быть никогда не может. И в действительности нам, при создавшихся условиях, даже нет возможности и некому заявить жалобу на отступников от истины Церкви.

Так что же теперь мы должны делать? По мнению самих отступников, мы будто бы должны сделаться соучастниками их преступления против Православной Церкви и, следовательно, так же как они, подвергнуть себя суду Божию, а еще прежде суда лишить себя Благодати спасения. Но какое же мы можем представить оправдание перед Богом за участие в грехе? Правда, мы, как люди, подчиняемся духовной власти, но в то же время каждый из нас руководствуется в своей жизни заповедями Божиими, по которым и будет судим, и если мы окажемся сообщниками нечестия духовной нашей власти, хотя бы даже в лице самого Патриарха, то никоим образом нам не оправ-

даться пред Богом. Ибо заповедь Божия говорит: «Кто отречется от Меня пред человеки, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. X, 33).

Вот почему св. Максим Исповедник, когда его уговорами и страшными мучениями заставляли вступить в молитвенное общение с неправо-мудрствовавшим Патриархом, воскликнул: «Если и вся вселенная начнет причащаться с Патриархом, я один не причащусь с ним». Почему это? — Потому, что он боялся погубить душу свою через общение с увлеченным в нечестие Патриархом, который в то время не был осужден собором, а, наоборот, был защищаем большинством епископов. Ведь церковная административная власть даже в лице соборов не всегда и раньше защищала истину, о чем ясно свидетельствует история святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодора Студита и др.*<угих>*. Как же и я могу впредь оставаться неразумно безразличным? Этого не может быть. Вот почему мы и встали на единственно возможный в нашем теперешнем положении выход — это путь исповедничества ИСТИНЫ СПАСЕНИЯ. Путь этот тяжел, это путь подвига; но мы уповаляем не на свои силы, но взираем на начальника веры и совершиителя Иисуса (Евр. XII, 2). И дело наше есть не отделение от Церкви, а защищение истины и оправдание Божественных заповедей, или еще лучше — ОХРАНЕНИЕ ВСЕГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАШЕГО СПАСЕНИЯ. Вот почему с обличением *M<итрополита>* Сергия выступил целый сонм архипастырей: митрополиты (Иосиф, Агафангел, Арсений), архиепископы, епископы и множество отдельных пастырей, которые заявляют *M<итрополиту>* Сергию, что они не могут далее признавать его за руководителя Православной Церкви, а будут управляться самостоятельно до времени.

Смотрите же, други мои и сопастыри, чтобы не быть вам увлеченными духовными зверями.

Довольно и прежнего, бывшего в недавнее время падения, теперь же будем ходить осторожно.

Мир Божий, превосходящий всякое разумение (Филипп. IV, 7), да исполнит сердца ваши и помышления ваши и да управит путь ваш во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Епископ Виктор.
Февраль 1928 г^{<ода>}¹¹⁷.

* * *

1934 год

Послание епископа Воткинского Виктора (Островидова)

В деле расточения Церкви вместе с предательством митр^{<ополит>} Сергий произвел и тяжкую хулу на Духа Святого, которая по неложному слову Христа никогда не простится ему ни в сей, ни в будущей жизни.

«Кто не собирает со Мною, — говорит Господь, — тот расточает». «Или признайте дерево хорошим (Церковь) и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым» (Мф. 12, 33). «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам» (Мф. 12, 30–31). «Исполняя меру греха своего», митрополит Сергий совместно со своим Синодом указом от 8 (21) октября 1927 г^{<ода>} вводит и новую формулу поминовения.

Смесив в одно в великом святейшем таинстве Евхаристии вопреки слову Божию «верных с неверными» (2 Кор. 6, 12–18), Святую Церковь и борющихся на

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. С. 129 об. — 131. Машинопись.

смерть врагов ея, митрополит этим своим богохульством нарушает молитвенный смысл великого таинства и разрушает его благодатное значение для вечного спасения душ православно верующих. Отсюда и богослужение становится не просто безблагодатным, по безблагодатности священодействующего, но оно делается мерзостью в очах Божиих, а потому и совершающий и участвующий в нем подлежат сугубому осуждению.

Являясь во всей своей деятельности еретиком-антицерковником, как превращающий Святую Православную Церковь из дома благодатного спасения верующих в безблагодатную плотскую организацию, лишенную духа жизни, митр. Сергий в то же время через свое сознательное отречение от истины и в своей безумной измене Христу является открытым отступником от Бога Истины.

И он без внешнего формального суда Церкви (которого невозможно над ним произвести) «есть самосужден» (Тит. 3, 10–11); он перестал быть тем, чем он был — «служителем истины» по слову: «Да будет двор его пуст... и епископство его да примет ин» (Деян. 1, 20).

Ряд уверщаний архиастырей, богомудрых отцов и православных мужей Церкви в течение многих лет не принесли пользы, не привели митр^{<ополита>} Сергия к сознанию содеянного им греха и не возбудили в его сердце раскаяния.

А потому мы по благодати, данной нам от Господа нашего Иисуса Христа, «силою Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 5, 4) объявляем бывшего митрополита Сергия лишенным молитвенного общения с нами и всеми верными Христу и Его Святой Православной Церкви и предаем его Божиему суду: «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь» (Евр. 19, 30).

Настоящее деяние, в дополнение к ранее сделанным нами в 1927–1928 г^{<одах>} заявлениям, мы со-

вершаем в строгом сознании нашего архипастырского долга перед нашей паствой, всеми верными чадами Церкви Православной, стоя в послушании Церкви Христовой, в должном подчинении правилам Вселенских Соборов и Собора Российской Церкви 1917–1918 годов, возглавляемой ныне Патриаршим Местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким, и его заместителем Серафимом, архиепископом Угличским.

«Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство!» (Лк. 12, 32).

Смиренный епископ Виктор¹¹⁸.

¹¹⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 634–635.

Письма святителя Виктора (Островидова)

I

Письма преосвященному Гермогену (Долганову)⁴¹⁹

1

<16 октября 1903>

Ваше Преосвященство!

Будьте милостивы, отпустите о~~тца~~⁴²⁰ Анатолия на месяц к себе на родину. По пути он поживет в Киеве у Ионы⁴²¹ или в какой-либо пустыни и привезет оттуда нам старца или хорошего иеромонаха.

⁴¹⁹ Опубликованы: Ковалева И. Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брусницина к священному ченику Гермогену (Долганеву) // Богословский сборник. Выпуск X. М.: ПСТБИ, 2002. С. 279–287.

⁴²⁰ Иеромонах Анатолий — насельник устраиваемого в городе Хвалынске Саратовской губернии Свято-Троицкого подворья Спасо-Преображенского монастыря.

⁴²¹ Троицкий монастырь в Киеве, основанный в XIX столетии старцем схиархимандритом Петром (в мантии Ионой) Мирошниченко.

Вы предлагали мне самому ехать, но думаю, что полезнее и для меня, и для монастыря пребывать в стенах обители безвыездно.

Относительно монастыря пока еще нет ничего определенного.

Любящий Вас грешный Ваш послушник иеромонах Виктор»⁴²².

* * *

2

<Не ранее 28 марта 1904>

<Хвалынск>

Христос Воскресе!

Поздравляю вас, Ваше Преосвященство, с светлым праздником Христова Воскресения и среди суеты воззываю к Богу о том, чтобы Он сохранил Вас в спокойствии. Давно бы надо написать Вам, но что-то все не здоровится и физически, и духовно. Телом при пасхальном обильном утешении, однако, чувствую измаждение, а духовно овладевает временами уныние, лень. Много смущают и мои послушники, которые хотя и ведут себя хорошо, но все-таки дух-то видится в них иной, чем раньше, и все духовное их, видимо, тяготит, а сколько ведь потрачено трудов. Сейчас еду в скит, там отдохну немного. Бог если благословит, с будущего года мы откроем при подворье монастырскую общежительную школу, как в древнее русское время, а все взрослые монахи будут жить в скиту. Об этом поговорим после.

⁴²² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1132. Оп. 1. Д. 140. С. 3.

Думаем на днях еще приступить к постройке в лесу новой кельи. Как-то Бог благословит нам начать новую церковь. Все готово, а средств пока еще ни копейки. О~~тебе~~ Владимир подал мысль, что хорошо бы с нашим религиозно-просветительным залом соединить зало-церковь подлесинскую, и это потому, что оно там навсегда должно пустовать, ибо народу поблизости нет. В Подлесном же вполне достаточно и школы-церкви. Тогда у нас свободно можно приступить к постройке, и мы окончим ее в один год, а так на крупные пожертвования рассчитывать пока трудно. Если благословите, то о~~тебе~~ Владимир сделает Вам об этом доклад. Мне кажется, что так хорошо бы сделать.

Вместе с этим посылаю Вам прошение о сборной книжке — лицо мне хорошо знаемое, которое сейчас живет у меня в подворье и будет ждать Вашей резолюции.

В скором времени напишу письмо еще более лучшее (духовное), а теперь простите и благословите. Грешный Ваш послушник иеромонах Виктор»¹²³.

* * *

3

<15 сентября 1904>

<Хвалынск>

Ваше Преосвященство!

Божией милостию и Вашими молитвами хвалынское подворье живет во славу Бога. Нужно только теперь уже начать дело в Св~~ятым~~ Синоде об от-

¹²³ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 140. С. 8.

крытии монастыря¹²¹. Неудобств и задержек быть не может. Ведь монастырь с самого начала придется основать в лесу на отведенных под него семи с половиной десятинах. Места сего слишком достаточно, и оно вполне удобное для монастыря. Раньше мне неправильно его показали. Для подворья же в самом городе и настоящего места достаточно, а казенные постройки не помешают существовать именно «подворью». Причем город тотчас же отдаст эти старые здания (сараи), лишь только будет положено основание монастыря за городом. Существование монастыря, безусловно, неудобно в городе и для самого монастыря и нежелательно для некоторых горожан (раскольников) и других лиц. На деньги мы думаем в скором времени купить новое частное здание, которое углом врезалось в нашу землю.

О состоянии монастыря может свидетельствовать характерное для Хвалынска явление, что церковь нашу посещают даже старообрядцы, которые относятся к нам миролюбиво. Хорошо было бы, если бы Вам возможно было уделить день для приезда в Хвалынск к заседанию думы 24 сентября. Тогда бы все решилось скоро и в нашу, конечно, пользу. Если будет для Вас возможно это сделать, то возвестите. Кстати, посмотрели бы, каково состояние Вашего детища — подворья, а то ведь Вы еще не видали его.

За постоянную братию можно считать только четыре человека, которые все Вам известны: иеромонахи Виктор и Анатолий, рясофорный Иосиф и послушник Петр. Кроме них, живет в обители три мальчика — звонарь, пономарь и канонарщик. Есть еще послушник лет девятнадцати. О нем сделаю Вам доклад, когда узнаю, что можно оставить его при обители, а мальчики пока живут только с согласия

¹²¹ Статус монастыря усвоен Свято-Троицкому подворью в Хвалынске в 1908 году.

их родителей (они хвалынские). Есть еще один мещанин, о котором я уже неоднократно Вам говорил, что он с открытием обители примет монашество, и который в настоящее время всего себя отдал монастырю. Сейчас ушли от меня два послушника Спасо-Преображенского монастыря: Иоанн и рясофор Пантелеимон, из них первого, Иоанна, прошу Вас, благословите жить к нам, ибо при настоящем количестве лиц нет никакой возможности отправлять монастырскую службу. Отца Пантелеимона нам не нужно, хотя он и желает у нас остаться, и, главное, потому он нам не нужен, что совершенно не может участвовать в богослужении, а по хозяйству мы сами лично управляемся, а в крайнем случае нанимаем. Если можно, пришлите иеродиакона, потому что я от постоянной службы в душной маленькой церкви начинаю уже хрипеть.

У самого душевное состояние плохое. Часто расстраиваюсь от недовольства собою и другими. Досадую, что не могу всюду и всегда присутствовать и смотреть лично. И молиться в алтаре, и петь на клиросе, и смотреть за послушниками — всего этого соединить не могу и досадую. Только теперь понимаю всю трудность пастырского служения, о которой давно еще читал у Григория Богослова: когда приходится болеть душою за каждый шаг своего послушниковцы. Собою же лично недоволен тем, что при постоянном ежедневном служении и заботах о внешнем устройстве невозможно соединить того благоговения к Таинству Евхаристии, какого требует оно от пастыря. Слишком много и часто приходится грешить — оскорблять Бога. Иначе не может быть при нашей немощи, как не может не обжигаться вертящаяся около огня бабочка. Блажени стоящие вдали от этого Святейшего Таинства и приступающие к нему тогда, когда чувствуют себя хотя немного к нему подготовленными, а не по принудительной обязанности.

Помолитесь, Святый Владыко, да управит мною Господь, я же молюсь о Вас непрестанно, да укрепит Он Вас в трудах Ваших.

Ваш послушник иеромонах Виктор. Это письмо посылаю со своим папой¹²⁵, который немного пожил у меня и помог отправлять церковные службы»¹²⁶.

* * *

4

<30 января 1907>

<Иерусалим>

Ваше Преосвященство!

Осмеливаюсь обеспокоить Вас своею небольшою просьбою, каковую я уже и высказал Вам лично при моей жизни у Вас. Если будет возможно, по Вашему усмотрению, то усерднейше прошу Вас перевести моего зятя диакона села Перещепного Александра Вавилова в родное мое село Золотое¹²⁷, где, как мне пишут домашние, освободилось место диакона. С селом Золотым связана вся жизнь нашей семьи, а потому там и остается жить до сих пор мамаша после смерти папы. В утешение мамаши и сердечно лично самому мне очень хотелось бы, чтобы эта родственная связь с Золотым не прерывалась бы и после.

¹²⁵ Отец святителя псаломщик Троицкой церкви села Золотого Камышинского уезда Саратовской губернии Александр Алексеевич Островидов.

¹²⁶ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 140. С. 4.

¹²⁷ По-видимому, эта просьба не могла быть удовлетворена, и перемещение отца Александра Вавилова на служение в село Золотое не состоялось; и с 1910 года он служил священником в селе Грязнуха Камышинского уезда.

Сам я лично после ухода из Хвалынска живу постоянно в великой скорби. Не раз просил благословения у Преосвященного Антония⁴²⁸, чтобы вернуться назад в Хвалынск, но он не отвечает на сие. Правда, внешнее мое положение куда лучше⁴²⁹, но, оказывается, все ничто, если нет внутреннего мира, радости сердечной. И вот сейчас, когда пишу это письмо, я не знаю, что мне делать, или лучше, не знаю, что будет завтра. Владыка Антоний пишет, чтобы я крепился и занимался для будущего языками, а я написал ему решительное просительное письмо, чтобы куда-нибудь перевел меня из Иерусалима. Утешение и забвение нахожу в изучении наитруднейшего арабского языка. Если судит Господь вернуться мне в Россию, то тогда прошу Вас принять меня, как блудного сына, под свой кров. Вы на эту тему (о блудном сыне) писали когда-то речь, а потому я с большим упоминанием надеюсь на Вашу милость и всепрощение.

Премного утешило меня Ваше письмо с одним паломником, и именно то, что не забываете меня, хотя и ничтожного в своих святых молитвах.

Прошу прощения за все и благословения.

Ваш уже многажды раскаявшийся преслушник и молитвенник пред Живоносным Гробом Господним Иеромонах Виктор»⁴³⁰.

* * *

⁴²⁸ Архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), постриженником которого был святитель Виктор.

⁴²⁹ Святитель был тогда старшим иеромонахом Иерусалимской Духовной Миссии.

⁴³⁰ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 140. С. 5.

5

<Около 15 февраля 1911>

<Санкт-Петербург>

Ваше Преосвященство,
милостивейший Архипастырь и Отец,
Дорогой Владыко!

Великую скорбь сердцу моему доставлял брат мой, которому Вы милостиво дали место псаломщика в городе Камышине⁴³¹. Он напоминал собою известные Вам типы Горького⁴³² и под влиянием минуты то готовился на аттестат зрелости, то в миссионерскую школу и даже в монахи, а кончилось все тем, что он подал прошение в диаконы, чemu я весьма и обрадовался. И со своей стороны я осмеливаюсь просить Ваше Преосвященство, если возможно, определить его куда-либо диаконом, чтобы и он сам успокоился духом и успокоил своею судьбою родительницу и меня.

Сам я теперь, милостию Божиего, настоятельствую в Свято-Троицком Зеленецком монастыре, где почивает угодник Божий преподобный Мартирий и Святитель Новгородский Корнилий. Вопреки воле отца наместника Лавры⁴³³ наш Владыко⁴³⁴ определили меня сюда, где я и успокоился духом впервые после Хвалинска, который мне больше Бог не судил, а я почему-то все ждал.

⁴³¹ Брат святителя Венедикта Островидов, в то время псаломщик кладбищенской церкви в городе Камышине Саратовской губернии.

⁴³² Анализу литературных типов М. Горького были посвящены три лекции святителя Виктора, изданные отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге в 1905 году.

⁴³³ Архимандрит, впоследствии митрополит Феофан (Туляков), наместник Александро-Невской лавры в 1909–1915 годах.

⁴³⁴ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский).

Простите за сие беспокойство и благословите на новое дело.

Вашего Преосвященства Нижайший послушник Архимандрит Виктор»⁴³⁵.

* * *

II

Письма из Сибирской ссылки 1923–1924 годов⁴³⁶

Дорогие Зоя, Валя, Надя и Шура
с глубокоуважаемой мамой вашей!

Из своей далекой ссылки шлю Вам всем благословение Божие с молитвенным пожеланием, чтобы оно хранило Вас от всякого зла в жизни, а наипаче от богохмерзкой ереси обновленцев, в которой погибель и души нашей, и тела. Спасибо Вам за память обо мне. Дуня не довезла вашего письма (хотя я пока еще не все вещи получил), но по почтовой бумаге и конвертам догадался, что это от Вас. Мы пока получили только одну вещь: шубу Маше, а в ней завернуто кое-что и, между прочим, бумага и конверты. Спасибо Вам за них. Вы напишите мне: как живете, здоровы ли мама, кто где у Вас служит? Куда больше ходите в церковь? Я думаю, что посещаете службу владыки Авраамия. Так и делайте, держитесь за него покрепче и во всем его слушайтесь и советуйтесь с ним, если какая нужда будет. С еретиками-отступниками от Вселенской церкви — не молитесь.

⁴³⁵ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 140. С. 6.

⁴³⁶ Адресованы семье Чудиновских: Александре Федоровне и ее дочерям Валентине, Зое, Надежде и Александре. Опубликованы Владимиром Семибратьевым в журнале «Вятка» (1997. № 1).

Мы живем милостию Божией и любовию всех Вас — хорошо. Лето провел все на реке за рыбной ловлей, а теперь помогаем больным, которых немногого, так как и село-то наше маленькое — всего 14 дворов. Божественную службу совершаю дома, а когда молимся, то и всех вас сердечно вспоминаем. Жалко, что разлучен с Вами уже давно, но на все воля Божия с человеком; надеюсь на милость Божию, что все мы увидимся: только не знаю, надолго ли. Дуня хотела раньше повидаться — да не могла, уж очень далеко мы живем и трудно до нас доехать. Летом надо ехать на лодке, а зимой на лошадях 400 в^{ерст}. Но есть люди, которых угнали еще дальше: один священник ехал 32 дня на лодке до Колпашева, нашего главного села. Туда и почта уж не ходит, а у нас еще хорошо; слава Богу.

Живите со Христом. Поминайте меня в молитвах Ваших. Любящий Вас всех Епископ Виктор.

Дуне, Груне, Зине — благословение Божие от меня. Напишу им после. Чей был синий кошелек в узелке?

* * *

Дорогие Валя, Зоя, Шура и Надя!

Спасибо Вам за память. Всегда молитвенно вспоминаю всех Вас с мамой вместе. Не могу Вас забыть за Вашу ревность к храму Божию, к молитве. Благодать Божия да укрепляет Ваш дух ревности о своем вечном спасении в Боге и на будущее время.

Милостию Божию я жив и здоров за Ваши молитвы. Место наше глухое, народ живет бедно, а почтовое сообщение весьма трудно. Почта за 60 верст, и один не пойдешь — медведи в тайге, да и не пройдешь пешком, а надо на лодке. Вот и ждешь случая, с кем послать письма. Летом все время ловил рыбу то на реке Кете, то на озерах, а теперь рыба перестала ло-

виться, сижу дома, занимаюсь английским языком, который, может быть, когда-нибудь сгодится. Может быть, буду заниматься в школе, но определенного ответа еще не дали. Молимся мы дома, а в церковь не ходим, так как священник перешел на сторону еретиков-антицерковников (живоцерковников), а молитвенное общение с еретиками погибель души. Народ ничего не знает и не слышит, духовенство от него все скрывает. Крестьяне сердечно относятся к нам и помогают: приносят молочка, картошки, а мы с ними делимся лекарствами. Ребятишки малые ходят почти голыми, нечего надеть, и все болеют от холода. Льна и конопли сеют мало, а покупать материю очень дорого. Мужчины с осени уезжают на промыслы далеко, верст за двести, в глушь в тайгу за белкой или рыбу ловить неводами — вот этим и живут, а своего хлеба совсем мало. Кругом непроходимые болота.

Всегда вспоминаю Вас, Вашу любовь, и не забывайте и Вы меня в молитвах своих, только с еретиками не молитесь, а лучше дома, если не будет православного храма. Благодать Божия да хранит Вас вместе с мамой Вашей, р_{<абой>} Б_{<ожьей>} Александрой, от всякого зла и погибели. Привет и благословение всем знаемым во Христе. Любящий Вас любовию во Христе Епископ Виктор.

Напишите свое отчество и отчество мамы, я забыл.
Е_{<пискон>} Виктор.

* * *

17·30/III 1924 г<ода>

Дорогие мои Валя, Зоя, Надя и Шура
с досточтимой мамой Александрой Феодоровной!

Господь да будет со всеми Вами Свою благодатию в вечное спасение душ Ваших. Уведомляю Вас, что

письмо Ваше я получил (это уже второе). Спасибо за память, за утешение и любовь Вашу. Только напрасно Вы расходуетесь, посылая письма заказными, да и нам их очень трудно получать. Ведь почта у нас за 70 верст, и надо бывает искать человека и писать доверенность на получение письма, а доверенность заверять в сельсовете, который от нас 10 верст, иногда долго не бывает попутчика, и так письмо все лежит и лежит на почте (с месяц). Между тем простые письма с почты посылаются прямо, и мы получаем их скорее. Письма редко пропадают.

Я всегда с особою радостью вспоминаю всех Вас, Ваше усердие к храму Божию и Ваше радущие, с которым Вы нас принимали. Господь да укрепляет Ваш дух в исповедании св. православной веры и воздаст Вам милостями своими в сей и в будущей жизни. Как Вы, так и я надеюсь на милость Божию, что мы еще с Вами увидимся, а вот когда это будет — не знаю, Господь знает и все устроит по своей Святой воле к взаимному нашему утешению. Вы так всегда в сердце своем и держите, что все с нами бывает по воле Божией, а не случайно, и от Господа зависит изменить наше положение нам в утешение и спасение. А потому не будем отчаиваться никогда, как бы тяжело ни было нам.

Морозы у нас уже кончились, и уже давно стоит прекрасная весенняя пора, только еще мало подтаивает. Здесь не раньше как в мае проходит река, так как здесь вообще-то холоднее, чем у Вас в Вятке. У Вас с наступлением весны зачеты-экзамены, — ну, Господня благодать да поможет Вам в учебных делах Ваших, просвещая и преумудряя Вас во всяком познании на пользу себе и на утешение мамы.

Спасибо Вам за письма и за марки, но Вам я давно не писал сам, потому что боюсь, как бы не повредить и Вам, и себе частой перепиской: ведь мы ссыльные, и за каждым шагом нашим смотрят, и письма наши читают. Прошлое письмо Ваше мы получили поздно, оно

долго лежало на почте, не было кому поручить его, а потому и поздравить тебя, Валя, со днем ангела не мог, хотя все-таки послал тебе поздравление и приветствие через кого-то другого, а через кого именно — забыл. Очень хорошо сделали, что на день **имянин** посетили вл_{<адыку>} Авраамия; лучшего ничего и придумать нельзя было. Господь да не оставит тебя за это святое дело. Влад_{<ыка>} Авраамий — великий человек по своему смирению пред Богом. Наверное, его тоже сошлют куда-либо далеко. Помоги ему, Господи!

Вы спрашиваете о здоровье моем — ничего, слава Богу, здоров, а немного болел ревматизмом: мы отопляемся только железной печкой, которая горит день и ночь, и температура бывает не равномерна, то очень жарко, а то прохладно. Вот и заболел немножко. Маша теперь стяжит одеяла, и этим мы зарабатываем себе на хлеб, рыбу, дрова. Впрочем, рыбы я и сам много ловил и теперь с наступлением весны опять займусь рыболовством. Тогда и время пройдет незаметнее, а теперь бывает временами и скучно, но слава Богу за все, Господь не оставляет нас Своими утешениями. Вот праздник Благовещения Пр_{<есвятой>} Б_{<огородицы>} скоро, мы тоже, Господь благословит, будем приобщаться Св_{<ятыx>} Тайн, только у себя дома, где мы служим Божественную литургию вдвоем с Машей и Вас, всех близких нам вятичей, поминаем. Буди милость Божия со всеми Вами. Приступайте и Вы ко Святым Тайнам там, куда ходите в церковь, а если по Вашим молитвам меня освободят раньше, то тогда и у меня причаститесь. Оставайтесь с Богом. Господь да хранит Вас. О получении сего письма много не говорите, прилагаемые письма передайте: Анне Ник_{<олаевне>} Дьяконовой и Фаине Ник_{<олаевне>} (матери Игоря). Любовь моя во Христе с Вами.

Е_{<пискон>} Виктор.

* * *

Христос Воскресе!

Дорогие Валя, Зоя, Надя и Шура с Боголюбезнейшей мамой Александрой Феодоровной!

Поздравляю Вас всех с праздником Светлого Христова Воскресения. Дай, Господи, в мире и радости сердечной провести Вам эти дни, а утешение, которым Вы утешили нас, да примет Господь на Себя и Сам утешит Вас по Своей великой милости. Спасибо Вам, но впредь так много не расходуйтесь. Сухарики, видимо, сдобные, хотя мы еще и не пробовали их. Будем вспоминать Вас на Пасху. На письмо Ваше я Вам уже ответил раньше. Получили ли Вы его? Всегда молитвенно вспоминаем любовь Вашу. Храни всех Вас Господь от всякого зла.

Любящий Вас любовию во Христе

Епископ Виктор.
1-14 апреля 1924 г^{<ода>}.

* * *

Дорогая во Христе сестра Валя с Зоей, Надей и Шурой и боголюбезнейшей мамой Александрой Феодоровной!

Мир Вам от Господа, Благодать Божия да хранит всех Вас от всякого зла.

Всегда сердечно вспоминаю всех Вас, уверен, что и Вы меня помните. Давно только не получал от Вас ни одной строчки. Если есть время, то пишите, как живете, какие скорби и какие у вас радости: ибо Ваши скорби и радости — мои скорби и радости. Пишите, ничего не опасаясь, только не надо никогда подписывать фамилию, а только одно имя. Я ведь и так Вас всех знаю и руки Ваши знаю.

Я живу милостию Божией хорошо. Только все опасаюсь, как бы опять куда на «курорт» не попасть. Враг Православной церкви — обновленцы ведь не дремлют, а, наверное, опять какие-либо козни против нас строят. Бог им судья. Не ведят, что творят. Они ведь, пожалуй, думают, что, предавая нас на страдания, «служат Богу», как об этом предсказывал Сам Господь во Святом евангелии.

Как нравятся Вам новые батюшки? Советую Зое сходить на исповедь и ко св. причастию у о~~тца~~ Михаила (Воскр~~есенский~~ Собор). Храни всех Вас Господь.

Любящий всех Вас Е~~пископ~~ Виктор.
6/XII 1924.

* * *

III

Письма в Помполит

Еп~~искон~~ Виктор (К. Островидов)

4.V.34 г~~ода~~

В общество помощи
полит~~ической~~ заключенным
т~~оварищу~~ Пешковой

Адм~~инистративно~~ с~~сильного~~
Островидова Константина Александровича
(Епископа Виктора)

Заявление

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне возможную помошь в моем тяжелом положении.

Я страдаю уже с 1922 г~~ода~~ с августа мес~~яца~~
со времени появления так называемой «живой церкви». За это время был 22 мес~~яца~~ в тюрьме, 3 года в

концлагере (Соловках), 1 ½ г_{ода} в высылке, 1 мес_{яц} на свободе, а все остальное время в ссылке. Последний раз осужден был в 1928 г_{оду} в мае мес_{яце} в концлагерь на три года за отказ от признания известной декларации Митрополита Сергия и отказ от него как главы Правосл_{авной} Церкви. В 1931 г_{оду} лагерь был заменен ссылкой в распоряжение Поли_{омочного} Предст_{авителя} Сев_{ерного} края, г_{ород} Архангельск, на три года. Срок этой ссылки кончается 4 апр_{еля} с_{его} г_{ода}, но я не могу получить освобождения, и вот почему. — В прошлом году четыре бывш_{их} священника, сергияне, с которыми я не был знаком, устроили надо мною шантаж, объявив меня соучастником какой-то их мифической организации. Сущность этого шантажа и следствия по поводу его я кратко изложил в своем заявлении в п_{олномочное} п_{редставительство} Сев_{ерного} края, копию которого при сем прилагаю. — Возмутительно и до крайности омерзительно для меня то, что я, отрицающий по своим религиозным убеждениям всякое участие как вообще Пр_{авославной} Церкви, так, в частности, свое личное в каких бы то ни было земных интересах жизни, не только пострадал по этому делу 8_{-ю} мес_{яцами} в тюрьме в Сыктывкаре, но и получил еще новый срок ссылки, а упомянутые организаторы освобождены. — Ведь так поступать — значит никогда не выпустить человека на свободу, а между тем дело жизни идет к старости, здоровье крайне надорвано и требуется лечение.

С глубоким уважением к Вам за оказываемую Вами помо_{щь}

К. Островидов (Епископ Виктор).

23 февраля 1934 г_{ода}.

П_{очтовое} от_{деление} Усть-Цильма,
Коми области»⁴³⁷.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 152–153. Автограф епископа Виктора.

* * *

КОПИЯ

В Полном~~<очное>~~
Представ~~<ительство>~~ ОГПУ
Сев~~<ерного>~~ Края,
г~~<ород>~~ Архангельск

Подслед~~<ственного>~~
заключен~~<ного>~~
в Сыктывкарском
след~~<ственном>~~ Изоляторе
Островицова Константина
Александровича (Епископа
Виктора)

Заявление

Отбывая свой срок ссылки на Печере в с~~<еле>~~
Устьцыльме, я 13/XII-1932 г~~<ода>~~ без всякой с моей
стороны причины был арестован по распоряжению
уполномоченного КОО ОГПУ гр~~<ажданина>~~ Елсуко-
ва, и утром того же числа в числе других 10-ти челове-
кок был отправлен этапным порядком в Сыктывкар-
ское ОГПУ, где мне было предъявлено нелепое для
меня обвинение — участие мое в каком-то Беломор-
ском им~~<ени>~~ Михаила Архангела обществе, о како-
вом я ранее никогда не слыхал. В процессе следствия
для меня выяснилось, что возбужденное против меня
обвинение есть самый гнусный, злостный шантаж,
устроенный надо мною бывшими священниками:
Богдановым, Кулагиным, Никольским и Нечаевым, с
которыми я лично не был знаком, а по Устьцыльме
они известны были как секр~~<етные>~~ сотрудники ме-
стного ОГПУ. — Причина этого шантажа их надо
мною мне неизвестна, но так как он был упорно и на-

стойчиво поддержан и производившим следствие гр~~ажданином~~ Елсуковым, то я и решился написать это заявление. Мои письменные показания по данному делу, каковые я сделал по предложению следователя гр~~ажданина~~ Секацкого, были уничтожены при мне след~~ователем~~ Елсуковым, все же следствие самого гр~~ажданина~~ Елсукова сводилось к бессмысленным издевательствам над личностью человека. — Закончилось это следствие двумя личными «ставками» меня с вышеупомянутыми Богдановым и Никольским, показания-измышления которых были ужасны, а под пером следователя эти показания превратились во что-то чудовищное. Как бы в успокоение меня или своей совести Богданов пред личной ставкой заявил мне, что приходится прибегать к выдумкам, чтобы облегчить сидение, а Никольский после ставки, схватившись за голову, идя впереди меня и обращаясь ко мне, повторял: «негодяи мы, негодяи». На предложение следователя Елсукова подписать протокол я только заметил: «Вы подписали эту гнусность и вы можете ввести в обман посторонних людей, но будет вам стыдно смотреть хотя друг другу в глаза (с Никольским)». На это следователь ответил: «А вам не стыдно было при царизме обманывать народ и шить себе ряски» ...

Недели через три после личных ставок (20 февраля с~~его~~ г~~ода~~) следователь Елсуков вызывает меня и объявляет, что следствие закончено, о чем мне и объявляется, и предложил расписаться. Я расписался. По приходе в камеру вопросы товарищей: не было ли выше моей подписи еще что-либо написано или не осталось ли выше подписи белой незаполненной бумаги, которая уже как бы от моего имени может заполниться, — эти вопросы смущили мой дух до крайности, и я только ставлю вопрос: так неужели представитель Высшей Власти может быть способен на такой подлог-мошенничество? Тогда к кому же обращаться

гражданам за правдой? — Это будет уже тогда не жизнь, а безысходный кошмар жизни...

Так как лжепоказания-измышления вышеупомянутых лиц могут ввести в заблуждение Власть, а отсюда произойдет судебная ошибка с тяжелыми для меня последствиями, то я и прошу ПП ОГПУ вникнуть в это дело и дать мне возможность спокойно продолжить срок своей ссылки.

Островидов
(Епископ Виктор).

1/VII-1933 г<ода>.
С подлинным верно.
К. Островидов
24/II-1934 г<ода>⁴³⁸.

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227. С. 154–156. Копия. Автограф епископа Виктора.

Приложение 1

«Заметка о человеке»⁴³⁹

Может ли человек иметь какое-либо одно определенное, вечное, истинное содержание в постепенном развитии своей жизни или, может быть, он по самому существу своей природы есть только одно из временных явлений условной наличной действительности, текущей без конца и без всякого смысла, и самая мысль о каком бы то ни было определенном единственно истинном или иначе абсолютном содержании его жизни уже представляет собой ни больше ни меньше как продукт больного расстроенного воображения человека? Если же человеческой природе присуще нечто особенное, отличающее человека от всех прочих продуктов бренной земли; если, кроме всего условного, мимолетного, конечного, каждый человек в самой своей природе является еще носителем некоторого безусловного, неизменного, вечного начала, то должно ли тогда непосредственно отсюда возникающее абсолютное содержание жизни быть только завершением вообще мирового бытия или же, наоборот, оно должно быть самою действительною личною жиз-

⁴³⁹ По изданию: Иеромонах Виктор. Заметка о человеке. СПб., 1905.

нью каждого отдельного человека? Иначе говоря, должен ли человек в силу того, что природа его имеет идеальное начало, положительно жить как идеальное существо (а не мыслить только о себе как таковом) или, быть может, свойственное человеческой природе безусловное начало не имеет никакого отношения к личной жизни каждого из нас? И человек может теперь жить как всякое другое животное — теми же самыми временными интересами своего организма, предоставив осуществление абсолютной универсальной цели бытия историческому мировому процессу развития, для которого сам человек теперь уже служит ни больше ни меньше как простым механическим средством — орудием? Наконец, в чем именно заключается это абсолютное, единственно неизменное на все времена и для всех людей содержание наличной жизни человека?

На все поставленные нами сейчас вопросы, как ни трудны они, можно найти более или менее определенные ответы как в сознании современного общества, так и вообще в сознании каждого человека во всякий период времени его существования, ибо указанные вопросы — не вопросы простого любопытства, внешнего знания, без решения которых человек весьма свободно и спокойно может существовать, а вопросы самой жизни человека и человечества. В том или другом решении данных вопросов всегда заключается то самое определение жизни, по которому известный человек живет и действует в мире, и именно как определенная личность, а не как простой живой организм, который всегда находится под властью механически неизбежных для него тех или других влечений его природы. Пусть тот или другой человек часто не исполняет сложившегося у него известного понимания жизни, но живет-то он все-таки им, и за неисполнение его сам себя осуждает именно в том случае, если только это понимание служит для человека нормой его жизни; или просто досадует, — если оно является

для человека желательным, но недостижимым содержанием его жизни. И будь то какой-нибудь наивный дикарь или самый современный культурный человек — глубокомыслящий философ — все равно они оба обязательно имеют те или другие ответы на означенные вопросы, и не в их власти сделать так, чтобы не ставить себе этих вопросов и так или иначе не отвечать себе на них. Вся разница будет заключаться только в чисто внешней формальной стороне вопросов и в основательности того или другого содержания самых ответов, каковая разница существует в решении вопросов сознанием отдельных членов одного и того же современного общества. Одни совершенно отрицают у природы человека всякое безусловно идеальное начало и ставят человека в содержании его жизни на одну доску со всеми прочими живыми физическими организмами, и на этом основании вполне законно требуют, чтобы человек подчинил этому чисто животному определению всю практику своей жизни. Но тот для каждого очевидный факт, что сами-то представители такого понятия о человеке не осуществляют даже в своей жизни своего слишком уж легкого суждения о человеке, ибо они не живут *исключительно только интересами животного своего организма*, со всем ясностью обнаруживает их ложь.

Другие признают, что цель жизни человека должна быть несравненно выше цели простого довольства животным его существованием, хотя за каждой отдельной личностью они не хотят признавать никакого иного безусловного начала и никакого иного вечного личного содержания жизни, кроме содержания организма. Эти по отношению к человеку совершают еще большую сравнительно с первыми несправедливость, ибо они требуют от человека хотя и добровольного, но все-таки уничтожения безусловной ценности для него его личных органических начал жизни, но в то же самое время никакого иного высшего личного — а не рабского содержания за жизнью человека не допус-

кают, и, следовательно, они наивно проповедуют добровольное уничтожение каждым человеком себя самого ради самого уничтожения. Наконец, третья, признавая некоторое абсолютное содержание за жизнью, а самого человека в самой его природе действительным носителем особого безусловного начала, по какому-то странному недоразумению часто все-таки оставляют человека по-прежнему в границах его физических интересов жизни, а осуществление истинного содержания жизни как будто относят к вообще мировому процессу, а не к жизни — деятельности отдельных личностей. Но нужно допустить что-нибудь одно: или человек совершенно не имеет в себе никакого безусловного особого начала, а следовательно, ему и нечего осуществлять кроме временных мимолетных влечений и требований своего организма; или если уж человеку самой его природой суждено раскрыть в мире иное высшее начало, то эта задача необходимо требует от человека всей его силы, затемняя для него все другие бесцельные, мелочные содержания жизни. Да и для самого человека невозможно разделить себя надвое: он обязательно будет жить или только интересами себя как животного организма, если только это будет всегда возможно для него, или, наоборот, всецело сосредоточит себя на развитии себя по другому, истинному, безусловному, высшему началу собственной же природы.

Уже тот один простой факт, для многих по личному опыту известный, — что человек в большинстве случаев никогда не удовлетворяется никаким тем или другим чисто физическим, внешним содержанием жизни, этот факт с очевидной убедительностью сам по себе показывает, что человек не есть только животный организм, что он по самой природе своей представляет собою нечто несравненно большее, чем простой, хотя бы и высший продукт земли. Если бы в действительности, а не в нашем собственном воображении, человек был поистине лишь одним из высших

видов физиологического царства, то подобное недовольство никогда не могло бы быть обнаружено человеком. При самом невероятнейшем прогрессе в развитии всех своих внутренних сил и способностей человек-животное вне всякого сомнения мог бы, конечно, иметь более утонченные, а пожалуй, и благородные чувствования, сравнительно с состоянием чувствований хотя бы у современных нам животных; человек-животное, безусловно, мог бы во многое раз через обогащение опытом жизни увеличить энергию своей умственной деятельности сравнительно с тем, какой он обладал в своем прототипе — каком-нибудь слизняке, а благодаря развитию этой энергии ума человек-животное мог бы иметь и своего рода культуру, — но только при всем таком своем развитии он никогда бы не пожелал иметь того, к чему не влечет его собственная природа организма, к чему она так или иначе не побуждает его стремиться. Ибо нелепо же в самом деле животному, хотя бы и стоящему на высшей ступени своего развития, желать и стремиться к достижению того, о чём оно по самой природе своей не только понятия не имеет, но что даже положительно может отрицать некоторые интересы его животной природы. Человек-животное, развивши свои внутренние чувствования, обогатившись познанием окружающей его действительности и через то самое получивши возможность утилизировать ее, тотчас бы и сосредоточился на стремлении удовлетворить всякое малейшее требование своего животного организма, а удовлетворивши известное влечение-хотение, он успокаивался бы, наслаждаясь чувством приятного. Наоборот, неудовлетворение известных желаний только заставляло бы человека-животное отыскивать для этого все новые и новые средства и стремиться к их осуществлению все с большей и большей силой до тех пор, пока он так или иначе не убедился бы в совершенной невозможности когда-либо достигнуть

удовлетворения возникших в нем желаний. Но человек никогда бы не мог при данных условиях войти в роль «бунтовщика» против влечения своей физической природы, и тем более он никогда не мог сделаться положительным ее врагом, отрицая для себя всякую ценность физического содержания жизни. Иначе говоря, человек-животное, несмотря на возможное для него богатое внутреннее развитие, только неизбежно повторил бы собой, хотя, конечно, в несколько более широких рамках, жизнь и деятельность всех остальных его собратьев по организму, т. е. животных, и внести в существующую действительность что-нибудь свое совершенно новое, чуждое естественным неизбежным законам физической природы, и тем более отрицать требования животной природы организма он, разумеется, никогда бы не мог. Вся жизнь человека-животного всегда определялась бы исключительно влечениями и теми или другими побуждениями со стороны физической природы организма и ни при каких условиях никогда не могла бы идти дальше того, что ощущается организмом в качестве приятного и неприятного, что мыслится им в силу опыта жизни как полезное и вредное, опасное и безопасное, т. е. деятельность человека не шла бы дальше того, что так или иначе затрагивало бы интересы его чисто физического существования в качестве живого организма. При таком же положении дела человек явился бы ни больше ни меньше как простым отображением механики чисто физического мира, ибо «животное всегда хочет того, чего оно не может не хотеть по наличным состояниям своего организма, и оно всегда поступает так, как его заставляет поступать характер и содержание его необходимых наличных отношений к миру; так что в сфере животной мысли и жизни, при большем или меньшем свете самосознания, в сущности повторяется только (именно) бездушная механика мира.

Но лишь только мы вступим в сферу действительной человеческой мысли и жизни, так тотчас же встречаемся с совершенно новыми, дотоле неведомыми нам, различными явлениями. Оказывается, что человек, при всей своей тождественности со всеми прочими живыми существами в области своей чисто органической жизни, по неизвестно какой-то причине положительно, по-видимому, вооружается против самой своей природы как живого организма и фактически резко подтверждает это свое недовольство каким бы то ни было органическим содержанием жизни в факте самоубийства с небольшой пометкой — «не стоит жить». Здесь решительно непонятным и положительно чудесным образом живая материя организма не только враждует сама с собой, но и совершенно уничтожает саму себя, что уже совсем вещь немыслимая и невообразимая для всего животного мира, а как совершающийся факт крайне нелепая. Но ведь это только самый резкий протест человека против ценности для него физического содержания жизни, или, вернее, конечное откровенное разрешение протesta, который непрерывной нитью проходит через всю жизнь как отдельного человека, так и всего человечества.⁴⁴⁰

И если даже теперь допустить возможность существования таких людей, которые довольствовались бы чисто животным содержанием жизни, то, независимо от этого, факт существования совершенно другого типа, хотя в лице одного человека (в действительности является исключением первый тип), безусловно, тре-

⁴⁴⁰ Об этом убедительно свидетельствует, во-первых, переживаемое почти каждым человеком исканье им смысла жизни и, во-вторых, факт существования религий, которые хотя и будут иногда — по своему чисто внешнему виду — с физическим содержанием, однако всегда выводят человека за пределы его наличного физического существования и говорят об ином, премирном бытии.

бовал бы своего объяснения — не наивной ссылки на невежество человека, а действительного причинного объяснения факта существования такого человека, который отрицает для себя всякую ценность физического определения жизни и именно положительно свободно отрицает, а не просто только не удовлетворяется количеством и качеством наличного у него физического содержания. В последнем случае человеку крайне нелепо было бы убивать себя, а он только стал бы искать другого, лучшего или просто желательного для него содержания его жизни или желательных для него удобств его существования на земле. Пытаться же объяснить данный факт отрицания человеком ценности физической жизни со всем ее разнообразием из каких-либо законов самой же физической природы организма — это будут совершенно напрасные труды. При очевидной для каждого человека всеобщей мертвовой механике мира указанное в человеческой жизни явление выступает уже положительным чудом для животной природы и невольным свидетелем искони присущей человеку внутренней его свободы. Если же это действительно так, то человек уже является перед нами с некоторым безусловным началом, присущим его природе, по которому он, в противоположность необходимой механически возникающей из природы организма и условий его существования деятельности животного мира, сам лично самоопределяет себя к той или другой деятельности. Хотя, правда, пока это самоопределение человека выражается у него только в факте отрицания безусловной ценности для него физического содержания жизни, но непосредственно за этим отрицанием человек уже усиливается найти и положительное истинное содержание для своей жизни, а именно он делает это в отыскании смысла своей деятельности, речь о чем по отношению к животным и невозможна, и будет совершенно напрасна. В этом-то именно факте стремления к самоопределению себя

к иного рода деятельности, чем добывание того или другого физического содержания жизни или тех или других условий ее течения, мы и знакомимся с человеком как существом свободным, и таковым именно сознает себя каждый человек и только благодаря этому сознанию может жить и действовать в мире. Пусть в действительности человек часто является ни больше ни меньше как рабом и своих физических влечений, и различных внешних условий жизни, т. е. совершенно уравнивается с животными, это все-таки ничуть никогда не может уничтожить ни его сознания собственной свободы действий, ни возможности стать действительно свободным, если только он придет к истинному познанию о себе самом и если только он, для осуществления этого истинного познания о себе, встанет на действительно истинный путь.

И человек действительно приходит к совершенно верному познанию истинной цели своего бытия, по силе критического анализа того или другого наличного в данный момент содержания своей жизни, какой анализ человек совершает уже не в силу тех или других естественных влечений своего организма, а производит по разумным началам обоснования смысла избираемой деятельности и вообще смысла своей жизни. И в этом своем стремлении — *поистине* оценить то или другое содержание жизни и определить действительный смысл своей жизни — человек приходит и необходимо должен прийти прежде всего к отрицанию всякой ценности и вообще всякого разумного значения для его жизни — чисто физического, животного определения ее. Но это только начальная, чисто отрицательная сторона критического анализа, по которой человек узнает, что именно не заслуживает того, чтобы оно было поставлено им конечной целью жизни, и находит это недолжное в материальных интересах жизни, которые непосредственно вытекают из его природы живого организма. «Пока человек жи-

вет одним лишь физическим содержанием жизни, для него и существует одно только возможное или невозможное, желательное или нежелательное (приятное и неприятное), но с течением времени все *возможное и желательное* оказывается для него не имеющим никакой ценности, и человек теперь уже вполне естественно полагает необходимое различие между тем, что действительно ценно, и тем, что лишь *представляет* ценным. В критическом мышлении этого самого различия он и приходит к такому сознанию, что все физическое содержание жизни никогда и ни при каких условиях не может быть действительно ценным по самой основе этой жизни, а потому он необходимо отрицает в себе самое хотение жить и необходимо обрывает свою жизнь, когда не находит в себе никакой другой основы жить, кроме основы физического организма»¹¹¹.

Если же в жизни мы сравнительно редко встречаем такой печальный конец, то это потому, что в дальнейшем развитии критического анализа различных ценностей жизни человек необходимо приходит к определению более высшего, положительного содержания жизни и именно находит это высшее содержание своей жизни в делании добра своему собрату — человеку же. Твори добро — вот положительная заповедь человеку, созданная и раскрываемая самим же человеком в процессе его исторического развития. Именно этой заповедью и держится вся жизнь и деятельность как отдельного человека, так и всего естественного человечества во все время его существования, а где она теряла свое жизненное значение, там немедленно наступал конец тому народу, государству, где это случалось. На заповеди добра зиждется и искусство, особенно литература, и наука, и естественная религия, и цивилизация, и вообще вся культура. Вот почему, когда

¹¹¹ Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. I. С. 257.

в последней (культуре) увидели недавно не помощницу в развитии добра, а наоборот — увидели культуру как причину много го зла в мире, то на нее обрушилось все человечество в лице своих глубоких мыслителей, каковым у нас в России явился Л. Н. Толстой. Итак, смысл жизни при всех ее разнообразных проявлениях и формах заключается в совершении добра. В этом определении нового, положительного содержания жизни — не по тем или другим побуждениям животного организма, а уже по началам разума, мы встречаем человека с новым характерным признаком его природы — разумом и, таким образом, вместе с первым получаем человека как существо свободно-разумное, т. е. живущего и действующего не механически необходимо в силу присущих его живому организму физических законов, а по началам свободы и разума. Но и это определение положительного содержания жизни будет не полно и требует существенного дополнения, которое непосредственно тотчас же почувствуется нами при первой же попытке определения содержания самого добра, под которым обыкновенно разумеют ту или другую заботу о ближнем, что в высшей степени странно и непонятно. Именно странно и непонятно то, каким образом могло произойти так, что добро, принимаемое как единственно разумная цель деятельности человека, вдруг наполняется всецело тем самым материальным содержанием, которое каждый человек по отношению к себе лично давно уже отверг как совершенно недостойное содержание его жизни, именно как сводящее его на степень животного существования. Признанное раньше за недолжное, оскорбляющее человеческое достоинство и совершенно бессмысленное по своим конечным результатам, материальное содержание жизни теперь вдруг опять самим же человеком и уже под формой положительного добра вводится в жизнь в качестве действительного истинного ее содержания — с тем

только единственным различием, что теперь человек стремится к достижению различных материальных интересов жизни не для себя лично, а для другого человека. Но если по отношению к себе лично я в силу естественного своего духовного развития мог отвергнуть безусловную ценность физического содержания жизни, то я с таким же точно основанием всегда могу и должен ожидать, что и тот другой субъект, для которого я являюсь часто непрошеным благодетелем, рано или поздно отвергнет необходимость для себя чисто физического определения жизни, и именно подобно мне он признает это содержание совершенно бессмысленным для себя. А если это действительно так, а иначе оно и быть не может, то заповедь «делай добро» лишается для меня всякого определенного своего содержания и обращается в пустую форму. Думать же, и этим утешать себя, что другой человек никогда не разовьется до того, чтобы отвергнуть физическое содержание жизни, а следовательно, никогда и не будет искать высших интересов жизни, — это по меньшей мере наивно, а по существу дела положительно не хорошо, не честно с моей стороны.

Точно так же в высшей степени странно и непонятно, почему когда человек жил по физическому определению жизни, то он всегда имел в виду лично себя, свой организм. В самом деле, ведь если человек когда-либо жаждал получить какие-либо чувственные наслаждения, то он всегда и предавался им своим собственным организмом; и если он стремился к богатству, то он и приобретал его для себя; точно так же — славу, почести, внешние удобства жизни, — всего этого человек добивался исключительно только в своих личных интересах. Совершенно обратное мы находим в действиях того же самого человека, когда он изменяет свой принцип жизни и, вместо материального определения жизни, выдвигает идею добра. Здесь личность человека, его «я» не только совершенно иг-

норируется им, но и положительно даже отрицается, ибо человек теперь добровольно обращает себя в средство для жизни другого человека. Правда, в своем собственном сознании человек продолжает действовать исключительно по своим личным тем или другим соображениям, ибо иначе он и не может никак действовать, и если теперь действует, то действует исключительно в утверждение своих благородных порывов. Но только в действительности-то лично для человека от всей этой его благородной деятельности ровно ничего не остается, ибо ведь он здесь средство жизни, а не цель сам по себе, тогда как прежнее, физическое определение жизни всегда оставляло человеку хотя временное, но тем не менее положительное содержание для его личной жизни в форме бессмысленного и грубого наслаждения организма.

И вот, как вследствие первого указанного выше нами недоумения человек естественно приходит к уничтожению всякого содержания идеи добра и остается с одной голой формулой: «твори добро», так в критическом мышлении второго возникшего недоумения, т. е. что человек обращается в простое средство жизни другого человека, человек необходимо должен прийти к уничтожению какой бы то ни было обязательности для себя вообще принимать в качестве принципа деятельности указанную заповедь: «твори добро». Это необходимо должно произойти для человека и именно с одной стороны в силу уже одного того простого здравого соображения, что для человека лучше иметь хотя что-нибудь, чем совершенно ничего; уж лучше пусть я получу бессмысленное наслаждение организма, чем буду жить простой химерой жизни. При этом почему же именно я должен считать добром материальное содержание жизни тогда, когда с полным уничтожением себя преподношу его другому организму, а не тогда, когда предоставляю пользоваться материальными благами и вообще удобствами

жизни своему собственному организму, тем более что ведь и мой организм имеет такое же право пользоваться всеми прелестями физического существования, как и организм всякого другого человека⁴¹²?

И человек рано или поздно поймет фальшь этого своего положения, т. е. что он живет и действует не только не в достижение своих собственных целей в жизни, а в качестве простого орудия, средства существования бессмысленного самого по себе благополучия организма другого человека, и, понявши это, необходимо вернется к первому своему определению жизни, т. е. к физическим ценностям своей личной жизни, и поставит себя «по ту сторону добра и зла». Но даже если человек и не вернется к этому первому определению жизни, однако все равно добро уже теряет для него значение безусловного принципа жизни, ибо не только не дает ему никакого абсолютного содержания жизни, а всецело оставляет человека в прежних условиях чисто физических интересов жизни, изменяя только отношение к ним моего «я», отчего бессмыслие жизни остается для человека во всей своей силе. Ввиду этого человеку снова приходится отыскивать абсолютное содержание жизни, причем в новый принцип жизни он необходимо должен включить два существенных свойства: во-первых, чтобы абсолютное содержание жизни было совершенно независимо от всевозможного рода физических мотивов и физических целей жизни, ибо только при этом условии оно и может быть абсолютным, независимым; во-вторых, нужно, чтобы это абсолютное содержание жизни имело значение для меня лично, — именно

⁴¹² Границы или меру как удобств жизни, так и вообще различных чувственных наслаждений — это предоставьте тогда назначать каждому человеку самому, ибо только ему одному ведомо — что именно и в какой мере ему нужно по развившимся в нем тем или другим потребностям организма и запросам его животного духа.

как определение смысла моей личной жизни. Вечное, действительно истинное содержание жизни должно иметь для меня в своем осуществлении значение действительного, наличного результата всех прежде бывших моих трудов и усилий в течение всей моей земной жизни. И человек действительно находит такое содержание жизни; только при его определении он теперь выходит не из физической жизни организма, а из своей собственной идеальной духовной природы — в качестве разумно-свободного существа. И именно находит это абсолютное содержание жизни не в моральном, *а в нравственном самоопределении человека*. «Нравственная деятельность человека» уже действительно «не может возникать ни из каких других побуждений, кроме идеальных, а идеальные побуждения к деятельности не могут возникать ни из какого другого основания, кроме живого идеала собственной человеческой личности (т. е. каким должен я быть, сделаться). Выводить нравственное сознание из каких-либо идеалов наличной нашей земной жизни было бы так же странно, как и вводить это сознание в деятельность физического мира»⁴¹³.

Но лишь только человек поставит в качестве абсолютного содержания жизни осуществление именно этого нравственного самоопределения, реализацию нравственного начала жизни, так тотчас же у каждого человека начинается творчество уже не чужой, а его же собственной жизни в качестве нравственной личности. Человек теперь развивает не чужое, а свое же собственное бытие, только не бытие своего организма, а бытие себя как безусловного начала, именно как нравственной личности. Человек стремится теперь переродить себя, сделавшись не только по внешним интересам своей жизни, но и в самом существе своем, вместо человека страстного, порочного, нравственно

⁴¹³ Ibid. С. 258.

низменного, каким он сознавал себя до сих пор и каким действительно был, — в человека духовного, чистого, нравственно совершенного, каким он теперь хочет быть и каким действительно может сделаться. Пусть это раскрытие человеком себя как нравственного существа выразится теперь для внешней жизни человека в отречении его от всего своего материального содержания в пользу другого и в положительной заботе о ближнем до готовности положить за него душу свою (а оно необходимо именно в этом выразится), это уже не может иметь для человека того рокового значения «грубого средства», какое непосредственно следовало при моральном принципе деятельности, ибо никакого отречения для человека здесь собственно нет и не будет. Ведь всякое отречение возможно только в том единственном случае, когда я то самое содержание, от которого отрекаюсь, все-таки в то же самое время утверждаю за имеющее для меня действительную цену, а если им жертвуя сейчас в данный момент, то только потому, что условия наличной жизни заставляют меня это сделать. Это самое происходит в жизни и деятельности наших школьных благородных мечтателей, которые часто отрекаются от личных земных благ не потому, чтобы эти блага сами по себе в их глазах не имели для них никакой цены, а потому, что они восчувствовали скорбь ближнего при наличных условиях его существования. Понятно, что при таких условиях никакого полного, откровенного и всегда спокойно-радостного самоотречения не может быть, а происходит только временный нервный порыв благородного самозабвения в пользу другого, каковая вспышка после своего охлаждения должна отзываться для сердца человека весьма мучительно. Совсем иное — когда человек живет и действует по нравственному самоопределению, по которому, с одной стороны, для него уже ничего ценного из материального мира быть не может, а потому человек спокойно мо-

жет отдать все и даже самую жизнь. С другой стороны, наоборот, утверждение для себя чего-либо из материального в качестве действительно безусловно-ценного необходимо будет теперь уже служить для человека отречением его от себя самого как нравственной личности, а вместе с тем — поставлением себя на путь прежнего, бессмысленного самого по себе, органического своего существования. Затруднение здесь возникает совсем иное, а именно заключается в том, может ли человек настолько духовно возвыситься, чтобы всегда безропотно служить каждому ближнему, совершенно забывая самого себя даже до готовности всякую минуту отдать и самую наличную жизнь свою за ближнего? При этом человек всегда должен помнить главное, т. е. что он становится действительно совершенным слугой человечества и его истинным благодетелем в том единственном случае, если только предварительно очистить самого себя от той массы внутренней грязи, нечистоты, порочности, развратности и вообще всякой страстной привязанности к животным интересам жизни, каковую привязанность он отчасти унаследовал, отчасти сам развел в себе в течение прежнего своего существования. Это коренное и совершенное преобразование себя не только в мотивах своей деятельности, но и действительное фактическое изменение самой своей личности во всех ее моментах жизни и составляет все существенное дело человека и безусловно прежде всего ему необходимо. А именно внутреннее перерождение человеком самого себя необходимо, с одной стороны, для личного внутреннего умиротворения самого человека, ибо иначе ему от мучительного сознания своей преступности, нравственной порочности совсем будет не до внешней спокойной, всегда открытой деятельности в мире. С другой стороны, это нравственное перерождение человека требуется от него и самой внешней его работой, ибо иначе человек совсем и не может выступить в мире с

теми или другими своими благородными пожеланиями ближнему, не рискуя в то же самое время привить ему скорее свой собственный разврат или вообще те или другие слабости, или, пожалуй, и совсем принести ближнему вместо добра лишь одно чистое зло. — Но отсюда же непосредственно увеличивается и та тяжесть подвига человека, который живет по внутреннему нравственному самоопределению и который потому стремится явить из себя в мир не просто рабочую лошадь, а пытается раскрыть себя во всей своей жизни как целостную, всегда одну и ту же совершенную нравственную личность. Можно ли этот подвиг совсем когда-либо осуществить человеку, — на это отвечает нам вся история человечества от самых первых дней человека на земле, над которой и нужно подумать каждому из нас, каковая работа неизбежно должна будет привести всякого не иначе куда, как ко Христу — Спасителю мира. — Вот только вопрос, и вопрос едва ли не коренной: *захочет ли человек нести* этот подвиг преобразования себя, — подвиг сделаться тем, чем он не по приказанию или какому-либо научению совне, а по собственному своему личному сознанию должен бы быть?..

Итак, все понятие о человеке как носителе безусловного начала можно теперь выразить в следующей формуле: он есть свободно-разумная нравственная личность. Разум и свобода служат существенными признаками присутствия безусловного начала в человеке, а раскрытие им себя как нравственной личности только и может служить абсолютным, т. е. вечным истинным содержанием жизни, и вне его человек необходимо теряет всякий смысл своего существования.

Иерусалимская Миссия

**Доклад
о положении нашей Духовной Миссии в Иерусалиме
и о возможной ее внешней и внутренней деятельности,
читанный на общем заседании Киевского миссионерского
съезда 18 июля 1908 г. старшим иеромонахом миссии
о^{тцом} Виктором⁴⁴**

Ваши Преосвященства, Ваши Преподобия,
Милостивые Государи!

I

Случайно я здесь присутствую, случайно и буду говорить пред сим священным собранием, а потому и речь моя не будет представлять собою какого-либо ученого исторического трактата о нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, а есть просто только живое слово о живых же нуждах ее. Предлагаю же это слово вашему вниманию потому, что оно весьма близко касается как интересов Православной Церкви вообще, так в частности — специально миссионерских интересов нашей Русской Церкви, и я — в полной уверенности, что оно вызовет у членов сего славного съезда

⁴⁴ Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. Харьков, 1909.

общее сочувствие и тем побудит вывести нашу Миссию в Иерусалиме из того печального положения, в котором она находится. Как это ни странно по отношению к нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, где сосредоточены религиозные интересы почти всего земного мира (христиан, магометан, евреев), где, по выражению св. отцов, место матери всех церквей и куда Россия ежегодно посыпает тысячи своих православных чад с их пастырями и даже высшими иерархами, — и однако, несмотря на такое наиважнейшее местоположение тамошней нашей Миссии, о ней, — о ее задачах, целях и вообще жизнедеятельности совершенно невозможно сказать какое-либо определенное, ясное слово, и это уже после 50-летнего существования Миссии. Даже в сознании тех, которые были в Св. Земле, наша Иерусалимская Миссия у многих из них вызывает одно лишь сплошное недоумение, и они часто уныло замечают, что приличнее было бы заменить самое слово «Миссия» каким-либо другим — более подходящим названием. Правда, некоторые из паломников-пастырей приходят в большой восторг, пораженные внешним богатством, — разумею, святые места наши с постройками на них, какими владеет Иерусалимская Миссия и которыми она обязана главным образом незабвенной памяти архимандриту Антонину, — в радости духа такие пастыри восклицают: о! это великое дело Иерусалимская Миссия, а мы до сего времени и понятия о ней не имели; теперь будем говорить, проповедовать о ней повсюду. Но вот, спросите их, что же они будут говорить, о каком величии Миссии проповедовать, к чему призывать своих слушателей? — и они тотчас же окажутся в самом тяжелом положении, ибо ничего не могут сказать светлого и определенного ни о настоящей, ни о прошедшей духовной жизнедеятельности Миссии. Мне лично со скорбью сердца не раз приходилось ставить в такое положение наших паломников-пастырей, и тогда мы в

общей беседе переходили на сторону возможного для Миссии, и это возможное рисовалось пред нами самыми светлыми чертами, а значение Иерусалимской Миссии вырастало до такой высоты, до которой никогда невозможно будет подняться никакой другой из всех прочих Миссий Русской Церкви и которое объясняется именно ее особенным знаменательным местоположением.

Единственное занятие, какое всегда находили себе члены Миссии, — это служение молебнов, панихид, исполнение незначительных треб церковных и собирание пожертвований. Такое положение Миссии — как требоисправительницы — более чем печально. Да и это поделие в течение $\frac{1}{2}$ года за отсутствием паломников пропадает и легко может совсем пропасть, для чего достаточно одного слуха о надвигающейся, напр., заразной болезни, что неизбежно затормозит самое паломничество русского народа, и вся Миссия останется уже совершенно вне всякой работы. И, действительно, Иерусалимская наша Миссия давно погибла бы за полную безжизненность своего существования, если бы не приснопамятный архимандрит Антонин, который в видах сохранения Миссии и возможной для нее в будущем работы сосредоточивал пока все свое внимание на приобретении святых мест, и чрез это он упрочил раз и навсегда внешнее самостоятельное положение Иерусалимской Миссии независимо от внутренней ее жизнедеятельности. Хотя и при этом великом палестинском деятеле Иерусалимская Миссия едва-едва не погибла. Дело о закрытии ее, (увы!) как совершенно ненужной, доходило до благовоззрения Государя.

На место Миссии предполагалось поставить одного требоисправителя при консульстве, а для паломников достаточно было бы и местного греческого духовенства. От такого печального конца, много говорившего за себя в начале нашей Иерусалимской Миссии, спасло

ее заступничество благоверной Государыни Императрицы Марии Александровны. Но полная безжизненность и наличная бесцельность Миссии все-таки остается во всей силе и до сих пор, что нечаянно и засвидетельствовал один из посетивших Палестину наших иерархов.

На обеде в здании Миссии в честь этого редкого в Палестине гостя после обычных тостов за Государя и местных деятелей владыка пожелал сказать слово и за нашу Миссию. «Теперь прилично, — начал святитель, — предложить слово за... но впрочем, что здесь такое? Монастырь? — не монастырь; приют, богадельня? — не похоже; постоянный двор? Тоже не то; Миссия? Но в чем ее миссия?.. Ну да, говорит, просто желаем здоровья здесь живущим». Такой неожиданный инцидент рассмешил всех присутствовавших, но только на этот смех прилично было ответить словами нашего великого писателя: что смеетесь? — над собой смеетесь. Таким образом, вопрос, быть или не быть нашей Иерусалимской Миссии, остался во всей силе и до наших дней; но не потому он существует, чтобы наша Миссия и в самом деле не могла иметь внутренней жизнедеятельности, какой-либо действительной работы, которая давала бы ей смысл и значение. Такое печальное ее положение, в котором она находится, есть явление чисто случайное для нее, созданное историческими условиями самого ее возникновения.

II

Собственно, — говоря истину, — мы необходимо должны будем признать, что у нас еще и не было в Иерусалиме духовной Миссии как посланничества высшему духовною властью Русской Церкви духовных лиц с определенными чисто церковными и религиозными целями. Наша же теперешняя Миссия в Иерусалиме, хотя вне сомнения и относится к учреждени-

ям Русской Церкви, образовалась совершенно самостоятельно после многих пережитий и случайно окрепла из посланничества на Восток светскою властью своего агента в рясе. Первоначальная наша духовная Миссия в Иерусалиме являла собою именно не что иное, как агента правительства русского с чисто-спекулятивными целями под флагом поддержания православия на Востоке. И как это ни странно для духовного лица, но первоначально этот правительственный агент в рясе даже был вынужден прикрыться перед взорами первосвятителей Восточной Церкви, к которым он шел на помощь, под видом паломника при официальной инструкции его деятельности, данной от министерства. Как некрасиво было положение архимандрита Порфирия, первого начальника Миссии, когда первосвятители — патриархи Восточной Церкви догадывались об его официальном к ним посланничестве, и как он, исполняя данную ему инструкцию, замаскировывал пред ними свое действительное лицо. Такое положение более чем странно для духовного лица, идущего якобы помочь Восточной Церкви в борьбе с иноверной пропагандой.

Последовавшее затем вскоре официальное признание архимандрита Порфирия начальником нашей Миссии в Иерусалиме опять-таки шло помимо какого-либо взаимоотношения с Восточной Церковью, что было безусловно необходимо как по причине общности церковных интересов, так и ради канонического положения начальника Миссии, открываемой в пределах чужой православной же Церкви Иерусалимской. Святителям Востока представлялось самим отгадывать цель этого посланничества Миссии русской в Иерусалиме, и потому нет ничего странного в том, что Восточная Церковь приняла архимандрита Порфирия просто как соглядатая, но только по ошибке соглядатая не от светской власти, от которой он и был послан, а от Русской Церкви, и это ее заблуждение по-

служило причиной многих недоразумений в дальнейшей жизни иерусалимской Миссии.

Между тем архимандрит Порфирий, заняв с самого начала, по выражению профессора Дмитриевского, положение «дипломатического агента Российской державы», вполне естественно и главные отчеты о своей жизнедеятельности соответственно своему положению дает уже не в управление Русской Церкви — Св. Синод, как прилично было бы, а в Министерство иностранных дел. Только приниженнное тяжелое тогдашнее положение восточной иерархии и личные достоинства нашего первого деятеля на Св. Востоке сохранили Церкви от больших осложнений по данному делу. Не выходя из сыновнего смиренного отношения к патриарху, архимандрит Порфирий живет всею жизнью Восточной Церкви, истинно отдает себя на служение ей в борьбе с пропагандой, радуется ее радостями и скорбит ее печалями. Временами он, вопреки положительному запрещению полученной им инструкции, с болью сердца сосредоточивает свое внимание на наших паломниках; а больше всего удается от жизни в научные свои занятия, где он и находит покой. После, случайно, он резко высказал свое наболевшее сердце по поводу своего ненормального положения и вообще наших неправых отношений с Восточной Церковью, за что и понес крест от тех же самых лиц, которые посыпали его на Восток, именно как человек, который не может защищать русских интересов, потому что слишком расположен к Восточной Церкви.

Еще более печальна была судьба следующего начальника Иерусалимской Миссии епископа Кирилла. Для светской власти вдруг показалось, что сан архимандрита не достаточно являет собою все величие державы русской на Востоке и особенно после неудачной войны с Турцией. И вот ввиду этого теперь уже посыпается начальник Миссии в сане епископа, кото-

рый опять-таки не получил никаких церковных полномочий своего церковного представительства, и только возбудил еще большее недоумение в восточных святителях, и часто ставил их своим присутствием в затруднительное положение.

Прошло еще немного времени, и той же самой власти наоборот кажется, что епископский сан слишком высок для Востока, и она находит теперь нужным послать снова архимандрита и даже без высшего образования, а просто человека богообоязненного, способного вести хозяйство, какового лучше всего найти в монастыре-пустыни. Вопрос о сношениях его с церковною иерархию Востока теперь откровенно совсем вычеркивается, все же местные сношения Русской Церкви с Греческою переходят в удел светского дипломатического представителя-консула и только отчасти подлежат компетенции нового начальника Духовной Миссии. Помышления об религиозной проповеди чужим в видах поддержания православия, что прежде служило главным видимым мотивом посланничества нашей Миссии, теперь тоже совсем отбрасываются. И вот, начальником Духовной Миссии согласно этим новым веяниям назначается иеромонах Оптинои пустыни о. Леонид с возведением его в сан архимандрита. Но недолго и этот начальник Миссии прожил в Иерусалиме, а при его преемнике — знаменитом архимандрите Антонине в министерстве поднимается вопрос уже о полном закрытии Миссии.

Все это смешно, если бы не было так грустно. Но что же делает Русская Церковь? — Все участие ее в столь великом для нее деле, как открытие духовной миссии в центре религиозных интересов и религиозной борьбы, как водворении в Иерусалиме при престоле апостола Иакова своего церковного представителя для живого обмена по всем вопросам Церкви, все участие нашей Церкви в этих делах выражалось в том, что она давала указы о назначении и увольнении тех

или других начальников Миссии, о которых ей предписано было; давала распоряжения о сборах пожертвований на поддержание православия, писала от лица митрополитов частные письма патриархам, и — все. Правда, она иногда на соображения светской власти отвечала протестом, так, например, высокопреосвященный Филарет, митрополит Московский, остался при своем особом мнении по поводу того, чтобы церковные дела перешли в удел иерусалимского консула. Но это были исключительные случаи, а вообще Русская Церковь ни в открытии, ни в первоначальной жизни Иерусалимской Духовной Миссии никакого активного участия не принимала. Вот почему я и выразился так резко в начале доклада, что, собственно, у нас еще и не было Духовной Миссии в Иерусалиме, именно как посланничества Русской Церквию духовных лиц с чисто миссионерскими целями и правами представительства на Востоке. Вместо сего было только посольство светскою властью духовных лиц со спекулятивными целями, а результаты такого посольства, как для нашего миссионерского дела на Востоке в видах поддержания православия, так и вообще для наших отношений с Восточной Церковью, вышли весьма плачевны.

III

Уже самое неканоническое посольство нашей Духовной Миссии светскою властью и помимо каких-либо соглашений с Восточною Церковью о положении, целях и деятельности нового учреждения Русской Церкви — это одно не могло не возбудить на первых же порах недоразумений и неудовольствия греческой иерархии. Восточная иерархия, приняв ошибочно первого начальника нашей Миссии за соплякатаю Русской Церкви, этот свой взгляд распространила потом и на всю дальнейшую деятельность

нашу на Востоке. Отсюда восточные святители начали естественно чуждаться Миссии, бояться ее и даже вынуждены бывали иногда унижено заискивать пред начальниками ее, которые со своей стороны не гнушились временами припугнуть патриархию, как выражается сам один из первых начальников.

С течением времени это неудовольствие все росло и росло по мере приложения к жизни тех инструкционных данных, которыми руководствовались наши первые деятели на Востоке. Правда, в основании этих инструкций, по-видимому, лежала верная и великая мысль, осуществлением которой вполне могла оправдаться наша Миссия; мысль эта — поддержание православия на Востоке через борьбу с католицизмом и протестантизмом, раскинувшими свои сети по всей Сирии и Палестине. Но в действительности все эти инструкции при практическом своем осуществлении привели не к поддержанию православия, а, как то ни странно, к ослаблению его вообще и наших братских отношений с Восточною Церковью в частности. Объясняется это тем, что полученные нашими духовными деятелями инструкции вырабатывались светскими государственными лицами, руководящими началами для которых, конечно, были прежде всего интересы русского государства, а не интересы православия, — при помощи последних всегда надеялись получить первые, т. е. влияние русского государства на Востоке. А ввиду этого начальникам Миссии прежде сего строго внушалось вместо проявления своей ревности о православии не выходить из границ чисто дипломатических отношений ко всем, с кем они вынуждены будут столкнуться в Иерусалиме. Эта русская церковная дипломатия в связи с отстаиванием каких-то своих личных русских интересов вместо общих интересов православия, а в отношении к Греческой Церкви крайним небрежением, не обращением на нее внимания вместо братских отношений

любви и взаимопомощи — все это и поставило нашу Иерусалимскую Духовную Миссию на тот ложный путь, который привел ее к полному омертвению. Особенно этому печальному концу много содействовало последнее, т. е. не только нежелание поставить наших деятелей в какую-либо зависимость от местной Церкви, но и решительное нежелание считаться даже с самым наличным присутствием восточной иерархии.

Мало этого, нашим молодым духовным деятелям на Востоке даже положительно внушалось с самого начала, как это ни странно, — преобразовать все греческое духовенство в лице архиастырей и самых первосвятителей Востока. Эти инструкционные внушиения — преобразовать, перевоспитать восточную иерархию, выдержавшую страшную вековую борьбу за православие и сохранившую его во всей его чистоте — эта тенденция слишком смела, если совсем не наивна, и могла она вырасти только в умах, далеких от понимания религиозных истин жизни. Помимо сего, самый тон подобных отношений — влияние с высока от сознания своего какого-то превосходства — это не тон взаимоотношений двух церквей в общих интересах их веры и деятельности. В основание такого отношения кладется не братская любовь смиренного служения, а горделивое чувство превозношения, а в данном случае превозношения пред гораздо старшими нас, нас породившими духовно и воспитавшими, и это не могло, конечно, не оскорбить восточных святителей.

Но главное зло от этого лживого, горделивого начала, с которым мы пришли на Восток, вышло то, что оно в течение последних пятидесяти лет незаметно проникло в сознание всего русского народа и особенно пастырей Русской Церкви. «Нам нечего учиться у греков, мы сами их должны учить, у них нет ничего, прошли те времена» и пр. и пр. рассуждения

в этом духе мы слышим на каждом шагу и особенно у людей, побывавших на Востоке и увидевших внешнюю бедноту греческих церквей и вообще угнетенное положение восточного духовенства под турецким игом. Не буду опровергать этого неправого, по существу, мнения, но скажу только, что в деле религиозной жизни и просвещения первое место от времени самих апостолов никогда не занимала образованность, ученость с внешним блеском, а вера и любовь, чего ни от кого ни при каких условиях отнять невозможно, а следовательно, и от восточных христиан, несущих на себе тяжелый крест рабства.

Мы еще только вступаем на путь самостоятельной, вне государственной помощи жизнедеятельности, а Восточные Церкви живут этою самостоятельностью жизнью под чужим, часто злодеющим для них, турецким правительством уже многие сотни лет и в страшном огне борьбы со свободно гуляющим на Востоке папизмом, и протестантизмом, и всяkim другим сектантством. Не поразиться ли нам этим духовным могуществом Восточной Церкви в борьбе за православие, за святыни Востока вместо того горделивого и часто молчаливо-презрительного отношения к восточному духовенству, которое проникло во все слои нашего общества разве кроме простого народа и которое в самой Восточной Церкви вызвало по отношению к нам недоверчивость, подозрительность и породило тот холодный антагонизм, которым проникнуты наши последние церковные взаимоотношения. Причиною такого печального положения служило именно то неправое начало — не братской помощи, а некоторое притязание на Восточную Церковь, которое положено было в основу всей нашей живой деятельности на Востоке.

Хотя гораздо большее зло принесло еще другое начало инструкций, которыми руководствовались наши первоначальные духовные деятели, а именно —

это самостоятельная покровительственная наша деятельность по отношению к местному арабскому православному населению и отстаивание его национальных интересов не перед католиками, протестантами или местными турецкими властями, а перед его же законными архиастырями.

Этот второй наказ, положенный в основание нашей деятельности на Востоке, шел уже положительно вразрез с каноническими данными, по которым мы никоим образом не могли самостоятельно действовать в другой чужой поместной церкви, а тем более, хотя бы и косвенно, против иерархии этой церкви. В действительной жизни от такого печального направления работы нашей первоначальной Миссии произошло величайшее для Православной Церкви зло, и это зло все растет и растет даже до наших дней. Это направление нашей деятельности неизбежно должно было произвести и произвело разделение между местною паствою и ее законными пастырями и поставило их друг перед другом не только в недоверчивые, но и совсем враждебные отношения, открыв двери в сердца немощных для входа всякой пропаганде. Это особенно резко и обнаруживалось в прошлогодней истории с Сионским кладбищем, когда едва ли не половина православных жителей Иерусалима, выражая свое неудовольствие против распоряжения патриархии о постройке церкви на Сионе, обратилось с просьбой к английскому епископу принять их в лоно английской церкви. Это готовилось массовое отпадение и исключительно по неудовольствию на местную церковную власть, а о единичных случаях и говорить уже нечего, так они часты. Такое неудовольствие выросло и развивается на стремлении арабского населения к национализму в духовных делах против греческой иерархии, какое стремление по неведению поддерживалось и до сих пор поддерживается и нами русскими. Оно грозит произвести страш-

ный раскол в Восточной Церкви; да этот раскол уже и произошел в печальном факте избрания антиохийского патриарха араба. Благодаря чему уже около десяти лет целый патриархат вышел из общения церковного со всеми прочими восточными христианами. И ведь это несчастье для Православной Церкви совершилось едва ли не благодаря исключительно влиянию русских — не Церкви русской, нет, — Бог ее сохранил от этого соблазна, а вообще русских и в частности русской светской власти.

Понятно, что при таких условиях наша Иерусалимская Миссия никоим образом не могла и до сих пор не может осуществить того великого своего назначения, под флагом которого она была послана правительством: поддержания православия в центре религиозных интересов всех христиан — во Святой Земле. Естественно, чрезмерно развившийся дух нашего обособления поставил самую Восточную Церковь по отношению к нам в положение опасения усиления русских на Востоке. Всякое такое наше усиление при том смертоносном духе антагонизма неизбежно только может еще более обособлять нас от восточной иерархии и делать нас не помощниками их нуждам и интересам Церкви, а вольными и невольными врагами их внутреннего мира и спокойствия. Вместо естественной бы, казалось, радости мы вдруг вызвали у восточного духовенства одно лишь беспокойство, которое все увеличивается и увеличивается до сих пор. Восточная Церковь поняла нас так, что будто бы мы хотим забрать если не всю ее самое, то все-таки что-то от нее, от ее собственности. Это было невольное, естественное заблуждение Восточной Церкви относительно нас, хотя это заблуждение держится до сего дня и им руководствуются восточные иерархи в отношении к Миссии нашей и всей ее деятельности.

Но это заблуждение. Мы действительно пришли забрать и забрали кое-что, но только забрали не у

Греческой Церкви, а у турецкого правительства и забрали для того, чтобы тверже себя чувствовать в борьбе с иноверческой пропагандой за процветание православия. Мы пришли для помощи Восточной Церкви, находящейся в бедственном положении под игом турецким и часто потому бессильной в борьбе с иноверием, которое все больше и больше поглощает словесных овец ее. Мы пришли для сплочения всех православных Святого Востока под единою главу первовсвятителя престола Иакова, и чтобы в этом сплочении быть нам мощными против всякого лжеучения. К великой общей скорби, последнего, т. е. сплочения, не было с самых первых шагов наших на Востоке, — мы с самого начала встали на ложный путь полного обособления себя. Отсюда возникло недоверие, опасение, подозрительность ко всей деятельности нашей Миссии, члены которой иногда сами содействовали этому губительному обособлению. В действительности получилась такая картина, что как будто мы и в самом деле отнимали что-то у Греческой Церкви, боролись с нею, и такая картина разногласия, на утешение врагам Церкви, жива и до наших дней. А между тем какая действительно великая нужда там на Востоке в нашей помощи в деле поддержания православной веры и в деле охранения православных святынь.

IV

Палестина и Сирия — это центр, куда стекаются представители всякого рода религиозных вероисповеданий и притом в самом цвете их сил. Тут сосредоточена едва ли не главная работа Рима, который с на-gлою беззастенчивостью стремится поглотить народы Востока; католическое духовенство всевозможных видов, монашеские ордена, братства, союзы положительно наводнили города Востока. За папизмом сле-

дует мертвящий внутренний дух жизни личности протестантизм с бесчисленными своими школами, приютами, больницами. В самое последнее время образовалось целое социалистическое общество, поставившее себе диковинную задачу — посредством школ и воспитания юношества вытравить всякое религиозное чувство у местных жителей и этим путем надругаться над главными святынями всего христианского мира. Армяне, сирийцы и всякие американские выходцы в виде баптистов, свободных христиан, довершают эту плеяду волков в овечьей шкуре, борясь с которыми можно не иначе как оставивши горделивое себялюбие и вставши на путь искренних братских отношений любви всех православных поместных церквей и отдельных чад их между собою. Единство Вселенской Православной Церкви вне всяких национальных интересов безусловно должно быть поставлено во главу возможной общей нашей деятельности на Востоке. Только этот догмат единства, как бы вновь исповеданный нами, может дать Церкви Православной как внутреннюю крепость, так и силу борьбы со всяким иноверием, наводнившим и Палестину, и нашу собственную страну. Мы необходимо должны исповедать этот догмат умом, сердцем и всею возможною открывающеюся пред нами деятельностью церковною.

При открытии сего славного съезда мы неоднократно приглашались здесь и чрез первосяятителя Русской Церкви, и чрез других лиц к миру и единению между собою, ибо в этих добродетелях вся собственная сила наша и вся крепость церкви Русской. Но да простят мне мое слово, если скажу, что главная крепость Церкви нашей не в единении нас только внутри себя. Этого единения весьма и весьма недостаточно ни для непоколебимости Русской Православной Церкви, ни для силы и авторитетности каких-либо наших постановлений и решений. Наша

родная Церковь сделается твердою и непоколебимою от наплыва всякого лжеучения и страшною для врагов Церкви только тогда, когда будет находиться в живом и духовном и внешнем единении со всею Вселенскою Православною Церковью.

Святая Церковь Православная — столп и утверждение истины — уже не раз и не два обуревалась всяким суемудрием в виде разного рода ересей, она жила в этом огне от самых первых дней своих, и часто, казалось, она стояла уже на краю погибели, но, однако, ничто не сломило ее. Такая твердая крепость Православной Церкви была не в чем ином, как в ее внутреннем живом всеобщем единении. Антиохийская, Иерусалимская, Константинопольская и прочие Церкви Поместные не потому выходили победительницами в борьбе с врагами, что были сильны только внутри себя своим собственным единением, а потому, что все они вместе жили в неразрывном единении между собою и составляли одно живое целое. «Кто искал истины, кто смущался ложью, кто требовал удостоверения — тому говорили: ступай в Иерусалим, в Александрию, в Ефес. Там св. апостолами посеяна истина, — как везде учат, так и веруй. И это «все, везде, всегда» стало термином, характеризующим истину христианскую, и оно сообщало ей твердость нерушимую. Есть ли хотя подобие этого живого единения Церквей теперь у нас в настоящее время? К великой скорби нашей, мы должны сознаться, что его давно нет. Духовно мы, т. е. вообще все Православные Церкви, совершенно поглощены собою, своим горделивым национальным чувством и всегубящим внутренним обособлением друг от друга; внешнее же наше церковное единение давно уже выражается только в формальных донесениях, указных сообщениях. Где те древние апокрисиарии — эти полномочные представители Поместных Церквей и живые органы живого обмена мыслей по всем волнующим каждую Право-

славную Церковь вопросам? — их не только здесь нет, а нет и вообще при Церквях. И такое великое явление Русской Церкви, как этот миссионерский съезд, начавшийся в присутствии сонма наших святителей, должен пройти без всякого даже молитвенного в нем соучастия всей прочей Православной Церкви, которая болеет теми же недугами и которая имеет свою собственную практику жизни в лечении сих недугов. Мне, приехавшему с Востока, было крайне скорбно видеть, что на этом великом священном собрании не только нет никого от Восточной Церкви — хотя бы в положении простого гостя, но мы даже и не известили ее о сем важном событии в нашей Русской Церкви. Ведь весь этот миссионерский труд, который здесь производится, одинаково важен и дорог для всей Православной Церкви, а не для нашей только Русской. Не об этой ли всеобщности интереса съезда свидетельствует только что полученное радостное приветствие митрополита Сербской Церкви, который случайно узнал об открытии его⁴⁴⁵.

Здесь в день открытия съезда была выражена между прочим скорбь за то, что наша миссия не может ни по своей организации внутренней, ни по внешней деятельности равняться с миссиями католическими и протестантскими. И я по собственному наблюдению своему скажу, что это горькая правда, и причина сего главным образом в нашей Церковной обособленности друг от друга, полной непричастности одной Поместной Церкви к тем же самым делам в другой. Благодаря сему даже самая мысль об объединении всей Вселенской Церкви не на словах, а в самой жизни, в самой живой деятельности — эта мысль является едва ли не чем-то новым, неожиданным, а ведь мы ежедневно миллионами уст произно-

⁴⁴⁵ После пришло приветствие от Константинопольского патриарха, который узнал об открытии съезда от путешествовавшего на Афон епископа Евдокима.

сим: верую во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, и понятие единой, как это ни странно, едва ли не ограничиваем пределами своего русского государства. Отсюда, и ниоткуда больше, та слабость наша в борьбе с врагами Церкви, та вялость, граничащая с полной апатией к насущным интересам Церкви. Вывести из такого печального положения может нас только обновленное единение со всею Вселенскою Церковью, когда будет у нас не книжное холодное единство, а единство живое, единство мыслей и деятельности: тогда исповедуемый нами догмат «единства» Православной Церкви Вселенской примет у нас плоть и кровь.

Вместе с этим обновлением общения церковного вся та нравственная сила, которая в огромном запасе лежит в сердцах всего православного народа без различия национальностей, — эта сила забыт ключом, и не устоять будет перед ней ни изолгавшему католицизму, ни обмертвевшему протестантизму. Если и теперь эта православная мощь, прорываясь в отдельных церковных случаях, в отдельных лицах, как, например, в апостоле Японии преосвященном Николае, является собою чудеса непонятные и страшные для врагов Православной Церкви, то тогда при общем единении всех чад Православной Церкви Вселенской эта нравственная сила веры, любви к Богу и ближнему поставит нашу и внешнюю и внутреннюю Миссию на недосыгаемую для еретиков высоту.

Только обновивши таким образом свои отношения с Восточною Церковью на началах единого православия, наша Русская Церковь будет в силах исполнить чрез Иерусалимскую Миссию свою главную задачу — поддержание веры на Востоке, а вместе с этим она будет иметь возможность осуществить чрез эту же Миссию не менее важную обязанность и по отношению к своему Русскому народу и, в частности, по отношению к раскольникам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

По своему территориальному положению Иерусалимская Духовная Миссия находится вне пределов Российской Империи, и потому, конечно, вполне естественно ее следует отнести к разряду внешних Миссий Русской Церкви, простирающих свою деятельность главным образом на чужие народы. Но в действительности она может служить и интересам внутренней миссии и быть даже одним из самых главных центров чисто внутреннего русского миссионерского дела и вообще религиозно-нравственного просвещения русского народа.

Возможность этого заключается в огромнейшем десятитысячном ежегодном скоплении русского народа со всех концов России, и притом в самом возвышенном религиозном настроении человека — сознании им своей греховности и всецелого отдания себя на служение Богу чрез подвиг паломничества. Это паломничество в России вовсе не случайное явление, совершающее по чувству простого любопытства, но оно является собою в жизни Русского народа особенный подвиг народного служения Богу. И не потому наше паломничество подвиг спасения, что оно часто бывает обставлено массою невозможных трудностей и всяких неудобств, что особенно и было в первые времена. — Нет, паломничество Русского народа есть подвиг сам по себе, — как путешествие благочестивой души поклониться Господу, явившемуся или являющемуся Себя на известном месте и в известном лице, а особенно там, где совершено Богом самое домостроительство нашего спасения. Будут ли условия паломничества тяжелы или совсем облегчаться, оно все равно останется подвигом поклонения Господу и всецелого служения Ему и духом, и телом хотя бы на

короткое время самого путешествия по святым местам.

Такой характер нашего паломничества в связи с его огромнейшими размерами — этих блаженных тружеников, устремляющихся в Иерусалим от всех концов нашей необъятной России, не только дает возможность, но и вменяет в обязанность Русской Церкви избрать Иерусалим как один из главных центров религиозно-нравственного просвещения народа, а вместе с сим и положительной миссионерской деятельности.

Еще издревле паломничество ко св. местам внутри России имело одну из самых значительных сил в деле религиозного обучения нашего народа, а в последнее время такие места паломничества обратились, по выражению одного из архипастырей, в народные богословские университеты. Как же Русской Церкви не использовать с этой стороны паломничества народа во Св. Землю, и особенно если мы хотя немного обратим свое внимание на то, как русский народ относится в глубине своей души ко св. граду Иерусалиму и всему, что выходит из него или вообще имеет какую-либо с ним связь. Уже одно имя Иерусалим вызывает невольный радостный трепет, благовение, и это даже у людей индифферентных к религии и холодных к делу своего спасения.

Едва ли не самое наше паломничество держится доброхотными, хоть, может быть, и грошовыми даяниями тех, кто пожелал вдруг поклониться Св. Живоносному Гробу Господню. Каждый паломник, и интеллигентный, и простой, положительно бывает завален всякого рода заказами и поручениями относительно святынь Востока; и каким великим благовением пользуется все то, что получает сам паломник в Иерусалиме или чрез его руки другой кто-либо. Просторочки, картинки, листочки, брошюрки, безграмотные и часто бессодержательные с обычным окон-

чанием о пожертвованиях — как этот литературный хлам прячется паломниками, чтобы его не отобрали на таможне; сколько раз какой-либо пустой по своему содержанию листочек перечитывается паломниками на месте, сколько сотен рук он обойдет по домам, прежде чем совсем уже замасленным вернется к своему счастливому хозяину.

Иерусалим — ведь это в сознании русского человека та самая праведная земля, в которую так верит он и мыслию о которой он только и живет и может жить. В сознании русского человека всегда носится идеал этой праведной Земли, которая где-то находится там далеко и в которой одна правда живет (только не юридическая, а нравственная) и решения сомнений, постановления в делах которой уже никакой апелляции не могут подлежать. И эта праведная земля есть Иерусалим и Земной, и Небесный. Разве не приходилось всем нам слышать такое выражение: да ведь это из Иерусалима или так в Иерусалиме бывает, т. е. из такого места, противоречить которому совершенно недопустимо в сознании русского человека. Насколько мне удалось понаблюдать над мыслями, стремлениями, побуждениями наших паломников, то в основе их паломничества в большинстве случаев лежит именно это искалье нравственной правды, с которой неизбежно соединено самоосуждение и свое личное страдание. Один идет в Иерусалим для врачевания своих нравственных недугов, и именно как в самую надежнейшую лечебницу, другой — за разрешением своих недоумений, сомнений, хотя наивных по внешней форме, но великих по личному для жизни вопрошающего их значению, и то решение, которое он получит в Иерусалиме, будет уже самым наиправеднейшим, и вся сила его будет заключаться в том, что оно дано в Иерусалиме. Но горе нам пастырям, если в такую наивную детскую душу положат камень или вольют помои — они смертельно погубят ее и за-

разят сотни других людей, и именно опять-таки потому, что эти помои влиты не где-либо, а в Иерусалиме.

Даже враги Церкви, и те давно обратили свое внимание в этом отношении на русского паломника; они поняли то благоговение, обаяние, каким пользуется все, от Иерусалима выходящее, и воспользовались этим святым градом как самым подходящим местом для своей пропаганды, раздавая еврейские брошюры с заглавием «Во что веруют христиане» или протестантские книжечки, евангелия, псалтирики и проч.; а теперь открылось целое социалистическое общество, которое вне сомнения не оставит в покое и наш русский люд. Какой страшный смертоносный яд может разлиться через эту дьявольскую работу врагов Православной Церкви по всей нашей Руси, если мы сами не примем никаких мер для напоения наших паломников целительным бальзамом церковного учения.

На такую великую внутреннюю духовную силу Иерусалима и на необходимость воспользоваться ею для благодатного воздействия на русский народ обратили свое внимание и наши первые просвещенные деятели Миссии, хотя сделать в этом отношении они ничего не могли ввиду совершенно ненормального положения, которое заняла наша Иерусалимская Миссия с самого начала. «Вижу и убеждаюсь, — пишет преосвященный Кирилл, — что на этой почве можно посеять много доброго семени веры и благочестия с отрадною надеждою благих плодов для самой житницы нашего отечества, куда многие и теперь несут (мою) Господа, чтобы со временем все принесли) не одни только четки и крестики, но и живейшую веру и пламеннейшую любовь к Господу». Добавим от себя и вообще к Церкви Православной на Востоке.

Другой великий деятель Миссии архимандрит Антонин пишет: «Миссии никто не поставил ни в право, ни в обязанность руководить паломников, посещаю-

щих Св. места. Заикнись теперь духовная Миссия о своей пригодности к пасению словесного стада нашего на лугах Св. Земли, ее и свои, и чужие приравняют несомненно к волку». По другому случаю он же писал обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, что без благотворного просветительского влияния на народ Миссия, как духовное учреждение, существовать не может. Но между тем она в таком печальном положении находится до сих дней наших.

II

Не буду подробно излагать средства этого религиозного просвещения русского народа в лице паломников ко Гробу Господню. Средства могут быть те же, что применяются у нас здесь в России, т. е. прежде всего систематические чтения, беседы об истинах православной веры с миссионерским уклоном. Подобные беседы могут быть совершаемы как в церквях русской Миссии, так и вообще на святых местах, которые посещаются богомольцами и где их свободно можно будет задерживать на несколько дней, к великому их утешению, при их почти круглогодичной праздности. И это никакого значительного материального ущерба и труда не составит, ибо везде на главных святых местах Миссии имеется достаточно русских помещений, а для пропитания довольно будет и пожертвований.

При настоящем положении дела, когда у Миссии *нет ни права, ни обязанности* руководить паломниками, и при полном отсутствии хотя сколько-либо способных лиц вести религиозно-нравственное просвещение народа — это дело совершенно невозможно. По существующей инструкции состав Миссии Иерусалимской заполняется людьми простыми, необразованными, которые присылаются из монастырей и часто затрудняются по своей малограмотности даже исполн-

нением своих прямых обязанностей — служением панихид и молебнов. Да и притом, эти труженики призываются всего только на два года и смотрят на свое пребывание в Иерусалиме как на отбывание какой-то повинности.

Между тем Иерусалимская Миссия нуждается в лицах если не с законченным образованием, то в таких, которые хотя немного способны были бы вести чисто миссионерское дело, а главное, которые могли бы живо говорить к народу и в простоте слов своих вести его на пути религиозно-нравственного просвещения и вообще руководить им в его путешествии по святым местам. Содержание возможных на этой почве бесед глубоко врежется в сознание паломников, а через них пройдет буквально всю нашу Россию, ибо ото всех концов есть свои посланцы ко Гробу Господню.

В последнем случае весьма большую услугу окажет второе средство религиозно-нравственного просвещения — это издание листочеков, брошюрок и книжечек, как это практикуется у нас в России в лаврах и больших монастырях. Хотя относительно содержания таких изданий считают нужным заметить, что оно должно быть несколько отличным от общего характера подобной литературы у нас в России. По своему содержанию листочки и всякие брошюрки Иерусалима должны носить главным образом догматико-полемический характер, что объясняется самым местом их издания. В частности, например, должно предлагать, в как можно подробном развитии, учение о Церкви Православной в отличие от всяких еретических соборищ, что для паломника будет весьма живо и понятно, ибо будет отвечать на его мысль и недоумение по поводу того, что он иногда в первый раз в своей жизни видит в действительности — единовременное отправление служб при Гробе Господнем представителями разных вероисповеданий. Или, например, в таких великих праздниках, как Вознесение, когда на го-

ре Елеонской поставляются одновременно до 5–6 престолов разными иноверцами. Это учение о Церкви Православной и соборищах еретических с коротким обличением их лжеучений окажет великую пользу для России, ибо каждый подобный листочек Иерусалима обойдет тысячи рук и предохранит многих от увлечений пропагандой католиков, протестантов, особенно если принять во внимание, что больший процент паломничества падает на Юго-Западные губернии.

Для этой цели предохранения от пропаганды весьма полезно и безусловно необходимо прежде всего в учении о Церкви раскрывать единство Вселенской Православной Церкви, ибо нет ничего отраднее для паломника и вообще православного христианина, «как видеть и знать, что тот образ исповедания веры, который мы содержим, — тот образ жизни, которым водимся от дней рождения, — тот образ освящения, который приемлем, — вообще путь спасения, коим течем, — есть общий со всею Вселенскою Церковью, приемательно пришедший к нам от самих апостолов». Ведь из этого единения судим, значит, не должна самая надежда нашего спасения, а в этой надежде вся крепость православной веры и Православной Церкви.

Конечно, все это и подобное учение возможно предлагать народу в листочках и здесь на родине, но только они уже никогда не будут иметь ни того значения в глазах вообще православного народа, какое сообщает им Иерусалим, ни той силы убедительности, какую они могли бы иметь в отношении к паломникам. — В Иерусалиме каждое наше догматическое учение может быть приурочено к тому ли другому месту или священному событию, так, например, учение о таинстве крещения может быть приурочено ко дню Богоявления, который всеми поклонниками встречается на самом Иордане; учение о дарах Св. Духа — ко дню сошествия Св. Духа на Апостолов, который проводится всеми на Сионе. Все такие священ-

ные события весьма живы в сознании паломников, и рассказ о них поможет избежать той сухости изложения догматического учения, которая неизбежно связывается с ним.

Здесь в России нам приходится только отвлеченно беседовать о тех или других истинах православной веры, например, хотя бы о единстве нашем со всею Вселенскою Церковью, а там в Иерусалиме к этому еще прибавляют созерцание живой картины самого единства, выражаемого в единстве молитвословий с Греческой Церковью и взаимообщений, и сие созерцание безусловно окажется много действеннее на душу, чем сухие выкладки ума. И это приложимо почти ко всякому догматическому учению о спасении, о жизни, о погибели, о кресте, о ересях, — каждое такое учение будет получать в глазах паломников плоть и кровь, а не пребывать в одних отвлеченных образах. Таким образом для паломника в листочках, а через паломников и для всей России можно постепенно раскрыть все тайны Христианского ведения в положительной форме; вся область духовных предметов может сделаться доступною для народа. И все это не будет какой-либо мертвый богословский трактат, непонятный для ума простолюдина, нет — вся такая работа будет жизненна, ибо тесным образом соприкоснется со внутренним настроением паломника и будет необходимым ответом на требование взволнованной его души, а вследствие этого вызовет в паломнике деятельное религиозное чувство, которое он и унесет с собою на родину.

Таким образом, самое место священных событий — Палестина дает возможность будущим листочкам дать исключительный отличный характер от тех, которые издаются у нас в России, и которые более учат о религиозных обязанностях христианина, предписывают руководящие правила жизни, и которые можно потом назвать одним словом — «поучения»,

тогда как иерусалимские листочки прилично будет назвать «научения» в истинах Православной Церкви. И как таковые они окажут великое значение в деле Миссии вообще и противораскольнической в частности, ибо и раскольники, несмотря на свое ожесточение, как и весь русский народ, часто устремляют свои взоры на Восток, Святую Землю, которая, кажется, опять могла бы примирить их дух с Небом. Не об этом ли тяготении раскольников ко Св. Востоку говорят их журнальные заметки, картинки и целые статейки из жизни Палестины и начавшееся в последнее время паломничество туда отдельных личностей и даже их священнослужителей при весьма благоговейном настроении их. И я уверен, что такое паломничество раскольников никогда не может остаться для них бесплодным.

III

Это паломничество раскольников ко Гробу Господню принесет для многих, более искренних из них, ту пользу, что неизбежно поколеблет веру в свои заблуждения и рассеет ожесточенную предубежденность, предвзятость против Православной Русской Церкви чрез невольное наглядное созерцание ее единства с Материю Церквей — Церковью Иерусалимской, — а в ней и со всею Вселенскою. Конечно, это для них известно и теперь, но отвлеченные представления и мысль об этом единстве Вселенской Церкви не могут так действовать на душу простолюдина, как живое созерцание этого единства чрез общую церковную молитву. И как знать, что это наглядное созерцание общности исповедания Православной Церкви не тронет душу, отпадшую от единства, и не заронит в ней хотя бы искры сомнения в своей правоте? — а ведь это сомнение будет уже твердое начало для обращения раскольников от пути заблуждений. Болезнь, скорбь сердца —

вот главное, что нужно для раскольников и чего теперь мы не в силах бываем достигнуть при всех наших рассуждениях с ними. Ведь многие из них искренне мучатся своим тяжелым положением и стремятся в душе к единению с Церковью, — на этом-то и получило свое начало наше «единоверие». Вне сомнения, такие лица перед живоносным Гробом Господним из глубины своей истерзанной души вздохнут ко Господу, чтобы он открыл им очи сердечные разуметь истину, а вместе с сим они невольно проникнутся тем благодатным настроением, которое озаряет всякого верующего, приходящего ко Гробу Господню. Чувство самоосуждения за недостойную жизнь с благоговением пред безграничным милосердием Божиим и теплое молитвенное обращение к Богу вместе со всеми стоящими пред Гробом Господним с надеждою на помилование — все это производит и произведет в раскольниках неизъяснимое умиротворение внутреннего духа человека. Такое настроение паломника-раскольника (не ожесточенного сердцем) введет его в самую истину нашей православной веры — общую жизнь всех в Боге, и они уразумеют эту истину самым делом, чувством, а не холодным разумом. Та оторванность от общей жизни, безжизненность, в которой раскольники пребывают теперь, падет сама собою, и благодать Божия оживит их мертвые сердца; заставит их как бы впервые зажить, задышать единою православною верою, и нигде уже никакими лжеумствованиями они никогда не отторгнутся от Церкви.

Тогда истина православной веры чрез чувство как бы войдет в самое существо их личности, и наоборот, сама личность их сделается причастницей ее, и это будет храмина, основанная на камени. Вкусивши хотя один раз живой воды после стольких лет смерти, они не смогут умереть снова, разве только по нравственному огрубению, развращению сердца, что бывает и с православными от рождения. Пусть после разум их

будет им говорить то и то, пусть язык их произносит горшие хулы на Церковь Божию, — все это не будет иметь над ними силы, ибо Господь уже вошел в сердце их и вечерял с ними, и, ими же Он знает путями, приведет их окончательно в общение со всею Церковью.

Вот в эти-то великие моменты внутренней жизни привет любви, материнское участие и хотя малое руководство и успокоение паломников-раскольников со стороны членов Миссии Иерусалимской и будет существенно необходимо. Но помимо такого участия в деле раскольников нашей Иерусалимской Миссии мы необходимо должны будем привлечь к нему и всю Восточную Церковь в лице ее архипастырей. Восточная Церковь безусловно должна принять это участие в раскольниках, ибо это дело не есть исключительно русское, но главным своим историческим моментом касается всей Вселенской Церкви. Те клятвы Московского собора 1666—1667 года, которые окончательно отделили раскольников от православия, были наложены всею Вселенскою Церковью. А потому и для обратного привлечения раскольников в лоно нашей Церкви мы неизбежно должны привлечь к участию всю Вселенскую Церковь, повинную в сем тяжелом деле. И это тем более возможно, что сами восточные святители не бывают безучастными к данному делу о раскольниках. С какою скорбью сердца вспоминал, например, Блаженнейший патриарх Дамиан о наших раскольниках, когда года два назад мне однажды пришлось быть у него и иметь с ним относительно их случайный разговор.

Узнавши, что я из поволжской губернии, Блаженнейший заметил, что, кажется, это одно из главных мест жизни ваших раскольников. Трудно поверить, чтобы Первосвятитель Церкви Восточной, отделенный от нас тысячами верст и национальностью, знал наши раскольнические центры. И мало того, что знал, но и скорбел об них как о своих чадах: бедные, несчастные

они люди, — продолжал он, — их надо жалеть, любить, по апостолу, немощи немощных носить. Когда же я заметил ему, что они делают много зла для Церкви, то он недоверчиво махнул рукой: «И, полно, что они нам могут сделать?» И я больше чем уверен, что простое, немудрое, но любви и благодати исполненное слово такого Первосвятителя Востока, обращенное к нашим раскольникам, будет весьма действительно для их ожесточенных сердец. Но, чтобы это слово дошло до уха отпадших от единства Церкви, нам нужно самим уже вести их к Востоку, и в этом мы успеем главным образом чрез паломничество, так сильно развитое у нашего русского народа, пока не наступят более счастливые времена наших тесных, живых и постоянных взаимоотношений со всею Восточною Церковью.

Вот и все, что вложил Господь сказать мне пред лицем вашим. Не говорю, — я думал сказать, ибо я ничего подобного и не думал, и не предполагал, а все сложилось само собою и даже для меня самого неожиданно. В заключение не могу не разрешить еще один недоуменный вопрос, часто мне здесь предлагавшийся, — это относительно возможности просвещения светом Христова учения тамошних мусульман. По не зависящим от Миссии обстоятельствам это великое дело пока еще совершенно невозможно. В этом отношении для членов Миссии Иерусалимской доступны только подготовительные работы: с одной стороны, чрез знакомство с местным мусульманским населением, его нравами, обычаями, а главное, языком арабским; с другой — чрез влияние на это население посредством благотворительности и примера нравственной высокой христианской жизни, чтобы эти сидящие во тьме, по слову апостола, за то, за что злословят нас как злодеев, увидя наши добрые дела, прославили Бога в день посещения их. Высота жизни и милосердие мало-помалу разрушат тот фанатизм му-

сульманства, о котором у нас составилось со школьной скамьи чудовищное представление, но который в действительности совсем не имеет такой силы, и особенно в отношении к русским.

Причина сего благоприятного для нас явления исключительно лежит в паломниках — в их невозможных духовных трудах поста, непрестанной молитвы, в их кротости, незлобивости, всепрощении и сострадательности к бедным и убогим, каковыми добродетелями они стяжали для русского народа даже среди мусульман великое имя — святого народа. Русский народ — святой народ, — это ходячее мнение среди арабского и вообще восточного населения. И поистине, наши паломники — это странники Божии, подобные самим Святым Апостолам; они, так же как и Святые Апостолы, сеют семена веры Христовой среди язычников и утверждают православную веру свою среди еретиков. «Мы проповедуем Христа Распятого», — говорили Св. Апостолы. То же самое делают и наши благочестивые паломники, но только не словами, а самим делом своего паломничества к местам, освященным кровию того Христа, которого проповедовали Св. Апостолы изустно. Они так же, как и Св. Апостолы, свидетельствуют пред мусульманским населением Востока свою веру во Христа и именно трудами, предпринятыми ради Господа. — По человечеству бывает скорбно за них, видя непосильные труды их, но потом думаешь: пусть несут эти труды, пусть понесут больше сих труды, во сто крат больше, ибо в этих трудах их славится имя Божие, укрепляется их собственная вера и невидимо сеется эта вера среди язычников. В этом своем паломничестве наш русский народ инстинктивно исполняет свое вечное Божие определение о себе: быть светом миру, светом мира и братского единения всех во Христе. Правда, паломники не обращают язычников ко Христу тотчас же; на это дело у них нет возможности, но их внутренняя

нравственно-мощная сила, которая движет паломничеством и руководит всею их собственною жизнью, — не пропадает бесследно, и теперь она приготовляет, умягчает сердца сих народов к принятию Господа, когда наступит для того время благоприятно, когда придет для них день спасения их.

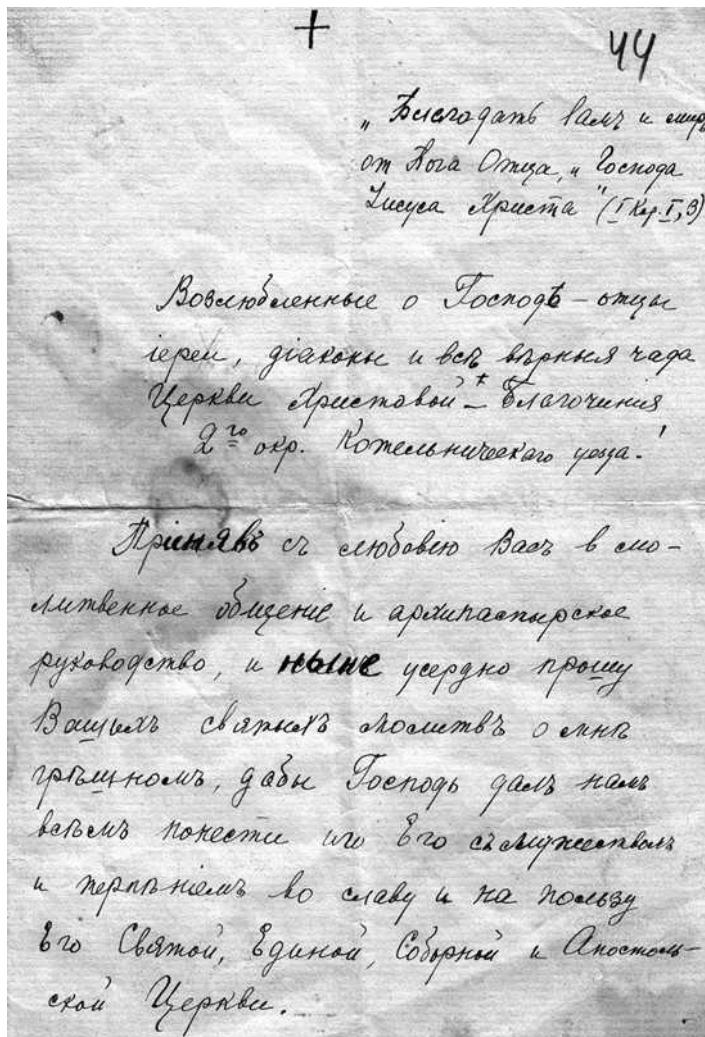
Паломники делают свое дело, а мы будем делать свое, а все совершаet Бог.

Приложение II

1. Письмо архиепископа Димитрия (Любимова)

Охраняется законом чл. 10 ст. 1
Православной Церкви митрополичий
Непрестанно - Митрополичий Патриар-
хий и митрополичий патриарх Государь
и предыдущий от него в смиренном виде
общению, или же в смиренном виде
в общении со всем Всеменского Право-
славного Церкви.

Ни в чём не норовящий противъ
Её Каноновъ, но наоборотъ, охраняй
честому Православию, иже пренужденъ
быти опошти отъ митрополита Серги,
яко норовившаго противъ Святыни
Матери Церкви, нарушившаго въ
Соборность, избраниемъ Её Апостольствъ
и продолжающимъ, всенароднъ не ского-

45

кратких увещаний, укоряющихъ въ слалии
забытіе дѣлъ по вреду Церкви Святой.

Самъ подтверждение заходитъ
своимъ пословицами послѣдователемъ и.
Сергію разпространяется всіхъ не-
бывшіхъ и якого можно: Они говорятъ
о присоединеніи къ теченью пѣсни
ст. Петра, о поклоніи ст. Николаю, а
въ послѣдніе времена - въ церковной хард-
кихъ епархіяхъ возникаютъ о раскаяніи
и присоединеніи къ ст. М. С. епископа
Виктора.

Все это, возбуждающее отъчъ и братію,
сущее наѣтъ извѣстно - какъ это
нагадаютъ монахи. Эти сказанія
не находятся, конечно, въ слалии

о приватном сношении съ Предс. С.
и Его Святейшеству.

Не имите, возлюбленные, ни ско-
мчения, ни обиженности взынодом
земного благополучия; помните - что
спасение предсократо всевоз, то спасут вас
малые, а потому... „Благодите убо,
како спасено ходите, не яко же кесудри,
но яко же предупре, дарове премилости,
яко дни сухава суть.“ (Ефес. 15-16) и
„Господь мира и всяких утеший“ да
будет съ Вами.

Аминь.

Съ подлинного оригинала
27 мая - лето св. Архиепископа Дионисия
1929г. Преп. инж. Георгии
и пр. Иоанна Чеченца.

2. Письмо архиепископа Серафима (Самойловича)

«+

1934 год. 24 апр<еля>/ 7 мая

Дорогие Родные о Господе!

Великая скорбь посетила Вятскую землю. Великое горе дошло до глубины души верного христианина. 2 мая — 19 апреля 1934 года скончался на Печоре светильник Церкви Русской и ангел Церкви Вятской Преосвященный Епископ Виктор (Островидов). Безмолвствует ум, умолкают уста, и сердце, сжимаясь до боли, понуждает очи наши источать потоки слез. В самый день смерти Владыки Виктора, еще не зная о сем, мы тосковали и неудержимо плакали. Эта тоска и эти слезы предвещали кончину Святителя Церкви Российской, который один, без напутствия слагал свои уставшие руки на истомленной груди. Случайно жившие там сестры Ангелина и Александра одни отпели, похоронили почившего Владыку Виктора и известили нас на другой день телеграммой.

6 мая — 23 апреля мы совершили отпевание. Господь в эти дни тягчайших испытаний для Церкви Русской посыпает и новое испытание, и предупреждение — дорожить временем, чтобы всем устремлять свои взоры к Вышнему, к Горнему, всегда возмогая о Господе. Ап<остол> Павел писал ко Евреям: "Поминайте наставников ваших... взирая на кончину их жизни, подражайте вере их" (Евр. 13,7). Так мы, взирая на кончину почившего нашего брата Епископа Виктора, должны представить себе действительный образ подражания.

Всегда верный о Господе, всегда ревностный, всегда благочестивый, всегда братолюбивый, истинный

монах, скромный и смиренный, почивший привлекал к себе взоры верующих, которые хранили всегда мудрое слово его и прилагали его к своей жизни.

Как мы видим, когда многие поскользнулись, соблазнились временным, уклонились кто в раскол и ереси, кто в неверие, — почивший, как скала, оставался тверд, сохраняя чистоту веры, и как добрый кормчий среди разъяренных волн бушующего житейского моря вел корабль Церкви Вятской к тихой пристани и сохранил его неповрежденным в лице лучших пастырей и верных пасомых. Какая для них и для Вас честь считать его Своим отцом и благодетелем! Он, как отец, без трепета защищал свою духовную семью и предупреждал ее от уклонения в современные ереси и расколы. Он как благодетель расточал всем свою любовь, но паче возгревал любовь ко Господу, верность Ему и Его Святой Церкви среди своих детей, побуждая их ко взаимной любви и ко благочестию.

Непрестанно творите о нем молитвы. Сего просит Он, дабы и нам пользоваться его любовью, которая всегда была отличительным свойством его души в дни его земной жизни. Верим, что эта святая вера и все-прощающая любовь не постыдят надежды достигнуть обителей Отца Небесного, где он паче будет помогать о спасении Церкви и о спасении душ наших. Вечная память почившему!

Почитая его своим другом и братом, мы почитаем своим долгом принять временно в духовное окормление его духовное наследие и для успокоения и умиротворения Вашего и верных чад Церкви Вятской молим продолжать возношение имени Епископа Нектария за богослужениями, присоединяя к нему и наше имя.

Смиренный Серафим Архиепископ Угличский»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁶ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 4. Д. СУ-5781. Т. 1. Л. 11. Автограф архиепископа Серафима (Самойловича).

Библиография

Труды иеромонаха Виктора (Островидова)

Иеромонах Виктор. Недовольные люди. Три лекции по поводу героев Максима Горького. СПб., 1905.

Иеромонах Виктор. Заметка о человеке. СПб., 1905.

Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. Харьков, 1909.

Архивные источники

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-83017 (Следственное дело по обвинению епископов Сергия (Дружинина), Василия (Докторова) и др. 1930–1931 годов).

Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806 (Следственное дело по обвинению архиепископа Дмитрия (Любимова) и др. 1929–1930 годов).

Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Вятская духовная консистория.

Государственный архив Российской Федерации:
ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1 («Дело митрополита Сергия»).

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263 (О положении Православной Церкви в Советской России).

ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1227.

Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8893; Д. 8895.

Государственный архив Саратовской области. Ф. 135. Саратовская духовная консистория.

Государственный архив социально-политической истории Кировской области:

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3708 (Следственное дело по обвинению Островидова и Борисовского 1926 года).

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11383 (Следственное дело по обвинению Милова, Фокина, Перебаскина 1926 года).

ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-8585 (Следственное дело по обвинению Юферевой Феклы и др. 1929–1930 годов).

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267 (Следственное дело церковно-монархической организации «Истинно-Православная Церковь» 1932 года).

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-101466 (Следственное дело по обвинению Галицкого М. А. 1932 года).

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-4947 (Следственное дело по обвинению Фокина И. И. 1929 года).

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Казанская Духовная академия.

Российский государственный исторический архив:

РГИА. Ф. 802. Учебный комитет Святейшего Синода.

РГИА. Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.

РГИА. Ф. 815. Александро-Невская лавра.

Центральный архив ФСБ РФ. Д. Н-7377 (Дело «Всесоюзной организации ИПЦ» 1930–1931 годов).

Центральный государственный архив Коми АССР. Ф. Р-2165. Оп. 2. Д. КП-4812 (Следственное дело по обвинению Поваровой, Никольского и др. 1932–1933 годов).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга:

ЦГИА СПб. Ф. 1879. Благочинный монастырей Санкт-Петербургской епархии.

ЦГИА СПб. Ф. 1883. Троице-Сергиева пустынь.

ЦГИА СПб. Ф. 678. Петроградский епархиальный совет.

Литература

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. — М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

Антонов В. В. Братство Преп. Серафима Саровского / Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. — 1996. — Вып. 16.

Волков О. В. Погружение во тьму. — М.: Изд-во Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2008.

Архивы Кремля: В 2 кн. / Кн. 1: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. — М. — Новосибирск: РОССПЭН: Сибирский хронограф, 1997.

Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков: подробности взаимоотношений // Вестник ПСТГУ. — Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — М., 2006. — Вып. 3 (20).

Архимандрит Киприан (Керн). Отец Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. — М.: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2005.

Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителя. — Ч. II.

Деяние нового Священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь (Джорданвилль). — 1999. — № 9.

Житие священоисповедника Виктора, епископа Глазовского, викария Вятской епархии / Сост. игуменья София (Розанова). — Киров (Вятка), 2004.

Жития русских святых. — Т. 1. — М.: Патриаршее подворье Заиконоспасского и Никольского монастырей в Китай-городе: Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2003.

Путешествия в Святую Землю. — М.: Лепта, 1995.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринт. — М.: Церковь, 1995.

Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. — Самара, 1997.

Казанская Духовная академия. Годичный акт. Отчеты о состоянии Казанской Духовной академии. — Казань, 1898–1903.

Косик О. В. Сборник «Дело митрополита Сергия» и участие в нем мученика Михаила (Новоселова) // Вестник ПСТГУ. — Сер. II. — 2009. — Вып. II : 2 (31).

Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. — Т. 1. — СПб.: АРС, 2006.

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.

- Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. — 2008. — № 4.*
- Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). — Саратов: Научная книга, 2006.*
- Муретов М. Д. Избранные труды. — М.: Учебный Комитет РПЦ, Московская Духовная академия. — Изд-во Свято-Владимирского Братства, 2002.*
- Милашевский Г. А. Старая Казань. — Казань: Заман, 2005.*
- Миссионерское обозрение. — 1898. — № 2.*
- Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2009.*
- Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. — Т. 1. — Нью-Йорк, 1971.*
- Письма святителя исповедника Виктора (Островидова) и Алексея Брускина к священномученику Гермогену (Долганеву) / Публ. И. Ковалевой // Богословский сборник. — Вып. 10. — М.: Издательство ПСТБИ, 2002.*
- Письма из Сибири епископа Виктора (Островидова) / Публ. В. Семибратова // Вятка. — 1997. — № 1.*
- Польский М., протопресв. Новые мученики Российские: В 2 ч. — Ч. 2. — Репр. воспр. изд. 1957: М., 1992.*
- Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 — сер. 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). — Киров, 2007.*
- Поляков А. Г., Кожевников И. Е. Виктор (Островидов) — Епископ Ижевский и Вотский. — Киров, 2009.*
- Православные Русские обители. — Репринт 1910. — СПб.: Воскресение, 1994.*

- Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. — Т. 1. — Нью-Йорк, 1979.
- Ростов А. Встречи с мучениками и исповедниками // Владимирский Православный русский календарь на 1967 год. — Нью-Йорк: Издательство общества Св. князя Владимира, 1966.
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. — М.: Братонеж, 2008.
- Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. — Часть вторая. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
- Священноисповедник Виктор (Островидов). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. — Кн. 4. — Тверь: Издательский дом «Булат», 2001.
- «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 10. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002.
- Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. — Т. 1. — М.: Новый мир, 1990.
- Stephen Graham. With the Russian pilgrims to Jerusalem, 1913–1914.
- Токмаков И. Ф. Краткий историко-статистический очерк Троицкого-Зеленецкого мужского монастыря. — М., 1904.
- Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. — СПб., 1879.
- Чельцов Михаил, прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. — М., 1994. — Вып. 17.

Чудиновских Н., Жаравин В. Сестры: Очерки о судьбах наследниц Вятского Преображенского девичьего монастыря в первой половине XX века по материалам ГОУ «Государственный архив социально-политической истории Кировской области». — Киров: О-Краткое, 2009.

Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. — М., 1991.

Периодические издания

Вятский Епархиальный Вестник. — 1997–1999.

Известия по Санкт-Петербургской епархии. — 1913. — № 19.

Православный собеседник. — Казань, 1900–1903.

Саратовские епархиальные ведомости. — 1869. — № 1.

Саратовские епархиальные ведомости. — 1904. — № 6; 7; 8; 13.

Церковные Ведомости. — 1909. — № 4, 43,

Церковные Ведомости. — 1910. — № 48.

Церковные Ведомости. — 1918. — № 3–4.

Церковный Вестник. — 1885. — № 4.

Церковный Вестник. — 1908. — № 30.

Церковный Вестник. — 1914. — № 19.

Церковь. — 1912. — № 16.

Список сокращений

- Адмотдел — административный отдел
АССР — Автономная советская социалистическая республика
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВМН — высшая мера наказания
ВЦС — Высший Церковный Совет
ВЦУ — Высшее Церковное Управление
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА — Государственный архив
ГАСПИ КО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГПУ — Государственное политическое управление
Губисполком — губернский исполнительный комитет
ГУЛАГ — Государственное управление лагерей
к/р; к.-р. — контрреволюционный
ИПЦ — Истинно-Православная Церковь
ЛО — Ленинградская область
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
Облисполком — областной исполнительный комитет

- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- прот. — протоиерей
- ПКК — Политический Красный Крест помощи политическим заключенным
- Политбюро — Политическое бюро
- Помполит — помощь политзаключенным
- преп.— преподобный
- ПСТБИ — Православный Свято-Тихоновский институт
- РПЦЗ — Русская Православная Церковь за границей
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ — Российская Федерация
- св. — святой
- Севкрай — Северный край
- Сиблаг — Сибирский лагерь
- Сов власть — советская власть
- СО — секретный отдел
- СПб. — Санкт-Петербург
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности
- ФСБ — Федеральная служба безопасности
- ЦА — Центральный архив
- ЦГА — Центральный государственный архив
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
- ЦИК — Центральный исполнительный комитет

Именной указатель

- Авель, монах *281, 282*
Авраамий (Дернов), епископ *138, 140, 209, 372*
Агафангел (Преображенский), митрополит *128, 131, 195, 219, 303, 356*
Агафья *297*
Александра (Лопатина Александра Гавриловна), ино-
киня *280–284, 289, 292, 295–297, 433*
Алексий (Кузнецов), архиепископ *152–154, 156, 157, 160–163, 166, 186*
Алексий (Молчанов), епископ *37*
Алексий (Симанский), архиепископ *174*
Амбарцумов Владимир Амбарцумович, иерей *214*
Ангелина (Лыткина Татьяна Антоновна), монахиня
280, 281, 291, 295, 297, 433
Андреев Феодор, протоиерей *201, 202, 254*
Андреевский (Андреев) И. М. *269–278*
Андреевский Диомид Андреевич, протоиерей *231, 232*
Антоний (Быстров), епископ *284*
Антоний (Храповицкий), архимандрит, епископ, ар-
хиепископ, митрополит *19, 23–32, 38, 39, 77–79,
86, 105–109, 119, 245, 366*

- Антонин (Грановский), епископ *125, 218, 305*
Антонин (Капустин), архимандрит *62, 70–73, 86–89, 455, 493*
Антоний (Вадковский), митрополит *78, 98, 367*
Антоний (Панкеев), архиепископ *276*
Антонов В. В. *270, 437*
Аплонов Сергей *194*
Аполлос (Ржаницын), епископ *284*
Аркадий (Григорьев), иеромонах, игумен *210, 338*
Аркадьев И., диакон *103*
Арсений (Брянцев), архиепископ *22, 23, 31*
Арсений (Стадницкий), архиепископ *96, 356*
Артемий (Ильинский), епископ *166*
Афанасий Великий, св. *255*
Афанасий (Сахаров), епископ *171, 304, 439*
- Бакшаев П. П. *229*
Богданов, иерей *284, 286, 376, 377*
Брускин А. *43, 49, 77, 97, 360, 439*
Бунин И. А. *60, 61*
Быстряков Петр, иерей *103*
- Вавилов Александр, диакон *14, 47, 365*
Варсонофий (Никитин), архимандрит *223*
Васенев Лукиан Георгиевич, иерей *230, 231*
Василий Великий, св. *255*
Василий (Докторов), епископ *5, 114*
Владимир (Богоявленский), митрополит *78*
Вениамин (Казанский), митрополит *5, 6, 111–114, 116, 174*
Верещагин И. П. *284*
Верюжский Василий, протоиерей *218*

- Виктор 297
Винавер М. Л. 258
Войков П. Л. (Вайнер) 174, 177, 178
Волков А. К. 32
Волков О. В. 262–264, 266–269, 276, 437
- Галицкий Михаил Алексеевич 229
Галицкий Петр Степанович, иерей 223
Галкин М. В. 112
Галковский Г. В. 284
Гермоген (Долганов), епископ 15, 40, 42–54, 58, 59, 77, 97, 360, 439
Глушков Михаил Валентинович, иерей 193, 194
Грехем С. 63–65, 440
Грудинкин Г. 104
Гусев А. Ф. 32
Гоголь Н. В. 21
Горький М. 33, 52–54
Губонин М. И. 305, 306, 437
- Дамиан, Патриарх 95, 425
Дамаскин (Цедрик), епископ 300, 301
Дамаскин (Орловский), игумен 8, 120, 257, 285, 290–294, 297, 440
Димитрий (Любимов), архиепископ 5, 171, 183, 203, 217, 237, 254, 440
Добронравов Викторин, протоиерей 218
Дубровин Владимир, иерей 43, 44
Дуркина Р. П. 293, 294
- Евсевий (Рождественский), епископ 119
Евлогий (Георгиевский), митрополит 212

- Елсуков 286, 287, 377, 377
Ельчугин Александр Венифиатьевич, иерей 132, 208, 232
- Жаравин В. 133, 441
Жилин Николай Александрович, иерей 194, 195
- Зеньковский С. А. 41, 438
Зорин П. А. 265
- Иван Грозный 252, 256, 353
Иларион (Бельский), епископ 5, 114, 273, 274, 295
Иларион (Троицкий) архиепископ 267, 276, 277
Иннокентий (Тихонов), епископ 202, 254
Иоанн Златоуст, св. 255, 315, 356
Иоанн Креститель, св. 252, 256, 353
Иоанн (Снычев), митрополит 183, 188, 212, 276, 277, 298, 438
Иоасаф (Жевахов), епископ 277
Иоасаф (Рагозин), обнов. епископ 141
Иосиф (Петровых), митрополит 6, 216, 247–249, 270, 300, 356
Иосиф (Харин) 113, 116, 117
Ирод 252, 256, 353
- Каллистов П. Н. 234
Киприан (Керн), архимандрит 62, 68–73, 87–89, 447
Кирилл (Наумов), епископ 69, 70, 402, 418
Кирилл (Смирнов), митрополит 171, 172, 300, 301, 306, 307, 340
Коблов Я. Д. 27
Коверский К. П. 217
Кожевников И. Е. 117, 118, 151, 152, 439

- Корнилий, митрополит *101, 367*
Косик О. В. *171, 214, 219, 171, 214, 219, 300, 438, 439*
Кречетович, священник *54*
Крутогорский *129*
Кулагин, иерей *284, 286, 376*
Кульпин Василий Александрович, иерей *281*
Курбановский Николай, иерей *219, 222*
Курилка *260, 261*
- Лебедев А. К. *33*
Левицкий Сергий *193, 194*
Ленин В. (Ульянов) *121*
Леонид (Сенцов), архимандрит *75, 96*
Лесевич, генерал *52*
Либер (Снычев-Сорокин) Петр, иерей *140*
Лихачев Д. С. *263, 270, 271, 275, 438*
Люперсольский Николай, протоиерей *163–166*
Лютин Николай, иерей *229*
- Мазырин Александр, иерей *174, 176, 183, 201, 214, 219, 301, 304, 321, 438–440*
Макарий (Кармазин), епископ *307*
Максим (Жижиленко), епископ *169, 245, 272–276*
Мануил (Лемешевский), митрополит *212*
Мамаев Иоанн, протоиерей *223*
Мансуров Б. П. *71*
Мария Александровна, императрица *71*
Мария (Томилова), монахиня *133, 134, 208, 372*
Маркс К. *35*
Мартирий, преп. *100–103, 367*
Матфей (Храмцов), епископ *175*
Мельхиседек (Паевский), епископ *175*

- Милашевский Г. А. 17, 439
Митроцкий Михаил, протоиерей 266, 267
Митрофания, игуменья 227
Михей (Алексеев), епископ 98
Моргунова А. В. 284
Мраморнов А. И. 15, 44, 51, 439
Мышкин Николай Михайлович, протоиерей 223, 225
- Нектарий (Трезвинский), епископ 224, 234, 237, 238,
244, 246, 248, 272, 273–275
Неофит (Осипов), архимандрит 306
Несмелов В. И. 31–34, 388
Нечаев, иерей 284–287, 376
Никандр (Феноменов), епископ 104, 119
Никольский В. А. 32
Никольский Александр, протоиерей 295
Никольский, иерей 284–286, 376, 377
Никон (Рклицкий), архиепископ 27, 31, 439
Никонов Иван Владимирович, протоиерей 235
Никонов-Смородин М. З. 260, 264
Никулин Григорий Дмитриевич, иерей 299, 300
Ницше Ф. 35, 56
Новоселов М. А. 218, 219, 232, 438
Нумеров Н. В. 119
Нуромская М. Н. 284, 285
- Образцов Петр Александрович, протоиерей 222
Олсуфьев А. Д. 52
Онисим (Пылаев), епископ 159, 160, 186, 336, 338
Осогрин Г. 263
Островидов Александр Александрович 13, 47
Островидов Александр Алексеевич 11–14, 46, 365

- Островидов Венедикт Александрович *13, 47, 367*
Островидов Николай Александрович, священник *14, 47*
Островидов Сергей Александрович *13, 47*
Островидова Анна Ивановна *12, 14, 47, 146*
Островидова Лидия Александровна *13, 47*
Островидова (Вавилова) Мария Александровна *13, 47*
- Павел, апостол *118, 313, 323*
Павел (Борисовский), архиепископ *120, 123, 128–132, 139–147, 166, 168, 173, 196–203, 311, 317, 334, 353*
Павлин (Крошечкин), епископ *227, 281*
Паскаль *33, 34*
Петр (Полянский), митрополит, Патриарший Местоблюститель *143, 164, 169, 192, 199, 233, 267, 300, 302, 306, 308, 340, 341, 346, 348, 359*
Петухов П. К. *141, 142*
Перебаскин Василий, иерей *124, 132, 136, 137, 146, 312*
Пешкова Е. П. *289, 290, 374*
Пискановский Николай, протоиерей *272–275, 300, 301, 307*
Платон (Щербинин), иеромонах *226*
Поварова Е. И. *284*
Полозов С. П. *42*
Польский Михаил, протопресвитер *7, 169, 180, 189, 192, 193, 273, 275, 329, 333, 439*
Поляк Г. *53*
Поляков А. Г. *117, 118, 123, 130, 151, 166, 191, 196, 205–207, 220, 439*
Поляков Филофей, иерей *218*
Попов А. А., протоиерей *123, 131, 312*
Попов Владимир Иванович, иерей *226, 227, 234*
Попов Иоанн, протоиерей *220, 221, 225, 239, 333, 344, 345*

- Попцов Василий Васильевич, иерей 235
Попыванов Григорий Захарович, иерей 136, 193, 194
Порфирий (Успенский), архимандрит 68, 69, 402
Потехин А. Н. 32
Прозоров Николай, иерей 241
- Распутин Г. 187
- Рождественский Михаил Васильевич, иерей 218, 295
- Розанов М. 259–261, 265, 440
- Розенберг Ф. 270
- Рооп, барон 52
- Ростов А. 278, 440
- Савченко Н. 303, 438
- Сахаров М. С. 6
- Свенцицкий Валентин Павлович, протоиерей 212, 215
- Седерхольм Б. Л. 259
- Семенова Л. П. 295
- Семибратов Владимир 133, 368, 439
- Серафим, монах 281, 282
- Серафим (Александров), митрополит 174
- Серафим (Самойлович), архиепископ 157, 299, 300–308, 359, 433, 438
- Сергей Александрович, великий князь 74
- Сергий (Дружинин), епископ 5, 114, 215, 216, 237, 435
- Сергий (Зенкевич), епископ 174
- Сергий (Страгородский), архиепископ, митрополит 105–109, 143, 148, 151–160, 165, 166, 169, 170, 172–193, 195, 198–202, 204–207, 209–222, 225, 226, 229, 232, 237, 239–243, 250–253, 270–272, 276–278, 289, 298, 302–307, 320, 322–330, 335–338, 340–342, 345–348, 353–358, 375
- Сергий (Корнеев), епископ 136

- Сидоренко Л. И. 284
Симеон (Михайлов), епископ 144, 155, 156
Симеон (Холмогоров), архимандрит 304
Скипетров Петр, протоиерей 114
Смолич И. К. 42, 440
Солженицын А. И. 259, 440
Соловьев В. С. 35
София (Розанова), игуменья 438
Социн Леллий 108
Социн Фауст 108
Стефан (Бех), епископ 149, 153, 217, 218
Столыпин П. А. 52
Сухомлинов В. А. 79
Сычев А. А. 284
Сычев Филипп Александрович, иерей 227
- Тепляшин Петр, иерей 222
Тимофеев-Ресовский Н. В. 259
Тихвинский Николай, иерей 131, 135
Тихон (Белавин), Патриарх Московский и всея России 113, 116, 119, 121–125, 136, 138, 140, 148, 162, 163, 164, 168, 233, 244, 283, 303, 306, 311, 314
Тихоницкий Вениамин, протоиерей 131, 195
Толстой Л. Н. 32, 33, 35, 55, 57
Тонков Николай, протоиерей 155, 156
Тучков Е. А. 157, 169, 171–173, 184, 437
- Утробин, иерей 129
- Фаворский Николай, иерей 136
Феврония (Юферева), игуменья 136, 137
Феодор Студит, св. 255, 343, 356

- Феодор (Поздеевский), архиепископ *304*
Феофан (Говоров), епископ *68*
Феофания (Сметанина Ольга), монахиня *22*
Феофилактов *32*
Филипп (Гумилевский), архиепископ *174*
Филипп (Колычев), митрополит, св. *252, 256, 267, 453*
Флавиан (Городецкий), митрополит *78*
Фогт *35*
Фокин Иван Иванович, протоиерей *229–231, 234, 235, 280–282*
- Хитрово В. Н. *62, 66, 440*
- Цветкова Е. А. *284*
- Чельцов Михаил, протоиерей *167, 183, 184, 440*
Чемоданов А. *32*
Чемоданов Григорий, иерей *141, 142*
Чернявский *264*
Четвериков Сергий, протоиерей *32*
Чудиновских А. Ф. *368*
Чудиновских Е. Н. *8, 133, 225, 441*
- Шишкин *154, 155*
Широких Александр Терентьевич, иерей *194*
Ширяев Б. Н. *266, 441*
- Эйхманс *266*
Эмилия (Баранова), игуменья *195*
- Юстиниан, император *84*
Юферев Леонид Михайлович, иерей *194, 196*

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Жизнеописание святителя Виктора.....	9
Начало.....	11
В Казанской духовной академии. 1899–1903.....	17
Ректор Антоний (Храповицкий).....	23
Философские занятия в академии	31
Окончание академии	37
В Саратовской епархии. 1903–1904.....	40
На Святой Земле	60
В Санкт-Петербургской епархии.....	98
В Вятской епархии и Сибирской ссылке. 1920–1926 ...	116
В Глазове. 1926–1928.....	148
1. Споры и раздоры из-за Ижевской епархии	148
2. Полуобновленчество.....	162
3. Легализация и декларация. 1927 год	170
4. Протест против декларации в Вятской епархии ...	180
5. Развитие событий в Вятке	193
6. Отделение от митрополита Сергия	204
7. Начало викторианского движения	220
8. Благочиние 5-го Яранского округа и «викторонектарьевская организация церковников»	229

9. «Ответы епископа Виктора на 15 вопросов ОГПУ»	238
10. Послание духовенству. Арест и заключение	250
В концлагере и ссылке. Последние годы. 1928–1934....	258
Послесловие.....	298
Часть II. Труды и письма святителя Виктора	309
Архипастырские документы епископа Виктора	311
Письма святителя Виктора (Островидова)	360
 Приложение 1.	
«Заметка о человеке»	379
Иерусалимская Миссия	397
 Приложение 2.	
1. Письмо архиепископа Димитрия (Любимова)	429
2. Письмо архиепископа Серафима (Самойловича)	432
Библиография.....	435
Список сокращений	442
Именной указатель.....	444